

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

№ 3 (54) 2017

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: РИНЦ, Google scholar,
список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Главный редактор

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Нарышкин С.Е. – Директор Службы внешней разведки Российской Федерации.

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – заместитель председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Редколлегия

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета», доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Меден Н.К. – редактор отдела научных изданий МГИМО МИД России.

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work at MGIMO-University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University,

Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Naryshkin S.E. – Director of Foreign Intelligence Service (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Priklad'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Myagkov M.U. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Meden N.K. – editor of MGIMO-University.

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 25,85 усл. п.л. Заказ № 808.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

К вопросу о Великой русской революции

- 7 Торкунов А.В. – Изучая Великую русскую революцию
- 16 Тимофеев А.Ю. – Февральская революция 1917 г. и Сербия
- 41 Кондратьева Т.С. – Фёдор Раскольников: трагедия революционера и трагичность идеи
- 72 Чернявский С.И. – Взаимодействие МИД России с Государственной думой в годы Первой мировой войны

История международных отношений

- 91 Борисов А.Ю. – Мюнхенский сговор: закулисная история
- 123 Филитов А.М. – СССР и «Новая восточная политика» ФРГ

Глобальная безопасность

- 141 Урсул А.Д. – Безопасность и развитие: междисциплинарный подход и глобальное измерение
- 161 Бубнова Н.И. – Российско-американские отношения в сфере контроля над вооружениями: выйти из клинча
- 179 Трунов Ф.О. – Двусоставная модель развития вооружённых сил ФРГ
- 201 Hyunjung Kim – Social Economic Change as a Precondition of Ethnic Conflicts: The Cases of Osh Conflicts in 1990 and 2010

«Мягкая сила» и публичная дипломатия

- 212 Лебедева М.М. – «Мягкая сила»: понятие и подходы
- 224 Боришполец К.П. – Ресурсы публичной дипломатии союзного государства России и Беларуси
- 238 Лошкарёв И.Д. – Ресурсы влияния польской диаспоры в США на американскую внешнюю политику
- 249 Заранкин И.А. – Роль «больших школ» и «больших корпусов» как каналов рекрутирования французских министров

Культурный капитал и региональная политика

- 268 Ивашковский С.Н. – Экономика как феномен культуры: теоретико-методологический анализ
- 291 Серединская К.С. – Механизмы повышения экономической активности регионов Испании как возможность модернизации региональной политики России

РЕЦЕНЗИИ

- 310 Райнхардт Р.О. – Иностранные инвестиции и дипломатия

Table of Contents 3 • 2017

RESEARCH ARTICLES

On The Great Russian Revolution

- 7 Torkunov A.V. – Studying the Great Russian Revolution

- 16 Timofeev A.Yu. – The February Revolution of 1917 and Serbia

- 41 Kondratieva T.C. – Fedor Raskolnikov: The Tragedy of the Revolutionary and the Tragedy of the Idea

- 72 Chernyavskiy S.I. – Russia Foreign Ministry and the State Duma During The First World War

History of International Relations

- 91 Borisov A.Y. – Munich Crisis: Behind – the Scene History

- 123 Filitov A.M. – The USSR and FRG's "New Ostpolitik"

Global Security

- 141 Ursul A.D. – Security and Development: Interdisciplinary Approach and Global Dimension

- 161 Bubnova N.I. – U.S. – Russia Relations and Arms Control: Breaking the Clinch

- 179 Trunov Ph. O. – The Dual Model of the Development of German Armed Forces

- 201 Hyunjung Kim – Social Economic Change as a Precondition of Ethnic Conflicts: The Cases of Osh Conflicts in 1990 and 2010

History of International Relations

- 212 Lebedeva M.M. – Soft Power: The Concept and Approaches

- 224 Borishpolets K.P. – The Public Diplomacy Resources of The Union State of Russia and Belarus

- 238 Loshkariov I.D. – American Polonia's Resources of Influence and US Foreign Policy

- 249 Zarankin I.A. – The Role of the «Grand Schools» and the «Grand Corps» as Recruitment Channels for French Ministers

History of International Relations

- 268 Ivaskovsky S.N. – Economy as a Phenomenon of Culture: Theoretical and Methodological Analysis

- 291 Seredinskaya K.S. – The Stimulating Mechanisms of Regional Economic Activity In Spain: Lessons for Russia

BOOK REVIEWS

- 310 Raynkhardt R.O. – Foreign Investment and Diplomacy

ИЗУЧАЯ ВЕЛИКУЮ РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ¹

А.В. Торкунов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье раскрывается необходимость пересмотра устоявшихся подходов к политическим и социально-экономическим событиям и процессам в России в 1917–1918 гг. Автор проводит анализ понятия «Великая русская революция», опираясь на историко-культурный стандарт, который разработан для применения в образовательном процессе. Данное понятие востребовано не только для того, чтобы сформировать у студентов системное и многогранное понимание революционной эпохи, но и по соображениям научного характера. Комплексный и деидеологизированный взгляд на события прошлого неизбежно влечёт за собой пересмотр концептуальных оснований исторических исследований: такой выверенный пересмотр в буквальном смысле «созрел» по отношению к событиям эпохи революций и гражданской войны в России.

Автор обращает внимание на следующие аспекты рассматриваемого понятия. Во-первых, любая концептуализация и операционализация должна опираться на исторический контекст, в том числе, на исторический опыт революций в других странах. В этом смысле революцию (в том числе, Великую русскую революцию) можно представить как переход общества к современному этапу развития (обществу Модерна). Во-вторых, революционные события необходимо рассматривать с точки зрения эволюции основных социальных страт, пространственных и социально-экономических факторов распределения и перегруппировки ключевых социальных групп (крестьянство, элита, национальные и этнические общности). В-третьих, важно не забывать о личностном факторе революционных событий, о влиянии отдельных персоналий на эскалацию или, наоборот, снижение социально-политической напряжённости. В-четвёртых, революция подразумевает использование различных форм политического насилия. Соответственно, каждая революция характеризуется уникальным соотношением форм и интенсивности политического насилия. Наконец, в-пятых, любое историческое событие необходимо оценивать с нормативной точки зрения. Это подразумевает дискуссию о результатах и последствиях революции.

Выработанная аналитическая рамка позволяет объективно характеризовать события «революционной эпохи» в России и развеять ряд существующих мифов. Это принесёт несомненную пользу общественной дискуссии о прошлом нашей страны.

Ключевые слова: революция, Великая русская революция, концепт, революционная эпоха.

УДК 93/94

Поступила в редакцию 05.05.2017 г.

Принята к публикации 21.05.2017 г.

¹ Статья представляет собой дополненный и переработанный текст доклада «Революция и мир: уроки истории», который был представлен Совету Федераций Федерального Собрания Российской Федерации на пленарном заседании в рамках «времени эксперта» (Москва, 12 апреля 2017 г.).

Для России революционные события вековой давности – существенная и неотъемлемая часть национальной истории, на десятилетия определившая экономическое, научное и культурное развитие нашего государства. Много десятилетий в общественном и научном сознании имело место разделение событий 1917–1921 гг. на буржуазно-демократическую Февральскую революцию, период двоевластия, Октябрьскую революцию и Гражданскую войну. В общественном сознании до сих пор широко распространён тезис, а точнее политическая догма 1930-х гг. о двух принципиально разных революциях: «ущербной» буржуазной в феврале и «настоящей» социалистической в октябре 1917 г.

Новая концепция этого процесса как Великой русской революции акцентирует внимание на том, что события февраля и октября 1917 г., падение монархии и установление республики, Корниловский мятеж, выборы в Учредительное собрание, установление советской власти и кровопролитная Гражданская война – всё это были этапы единого революционного процесса, в силу разных причин достигшего крайней радикализации.

Понятие «Великая русская революция», не так давно введённое в оборот, носит естественно-исторический характер, а не является «игрой в слова». Такое определение позволяет точнее позиционировать российскую революцию в ряду революций нового и новейшего времени. Ко времени её свершения в Европе уже около четырёх веков развивался процесс масштабной исторической модернизации – трансформации традиционного аграрно-ремесленного общества, характерного для Средневековья, в индустриальное общество Нового времени, т.е. осуществлялось постепенно движение Европы (прежде всего Западной) к так называемой Современности (modernity). Этот переход и выдвинул Европу в авангард исторического развития.

Важнейшими вехами, обозначившими этапы этого движения, были «классические» революции Нового времени (нидерландская, английская, революция американских колоний, французская). Определённую роль сыграла и Реформация (500 лет с её начала мы будем отмечать в октябре этого года). Основные позиции проекта Современности были сформулированы Просвещением. Центральной стала идея прогресса, который может быть осуществлён с помощью рационалистического моделирования общественного, политического, экономического, цивилизационного и культурного развития. В качестве важнейших составляющих проекта Современности назывались индустриальное производство, правовое государство, гражданское общество, рациональная свободная личность, права человека, определённая система ценностей. Вместе с тем указывалось и на возможность рационально предусмотренной насильственной ориентации движения общества по пути прогресса, формирования рационалистически обоснованных общественных моделей и их революционного воплощения. Собственно, таким образом осуществлялась Великая французская революция, чьи идеологи и вожди стремились обуздать революционную энергию масс, направить её в русло «заданного проекта». Напомню, что французская революция

включала в себя разные фазы от конституционной монархии до директории, с выделением периодов, когда у власти находились жирондисты, якобинцы, термидорианцы – 10 лет, от 1789 до 1799 г.

Российская революция своеобразно продолжила эту линию. Это было характерно и для её начала – Февральской революции, в ходе которой попытка обращения России на путь либеральной демократии завершилась неудачей. И позже, когда В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и их соратники сумели, опираясь на российские реалии, направить готовый к бунту народ в прокрустово ложе марксистской парадигмы общественного развития в большевистской трактовке.

О сущности российского революционного процесса, его своеобразии и причинах написаны тысячи исследований. Упоминаются и тяжёлое экономическое положение в России, и вызванные войной повсеместное обнищание, разрушение для сотен тысяч крестьян (а крестьяне составляли подавляющее большинство населения) привычного для них уклада, неспособность города ассимилировать тысячи покинувших деревню крестьян, нарастание социальной активности и мобильности населения и общей дезорганизации в обстановке мировой войны, и конечно, драматическое положение на фронте.

Россия оказалась на пороге исторического саморазрушения, которое, несмотря на вышеуказанные обстоятельства, казалось, не имело достаточно веских оснований. Ещё совсем недавно в России успешно шла модернизация, развивалась экономика. И хотя положение на фронте было тяжёлым, в семнадцатом году уже брезжила перспектива успешного для страны и её союзников завершения войны.

Тем не менее, крепость монархической власти оказалась иллюзией, большинство народа быстро и безжалостно отвернулось от неё. Анализируя мировой кризис тех лет и роль в нём России, У. Черчилль писал: «Ни к одной из наций судьба не была так неблагоприятна, как к России. Её корабль пошёл ко дну, уже видя перед собой порт. Она вынесла шторм, когда на чашу весов было брошено всё. Все жертвы были принесены, все усилия предприняты... С победой в руках она рухнула на землю, съеденная заживо, как Ирод давних времён, червями» [7, с. 227]. Конечно, оценка Черчиллем потенциала России к самовосстановлению субъективна, но ситуация 1917 г. виделась ему, да и многим другим именно так.

Революционный февраль не был, как иногда утверждается, «побочным продуктом» Первой мировой войны. Война стала катализатором трансформации социально-экономической и политической системы России и привела её к разрушению. Ход событий в феврале–октябре 1917 г. определил многие глубинные социально-экономические факторы, характерные для развития страны и второй половины XIX в. В стране всё ещё отсутствовал сколько-нибудь мощный и многочисленный слой собственников в городе. Не было единения и между господствующими классами – дворянством и буржуазией: дворянство уже теряло своё экономическое господство, а буржуазия не получила его ни в экономическом, ни тем более в политическом плане. Речь, прежде всего, о нацио-

нальной буржуазии. Надо сказать, цифры это подтверждают: в собственности иностранных предпринимателей находились 90% шахт; на 50% иностранному капиталу принадлежали предприятия химической промышленности, на 40% – металлургические предприятия, на 30% – текстильные. При этом по объёму промышленного производства Россия в 1913 г. занимала пятое место в мире, уступая лишь США, Германии, Англии и Франции, а индустриализация была ещё далека от завершения: в структуре национального дохода доля промышленности и строительства составляли чуть более 29%, тогда как доля сельского хозяйства – около 56%.

И наконец, самое главное: в деревне ещё не произошло глубокого расслоения крестьянства, там только-только начал складываться слой «крепких хозяев» – сельской буржуазии. Ситуация, конечно же, усугублялась наличием на необъятной территории громадных и беспокойных «национальных окраин».

Нельзя не отметить и фактор, который также сыграл важнейшую роль в истории российской революции – глубокий раскол в элитах, который усугублялся кризисом доверия к верховной власти и монархии как таковой. Ярким и резонансным проявлением этого кризиса стала речь лидера кадетской партии П.Н. Милюкова в ноябре 1916 г. в Госдуме, который прямо не исключил возможности государственной измены со стороны ближайшего окружения императора. Доверия к власти не добавляла и правительственная «чехарда». Мрачной тенью ложилась на императорскую власть распутинщина. Значительно ослаб авторитет православной церкви, всегда игравшей в истории России центральную роль. Внимательный внешний наблюдатель, французский посол Морис Палеолог уже в конце 1916 г. характеризовал ситуацию в России как преддверие хаоса. Он констатировал неспособность властей и их противников к компромиссам, утверждая, что в сложившейся ситуации можно понять «посох Ивана Грозного» и «дубинку Петра Великого». В этом свете точной и глубокой видится мысль А. Солженицына о том, что «революция – это хаос с невидимым стержем. Она может победить и никем не управляемая» [4, с. 13].

Самодержавие рухнуло фактически в одночасье, как будто не было столетий «богоизбранной власти», когда страной безраздельно правил «помазанник божий». Рухнуло полностью и бесповоротно, несмотря на казалось бы давно обсуждавшийся различными политическими силами «промежуточный» вариант конституционной монархии (некоторые её элементы уже присутствовали в политической системе). Оказалось, что к 1917 г. не было ни военной, ни социальной силы, к которой монархическая власть могла бы обратиться за дееспособной поддержкой. По существу, против «уличной революции» – против насилия не выступил никто, кроме жандармов, на которых и обрушился гнев толпы в феврале 1917 г.

Кстати, мы часто забываем о том обстоятельстве, что в Петрограде находилось 160 тыс. солдат, подготовленных к отправке на фронт, но, по сути, брошенных из-за нехватки офицеров. Не говоря уже о тысячах скопившихся в столице дезертиров.

К тому же 1917 г. был очередным этапом реализации земельной реформы, и массовое дезертирство в значительной степени было обусловлено тем, что люди хотели попасть на свою землю и участвовать в переделе земли.

Зато в достатке были силы политические, которые хотели бы «спрямить» революцию. Эти силы, раздробленные на враждующие группировки, были настроены решительно и руководствовались утопическими идеями радикальных преобразований. Их не устроило и то что, уже первое Временное правительство под председательством князя Г.Е. Львова приняло важнейшие решения, о которых, казалось бы, давно мечтали революционные и либерально настроенные слои российского общества: объявление полной политической амнистии, отмена сословий, религиозных и национальных ограничений, провозглашение всеобщих выборов, выборы в органы местного самоуправления, равноправие женщин, полная отмена цензуры (и это в военное-то время). Однако либерально-демократические ценности не смогли реализоваться в политических институтах и гарантировать стабильность. Слишком велика была поляризация общества. В революционный процесс стремительно вовлекались массы рабочих и солдат, а также крестьян, возвращавшихся с фронта по домам. Признавая свой провал, П.Н. Милюков вынужден был заявить: «История проклянёт вождей наших, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю... Спасение России в возвращении к монархии, знаем, что все события последних месяцев ясно показали, что народ не способен был воспринять свободу...» [1, с. 205].

Политическим неудачником оказался глава Временного правительства эсер А.Ф. Керенский. К июню 1917 г. стала очевидной полная неспособность Временного правительства создать хотя бы видимость социального порядка. Двоевластие Временное правительство – Петросовет было своеобразной попыткой установления некоей квазигосударственности, впрочем, очень скоро также обнаружившей свою несостоятельность. После Корниловского мятежа стало очевидно, что «старый порядок» полностью разрушен и делегитимизирован. В стране господствовали хаос и «насилие толп». В разных слоях общества нарастало желание порядка. В.И. Вернадский, выдающийся российский учёный и член ЦК партии кадетов, в своём дневнике с горечью писал: «В столице распространялось настроение, которое называли “тоска по городовому”. Когда в спектакле “Живой труп” в Александрийском театре на сцену выходил актёр в полицейской форме, в зале стихийно начиналась овация, которой не видел и Шалапин ... Невозможное становится возможным, и развёртывается небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление. И в нём чувствуешь себя бессильной былинкой» [6, с. 288].

В середине сентября 1917 г. В.И. Ленин выступил за свержение Временного правительства. В известном письме ЦК РСДРП(б) он призвал «на очередь дня поставить вооружённое восстание в Питере и Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства». Вечером 25 октября (7 ноября) в результате вооружённого восстания власть оказалась в руках большевиков. Вскоре после

разгона Учредительного собрания (февраль 1918 г.) Россия вступила в один из самых трагических этапов своего развития – Гражданскую войну. Анархия, произвол и насилие стали нормой жизни.

Насилие – неотъемлемая часть любой революции. Ещё просветители, вдохновившие своими идеями Великую французскую революцию, были поражены, к каким кровавым злодеяниям привело революционное выступление масс. Насилие – движущая сила разрушительного хаоса, охватывающего все стороны народного бытия. И если в периоды упорядоченного состояния общества право на насилие отчуждается государству, то в периоды революционных возмущений срывается «стоп-кран» с запретов, гарантировавших ранее более или менее стабильное существование общества, разрушается мораль, утрачивается ценность человеческой жизни. На поверхность из глубин общественного и индивидуального подсознательного вырываются самые тёмные инстинкты, неконтролируемое насилие становится формой разрядки накопившейся энергии всеобщего отрицания.

Три года мировой войны, предшествовавшие революции, привели к тому, что в народной массе утвердилось страшное чувство: гарантией собственной жизни является смерть врага. Революция, а затем гражданская война стали кровавым продолжением мировой войны. На пространстве огромной России все воевали против всех. И в этом всеобщем противостоянии действовала расчеловеченная логика революции, оправдывавшая множество кровавых жертв во имя торжества революционных идей. Среди упивавшегося вседозволенностью люмпенизированного населения распространёнными реалиями повседневной жизни стали убийство, насилие, грабёж. «Красный террор» был беспощаден, но не менее беспощадным был и противостоявший ему «белый террор». В условиях того и другого человеческая жизнь представлялась тем, чем можно с лёгкостью пренебречь.

Революция и гражданская война привели к разительному сокращению населения страны. Невосполнимые потери по приблизительным подсчётам составили 16–18 млн человек [3; 5, с. 203]. Страшными последствиями стали дегуманизация общественного сознания, утрата устойчивых моральных ценностей и ориентиров.

В результате гражданской войны власть большевиков, подавив сопротивление имущих классов, фактически ликвидировала частную собственность и, сконцентрировав материальные и институциональные ресурсы, стала «абсолютной силой».

После завершения гражданской войны Всесоюзный съезд советов одобрил Договор об образовании СССР (30 декабря 1922 г.). Государственное строительство, осуществлявшееся большевиками, означало кардинальную смену социальной, политической и экономической систем. По существу, советской власти удалось «собрать» распавшуюся империю, даже в чём-то продолжить её государственную традицию и мобилизационными методами осуществить модернизацию, не удавшуюся имперской России.

Государство выступило организатором и всепроникающей силой. Сплотив входившие в него народы, мобилизовав все силы, это государство при поддержке союзников одержало великую победу над фашизмом. На его счету немало и иных побед. Достаточно сказать, что советский гражданин Юрий Гагарин стал первым посланником человечества в космос. Очевидно и другое: строительство «нового мира» осуществлялось с применением насильственных методов, носило мобилизационный характер, приобретало тоталитаристский характер и повлекло за собой миллионы человеческих трагедий. Об этом писал в своём дневнике А.Т. Твардовский: «Строй, научно предвиденный, предсказанный, оплаченный многими годами борьбы, бесчисленными жертвами, в первые же десятилетия обернулся невиданной в истории автократией и бюрократией, деспотией и беззаконием, самоистреблением, неслыханной жестокостью, отчаянными просчётами в практической, хозяйственной жизни... огрублением нравов, навыками лжи, лицемерия, ханжества, самохвальства» [2, с. 148–149].

Говоря о жестокой противоречивости «советской модернизации», важно отметить, что российская революция коренным образом повлияла на социальную и политическую практику большинства стран мира. Строительство нового мира, в котором декларировалось особое уважение к людям труда, необходимость защиты их социальных интересов, вынудили капиталистические страны обратить внимание на улучшение положения рабочих и различных категорий населения, развитие социального обеспечения, расширение горизонта гражданских прав и в перспективе – обратиться к социальной ориентированности государства. Революцией был дан мощный импульс к развитию национально-освободительного движения в колониальных странах, пробуждению национального самосознания.

В современном общественном историческом сознании функционирует много мифов о революции, гражданской войне, о советском прошлом. Известно, что мифы, в том числе политические, являются естественными элементами исторической памяти. Однако часто акцент делается на мифах, разделяющих наше общество. По-прежнему непримиримы «сторонники» красных, белых и других сил, действовавших в революции и гражданской войне. Очень важно помнить, что в событиях 1917–1921 гг. участвовали разные движения, а зачастую эти движения вообще нельзя охарактеризовать в понятиях «революционности».

Современное российское общество нелегко примиряется со своей историей. Оно либо предпочитает видеть в ней череду побед и свершений, либо самоуничтожительно акцентирует её темные стороны, бывает, и совсем представляя свою страну как бы выпавшей из «прогрессивно направленного» исторического времени. Пришло время вступить в диалог со своей историей и извлекать из неё уроки. Важно иметь мужество знать о своём прошлом правду и делать из этого знания выводы, которые бы способствовали движению нашего общества по пути стабильного развития.

Список литературы

1. Буддаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
2. Млечин Л.М. Хрущёв. СПб.: Пальмира, 2016. 512 с.
3. Поляков Ю.А. Гражданская война: последствия внутренние и внешние // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 7–19.
4. Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией. Черты двух революций. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. 112 с.
5. Степанов А.И. Психогенетические и этнокультурные последствия массового террора 1917–1922 гг. // Революция и человек: социально-психологический аспект / отв. ред. П.В. Волобуев. М.: Изд. центр ИРИ РАН, 1997. С. 201–222.
6. Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М.: Наука, 1981. 352 с.
7. Churchill W. The World Crisis. 1914–1918. Vol. 1. New York: Charles Scribners Sons, 1927. 604 p.

Об авторе:

Анатолий Васильевич Торкунов – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

STUDYING THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION

A.V. Torkunov

DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-7-15

Moscow State Institute of International Relations

The article revises an established view of Russian Revolution as two separate events - February Revolution and October Revolution. The author supports the concept of the «Great Russian Revolution», which unites these two events in a single process of revolutionary development.

The author draws attention to the following advantages of the concept under consideration. First, it conceptualizes the revolution as a process contingent of a local and global historical context. In this sense, the revolution is presented as the transition of society to the modern stage of development, meaning the transition to modernity. Second, revolutionary events in Russia are considered from the point of view of the evolution of the spatial and socioeconomic distribution and rearrangement of key social groups: peasantry, elites, national and ethnic minorities. Third, it takes into account the personal factor in the revolutionary events, the influence of individual personalities on escalation or the reduction of socio-political tensions. Fourth, it draws attention to the fact that revolutions imply the use of various forms of political violence. Each revolution is characterized by a unique correlation of forms and intensity of political violence. Finally, it gives a normative assessment of the Revolution, encouraging a national discussion on the results and consequences of this great event.

Key words: revolution, the Great Russian revolution, concept, revolutionary era.

References

1. Buldakov V.P. *Krasnaia smuta. Priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia* [The Red Remuement. The nature and ramifications of revolutionary violence]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1997. 376 p. (In Russian)
2. Mlechin L.M. *Khrushchev. Saint-Petersburg, Pal'mira Publ.*, 2016. 512 p. (In Russian)
3. Poliakov Iu.A. *Grazhdanskaia voina: posledstviia vnutrennie i vneshnie* [The Civil War: internal and external consequences]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 1992, no. 4, pp. 7–19. (In Russian)
4. Solzhenitsyn A.I. *Razmyshleniia nad Fevraľskoi revoliutsiei. Cherty dvukh revoliutsii* [Thoughts on the February revolution]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2017. 112 p. (In Russian)
5. Stepanov A.I. *Psikhogeneticheskie i etnokul'turnye posledstviia massovogo terrora 1917–1922 gg.* [Psychological and ethnocultural ramifications of mass terror in 1917–1922]. *Revoliutsiia i chelovek: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt* [Revolution and a Human Being: social and psychological aspect]. Ed. by P.V. Volobuev. Moscow, Izd. Centr IRI RAN Publ., 1997. pp. 201–222. (In Russian)
6. *Stranitsy avtobiografii V.I. Vernadskogo* [Pages of autobiography of V.I. Vernadsky]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 352 p. (In Russian)
7. Churchill W. *The World Crisis. 1914–1918. Vol. 1.* New York: Charles Scribners Sons, 1927. 604 p.

About the author:

Anatoliy V. Torkunov – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И СЕРБИЯ

А.Ю. Тимофеев

Институт новейшей истории Сербии (Белград). Философский факультет Белградского университета

На базе архивных источников и широкого спектра российской и сербской историографии автор анализирует сербско-русские официальные связи накануне и во время Февральской революции 1917 г. Для лучшего понимания природы изменений внешней политики России на Балканах в результате прихода к власти Временного правительства в статье рассмотрены планы Российской империи по послевоенному переустройству западной части Балканского полуострова, а также влияние на них других стран – союзников России по Первой мировой войне. Сербские официальные представители отмечали влияние Англии на переворот в России, хотя точных данных об этом и не приводили. Реакция официальных представителей Сербии на Февральскую революцию была различна. Дипломаты были более либеральны в оценках, сильнее критиковали павшую династию, выражали большой оптимизм. Военные были более осторожны, консервативны и отмечали рост негативных явлений. При этом все они были едины в соблюдении полного нейтралитета и невмешательства во внутренние дела России. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на коренной перелом, который Февральская революция произвела в послевоенном переустройстве Балканского полуострова, Сербия не смогла предвидеть этого заранее. Исключением явились лишь отдельные аналитические работы офицеров сербского генерального штаба.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., сербско-русские отношения, политика России на Балканах, Черноморские проливы, Босфор и Дарданеллы, Первая мировая война, Антанта, история дипломатии.

УДК 93/94

Поступила в редакцию 05.05.2017 г.

Принята к публикации 21.05.2017 г.

Россия была исключительно важной страной для судьбы сербского народа в годы Первой мировой войны, ставшие величайшим испытанием за всю его историю [2, 3, 4]. Сербская историография неоднократно обращалась к вопросу судьбоносного для России 1917 г., концентрируясь лишь на Октябрьской революции. О влиянии Февральской революции и Временного правительства на создание Югославии в югославской и сербской историографии было написано намного меньше. Существует два монографических исследования, которые частично (одной из глав) затрагивают эту тему [29, 40]: в одной из глав своей книги Д. Янкович рассмотрел влияние Февральской революции на подписание Корфской декларации. Л. Трговчевич в своей монографии кратко затронула деятельность миссии А. Белича и С. Станоевича в России накануне и во время революции. Но всё же самая детальная работа о влиянии Февральской революции на Сербию принадлежит перу одного из наиболее плодотворных сербских историков – Богумила Храбака [28].

В статье, написанной в 1978 г., Б. Храбак опирался на многочисленные донесения сербских чиновников и доверенных лиц о революции в России. Тем не менее, его работа имела ряд особенностей из-за вполне понятных обстоятельств: она возникла в рамках монопартийной системы жёсткой левой ориентации, но при этом в рамках беспрекословной парадигмы Югославии как логичного апофеоза многовековых стремлений всех южнославянских народов. Вследствие этих ограничивающих особенностей, несмотря на исчерпывающее использование сербской источниковой базы, в этом труде появились характерные пробелы. Крайне поверхностны высказывания Б. Храбака о германофильском характере последнего верного царю имперского министра иностранных дел Б.В. Штюмера, которого Временное правительство арестовало и довело до смерти негуманными условиями содержания в тюрьме. Б. Храбак развивал пропагандистский тезис о том, что Б.В. Штюмер предлагал Германии заключение сепаратного мира [28, с.9]. Реальное положение дел было противоположным. После публичного предложения императора Вильгельма о мире, Б.В. Штюмер выпустил циркуляр о невозможности для России принять любой мир без согласия всех союзников¹. Профессор истории Оксфордского университета Г.М. Катков очень детально и всеохватно доказал ложную природу слухов о попытках царя, царицы или Б.В. Штюмера подписать сепаратный мир [30]. Очевидна связь этих слухов с пропагандистской деятельностью врагов русского самодержавия из числа крупной русской буржуазии, сопричастной к государственному перевороту марта 1917 г. [25]. Для Б. Храбака, как, в принципе, и для абсолютного большинства историков того времени не только в СССР, но и в Югославии, Февральская революция была жёстко предопределённым событием, которое представляло собой увертюру к ещё более жёстко предопределённому событию – Октябрьской революции. Влияние народного недовольства, предопределённость поражения Временного правительства, политический та-

¹ Щеголев П.Е. Падение царского режима. Стенографические отчеты опросов и показаний. Ленинград, 1926, Т. 5. С. 189.

лант лидеров большевиков и остальные объективные причины неумолимо вели страну к Октябрю. Но события Февраля 1917 г. имели намного большую роль субъективного фактора, менее непосредственно зависели от народа, в большей степени носили характер государственного переворота. Кроме того, Февраль 1917 г. неоспоримо имел признаки заговора части элит при определённом иностранном влиянии. Эта субъективная составляющая Февральской революции осталась вне внимания Б. Храбака [9, 19, 23]. Осторожно и с неизбежным идеологическим камуфляжем в советской историографии, а затем уже открыто и последовательно в российской историографии была выдвинута гипотеза о важной роли субъективного фактора в февральских событиях 1917 г., т.е. неформального заговора крупной буржуазии, офицерской верхушки и политических авантюристов, связанных коррупцией и стремлением к личной выгоде [14, 15, 33]. Однако, в работе Б. Храбака даже понятное современникам событий значение вопроса о Константинополе (очевидно важного в контексте активного французского и британского поведения в Петрограде весной 1917 г., и не менее важного в контексте балканской политики императорской России) ускользало в жёстких рамках идеологической парадигмы [28, с. 9].

Несмотря на упомянутые вполне понятные особенности, статью Б. Храбака нужно воспринимать как переломную в контексте рассмотрения Русской революции 1917 г. в сербской историографии. Хотя схожие воззрения выражались в югославской литературе и до него [31, 32, 35, 36, 41], Б. Храбак впервые в академической науке Югославии (Сербии) пришёл к выводу о том, «что после краха царской России исчезла православная опора сербского правительства, а устами Милюкова стала и в России провозглашаться югославянская идея... Обобщённо говоря, в результате Февральской революции югославянская идея, как прогрессивная, выиграла, а идея великосербская (*т.е. идея национального освобождения и объединения сербов в рамках единого национального государства – АТ*), проиграла» [28, с. 51, 57]. Для времени, когда была написана работа Б. Храбака, эта констатация была очень откровенной и важной. После падения монопартийного режима и разрушения Югославии понятие «прогрессивного югославянства» потеряло свою аксиоматическую значимость, и естественно назрела необходимость детальнее рассмотреть точку бифуркации, выявленную Б. Храбаком и его предшественниками. Оценка значимости этой точки бифуркации, её важности и в то же время степени её объективной (субъективной) предрешённости, несомненно, должна повлиять и на оценку глобального влияния событий 1917 г. на исторические судьбы России и Сербии.

Для определения значимости Февральской революции для этих двух стран необходимо дать ответ на вопрос о том, какое будущее для Сербии по окончании Первой мировой войны предвидела императорская Россия до того, как была уничтожена февральским переворотом². Первые идеи о будущих террито-

² И не только предвидела, но и способствовала его установлению с самого начала Первой мировой войны. См. детальнее [39].

риальных изменениях границ сербского королевства возникли в связи с предложением англичан о подкупе Болгарии путём уступки ей «болгарской части» территорий Македонии, вошедшей в состав Сербии после Второй балканской войны. Существует русский документ, составленный в ответ на данное британское предложение. Это меморандум, который 20/7 января 1915 г. русский министр иностранных дел С.Д. Сазонов вручил английскому и французскому посланникам в Петрограде. В этом документе говорится об опасениях императорского МИД, что предложение Грея не удовлетворит ни одну из сторон. И действительно, именно так всё и случилось, о чём русский посланник в Сербии князь Г.Н. Трубецкой, 21/8 января 1915 г. сообщил в МИД: «Сербское правительство выразило неготовность оказать совсем определённые уступки в обмен на туманные обещания»³.

Ещё более интересным документом является дипломатическая депеша № 9, высланная С.Д. Сазонову князем Г.Н. Трубецким 26/13 января 1915 г. Целью депеши было ознакомление министра с вопросами будущего территориального переустройства на Балканах. Фактически она была комментарием русского посланника к предложениям Э. Грея о территориальных переменах на Балканах, которые британский дипломат рекомендовал выдвигать как совместное предложение сил Антанты – Англии, Франции и России. Посланник Трубецкой попытался выяснить, как сербская сторона смотрит на послевоенное переустройство Балкан, для чего вступил в контакт не только с сербским правительством, но и с крупнейшими учёными Сербии, ведущими экспертами по Балканам Й. Цвиичем и С. Новаковичем. В результате он пришёл к выводу, что сербы с трудом представляют себе будущее Западных Балкан, хотя и надеются на объединение всех населённых сербами земель в едином государстве⁴. Отношения Сербии с Веной были испорчены со времен Майского переворота, но всё же войны всерьёз не ожидали [37, с. 36, 43, 46]. Ультиматум, а затем и объявление войны летом 1914 г. было последним, чего желало бы королевство после двух тяжёлых Балканских войн и албанского восстания 1913 г. Поэтому в сербской интеллектуальной и политической элите сравнительно мало задумывались о том, каким будет послевоенное государство южных славян. Поиск более точного ответа на этот вопрос занялись лишь после начала боевых действий, когда остро встала необходимость определения целей войны. Трубецкой приметил и ещё один факт: война отделила жителей Сербии от сербов с другой стороны Дуная, Савы и Дрины, и в ещё большей мере – от остальных южных славян. Политика сеянья раздоров была классикой стратегии Вены: она активно использовала славянские части в борьбе против Сербии, чтобы закрепить и усилить раздоры между славянами [34, с. 106-107]. Анализируя сложившуюся ситуацию,

³ Этот меморандум цитируется в телеграмме, которую министр иностранных дел С.Д. Сазонов послал дипломатическим представителям России в Лондоне (А.К. Бенкендорфу), в Париже (А.П. Извольскому) и в Белграде (Г.Н. Трубецкому). См.: Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг.: Серия 3: 1914-1917. Т. 7. Ч. 1. М.–Л. С. 66–67.

⁴ Там же, с.112.

Трубецкой пришёл к выводу о том, что невозможно предусмотреть, приведёт ли победоносный исход войны к присоединению всех южнославянских территорий к Сербии, или произойдёт создание нескольких небольших государств. По словам русского дипломата, Никола Пашич уже в начале войны был готов на большие уступки хорватам для получения их симпатий и послевоенного объединения усилий. При этом в 1915 г. Белград считал, что после войны все бывшие австрийские территории с доминирующим православным южнославянским населением, должны быть присоединены к Сербии с тем же статусом, что и её предвоенные территории. Остальные южнославянские территории также рассматривались как потенциальное территориальное приобретение, но с особым статусом: в случае с Хорватией, вероятно, в форме некой автономии. Уже тогда у сербского руководства и ряда ведущих экспертов существовало определённое (хотя и крайне расплывчатое) представление о глубине религиозных и культурных различий между римско-католической и православной частями южнославянских подданных Австро-Венгрии. Сегодня крайне прозорливыми могут выглядеть слова князя Трубецкого, который предсказывал возможность будущего развития сербско-хорватских отношений в случае объединения по образцу русско-польских отношений в составе единого государства⁵.

К донесению Трубецкого была приложена карта предполагаемого послевоенного территориального переустройства Балкан, которую составил известный сербский этнограф и политический эксперт Й. Цвиич. Кроме объединения Сербии и Черногории в рамках предвоенных границ, на ней были обозначены северные и западные границы проживания южных славян в рамках Австрии, а также грубая линия разделения этих территорий на римско-католическую и православную части. По направлению к Италии и Румынии обозначены «спорные» территории, от которых можно отказаться в ходе послевоенной торговли и переговоров. Разумеется, определённая иерархия приоритетов существовала и внутри безусловной линии приоритетов (карта Й. Цвиича включала Целевец, Печуй, Баю, Темишоар и Карашов). Похожая карта позднее служила как пропагандистское средство сербской делегации на переговорах о мире в Париже в 1919–1920 гг. Несомненно, предоставив свою карту русскому посланнику, Цвиич преследовал всё те же пропагандистские интересы. Впрочем, сам Г.Н. Трубецкой не очень верил обещанной «строгой научности» данных Цвиича и в своём донесении назвал его «официальным закройщиком сербского правительства»⁶. Неверие в перспективы сербо-хорватского сожительства внесло свой вклад в общий букет факторов, обеспечивших согласие России на Лондонский договор апреля 1915 г. Этот договор был секретным соглашением между Италией и странами Антанты и касался послевоенного переустройства северной Адриатики, определяя условия вступления Италии в Первую мировую войну. Среди проче-

⁵ Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг.: Серия 3: 1914–1917. Т. 7., ч. 1. М.–Л., С. 114.

⁶ Там же, с. 112.

го, территории нынешней Хорватии и Словении, по этому договору, были разделены между Италией с одной стороны и Сербией и Черногорией – с другой (которые получали Южную Далмацию вплоть до Сплита и Дубровника).

После эвакуации Сербии в 1915 г. и начала череды сокрушительных поражений на фронте и в то же время резкого ослабления Австро-Венгрии русская дипломатия должна была вновь обратиться к вопросу о будущем южнославянских подданных Габсбургов. Год 1916 стал трагическим периодом в истории Сербии, когда территория страны была оккупирована, а остатки армии и политической элиты, не сложив оружия, отступили на юг Балканского полуострова и продолжили борьбу за свободу и независимость своего народа. В то время Италия стремилась пролоббировать сохранение независимости Черногории, что вызывало обеспокоенность Н. Пашича. Он пытался объяснить официально Петрограду неестественность и вредность для интересов России на Балканах сложившейся ситуации (два государства одного народа), которую после окончания войны предстояло решить воссоединением [16]. Для разрешения этого и других вопросов сербской внешней политики в Россию отбыла научно-пропагандистская миссия А. Белича и С. Станоевича [40].

Ведущий специалист по Балканам Политического департамента МИД императорской России А.М. Петряев составил в это время крайне подробную аналитическую справку о русских интересах в проектах территориального переустройства провинций империи Габсбургов после победоносного окончания войны. А.М. Петряев считал, что «возникновение Единой Великой Сербии или Сербо-Хорватского Государства было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах, конечно, стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась. Сильное славянское царство с 14 млн жителей, обосновавшееся на берегах Адриатического моря, интересы коего нигде не сталкиваются с российскими, было бы конечно, весьма желательным элементом нашей будущей западноевропейской политики»⁷. Однако в то же время А.М. Петряев обратил внимание на очевидные проблемы на пути осуществления этого плана – «Англия и Франция, по высшим политическим соображениям, не будут поддерживать Велико-Сербских планов и способствовать образованию на берегах Адриатики большого Славянского государства, тяготеющего к России». С другой стороны, на пути создания государства южных славян русский дипломат видел проблемы в случае насильственного присоединения территорий, населённых хорватами, которых невозможно будет безболезненно ассимилировать в Сербии в силу многочисленности, различий в вере и культуре. В будущем А.М. Петряев предвидел и возможность потенциального конфликта с Италией, с которой придётся бороться не только за Триест и Истрию, но и за большую часть Далмации. Оценивая в этом контексте соотношение сил, А.М. Петряев считал, что заключение с Италией соглашения по разделу Адриатического побережья будет полезно Сербии, так как предотвратит неизбежный

⁷ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 5270. Л.17.

в противном случае конфликт между ними, а также вмешательство Италии в сербо-хорватские раздоры⁸. Позиция А.М. Петряева, ставшего в 1917 г. при Временном правительстве товарищем министра иностранных дел, соответствовала позиции императорской дипломатии, далёкой от консервативных взглядов. Мнение о том, что за Австрией стоит сохранить влияние на часть католического славянского мира, в ещё больше мере находило поддержку у Б.В. Штюмерера и А.Д. Протопопова в последние месяцы существования императорской России. По мнению начальника сербского корпуса генерала М. Живковича, русские консервативные круги воспринимали Югославянский комитет и окружение Т.Г. Масарика⁹ как «влияние Запада»¹⁰.

Несмотря на пессимизм по вопросу о возможности создания крупного южнославянского государства на западе Балканского полуострова, Петряев придерживался мнения о том, что в случае реализации такого проекта стоит думать о соглашении как с хорватами, так и со словенцами. В 1915 г. сербскому посланнику М. Спалайковичу в Петрограде было предложено рассмотреть включение в сербские планы послевоенного объединения не только хорватов, но и словенцев¹¹. Уже в феврале 1917 г. А.М. Петряев высказывал мнение о том, что Сербия по окончании войны должна будет удовлетворить хорватов, предоставив Сабор и широкую автономию, не угрожая при этом государственному единству. Петряев также предлагал, чтобы территории со словенским населением вошли в состав расширенного государства после удовлетворения возможных итальянских и австрийских претензий. В то же время черногорский вопрос рассматривался в качестве части сербского вопроса (в контексте уверенности имперской дипломатии в том, что второе сербское государство более не соответствует ни русским, ни сербским интересам). Русская дипломатия официально выражала эту позицию как дипломатам Сербии, так и Черногории ещё с июня 1915 г., когда было прямо заявлено: «...будет ли Россию в дальнейшем занимать король черногорский, зависит лишь от того, насколько этого пожелает Сербия»¹².

Подходом царских дипломатов к освобождению южнославянских народов от австрийского владычества, прежде всего, в контексте объединения сербского народа было довольно и сербское правительство. Реакцией на позицию царского МИД было мнение Н. Пашича, выраженное им 24 февраля 1915 г.: «Отмеченные границы стоит рассматривать как окончательные для уступок, и это, конечно, минимум, но разумеется, что мы будем, конечно, требовать целую

⁸ Эти предположения оказались провидческими, т.к. разъярённая потерей Далмации Италия в период между мировыми войнами стала не только претендовать на Хорватское приморье, но и поддерживать ирредентистские настроения среди хорватов, черногорцев и албанцев, превратившись на время существования Югославии в главного врага Белграда. До 1914, в 1941–1944 и после 1991 г. отношение к сербам со стороны итальянцев было лучше, чем со стороны большинства соседей сербского государства.

⁹ Чешское видение противостояния между Й. Дирихом (1847–1927) и Т. Масариком (1850—1937) реконструировано Е.Ф. Фирсовым [22].

¹⁰ Эту картину крайне пластично, хотя и с позиции традиционной ненависти к хорватам–франковцам описал командир сербского добровольческого корпуса М. Живкович (Војни архив – ВА. П.16. К.44. Ф.1. Д.12. С. 203–205).

¹¹ Архив Југославије (АЈ). Ф.80. Ф. 2. С.466–468.

¹² Там же. С.710.

Словению. Что касается местной автономии, мы, конечно же, с ней согласимся, если на этом будут настаивать, но не угрожая при этом целостности сербского государства»¹³.

Интересно, что в дальнейших переговорах российская сторона настаивала на том, что сербская программа не должна «представлять завоевательную политику на славянском юге», а должна воплощать «стремление к осуществлению общих идеалов и интересов, которое делало Сербию обязанной не допустить того, чтобы часть Хорватии и Словении осталась под властью иноземцев»¹⁴.

Точку зрения МИД царской России на объединение южных славян в рамках единого государства, как лучшего пути решения сербского национального вопроса, разделяла и русская экспертная среда. Взгляды на южнославянский вопрос, выраженные А.М. Петряевым (1875–1933), опытным дипломатом, владевшим четырнадцатью языками, с дипломом восточного и юридического факультетов Санкт-Петербургского университета, совпадали со взглядами одного из ведущих русских специалистов по истории южных и западных славян Н.В. Ястребова (1869–1923). Профессор Петербургского университета Н.В. Ястребов написал и опубликовал объёмное монографическое исследование с говорящим названием «Великая Сербия» [24]. В этом труде речь шла о невозможности самостоятельного выживания маленького сербского государства, ибо оно станет игрушкой в руках центральноевропейских государств, и о необходимости объединения всех сербов, хорватов и словенцев в одно общее государство, основанное на взаимном уважении меньших народов при естественном верховенстве крупнейшего – сербского народа, который должен будет обеспечить в рамках будущего государства полную культурную автономию и местное самоуправление. В заключительной части своего исследования профессор Н.В. Ястребов сделал вывод, что «не только осуществление идеала Великой Сербии, но и существование современной малой Сербии обеспечивается, главным образом, мощью и помощью России» [24, с.172].

И всё-таки во внешнеполитических институтах российской империи имелись определённые препятствия на пути осуществления вышеупомянутых планов. Речь шла о значительной разделённости русской общественности, включая части политической и правительственной элиты, на группы в соответствии с их «внешнеполитической» ориентацией: либералы были ориентированы «проанглийски», а консерваторы «пронемецки». Первые стремились построить русскую внешнюю политику в рамках удовлетворения британских интересов. Вторые, несмотря на войну, стремились, чтобы после войны не дошло до чрезмерного ослабления и обрушения германского влияния, видя в русско-немецких связях традиционный залог стабильного консервативного устройства в Центральной и Восточной Европе. С.Д. Сазонов, руководивший русской политикой в 1910–1916 гг.,

¹³ Там же. С. 469.

¹⁴ Там же. С. 472.

относился к числу пробританских политиков¹⁵. Стоя на соответствующих последовательных позициях, он был убеждён, что согласия Англии необходимо добиваться для всех русских планов на Балканах¹⁶. Такое мнение в ещё большей степени было присуще представителям передового отряда думской оппозиции – партии кадетов и в особенности её лидеру П.Н. Милюкову, ещё более безоговорочно ориентированным на Англию [38].

В 1914 и 1915 гг. (как и в случае с юго-восточной Македонией по вопросу о сербо-болгарском разграничении или с северо-восточным Банатом по вопросу о сербо-румынском разграничении) вопросы о будущем южных славян решались в рамках согласования с другими потенциальными союзниками Антанты в регионе, включая уступки насчёт послевоенных границ будущего государства с центром в Белграде, объясняя уступки будущих зон влияния сербского правительства укреплением его нынешних позиций¹⁷. И всё-таки, несмотря на все эти колебания по вопросу о рубежах сербских послевоенных границ, внешняя политика консервативной элиты царской России (её правящего класса) была благосклонна к интересам восстановления сербской государственности и к идее объединения в её рамках всего сербского народа. Либерализация внешней политики России привела бы, по мнению дипломатических представителей Белграда, к ослаблению русской поддержки сербским внешнеполитическим интересам. За два года до революции (в августе 1915 г.) сербский посланник М. Спалайкович писал: «...в случае победы течения, ориентированного на парламентаризм, к власти пришли бы элементы вроде Милюкова, с его сербофобскими настроениями и влиянием на внешнюю политику»¹⁸.

Проблема Константинополя, или как его официально до окончания Первой мировой войны называли сербы и болгары – Царьграда, фактически была ключевой для балканского направления российских дипломатических усилий в Первой мировой войне, а может быть, и вообще для всей русской внешней политики эпохи мирового конфликта. По отношению к этой проблеме вопросы будущей принадлежности словенского, хорватского и сербского побережья Адриатики и будущего государственного устройства Западных Балкан, несомненно, имели в глазах Петербурга вторичное значение. В отличие от проектов границ южнославянских государств, проблема будущего Черноморских проливов имела для России исключительное экономическое и идеологическое значение. По мнению главы императорского МИД, выраженному в беседе с сербскими дипломатами в 1915 г., «официальная русская политика вся была посвящена решению вопроса о Дарданеллах, для решения которого можно было уступить в адриатическом

¹⁵ В донесении от 4 апреля 1917 г. капитан де Малейси из французской военной разведки с очевидным преувеличением даже назвал С.Д. Сазонова «английским агентом». – См.: Соловьёв О. Ф. Революция глазами Второго бюро (донесения сотрудников французской разведки капитана де Малейси и генерала Нисселя) // Свободная мысль. 1997, №9.

¹⁶ А.И. Ф.80. Ф. 2. С. 466.

¹⁷ А.И. Ф.80. Ф. 2. С. 392.

¹⁸ Там же. С. 480.

и югославском вопросе (... в контексте Истрии и большей части Далмации)»¹⁹. Русская царская дипломатия уже в июне 1915 г. занялась разработкой послевоенного статута для Царьграда и даже персональными кадровыми решениями для будущей русской администрации в освобождённой столице православного мира: например, русского посланника в Белграде Г.Н. Трубецкого планировали назначить гражданским комиссаром города, а директора Русского археологического института в Константинополе Ф.И. Успенского – главным куратором архивных фондов²⁰.

Эту эйфорию прервал последовательный отказ руководства российской армии готовить десантную операцию по занятию Проливов в 1915 г. [10]. Трудно сказать, шла ли в этом случае речь о реальной неготовности (неспособности), о типичной для последних лет существования российской императорской армии осторожности в планировании [13] или о каких-то более глубоких причинах – ведь власть императора, который во главе русской армии вошёл бы в Царьград, было бы невозможно ограничить (а офицерская верхушка во главе с генералом М.В. Алексеевым активно участвовала в подготовке и осуществлении февральского переворота полтора года спустя после неосуществлённой экспедиции).

Вероятно, каждый из этих факторов сыграл свою роль. Важным обстоятельством стоит считать и то, что в том же 1915 г. Англия пыталась сделать всё, чтобы занять Дарданеллы в ходе ставшей знаменитой своей неудачностью и кровавостью Галлиполийской операции [11, 26]. Конечно, гектолитры крови англичан и жителей доминионов были пролиты вовсе не для того, чтобы передать Царьград России, а совсем по другим причинам. Интересно, что после британского поражения под Дарданеллами, русской победы на турецком фронте и падения Эрзерума генерал М.В. Алексеев поспешил выступить с предложением о подписании мира с Турцией, причём на условиях полного отказа России от освобождения Царьграда, называя русский контроль над проливами «чарующей иллюзией». Русская армия, согласно этому предложению, должна была бы перейти к войне с Германией и заставить её отвести войска от проливов, чтобы «Англия вздохнула свободнее, когда исчезнет опасность египетского похода и мусульманского движения». Россия была бы должна удовлетвориться в случае победоносного окончания войны восстановлением своих государственных границ и поражением Германии...²¹ Стоит при этом заметить, что императорское правительство почти с самого начала войны говорило о восстановлении польского государства (составленного из русской, австрийской и немецкой части), т.е. со стороны бывшей русско-немецкой границы территория империи должна была сократиться. По мнению, которое уже в 1915 г. высказал один из будущих архитекторов Февральской революции, Россия, потерявшая в войне боль-

¹⁹ Там же. С. 473.

²⁰ Там же. С. 708; Народна библиотека Србије (НБС). Ф. Смирнов. Воспоминания о Великом князе Константине Константиновиче. С. 2.

²¹ Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел, № 1 (декабрь). Петроград, 1917. С. 12-14.

ше человеческих жизней, чем какая-либо другая страна Антанты, должна была вести кровавую и многолетнюю битву за сохранение неполного *status quo ante bellum*. В прошлый раз, когда Россия отступила в дипломатическом плане после общенародных двухлетних военных усилий (1877-1878), даже после победы авторитет царской власти резко упал, а революционное движение усилилось. В этом контексте более достоверным выглядит и известное «покаянное письмо Милюкова», написанное им в августе 1917 г., где признаётся ответственность думских политиков (кадетов и прогрессистов) в «твёрдом решении воспользоваться войною для производства переворота»²².

Продвижение русской армии к Царьграду мешало не только оппозиционным думским политикам, но и «союзникам», т.е. в первую очередь Англии. Задолго до Первой мировой войны вопрос о принадлежности Царьграда вызывал столкновение английских и русских интересов на Балканах. Не углубляясь слишком далеко в прошлое этого конфликта, корни которого уходили ещё в XVIII в., в XX в, даже спустя несколько лет после окончания Первой мировой войны, американские разведчики считали британскую защиту Стамбула от русского господства основой традиционной политики Лондона в районе Проливов²³.

Уже в 1908 г. английское правительство заняло определённую и последовательную позицию по вопросу о любых попытках России получить эксклюзивное влияние на черноморские проливы²⁴. На Особом совещании по вопросу о черноморских проливах в присутствии руководителей дипломатического, армейского и военно-морского ведомств 8/21 февраля 1914 г. начальник Черноморского оперативного сектора Морского Генерального штаба императорской России А. В. Немитц заявил: «На пути к Проливам мы имеем серьёзных противников в лице не только Германии или Австрии. Как бы ни были успешны наши действия на западном фронте, они не дадут нам Проливов и Константинополя. Их могут занять чужие флоты и армии, пока будет происходить борьба на нашей западной границе ... мы должны именно одновременно с операциями на западном фронте занять военной силой Константинополь и Проливы, дабы создать к моменту мирных переговоров совершившийся факт нашего завладения ими. Только в таком случае Европа согласится на разрешение вопроса о Проливах на тех условиях, на которых нам это необходимо»²⁵.

²² Сам политик отрицал своё авторство (см.: Милюков П. Н. Старый подлог // Последние новости. Париж, 1921, №454, 8 октября. С.2-3). Его современники в эмиграции посвятили доказательству достоверности письма несколько подробных исследований, см.: Лицо и изнанка // Возрождение. Париж, 1956, №56. С. 135-145); *Ефимовский Е.* Политический сфинкс // Возрождение. Париж, 1960, №102. С. 106-116; *Лодыженский А.А.* Воспоминания. Париж, 1984. В авторстве П. Н. Милюкова были уверены и многие советские историки [8, с. 288; 12, с. 37; 17, с. 249-250; 18, с. 153; 21, с. 582].

²³ См., например, детальные аналитические справки американской разведки, написанные в 1945 г., когда вопрос Проливов вновь встал актуальным: The Soviet Union and the problem of the Turkish straits, T-516, January 24, 1945 (CIA-RDP08C01297R000500030010-5), The Great Britain and the problem of the Turkish straits, T-517, January 24, 1945 (CIA-RDP08C01297R000500030009-7).

²⁴ Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел... С. 26-28.

²⁵ Из журнала Особого совещания 8 февраля 1914 г. // Вестник Народного комиссариата по иностранным делам. 1919, №1. С. 32—41.

Сразу же после начала войны (ещё до вступления в войну Турции и Болгарии) российские дипломаты начали размышлять о послевоенных целях, к которым стоит стремиться России в Первой мировой войне. Коррекцию границ на линии соприкосновения с Германией и Австрией (австрийская Галиция и немецкие части Польши) российский посланник в Белграде Г.Н. Трубецкой в письме к представителю России в Константинополе М.Н. Гирсу назвал «скорее выполнением неизбежного исторического долга, чем нашей прямой выгодой», отличая при этом интересы Польши по воссоединению с Завислинским краем от интересов России по получению контроля над устьем Немана. С другой стороны, в случае вступления Турции в войну, именно Проливы должны были стать ключевой целью, к которой Россия стремилась бы в войне, как компенсация за военные усилия и потери. При этом выражалась уверенность в том, что Англия будет оказывать сопротивление такому развитию ситуации, а минимизация этого сопротивления была отнесена к главным задачам²⁶. После вступления Турции в войну эти размышления и опасения приобрели особое значение, что было видно даже сторонним наблюдателям. Уже в феврале 1915 г. в разговоре с Г.Н. Трубецким о возможном нападении англичан на Стамбул сербский премьер Н. Пашич с озабоченностью заметил, что «занятие Константинополя одними нашими союзниками могло бы дать разрешению самой жизненной для нас задачи направление, которое не отвечало бы в той же мере правам и ожиданиям России»²⁷.

Это понимали и в России. Бывший в то время подполковником царского Генерального штаба А. К. Коленковский писал в 1930 г., что для Дарданелльской операции Англия выбрала и использовала удобный случай: не тогда, когда турки будут слабее всего, или когда Лондон сможет рассчитывать на помощь союзников, а тогда, когда все русские силы в начале 1915 г. будут заняты на Кавказском и Варшавском фронте, и России останется лишь одобрить английскую операцию в Проливах [11].

После окончания войны в мемуарах, которые А.В. Немитц писал уже будучи советским адмиралом, руководившим некоторое время в период Гражданской войны даже всем революционным флотом РСФСР, он с тех же позиций оценивал минувшую войну. «Для первого обмена мнениями по этому коренному вопросу между Генеральными штабами армии и флота и было собрано упомянутое «Особое совещание» под председательством министра иностранных дел С.Д. Сазонова. При этом директивой для его работы должна была служить уже одобренная царём означенная основная идея нового морского плана войны. Совещание выявило то, что инициаторы его предвидели вперёд: полное несоответствие армейского плана новому морскому. План Генерального штаба армии предусматривал наступление на западном фронте на Австрию и Германию

²⁶ Константинополь и проливы // По секретным документам б. Министерства иностранных дел. М., 1926. Кн. 1. С. 156.

²⁷ Там же. С. 383.

(вместо активной обороны). Лишь после разгрома Германии и Австрии можно было, по его плану, приступить к Константинопольской операции. План, выгодный для Франции и Англии, но пренебрегающий государственными интересами России и бездумный по отношению к её народам, которым предстояло в тяжёлых наступлениях отдать миллионы жизней (и гибельный для царской империи). Происшедший обмен мнениями не разубедил руководителей Генерального штаба армии, но и не обескуражил вполне сторонников нового, другого плана войны. Предстояла борьба мнений, в которой на нашей стороне была личная воля царя. Судьба, однако, решила против нас» [5].

Англия и Франция были против явного и официального признания прав России на Царьград и проливы до самого конца 1916 г.²⁸. При этом в секретных переговорах 12 марта 1915 г. Англия признала своё согласие с переходом Царьграда под контроль России, а 10 апреля 1915 г. с этим так же неофициально согласилась и Франция [27]. На Царьград, как на главную цель России в войне, смотрел и сам Николай II, который в Высочайшем манифесте от 12 декабря 1916 г. заявил, что «Достижение Россией созданных войной задач, обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех её ныне разрозненных областей ещё не обеспечено. Заключить ныне мир значило бы не использовать плодов Русских войск и флота».

При этом идея о том, что Россия должна будет получить на Балканах компенсацию за свои военные усилия и за два миллиона потерянных жизней, нисколько не могла понравиться Англии. И пока в Лондоне работала королевская комиссия по исследованию причин поражения английской армии при Дарданеллах²⁹, в России активизировалась деятельность, направленная на смену политического режима в России.

Во время январской конференции 1917 г. в Петрограде представители Англии и Франции «выслушали все претензии представителей царского правительства — руководителей хозяйства, армии и флота. Они имели возможность посетить фронт и ознакомиться с состоянием армии, беседовали с лидерами русской буржуазной оппозиции и были в курсе всей работы, которую вели английское и французское посольства и Прогрессивный блок по организации государственного переворота. Их не особенно страшил рост недовольства внутри страны; приход к власти буржуазных лидеров им казался желательным. Русская армия в их глазах не потеряла своего значения в качестве важнейшего военного фактора в деле разгрома Германии» [19]. При этом союзная конференция 1917 г. в России подтвердила взятые на себя обязательства членов Антанты [6]. Сербское правительство узнало к 9/22 февраля 1917 г., что конференция закончила свою деятельность в Петрограде и делегаты отбыли в порт Романов (Мурманск).

²⁸ Щеголев П.Е. Падение царского режима. Стенографические отчеты опросов и показаний. Ленинград, 1926, Т. 5. С. 181-183.

²⁹ Комиссия приступила к работе в августе 1916 г., а официальный отчет о своей работе составила в начале февраля 1917 г., см.: Officials of Royal Commissions of Inquiry 1870-1939 // Office-Holders in Modern Britain. London, 1995. V. 10. P. 85-88.

Работу ещё в течение двух дней продлил лишь особый комитет, который занимался будущим устройством Польши³⁰.

Спустя несколько дней, 15/28 февраля 1917 г. официальное периодическое издание сербского правительства в изгнании, выходившее в Греции под названием «Српске новине», опубликовало на первой странице пространную статью, посвящённую роли Проливов в русской внешней политике. «Вопрос Царьграда – это тысячелетний сон всей русской внешней политики, всей русской интеллектуальной жизни... Именно для этого Россия воевала с Турцией в XIX в., и для того, чтобы славяне приблизились к Царьграду, освобождала Болгарию, которая теперь вместе с Турцией сражается против России. — И старшие, и младшие славянофилы уже создали вокруг этого вопроса целую идеологию и целую социально-политическую систему. Реками проливалась русская кровь за этот идеал. Поэты и философы, учёные и государственные мужи, военные и политики писали об этом, каждый по-своему. В России об этом вопросе существует целая литература, и она существует издавна... Сегодня, когда враг для воплощения своего мегаломанского сна Берлин — Багдад, довёл ситуацию до нынешнего положения дел, вопрос сам собой встал и был включён в повестку дня. Союзники на своих конференциях, кроя будущую карту Европы, вернулись к этому вопросу и дали ему решение в смысле тысячелетних снов и в смысле жизненной потребности России»³¹. В том же номере, буквально после этой статьи, было опубликовано интервью с президентом Совета министров и главой МИД Сербии Николой Пашичем, где он кратко резюмировал своё видение будущего Сербии, которое он тесно связывал с Россией: «Для нас, сербов, это вопрос освобождения нашей страны, оставленной завоевателю, который творит насилия, ставшие известными. Идея Великой Сербии жива в сердцах всех сербов, и мы с нашими союзниками её осуществим»³².

Надежда на русскую помощь во всех сербских начинаниях была крайне распространена в сербском правительстве³³. Сербский посланник М. Спалайкович в телеграмме, направленной из Петрограда 25 февраля (10 марта), сообщил Н. Пашичу об аудиенции у императора Николая II княгини Елены Петровны (1884–1962), дочери короля Петра I Карагеоргиевича и супруги князя Иоанна Константиновича Романова (1886–1918). Он доложил о высоком уровне поддержки, которым Сербия пользовалась в России в эти последние дни накануне революции: «Царь хорошо настроен и прекрасно отзывался о нашем корпусе и генерале Живковиче, который пользуется всеобщим уважением и симпатиями. Престиж сербов у царя ещё больше укрепился, по сравнению с румынами, в которых царь полностью разочаровался ... Княгиня Елена всё больше превращается в символ кровной и политической связи между нашим народом и Росси-

³⁰ Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца: 1914–1918 г. Књ. 21, 1916 и 1917. година. Београд, 1931. С. 420–421, 425–426.

³¹ Русија и питање Цариграда // Српске новине. 1917, 28 фебруара.

³² Изјаве Н.Пашића // Там же.

³³ Велики рат Србије за ослобођење... С. 649.

ей. Тактичная и исключительно умная, она вершит свои обязанности наиболее полезным для нашего отечества способом»³⁴. Направление перемен в сербском вопросе в результате Февральской революции в России очень ясно описал в своём донесении Н. Пашичу от 6/19 марта 1917 г. сербский генеральный консул в Одессе М. Цемович. Он констатировал, что «...до вчерашнего дня, до переворота, сербская национальная идея имела наиболее искреннего защитника в лице царя Николая. Любовь, истинная любовь бывшего царя по отношению к Сербии и сербскому народу помогла, чтобы высшая бюрократия приняла идею Югославии. С падением царя и с ним старого бюрократического аппарата было разрушено в значительной мере то, что мы до тех пор делали и сделали в политических кругах старого режима. Отношение партий в Думе к нашему вопросу было разнообразным, но ни у одной группы не было довольно ясным и определённым»³⁵.

Окончательную перспективу развития ситуации в России не могли понять и оценить даже лучшие сербские дипломаты. Наиболее интересные оценки закулисной стороны событий в Петербурге давал в своём дневнике находившийся в далеком Лондоне сербский дипломат Й. Йованович-Пижон. Уже 1 марта 1917 г. он отметил в своём дневнике, что вся английская элита оценивает ситуацию в России, как крайне плохую, а спустя три дня, 4 марта, записал, как его английские собеседники хвалились тем, «что это они вызвали революцию в России и подготовили её. Мы несколько раз напоминали царю об опасности того, что германское (*т.е. – консервативное - АТ*) влияние слишком возросло, но он не слушал, и вот что с ним приключилось». Наконец, 6 марта 1917 г. Й. Йованович-Пижон отметил, что в основном «англичане довольны событиями в России», «везде говорят о том, что англичане и французы замешаны в революции»³⁶. Проведение предварительных консультаций с союзниками (прежде всего, с англичанами) – организаторами февральского переворота в позднейшей российской историографии нашло своих исследователей [19, с. 434], но сразу после самих событий это имело лишь академический интерес. Заметки Пижона об организации переворота в России давали лишь предположения, малоинтересные для оперативной политики. Свержение императора Николая II принесло политической элите Сербии взволнованность и обеспокоенность...

С самого начала 1917 г. стало очевидно, что в России назревает государственный переворот. Представители королевства Сербии в Петрограде оценивали происходившие события и изменения по-разному.

Отречение Николая II сербский военный атташе полковник Бранислав Лонткиевич пытался представить как обычную транзигцию власти от одного члена династии к другому, с введением конституции, но безо всяких значительных изменений. Вероятно, это была версия государственного переворота, которая

³⁴ Архив Сербии (АС), МИД, ПО. 1917. Ф. IX. Д. II. С. 84

³⁵ Там же. Д. III, С. 173–181.

³⁶ Јовановић-Пижон Ј. Дневник (1896-1920). Београд, 2015. С. 251-253.

циркулировала в высших офицерских кругах. Неслучайно в своём донесении от 28 февраля (13 марта) Б. Лонткиевич привёл ошибочную, но очень иллюстративную информацию: «Генерал Алексеев упорно советовал царю пойти на компромисс, но царь не согласился. Ставка не имеет связей с царём. В России и на фронте спокойно» [19, с. 603]. В донесении, составленном в полдень 1/14 марта, Б. Лонткиевич ещё называл революционеров «бунтовщиками»³⁷.

В вечернем донесении от 2/15 марта Б. Лонткиевич уже констатировал, что отречения царя требовали и политики из Думы, и начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев, и ряд других высокопоставленных офицеров³⁸. Наконец, лишь 3/16 марта 1917 г. Б. Лонткиевич доложил об отречении, как об окончательно свершившемся факте, а также сообщил о формировании нового правительства князя Львова и о назначении нового министра П.Н. Милюкова, который провозгласил войну до победного конца первой точкой своей программы. По оценке Б. Лонткиевича, февральские события в Петрограде были очень жестокими и кровавыми, «со множеством жертв»³⁹.

Глубину возникшей проблемы в полном объёме сербский военный атташе начал осознавать уже 4/17 марта, после отказа князя Михаила принять корону до решения Учредительного собрания: «Хотя в России на фронте и спокойно, всё же тяжело предвидеть проблемы, которые могут последовать. Вследствие того, что ещё не решён вопрос о монархе, могут начаться возмущения и на фронте. Вообще ситуация очень нервная, и если ещё на долгое время оставить полную власть Временному правительству, которое вводит самые широкие свободы, пока в стране ещё не организована самая необходимая власть, это может привести к ещё большему расстройству»⁴⁰. Сербский атташе отчаянно надеялся на сохранение в России монархии и в той же телеграмме он выражал надежды на то, что царь передумает и согласится, по совету императрицы-матери, на провозглашение престолонаследником Алексея, а также на назначение великого князя Николая Верховным главнокомандующим. И только в донесении от 5/18 марта Б. Лонткиевич констатировал, что «судьбой России будет руководить Временное правительство»⁴¹.

В последний раз сербский атташе был принят Николаем II 7/20 марта⁴². Эту встречу, состоявшуюся в рамках прощания императора с союзными военными агентами, Б. Лонткиевич описал весьма эмоционально, что было необычно для его донесений. «Я поблагодарил Царя за всё то, что он сделал для Сербии и сербской армии. Царь мне сказал, что всегда имел искренние симпатии к братскому сербскому народу; что надеется, что справедливость восторжествует и сербский народ осуществит свои идеалы. Он также сказал, что обстоятельства

³⁷ АС. МИД ПО. 1917. Ф. VIII. Д. IX. С. 922.

³⁸ Велики рат Србије за ослобођење ... С. 613.

³⁹ АС. МИД ПО. 1917. Ф. VIII. Д. IX. С. 923.

⁴⁰ Велики рат Србије за ослобођење... С. 692.

⁴¹ Там же. С. 705.

⁴² АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. II. С. 93.

таковы, что он счёл необходимым отречься от престола, желая, чтобы война дошла до победоносного конца. Попросил передать Е.К.Высочеству Престолонаследнику Его приветствия с надеждой на то, что Россия и союзники исполняют свой долг и свои обещания Сербии. Также интересовался и нашим корпусом и просил передать ему Его приветствия. Я ещё раз поблагодарил Царя, добавив, что сербский народ никогда не забудет 1914 г., когда русский Царь возвысил свой мощный голос в защиту Сербии. Поблагодарив меня за службу, Царь дал мне руку со словами: *‘Милостивый Бог пусть защитит Сербский народ’*⁴³. Через несколько часов после этой встречи на вечернем заседании Временного правительства 7/20 марта 1917 г. было принято решение «О лишении свободы отрѣкшегося императора Николая II и его супруги»⁴⁴. Наступил конец российской империи и династии Романовых, хотя этот факт в то время понимало весьма незначительное число людей [1].

Негативные последствия Февральской революции сербы почувствовали, прежде всего, в положении Сербского добровольческого корпуса. Командир корпуса М. Живкович писал: «...царь Николай, который был большим другом нашего народа и всегда оказывал знаки особого расположения Добровольческому корпусу, хотел, чтобы Корпус был сформирован как можно раньше. Желание Царя в то время было приказом, и чтобы только подольстится к нему русские генералы – я имею в виду, в первую очередь, генерала Маркса, начальника штаба Одесского военного округа – соревновались между собой в предупредительности и любезности к нам; после свержения Царя, они все сбросили напрочь свою личину, стали делать нам на каждом шагу пакости и стараться развалить Корпус»⁴⁵.

Помимо потери высочайшего покровителя командир Сербского добровольческого корпуса видел в революции общее основание к ослаблению боевого духа русской армии. По его мнению, русская армия в начале 1917 г. и по духу, и по вооружению была готова к решающему наступлению – и он, и все те, «кто знал и наблюдал всю эту подготовку», были глубоко уверены, что «русское наступление пробило бы немецкие ряды, как горный поток, и за короткое время сокрушило бы центральные державы. Война была бы завершена ещё в 1917 г., с другими результатами вообще и в особенности намного удачнее для нас... Всеми этому помешало наступление русской революции и в ещё большей мере ошибочное управление»⁴⁶. «Революция в Петрограде принесла много горя и мучений нашему братскому русскому народу, так как тем, что она была совершена в самое неподходящее время – в ходе войны – воспользовались наши враги»⁴⁷.

Дестабилизация русской армии после февральских событий разрушила все надежды на активное участие войск «новой демократической России» в успеш-

⁴³ Там же. С. 724.

⁴⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. Март-апрель 1917. М., 2001. С. 49-52.

⁴⁵ Военный архив Сербии (ВА). П.16. К.44. Ф.1. Д.12. С.51.

⁴⁶ Там же. С. 128–129.

⁴⁷ Там же. С. 136.

ном наступлении против немцев и их союзников, что стало очевидным Б. Лонткиевичу уже 21/8 марта 1917 г.⁴⁸. Генерал М. Живкович констатировал, что ни один новый состав русского правительств после отречения Николая II не имел никаких симпатий к Сербскому добровольческому корпусу, а сам корпус «со дня отречения был оставлен на милость» всевозможных врагов⁴⁹.

Представители сербской армии, несмотря на их несомненные симпатии к русскому императору, видели и негативные черты последнего Романова, считая, что ему не хватало энергии, что он слишком доверял своему окружению и надеялся на полицейских чиновников⁵⁰. Ни Б. Лонткиевич, ни П. Живкович не обратили в своих донесениях особого внимания ни на его арест, ни на арест членов его семьи. Представители сербской армии считали, что самодержавный режим был архаичен и должен был быть реформирован, однако не в условиях войны. В успехе Февральского переворота генерал М. Живкович винил самого царя (указывая на его слабость и доверчивость), а также кадетов и П.Н. Милюкова, а за его фатальные последствия – А.Ф. Керенского, как человека, который в беспринципной борьбе за власть растоптал всех, кто мог бы спасти страну, что и привело к захвату власти большевиками⁵¹. Крайне показательно, что несмотря на критическое отношение к абстрактным «русским генералам», которые после отречения императора невзлюбили корпус, русская военная верхушка даже не была упомянута в списке виновных или хотя бы соучастников Февральской революции 1917 г. Это тем более интересно, что вопрос об ответственности военной верхушки русской армии (и, прежде всего, генерала М.А.Алексеева) обсуждался позднее в рядах русской эмиграции⁵². Стремление переложить вину за нарушение присяги и организацию заговора во время войны на гражданских политиков или на солдат Петербургского гарнизона было типичным для военных лидеров Белого движения [7, 20]⁵³.

Гражданские представители сербского государства в Петрограде и, прежде всего, сам посланник Мирослав Спалайкович смотрели на Февральский государственный переворот с более либеральных позиций (с большей симпатией к политикам Думы). Уже в телеграмме от 4/17 января 1917 г. М. Спалайкович писал о возможных «внутренних проблемах в России» и о том, что Англия будет стараться влиять на то, чтобы «кризис разрешился правильно». Негативными красками сербский посланник рисовал лояльных императору людей из его ближайшего окружения (царицу Александру Фёдоровну и министра внутренних дел А.Ф. Протопова). Возможные перемены в верхах России он воспринимал как имеющие значение лишь для внутренних дел самой России, т.к. среди цар-

⁴⁸ Велики рат Србије за ослобођење... С. 727, 728, 743, 747, 755, 762, 785, 791, 792.

⁴⁹ ВА. П.16. К. 44. Ф. 1. Д. 12. С. 138, 149.

⁵⁰ Там же. С. 143, 145.

⁵¹ Там же. С. 147-149.

⁵² АС. Ф. НА. Д. 130. Письмо генерал-лейтенанта В.Е. Борисова о необходимости защитить генерала М.В. Алексеева от несправедливых обвинений в измене за отречение Николая II, 30.08.1939.

⁵³ См. также документальный фильм «Русский корпус. Свидетельства». Реж. Ордовский М. Л. Санкт-Петербург: Ростик фильм, 2014. 1 серия, 18:36-19:08.

ского окружения и либеральной оппозиции М. Спалайкович не видел «никакого различия, если речь идёт о Сербии»⁵⁴.

В рядах сербской элиты наиболее точный анализ ситуации дали аналитики, предложившие своё видение дел на основании доступной им открытой информации. В то время как многим сербским, русским, французским и румынским дипломатам и даже фронтовым офицерам революция казалась «окончательным поражением доселе мощного влияния сильной германщины ... с твёрдой верой в новое русское наступление»⁵⁵. Сербские офицеры военной разведки 3/16 марта на основании анализа болгарской печати выразили собственное понимание происходящих в России событий: «Россия якобы полностью занята своим “внутренним кризисом”, война отступила на второй план; общественное мнение якобы стремится к миру и полностью не одобряет решения правительства продолжить войну; правительство же держится в России только благодаря дипломатическому искусству Англии, которая дала своё согласие на воцарение русских в Царьграде с твёрдым убеждением, что этого никогда не будет». В то же время внутренняя ситуация в России характеризовалась как соперничество «трёх элементов»: «монархистов, которые заботятся о спасении династии», «либеральной России, которая выступает за войну до победы, но не по той причине, что верят в эту победу или считают необходимым продолжение войны, а потому, что надеются от Англии и Франции получить конституцию и парламентское управление»; «рабочее сословие, которое хочет мира, свободы и земли, не верит в победу и хочет мира, т.к. Россия не имеет достаточно сил, чтобы бороться против Германии». По мнению авторов данного донесения, «компромисс этих трёх сил в России выглядит невозможным...»⁵⁶. Впрочем, такая оценка ситуации воспринималась и в сербском Генеральном штабе, и в сербском правительстве как прогерманские воззрения и дефетизм.

Сербские военные и гражданские представители в России, как и большая часть Российской империи того времени, не сразу распознали невысокий уровень новых русских правителей и перспективы страны под их управлением. Военное руководство Сербского добровольческого корпуса, находившегося в командной цепочке российской императорской армии, было полностью лояльно февральской революции. Слухи о том, что какая-то сербская часть выразила желание выступить в поддержку царя, были незамедлительно опровергнуты как «злонамеренная клевета» заявлениями генерала М. Живковича и сербского посланника М. Спалайковича, отправленными на имя П.Н. Милюкова и М.В. Родзянко⁵⁷. В своём донесении от 3/16 марта генерал П. Живкович писал сербскому военному министру на Корфу и сербскому посланнику в Петрограде: «...по поводу русской революции я объявил по Корпусу, согласно приказам, что

⁵⁴ АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. IV. С. 315-316.

⁵⁵ Велики рат Србије за ослобођење... С. 697.

⁵⁶ Там же. С. 709.

⁵⁷ ВА. П. 16. К. 44. Ф. 1. Д. 12. С. 155.

мы не имеем ни права, ни обязанности вмешиваться во внутренние дела братского нам русского народа, чьими гостями мы являемся»⁵⁸. Занимать ту же нейтральную позицию рекомендовал сербский посол М. Спалайкович уже в своей телеграмме от 4/7 января 1917 г.: «В этой неизвестности мы должны быть осторожны, сохранять симпатии всех местных политических течений ... Наше – это не вмешиваться в русские внутренние дела, и в этом смысле я непрестанно даю советы местным сербам»⁵⁹.

Официальная газета «Српске новине» 30 марта (12 апреля) опубликовала на первой странице редакционный обзор «Русская революция и её отклики». В этой статье были пропеты дифирамбы революции и провозглашена анафема «порушенному автократическому режиму, который германофилы сделали не-сносным», так как «волшебной палочкой были убиты все подземные чудовища, которые подрывали силы народного организма, омрачали его разум и влекли в пропасть», что дало сил на «гигантский удар народу, который разрушил гни-лую систему, сбросил назойливых наставников» и «отсёк отравленный орган»⁶⁰. Даже в феврале 1918 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки), находясь вне сферы досягаемости русских революционеров, М. Спалайкович без тени сомнений писал, что княгиня Елена Романова (Карагеоргиевич) должна остаться в Петрограде, «так как политически неудобно членам династии Романовых уезжать из России»⁶¹. Только в июне 1918 г. М. Спалайкович с исключительно активной помощью С.Н. Смирнова решил спасти дочь сербского короля от смерти в Алапаевске⁶².

Но всё это произошло только год спустя после событий весны 1917 г., когда лишь Николай II увидел «измену, подлость, обман» и предательство союзников. Сопровождавший его в ссылку офицер, закончивший свою жизнь в эмиграции в Сербии, вспоминал, как в августе 1917 г. оставленный своими генералами, церковью, народом и союзниками Николай Александрович Романов плыл со своей семьей в Тобольск на пароходе «Русь» навстречу смерти, тогда бывший русский царь очень рационально оценил нравы главных выгодополучателей февральских событий: «ни один народ в мире не обладает способностью принять Вас с таким радушием и гостеприимством, и вне всякой зависимости от этого раду-шия, и я бы сказал, в полной противоположности с таким приёмом, устроить свои государственные дела, как англичане»⁶³.

Подводные камни, механизмы и последствия Февральской революции в России вообще и во внешней политике на Балканах в частности, не могли быть полностью понятны сербским дипломатам весной 1917 г. Впрочем, оптимизм, граничащий с беззаботностью, после Февральской революции проявили не

⁵⁸ Там же. С.158.

⁵⁹ АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. IV. С. 315-316.

⁶⁰ Руски «Совјет». Господарство Немаца. // Српске новине. 1917, 4 ноября. С. 1.

⁶¹ АС. МИД. Пс. П-ПО. Ф. I. Р. 32/1918.

⁶² Протокол допроса С. Н. Смирнова, 16 марта 1922 г., Соколов Н.А.. *Предварительное следствие 1919—1922 гг.: Сборник материалов*, Сост. Л.А.Лыкова, М., 1998. С. 337—346.

⁶³ Народна библиотека Србије (НБС). Р. 699/IV/5. Немчинов С.М. Записки. 3-14 августа 1917. Т.1. Император Николай II об Англии и Америке. С. 3.

только балканские вассалы царской России, но и сами институты Империи. Опьянение бунтом и видимостью свободы закончилось для России горьким похмельем, анархией и распадом страны. Сербия же, опиравшаяся до этого на поддержку России, была вынуждена переориентироваться на Англию и Францию, поддерживавшие идеи либерализма и демократии. Вместо проекта объединения всех сербских земель в рамках православной монархии, было начато строение многонационального мультикультурного южнославянского проекта, стабильность которого так и не удалось обеспечить на всём протяжении его существования...

Список литературы

1. Бубликов А. А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк: б.и., 1918. 160 с.
2. Вишняков Я.В. «Сербская голгофа» глазами русских дипломата и генерала // Военно-исторический журнал. - 2016. № 4. С. 52-59.
3. Вишняков Я.В. Сербия в начале Первой мировой войны: 1914-1915 годы // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 53-65.
4. Вишняков Я.В. Сербь в русской армии в годы Первой мировой войны // Славяноведение. 2017. №3. С. 15-29.
5. Гражданская война в России: Черноморский флот, Сост. В. Доценко. М.: «Издательство АСТ», 2002. 544 с.
6. Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914—1917. М.: Центрполиграф, 2007. 399 с.
7. Гусляров Е. Роковая ошибка Тимофея Кирпичникова // Родина. 2016. №11. С. 54—57
8. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л.: Наука, 1967. 362 с.
9. Игнатъев А. В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль-октябрь 1917 г.). М.: Наука, 1966. 400 с.
10. Каширин В. Б. Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года // Новая и новейшая история. 2004, №6. С. 175-203.
11. Коленковский А. К. Дарданелльская операция. М.—Л.: Гиз, 1930.
12. Кувшинов В.А. Разоблачение партий большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль-октябрь 1917 г.). М.: Издательство Московского университета, 1982. 240 с.
13. Меннинг Б. У. Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861-1914. М.: Модест Колеров, 2016. 423 с.
14. Миронов Б. Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2014. 336 с.
15. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М.: Новый Хронограф, 2010. 911 с.
16. Писарев Ю. А. Сербия на Голгофе и политика великих держав, 1916 г. М.: Наука, 1993. 203 с.
17. Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России. 1905-1917 гг. М.: Наука, 1990. 381 с.
18. Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М.: Скрипторий, 1996. 263 с.
19. Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914-1917). М.: Изд-во Акад.наук СССР, 1960. 579 с.
20. Сидоров Н., Кондакова И. Очерки Е.И. Достовалова // ФЭБ. Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т.VI. 1995.
21. Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской Империи, 1906—1917: Историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998. 624 с.
22. Фирсов Е.Ф. Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. М., 2003.
23. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М.: Молодая гвардия, 1974. 240 с.
24. Ястребов Н. В. Великая Сербия, как разрешение южно-славянского вопроса в великой войне 1914-15 гг. // Вопросы Мировой войны: сборник статей. Петроград., 1915.
25. Ajrapetov O. R. Generali, liberali i preduzetnici: rad za front i za revoluciju (1907 -1917). Beograd: Udruženje za drushtvenu istoriju, 2005. 252 s.

26. Broadbent H. Gallipoli: The Fatal Shore. Camberwell, VIC: Penguin, 2005. 312 p.
27. Howard H. The Partition of Turkey: A Diplomatic History, 1913-1923. Norman, University of Oklahoma Press, 1931. 486 p.
28. Hrabak B. Srbija i februarska revolucija 1917. Godine // Zbornik radova Filozofskog fakulteta. Priština, 1978, №XIII, S. 7-58.
29. Janković D. Jugoslovensko pitanje i Krfska deklaracija 1917. Godine. Beograd: Savremena administracija, 1967. 517 s.
30. Katkov G. M. Russia 1917: The February Revolution. London: Longmans, 1967. 489 p.
31. Mandić A. Fragmenti za historiju ujedinjenja, povodom četrdesetogodišnjice osnivanja Jugoslavenskog odbora. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1956. 262 s.
32. Marjanović M. Londonski ugovor iz godine 1915. Prilog povijesti borbe za Jadran: 1914-1917. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1960. 469 s.
33. Mironov B. N. The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700—1917. New York: Routledge, 2012. 668 p.
34. Mitrović A. Srbija u prvom svetskom ratu. Beograd: Srpska knjizevna zadruka, 1984. 513 s.
35. Paulova M. Jugoslavenski odbor: povijest jugoslavenske emigracije za svjetskog rata od 1914-1918. Zagreb: Prosvjetna nakladna zadruka, 1925. 603 s.
36. Pavelić A. S., Meštrović I. Dr. Ante Trumbić: problemi hrvatsko-srpskih odnosa. München: Knjiznica Hrvtske revije, 1959.
37. Stanković Đ. Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije. Zaječar: Zaduzbina Nikola Pasić, 1995. 282 s.
38. Timofeev A., Živanović M. Carnegie Report on the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1912/13 in Serbia // Tokovi istorije. 2017. №1. S.43-70.
39. Timofejev A., Krečić D. Ruska vojna pomoć Srbiji za vreme Prvog svetskog rata. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2014. 352 s.
40. Trgovčević L. J. Naučnici Srbije i stvaranje jugoslovenske države: 1914-1920. Beograd: Narodna knjiga : Srpska knjizevna zadruka, 1986. 358 s.
41. Vendel H. Borba Jugoslovena za Slobodu i Jedinstvo. Beograd: Narodna Prosveta, 1925. 744 s.

Об авторе:

Алексей Юрьевич Тимофеев – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград), доцент кафедры новейшей истории Философского факультета Белградского университета. E-mail: al.timofev@gmail.com.

THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917 AND SERBIA

A.Yu. Timofeev
DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-16-40

Institute of World History, Russian Academy of Science

The paper considers the Serbian-Russian official relations on the eve and during the February Revolution of 1917 in Russia. The study is based on numerous archival sources and on the wide range of Russian and Serbian historiography. For the best understanding of changes of Russian foreign policy on the Balkans caused by the Provisional Government's coming to power the author investigates the Russian Empire plans of post-war reorganization of the western part of the Balkan Peninsula; the influence of other countries – allies of Russia in World War I is also analyzed. The Serbian official representatives noted the English influence on the coup in Russia though they did not provide any exact data about it. The official representatives of Serbia were not unanimous in their reactions towards the February revolution. The military took a cautious approach and noted the growth of negative

phenomena, their opinions were rather conservative. Diplomats were more liberal in their assessments, they criticized the fallen dynasty more strongly and showed greater optimism than the military. At the same time all of them were unanimous in the necessity to follow the path of full neutrality and non-interference in internal affairs of Russia. The author comes to the conclusion that despite the radical changes that the February revolution made in the post-war reconstruction of the Balkan Peninsula, Serbia could not have foreseen those changes beforehand. The exceptions were only some analytical works of the officers of the Serbian General Staff.

Key words: The February revolution of 1917, Serbian-Russian relations, Russian policy in the Balkans, the Black Sea straits, the Bosphorus and the Dardanelles, the First World War, the Entente, the history of diplomacy.

References

1. Bublikov A. A. *Russkaia revoliutsiia (ee nachalo, arest tsaria, perspektivy). Vpechatleniia i mysli ochevidtsa i uchastnika* [Russian Revolution (its beginning, the arrest of the tsar, prospects). Impressions and thoughts of an eyewitness and participant.] New-York, 1918. 160 p. (In Russian).
2. Vishniakov Ia.V. ["The Serbian Golgotha" through the eyes of Russian diplomat and General]. *Voenno-istoricheskii zhurnal - Military Historical Journal*, no. 4, 2016, pp. 52-59. (In Russian).
3. Vishniakov Ia.V. [Serbia at the beginning of the First World War: 1914-1915]. *Novaia i noveishaia istoriia - Modern and Current History Journal*, no. 2, 2013, pp. 53-65. (In Russian).
4. Vishniakov Ia.V. [Serbs in the Russian army during of the First World War] *Slavianovedenie - Slavic Studies*, no. 3, 2017, pp. 15-29. (In Russian).
5. *Grazhdanskaia voina v Rossii: Chernomorskiy flot* [Civil War in Russia: the Black Sea Fleet]. Ed. by V. Dotsenko. Moscow, AST Publishing House, 2002. 544 p. (In Russian).
6. Gurko V. I. *Voina i revoliutsiia v Rossii. Memuary komanduiushchego Zapadnym frontom. 1914—1917* [War and revolution in Russia. Memoirs of the Commander of the Western Front. 1914—1917]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2007. 399 p. (In Russian).
7. Gusliarov E. [The fatal mistake of Timofey Kirpichnikov]. *Rodina - Homeland*, no. 11, 2016, pp. 54–57 (In Russian).
8. Diakin V. S. *Russkaia burzhuaziia i tsarizm v gody pervoi mirovoi voiny (1914—1917)* [The Russian bourgeoisie and tsarism during the First World War (1914—1917)]. Leningrad, Nauka, 1967. 362 p. (In Russian).
9. Ignat'ev A. V. *Russko-angliiskie otnosheniia nakanune Oktiabr'skoi revoliutsii (fevral'-oktiabr' 1917 g.)* [The Russian-English relations on the eve of the October revolution (February-October, 1917)]. Moscow, Nauka, 1966. 400 p. (In Russian).
10. Kashirin V. B. [The unrealized expedition of the Russian Armed Forces to the Balkans in the autumn of 1915]. *Novaia i noveishaia istoriia - Modern and Current History Journal*, no. 6, 2004, pp. 175-203. (In Russian).
11. Kolenkovskii A. K. *Dardanell'skaia operatsiia* [The Dardanelles operation]. Moscow – Leningrad, GIZ (State Publishing House), 1930. (In Russian).
12. Kuvshinov V.A. *Razoblachenie partiei bol'shevikov ideologii i taktiki kadetov (fevral'-oktiabr' 1917 g.)* [The exposure of ideology and tactics of the Cadets by Bolsheviks Party (February-October 1917)]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1982. 240 p. (In Russian).
13. Menning B. U. *Pulia i shtyk. Armii Rossiiskoi imperii, 1861-1914* [Bullet and bayonet. Army of the Russian Empire, 1861-1914]. Moscow, Publishing House of Modest Kolerov, 2016. 423 p. (In Russian).
14. Mironov B. N. *Strasti po revoliutsii: Navy v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii* [Debating the revolution: customs of Russian historiography in the Informa-

- tion Age]. Moscow, Ves' mir, 2014. 336 p. (In Russian).
15. Mironov B.N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII — nachalo XX veka* [Welfare of the population and revolutions in imperial Russia: from the eighteenth to the early twentieth centuries]. Moscow, Novyi Khronograf, 2010. 911 p. (In Russian).
 16. Pisarev Iu. A. *Serbiia na Golgofo i politika velikikh derzhav, 1916 g* [Golgotha of Serbia and the policy of the great powers in 1916]. Moscow, Nauka, 1993. 203 p. (In Russian).
 17. Polikarpov V. D. *Voennaia kontrrevoliutsiia v Rossii. 1905-1917 gg* [Military counterrevolution in Russia. 1905-1917]. Moscow, Nauka, 1990. 381 p. (In Russian).
 18. Senin A. S. *Aleksandr Ivanovich Guchkov* [Alexander Ivanovich Guchkov]. Moscow, Skriptorii, 1996. 263 p. (In Russian).
 19. Sidorov A. L. *Finansovoe polozhenie Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914-1917)* [Financial situation of Russia during the First World War (1914-1917)]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publishing House, 1960. 579 p. (In Russian).
 20. Sidorov N., Kondakova I. [E.I. Dostoevskii's essays]. *FEB. Rossiiskii Arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII—XX vv. - FEL. The Russian Archive: the national history in testimonies and documents, XVIII—XX centuries*, vol. VI, 1995. (In Russian).
 21. Smirnov A. F. *Gosudarstvennaia Duma Rossiiskoi Imperii, 1906–1917: Istoriko-pravovoi ocherk* [State Duma of the Russian Empire, 1906–1917: history and law essay]. Moscow, Kniga i biznes, 1998. 624 p. (In Russian).
 22. Firsov E.F. T. G. *Masarik v Rossii i bor'ba za nezavisimost' chekhov i slovakov* [T. G. Masaryk in Russia and the struggle for independence of Czechs and Slovaks]. Moscow, 2003. (In Russian).
 23. Iakovlev N. N. *1 avgusta 1914* [1 August, 1914]. Moscow, Molodaia gvardiia, 1974. 240 p. (In Russian).
 24. Iastrebov N. V. [The Great Serbia as the resolution of the South Slavs problem in the Great War of 1914-15]. *Voprosy Mirovoi voiny: sbornik statei - World War issues: a collection of articles*, Petrograd, 1915. (In Russian).
 25. Ajrapetov O. R. *Generali, liberali i preduzetnici: rad za front i za revoluciju (1907 -1917)* [Generals, liberals and businessmen: work for the front and for the revolution]. Beograd, Udruženje za drushtvenu istoriju, 2005. 252 p. (In Serbian)
 26. Broadbent H. *Gallipoli: The Fatal Shore*. Camberwell, VIC: Penguin, 2005, 312 p.
 27. Howard H. *The Partition of Turkey: A Diplomatic History, 1913-1923*. Norman, University of Oklahoma Press, 1931. 486 p.
 28. Hrabak B. Serbia and the February revolution of 1917. *Zbornik radova Filozofskog fakulteta* [Proc. of the Faculty of Philosophy]. Priština, 1978, no. XIII, pp. 7-58. (In Serbian)
 29. Janković D. *Jugoslovensko pitanje i Krfska deklaracija 1917. Godine* [The Yugoslav Question and the Corfu Declaration of 1917] Beograd, Savremena administracija, 1967. 517 p. (In Serbian)
 30. Katkov G. M. *Russia 1917: The February Revolution*. London, Longmans, 1967. 489 p.
 31. Mandić A. *Fragmenti za historiju ujedinjenja, povodom četrdesetgodišnjice osnivanja Jugoslavenskog odbora* [Episodes of the history of integration, on the occasion of the anniversary of the creation of the Yugoslav Committee]. Zagreb, Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1956. 262 p. (In Serbian)
 32. Marjanović M. *Londonski ugovor iz godine 1915. Prilog povijesti borbe za Jadran: 1914-1917*. [The London Treaty of 1915. Contribution to the struggle for the Adriatic: 1914-1917]. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1960. 469 p. (In Serbian)
 33. Mironov B. N. *The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700—1917*. New York, Routledge, 2012. 668 p.
 34. Mitrović A. *Srbija u prvom svetskom ratu* [Serbia in the First World War]. Beograd, Srpska knjevena zadruga, 1984. 513 p. (In Serbian)
 35. Paulova M. *Jugoslavenski odbor: povijest jugoslavenske emigracije za svjetskog rata od 1914-1918*. [The Yugoslav Committee:

- the history of the Yugoslav emigration in the World War of 1914-1918]. Zagreb, Prosvjetna nakladna zadruga, 1925. 603 p. (In Serbian)
36. Pavelić A. S., Meštrović I. Dr. *Ante Trumbić: problemi hrvatsko-srpskih odnosa* [Dr. Ante Trumbić: problems of Croatian-Serbian relations]. München, Knjiznica Hrvtske revije, 1959. (In Serbian)
 37. Stanković Đ. *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije* [Nikola Pašić, the Allies and the creation of Yugoslavia]. Zaječar, Zaduzbina Nikola Pasić, 1995. 282 p. (In Serbian)
 38. Timofeev A., Živanović M. Carnegie Report on the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1912/13 in Serbia. *Tokovi istorije - Currents of history*, no. 1, 2017, pp.43-70. (In Serbian)
 39. Timofejev A., Kremić D. *Ruska vojna pomoć Srbiji za vreme Prvog svetskog rata* [Russian military support to Serbia during the First World War]. Beograd, Institut za noviju istoriju Srbije, 2014. 352 p. (In Serbian)
 40. Trgovčević L. J. *Naučnici Srbije i stvaranje jugoslovenske države: 1914-1920* [Scientists of Serbia and the creation of the Yugoslav state: 1914-1920]. Beograd, Narodna knjiga : Srpska književna zadruga, 1986. 358 p. (In Serbian)
 41. Vendel H. *Borba Jugoslovena za Slobodu i Jedinstvo* [Yugoslavs Fight for Freedom and Unity]. Beograd, Narodna Prosveta, 1925. 744 p. (In Serbian)

About the author:

Alexey Yu. Timofeev – Doctor of Historical sciences, the associate professor at the Institute for Contemporary History (Serbia, Belgrade). 11000, Trg Nikole Pašića 11, Belgrade, Serbia) and at the Department of Modern History of the Philosophy Faculty of the Belgrade University. 11000, 18-20 Čika Ljubina Street, Belgrade, Serbia. E-mail: al.timofev@gmail.com.

ФЁДОР РАСКОЛЬНИКОВ: ТРАГЕДИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРА И ТРАГИЧНОСТЬ ИДЕИ

Т.С. Кондратьева

Центр российских исследований Высшей школы социальных наук (г. Париж)

В статье рассматривается личностная эволюция Ф.Ф. Раскольникова – известного отечественного революционного деятеля. Опираясь на методологию исторической антропологии, автор намеревается выйти на целостное понимание феномена революции в России, рассматривая развитие взглядов и творческой деятельности Раскольникова как отражение общего состояния развития партийной элиты большевиков. Также автор обращается к идейным истокам творчества Ф.Ф. Раскольникова как театрального критика, публициста и литератора. Созданная им пьеса «Робеспьер» поднимает ключевой вопрос в изучении истории Великой русской революции, а именно – осознавали ли лидеры большевиков, что вслед за коренными преобразованиями неизбежно последует откат, контрреволюционный тренд, который может вылиться в радикальное обновление элиты с помощью террора – «Термидор».

Автор последовательно рассматривает биографию Ф.Ф. Раскольникова, характеризует его интеллектуальное становление. Затем подробно раскрывается становление Раскольникова как военачальника и крупного функционера в партии большевиков. Проанализированы особенности «театрального периода» в жизни рассматриваемого исторического персонажа, в том числе источники его литературных опытов и отношения с литературно-театральными деятелями СССР. Наконец, автор определяет особенности пересмотренной и дополненной версии пьесы «Робеспьер», которая была поставлена в Париже, после того как Ф.Ф. Раскольников стал «невозвращенцем». Если в первоначальном варианте автор пьесы делал акцент на специфике французской и русской революций, то в переработанном варианте упор делался на общее. Результатом этого интеллектуального труда стало осознание Раскольниковым провала идей, за которые он боролся, что нашло отражение в «Открытом письме к Сталину».

Ключевые слова: революция, «Робеспьер», термидор, Великая русская революция.

УДК 93/94

Поступила в редакцию 14.05.2017 г.

Принята к публикации 11.06.2017 г.

История Фёдора Раскольникова (1892-1939) отмечена двойственностью: с одной стороны, герой Октябрьской революции и Гражданской войны, с другой – предатель, перебежчик, в 1938 г. оставивший свой дипломатический пост и не вернувшийся в Москву. В 1965 г. – через два года после официальной реабилитации – заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезников, потребовал, чтобы Раскольникова, как троцкиста, всё-таки предали забвению [6, 8, 12, 56]. Только с перестройкой во время новой волны разоблачений сталинских преступлений Фёдор Раскольников получил признание как герой и жертва репрессий [2, 5, 10, 24, 39, 40, 42, 43]. В своих собственных рассказах о революции и войне и в работах своих биографов Раскольников предстаёт как настоящий большевик-ленинец, успешный дипломат и писатель, активно участвовавший в становлении советской литературы [29, 30, 32-37].

Деятельность Раскольникова-писателя и драматурга всегда обозначается в его биографиях, но никакого специального интереса она не вызывает. Между тем, в длинном списке его произведений есть одно, на наш взгляд, заслуживающее внимания. Раскольников – автор пьесы «Робеспьер», впервые поставленной в Ленинградском государственном театре драмы в 1931 г., прошедшей с гастрольями в некоторых советских городах и в Тарту, а затем в 1939 г. сыгранной в Париже в театре Порт Сэн-Мартэн к 150-летию французской революции [31]. Эта четырёхактная пьеса показывает Робеспьера за месяц до казни: месяц сомнений, подозрений и колебаний.

Выбор сюжета для пьесы в конце 1920-х гг., когда споры о «советском Термидоре» были в самом разгаре в партии и среди историков, кажется загадочным. В пьесе, наверняка, есть что-то, что объединяет Раскольникова и Робеспьера: оба они – революционеры с первых дней, оба не исключают ни своего собственного трагического конца, ни конца революции. Попробуем разобраться, в каких условиях писалась и ставилась пьеса, как она воспринималась современниками в двух исторических контекстах: сначала в Советском Союзе в 1931 г. и потом в Париже в 1939 г. с целью прояснить вопрос о представлениях о конце революций.

Неужели Раскольников и другие большевики старой закалки, Робеспьер и его сподвижники, не могли распознать или предчувствовать конец революции? Предупреждённые историческими прецедентами (Кромвель для первого и Робеспьер для второго) не боялись ли они своего собственного трагического конца? Как вхождение во власть сказалось на их мыслях о революции? Если некоторые из революционеров угадывали признаки конца, что это были за признаки? Почему другие их не видели? Что могла значить постановка пьесы в Париже не просто в переводе, а в переработке Ги Фавьера? Может быть, универсально признанный приговор «революция пожирает своих детей» маскирует какие-то специфические признаки места и времени действия? Как восприятию конца русской революции мешали помехи представлений о французской революции?

Пламенный революционер

Преданный делу большевиков в РСДРП, куда он вступил в 1910 г., студент Санкт-Петербургского политехнического института, Фёдор Ильин предпочёл некоторым своим псевдонимам тот, с которым прошёл по жизни. Он стал Раскольниковым. Позднее, объясняя свой выбор, подпольщик сошлётся на влияние французского философа Жюль де Готье, который посвятил работу имитациям литературных или исторических героев, ставшую модной в России в начале века [34, с. 25]¹. Что касается героя романа Достоевского, то он притягивал революционную молодёжь своей приверженностью Идее [34, с. 572]. Быть верным Идее революции и социализма – это клятва молодости, с которой Раскольников прожил всю жизнь. Однако Родион Раскольников «убил старуху». Он совершил преступление. Как заметил Б.П. Вышеславцев, знаток Достоевского, логика преступления знает два пути: один – отрицание всяких абсолютных запретов «всё позволено» и нет различия между добром и злом; другой путь – оправдание преступления какой-либо возвышенной и обычно бесконечно далёкой целью [4, с. 117]. Революционные идеалы – это именно такая цель. Неважно, что хотел имитировать Фёдор Ильин, его псевдоним остаётся двусмысленным: революционный романтизм и революционное насилие – неразрывная пара вполне в духе амбициозного мечтательства Готье. Предпочтение, отданное этому псевдониму, является симптомом противоречивости чувств, свойственных начинающему революционеру.

Вступив в большевистскую партию, Фёдор Раскольников хочет сеять доброе слово: его активность в партии проявляется в редакциях «Звезды» и «Правды»².

С первых дней февральской революции 1917 г. Раскольников действует от имени легального комитета большевистской партии, и уже в марте послан для работы в редакцию кронштадтской газеты «Голос правды». Население, представленное здесь преимущественно моряками, солдатами артиллерийских и пехотных полков и портовыми рабочими, оказывается особо восприимчивым к большевистскому дискурсу. Раскольников должен не только писать в газете, но и вести пропагандистскую работу, выступая перед такого рода публикой. Он проявляет себя как прекрасный оратор и получает признание. Его пламенные речи доступны, и он – «свой»: звание мичмана, полученное по окончании гардемаринских курсов (1914-1916), и практика в плаваниях помогают ему найти общий язык с матросами и солдатами. Деятельность Раскольникова в Кронштадте способствует успеху большевиков и помогает им превратить эту военно-морскую крепость в авангард революции. Никто иной как Раскольников приводит «своих кронштадцев» в Петроград в начале июля, когда массы подталкивают колеблющихся большевиков к восстанию [29; 54, с. 112-128].

¹ Это воспоминание свидетельствует о том, что Раскольников знал, благодаря книге Готье *Боваризм, эссе о силе воображения*, (1902 г.), также многое и о философии Ницше.

² Подборка его статей с 1911 по 1914 гг. хранится в РГАСПИ, Ф. 562, Оп. 1, д. 26. Среди сюжетов: профсоюзы, санитарное состояние заводов, локауты, труд шахтёров, русские тюрьмы, а также литературная полка рабочего и «Корни материалистического познания истории».

Для партии провал восстания закончился репрессиями и запрещением; для Раскольникова – тюрьмой, в которой условия пребывания позволяли читать, писать и общаться с другими заключёнными. Судя по тому замечанию («эта пухлая и устарелая книга»), которое Раскольников сделал по поводу *«Политической истории французской революции»* А. Олара, «без отдыха путешествующей по камерам», он был хорошо начитан об истории этой революции [34, с. 247]. По словам его матери, в 1912 г., во время первого пребывания в тюрьме, Раскольников читал Н.И. Кареева, известного своими работами по социально-экономической истории Франции – хотя не ясно, какие именно работы [34, с. 52]. В предреволюционный период читаемыми авторами в революционной среде были Луи Блан, Жан Жорес, Пётр Кропоткин и по всей вероятности Раскольников тоже их читал.

Выйдя из тюрьмы 11 октября 1917 г., он ведёт пропаганду вооружённого восстания, равняясь таким образом на Ленина и Троцкого против Каменева и Зиновьева, не одобрявших эту рискованную меру. После конференции о перспективах пролетарской революции в цирке Модерн 20 октября Раскольников заболевает, но, несмотря на это, рано утром 26 октября торопится в Смольный, генеральный штаб партии, которая накануне захватила власть. Он, как и остальные, работает в «сомнамбулическом состоянии»: «Если взглянуть на нас со стороны, мы походили на полусумасшедших» [34, с. 300]. Не было должностей, каждый выполнял ту работу, которая была необходима: «туда, где острее всего ощущалась какая-либо неувязка [...], туда сейчас же с молниеносной быстротой бросались большевики и энергичнейшей, напряженнейшей, можно сказать, нечеловеческой работой быстро восстанавливали пошатнувшееся положение» [34, с. 308].

До формирования регулярной Красной армии в феврале 1918 г. моряки Балтфлота были на передовой в битве за Республику Советов. До своего ухода с поста главнокомандующего Балтфлотом в январе 1921 г. Раскольников оставался «на боевых постах» [33]. Во время Гражданской войны он командовал флотом на Волге, на Каспии, на Балтике. Здесь уже не слово служило партии и революции, а человек с ружьём. Как в романе Достоевского, Идея требовала перехода от слов к делу. Со времени своего назначения на пост зам.комиссара по морским делам в январе 1918 г. и до взятия в плен англичанами в декабре того же года Раскольников совершил по крайней мере два поступка, которые советская власть признает героическими. В июне по заданию Ленина он затопил Черноморский флот в Новороссийске, чтобы тот не достался противнику. В октябре, командуя Волжской флотилией, он хитростью захватил баржу в селе Гольяны и спас таким образом 432 ижевских рабочих, которых белые держали в заложниках [34, с. 372-379]. В его честь жители переименовали село, и оно до 1938 г. носило имя героя, награждённого орденом Красного знамени (сегодня одна из улиц села носит его имя).

Попав в плен к англичанам во время опасной морской операции, Раскольников провёл пять месяцев в лондонской тюрьме прежде, чем его обменяли

на 17 британских офицеров в мае 1919 г. Сразу же после освобождения он в качестве командующего флотом назначается на Каспий защищать Астрахань, Царицын, Казань. За умело проведенную операцию по возвращению 29 судов и военного имущества, оставленного денкикинцами в Энзели (самый крупный иранский порт в Каспийском море), Раскольников был награжден вторым орденом Красного знамени в июне 1920 г. В это же время он был назначен на пост командующего Балтийским флотом. Однако через шесть месяцев Раскольников прерывает свою военную карьеру, адресуя наркомвоенмору Троцкому просьбу об освобождении от исполняемых обязанностей, и зам.комиссара иностранных дел Л.М. Карахан довольно быстро находит ему пост дипломата.

Как объяснить такой резкий поворот? В телеграмме Троцкому Раскольников ссылается на недоверие по отношению к нему моряков и их недовольство [34, с. 135-136]. Если принять во внимание обстоятельства политической борьбы и некоторые свидетельства, то можно получить более пространное и удовлетворительное объяснение важности этого момента в жизни революционера, имеющего репутацию пламенного.

В декабре 1920 г. «профсоюзная дискуссия», сдерживаемая на уровне ЦК, превратилась в открытый конфликт внутри партии и была даже поставлена на повестку дня X съезда, который планировался на весну 1921 г. Дискуссия стала публичной: она противопоставила сторонников Ленина – в их числе Зиновьев и Сталин – и сторонников Троцкого, среди которых Раскольников. Для неискушенных в политике речь шла о роли профсоюзов в пролетарском государстве. Троцкий требовал, чтобы профсоюзы путём железной трудовой дисциплины выполняли роль организаторов производства: в условиях разрухи на производстве – как на фронте. Ленин настаивал на воспитательной роли профсоюзов и связи, которую они должны были обеспечить с партией.

В более глубоком смысле дискуссия шла по вопросу о природе самого государства, о его демократизации или бюрократизации. Децисты (демократические централисты) и Рабочая оппозиция были против милитаризации труда, но занимая позицию против «палки» Троцкого, не выступали за «палку» Ленина. Их участие усложнило дискуссию. В этом контексте Раскольников выступал на стороне Троцкого, защищая публично его тезисы на митингах перед матросами. Не первый раз проявлял он себя сторонником Троцкого и платил за это: в июле 1919 г. он был выведен из состава Реввоенсовета Республики [49, с. 264]. В январе 1921 г. цена оказалась выше: он должен был уйти с поста командующего Балтфлотом. На фронтах Гражданской войны Раскольников видел в Троцком блестящего военного начальника, полностью преданного Идее. Брошюра Троцкого «Терроризм и коммунизм», опубликованная в 1920 г. в Москве, совпадала, вероятно, по духу с его собственной практикой ужесточения дисциплины на Балтфлоте: «Революция "логически" не требует терроризма, как "логически" она не требует и вооружённого восстания [...]. Но зато революция требует от революционного класса, чтобы он добился своей цели всеми средствами, какие

имеются в его распоряжении: если нужно – вооружённым восстанием, если требуется – терроризмом».

Рассказы Раскольникова о революции и гражданской войне не дают представления о степени насилия, они носят эпический характер: ни крови, ни анархии, ни террора. Вместо насилия, присущего войне, – цепь героических эпизодов, победы без жертв и удаль победителей-красноармейцев. Не то чтобы Раскольников не видел или не практиковал насилия, он не рассказывал о нём, потому что был глубоко убеждён в правоте Идеи, которую защищал: для него, безусловно, цель оправдывала средства. В 1922 г. Лариса Рейснер, жена и правая рука на «боевых постах», образно объяснит такую позицию: «Мы с ним оба делали в жизни чёрное, оба вылезали из грязи и «перепрыгивали» через тень... И наша жизнь – как наша эпоха – как мы сами. От Балтики в Новороссийск, от Камы к апельсиновым аллеям Джелалабада, нас судить нельзя, и самим нечего отчаиваться» [27, с. 308].

Как Троцкий и многие другие, Раскольников отдавал приказы: арестовать, взять заложников, расстрелять. В русской эмиграции разоблачались его кровавые действия, но его собственные экзальтированные рассказы, как и рассказы Ларисы Рейснер, преследуют воспитательную цель в отношении советской молодёжи, которой они дают примеры героизма во имя революции [17, 18, 41]³.

Выступление на стороне Троцкого в профсоюзной дискуссии – это важная причина недовольства матросов, но она не единственная. Некоторые дисциплинарные меры, введённые Раскольниковым, воспринимались как слишком суровые матросами, которые были уже не те, что в 1917 г., профессионально обученные и политически активные. Многие стали жертвами Гражданской войны, а на их место пришли новобранцы из деревни [7]. Их неподчинение дисциплине натолкнулось на железную руку командующего Балтфлотом. К тому же этот последний подлил масла в огонь, послав телеграмму Ленину и Троцкому, объясняя состояние на Балтфлоте анархией. Матросы (более 3000 на митинге) возмутились «клеветой» Раскольникова и вынудили его к отставке [28, с. 189]. Разногласия и интриги по поводу политического руководства Балтфлотом тоже были не в пользу Раскольникова [54, с. 203-204, 211-212].

Наконец, супружеская пара Раскольников/Рейснер вызывала раздражение матросов. Как и многие другие в революционном руководстве, Раскольниковы были выходцами из среды интеллигенции и отличались вкусами и нравами, которые советская власть поощряла в виде привилегий: большие квартиры, казённая (конфискованная!) мебель, посуда, хорошее питание. Для матросов и трудящихся, ожидавших обещанное равенство, эти привилегии были неприемлемы. Артистическая экстравагантность Ларисы, истолкованная как пошлое «обуржуазивание», возмущала матросов под командованием Раскольникова [28, с. 112, 187].

³ В 1918-1919 Л. Рейснер – комиссар Генерального штаба Военно-морского флота РСФСР; во время волжской кампании Раскольникова, – политкомиссар флотилии.

По своему дворянскому происхождению Лариса привыкла к существенному материальному достатку. Дочь юриста, профессора Петербургского университета, она получила блестящее образование, и её вкусы сформировались в интеллектуально-литературной среде, богемной и в то же время авангардной. Раскольников, имеющий по матери дворянское происхождение, получил благодаря её усилиям на службе в казённой винной лавке, хорошее образование, окончив реальное училище и в 1913 г. экономическое отделение Петербургского политехнического института. В том же году давнее увлечение литературой и историей привело его в качестве вольного слушателя в императорский Археологический институт к профессору С.А. Венгерову. Социальное происхождение, образование и особенно любовь к литературе позволяли супружеской паре иметь друзей в литературных кругах обеих столиц. Раскольников познакомился с Горьким в 1915 г. и поддерживал с ним связь до смерти писателя [32; 34; с. 458-467; 37, с. 59]. Он посещал артистические вечера в Москве на квартире у Л.В. Каменева и в своей автобиографии, датированной 1920 г., представлялся как «литератор и командующий флотом» [34, с. 509-515, 557].

За своё поэтическое и журналистское творчество Лариса получала большее признание, чем Раскольников. По многим свидетельствам, блистала она, а он, хотя и с достоинством, следовал за ней [27, с. 228, 246, 285, 369-370]. В то время как муж возглавлял Балтфлот, Лариса работала по линии Пролеткульта и проявляла себя в литературных кругах, в частности на чаепитиях у Горького⁴.

Эта принадлежность Раскольникова к литературным кругам т.е. двойственность, наверняка, сыграла свою роль в его отказе от военной карьеры в январе 1921 г. В обстановке недоверия и недовольства со стороны матросов, он выбрал, может, несознательно, возможность уклониться (удалиться) от внутривластной борьбы, которая подвергала испытанию его верность Идее.

Восстание в Кронштадте в марте 1921 г., т.е. после отставки Раскольникова 27 января того же года, конечно, вспыхнуло не из-за него [7, с. 165-174], но нервное напряжение, в котором он пребывал всю осень 1920 г. сказалось на его здоровье. Эмоциональный шок уложил его в постель, и это не в первый раз: в 1912 г., благодаря хлопотам матери, его пребывание в тюрьме было прервано помещением в психиатрическую клинику, где он в течение четырёх месяцев лечился от неврастения. В Кронштадте его организм снова реагировал на душевное состояние: отвергнутый матросами, Раскольников чувствовал себя виноватым⁵. Подавление восстания 18 марта и большое число расстрелянных воспринималось как драма. Вопрос о цене, которую надо платить за достижение цели должен был

⁴ По воспоминаниям Берберовой, среди завсегдатаев здесь были З. Гржебин, К. Чуковский, Е. Замятин, Б. Пильняк, Шалапин, М. Добужинский, С. Радлов, бывали и партийно-государственные деятели как Халатов, Красин, Луначарский, Коллонтай и даже Ленин [48, с. 118].

⁵ Лариса рассказывает, как она сумела привезти его в санаторий в Сочи и как долго она ухаживала за измождённым воспалением лёгких «бледным и худым» Раскольниковым [27, с. 97; 34, с. 55-58]. Может быть, состояние его нервной системы связано с наследственной предрасположенностью к кризисам? Его отец, дед и дядя покончили жизнь самоубийством.

встать внутри супружеской пары, потому что и Раскольников, и Лариса сознательно покинули «боевые посты». Лариса так поэтически образно резюмировала этот этап их жизни: «Мы – уже прошлое, мы – долгие годы, предшествующие 18 году, и мы – Великий, навеки незабываемый 18 год» [27, с. 308].

То, что Раскольников потерял престиж из-за событий в Кронштадте – это очевидно, то, что он был сослан за границу за преданность Троцкому – менее очевидно. Но вполне можно думать, что дружба с Караханом, любимчиком артистов и поэтов, способствовала его перевоплощению из военного в дипломата, т.е. помогла ему вернуться к первоначальному импульсу: служить революции словом и пером.

На литературном посту

Полномочный посол РСФСР в Афганистане с июля 1921 по декабрь 1923 г., Раскольников, при активной поддержке Ларисы Рейснер, блестяще выполнил свою миссию. Благодаря супружеской чете страна, бывшая в изоляции, сумела упрочить дружбу с Афганистаном, одержав тем самым дипломатическую победу над Англией и другими враждебными силами на Востоке [21; 38]. Афганский король даже оказал Раскольникову редкую честь, наградив его орденом, и Политбюро сделало исключение из правила, позволив Раскольникову принять награду от монарха.

В Кабуле, по свидетельству самого Раскольникова, он имел много свободного времени, чтобы писать. Именно здесь он написал самую известную свою книгу *«Кронштадт и Питер в 1917 году»*. Он собирал материалы, относящиеся к европейским революциям и русскому революционному движению. Такой круг интересов позволяет думать, что он искал в истории ответы на свои вопросы о свершившейся Русской революции. Лариса также писала и публиковала рассказы о революции и гражданской войне. Оба они воспевали прошлое, в котором их память выбирала только моменты славы. Советская действительность, о которой они узнавали из писем и газет, удручала их очевидностью бюрократизации и обмещанивания [40].

Однако форма борьбы на дипломатическом посту не давала им полного удовлетворения. Испытывая нехватку действия Лариса, душа более поэтическая и мятежная, уезжает из Афганистана в конце 1922 г., чтобы в скором времени снова окунуться в революционную стихию: в качестве журналистки и любовницы Карла Радека осенью 1923 г. она следит за развитием революции в Германии. В Кабуле Раскольников тяжело переживает разрыв с женой. Вернувшись в Москву в декабре 1923 г., он чувствует себя потерянным⁶, но в конце концов находит своё место на литературном фронте, в этот раз не в лагере Троцкого.

⁶ Вот отрывок из письма к Ларисе : « Я удивляюсь, как ещё до сих пор остаюсь в живых, а не умер от безутешного горя, ведь я вспыльчивый, раздражительный, нервный, но право же не злой человек. [...] Я в ужасе, Лариса, я так без тебя жить не могу, сделай милость, сжался и вернись ко мне» (РГАСПИ, Ф. 562, оп. 1, д. 1, л. 3).

Ещё будучи в Кабуле, Раскольников сотрудничал с журналами *«Пролетарская революция»* и *«Красная новь»*, которые печатали его статьи. Многочисленные знакомства и дружба в правительственных (Луначарский и Каменев) и литературных (Пильняк, Лидин, Всеволод Иванов, Леонид Леонов, Пантелеймон Романов) кругах облегчили ему освоение новых «боевых» постов [39, с. 56, 61]. Так, с 1924 по 1926 гг., он – редактор журнала *«Молодая гвардия»*, кроме того, он возглавляет издательство *«Московский рабочий»*, и является членом редакции журнала *«На посту»*. Учитывая контекст упорядочения творчества и идеологической вербовки творческих работников во второй половине 1920-х гг., надо заметить, что назначение на эти должности свидетельствует о боевой настроенности Раскольникова в борьбе за гегемонию пролетарской литературы. Журнал *«На посту»* являлся органом группы «Октябрь» (1922-1925), которая считала литературу средством партийной пропаганды и заявляла, что только она одна среди других, ещё существовавших групп, способна защищать коммунистическую идеологию. Группа громко и уверенно утверждала, что литература должна создаваться пролетариями и быть им полезной. В статье «Традиции большевистской прессы», опубликованной в её журнале, Раскольников призывал к привлечению писателей *от станка*, чтобы очистить литературу от формалистов и имажинистов. Он часто критиковал журнал *«Красная новь»*, в частности его директора А.К. Воронского, который публиковал «попутчиков», т.е. цвет литературы тех лет, И. Бабеля, К. Паустовского, А. Толстого, Б. Пастернака, С. Есенина, Б. Пильняка, Л. Леонова, Всеволода Иванова и многих других. После открытого конфликта с Воронским Раскольников вошёл в редакцию *«Красной нови»* (29 августа 1924 г.), правда, не надолго: Луначарский и Фрунзе «обязали» Воронского вернуться к своей деятельности, и Раскольников был выведен из состава редакции [25]. Тем не менее, будучи членом Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), Раскольников продолжал участвовать в кампании идеологического наступления на Воронского, которого, в конце концов, сместили в октябре 1927 г. Через два года Политбюро назначит-таки Раскольникова главным редактором *«Красной нови»* (правда, всего на год).

В январе 1928 г. Политбюро поставит Раскольникова во главе Главреперткома, в задачу которого входила цензура репертуара театров, кино, цирков, эстрады и т.д. С сентября 1929 г. ему доверят пост председателя Совета по делам искусства и литературы Наркомпроса РСФСР, и он останется в этой должности до возобновления своей дипломатической деятельности в марте 1930 г. В рамках этих учреждений Раскольников вёл политику, которая преследовала цель превзойти формальную цензуру (разрешить/запретить), чтобы стать идейным воспитателем деятелей искусства. Ему казалось естественным сделать обязательной для всех Идею, которой он сам был предан.

Несмотря на такую карьеру, профиль «верного пса» на службе пролетарской литературы ему не подходит. На всех постах, которые он занимал, в его окружении были люди такого профиля, радикалы, фанатики, молодые и часто

малообразованные. Именно они были оголтелыми, действовали решительно и, в конечном итоге, играли более важную роль, чем он [13, с. 109-161; 46, с. 149-182]. Войну с «попутчиками» вели также В. Ермилов из «Молодой гвардии», Л. Авербах, Г. Лелевич и С. Родов из ВАППа и «На посту». Именно их публикации служат историкам для иллюстрации грубости, абсурдности и ненависти, которые имели место в данном контексте. Если Раскольников был на их стороне, то он умел вести дебаты с попутчиками на допустимом для них языке. Несмотря на противоречия, он старался сохранить (и сохранил!) хорошие отношения с писателями из круга Воронского. Пильняк, Леонид Леонов и Всеволод Иванов были его близкими друзьями. Он был расположен по отношению к Эренбургу⁷ и общался с Горьким. В отличие от «неистовых ревнителей», он старался маневрировать в духе Постановления Политбюро, в редакции которого участвовал [26, с. 53]. Этот документ, скорректированный и одобренный Сталиным, противоречив. С одной стороны, он настаивает на классовой борьбе, которая продолжается на литературном фронте, как и в политике. С другой стороны, он даёт директиву проявлять такт в отношении беспартийных писателей и вести с ними работу, чтобы они как можно быстрее приобщились к коммунистической идеологии. В советские времена историки литературы интерпретировали этот документ как доказательство чуткого руководства партии и свободы творчества в 20-е гг [3, с. 462-463]. Сегодня при обилии информации документ читается по-другому: настроить одних писателей против других, чтобы подготовить окончательное подчинение литературы диктату партии в 1932-1934 гг. Раскольников, конечно, вносил свой вклад в этот процесс, но оставался при этом более чувствительным к мыслям и действиям «Дон Кихотов революции», чем к речам чиновников, коррумпированных властью. Он мог восхищаться статьёй Горького «Если враг не сдаётся, его уничтожают» или улавливать «белогвардейский душок» Булгакова [34, с. 466], и в то же время проявлять своё несогласие с отрицанием классиков и выступать в защиту гонимых, в частности, в случае с театром Мейерхольда⁸. К тому же в качестве цензора и идеолога Главреперткома и Главискусства далеко не один Раскольников решал судьбу произведений и их творцов: коллегиальное руководство, негласные императивы и гласные директивы ЦК, подозрительный глаз ГПУ – вся эта система, называемая сегодня «сталинской», давила и создавала ежедневные трудности. Раскольников вернулся к дипломатии. 22 марта 1930 г., уже будучи послом в Эстонии, он писал Горькому: «Я очень доволен, что ушёл из Главискусства, п.ч. сказать по правде, эта административная работа меня не удовлетворяла. Искусством очень приятно наслаждаться, но им неприятно руководить. Меня гораздо больше влечёт к себе политическая работа в области международной политики и творчество, литература...» [45, с. 432-434].

⁷ Он написал предисловие к роману И. Эренбурга *10 лет спустя : хроника нашего времени*, М.-Л. : ГИХЛ, 1931, оригинал в РГАЛИ, Ф. 613, Оп. 1, ед.хр. 8350. Ругая писателя «за колебания и половинчатость», он всё-таки дал взвешенный и скорее положительный анализ произведения.

⁸ Будучи «персональным» членом Художественного совета Гостеатра им. Вс. Мейерхольда в 1928-1929 гг., Раскольников защищал театр от травли (протоколы заседаний РГАЛИ, Ф. 2437, Оп. 3, д. 797).

Вторая жена Раскольниковов свидетельствует о том же: «Быть партийным цензором культурной жизни, “давить и не пущать” мне претит», объяснил он ей [39, с. 107]. Раскольников предпочёл служить революции вдалеке от внутрипартийной борьбы, которая вмешивалась в искусство. Видимо, в этом случае, как и в случае с Кронштадтом, решение перейти на дипломатическую работу было связано с тем, чтобы отогнать от себя «несвоевременные мысли» о конце революции; о том, чтобы остаться верным абсолюту Идеи.

Робеспьер

Пока Раскольников был внутри страны с 1924 по 1930 г. он держался в стороне от оппозиций. Генеральная линия Сталина казалась ему обнадеживающей в том, что касается построения социализма. Для него, как и для многих большевиков из ленинской гвардии, продвигать революцию вперёд к осуществлению мечты было первоочередной задачей. И это казалось тем более реальным, что принадлежность к руководству страной ежедневно утверждала его в роли хозяина: иметь привилегии придавало уверенности в себе и требовало уважения со стороны окружающих. Его востребованность – эксперт по Востоку в Исполкоме Коминтерна, лектор Московского университета, член правительственных комиссий – наполняли гордостью. В то же время он представлял собой тип советского чиновника, к которому часть интеллигенции питала презрение. Так М. Булгаков, устранившийся от всех театров своими гонителями, в том числе и Раскольниковым, имел все причины видеть этого последнего в плохом свете.

16 ноября 1929 г. перед широким кругом писателей Раскольников читал свою пьесу «Робеспьер». Булгаков, высмеив предшествующие ему выступления подхалимов, сравнивающих Раскольников с Шекспиром, высказался резко критически: «с драматической и театральной стороны пьеса не удалась, действующие лица ничем не связаны, нет никакой интриги. Это беллетристическое произведение. Фигуры неживые» [45, с. 425-430]. После его выступления присутствовавшие стали говорить свободнее: подчёркивалась драматургическая слабость пьесы, отсутствие интриги, недостаток трагичности, динамизма, живости. Зато коротенькая рецензия в журнале «На литературном посту» (№ 7, 1930) на публикацию пьесы в «Красной нови» (№1, 1930) подчёркнула марксистский подход к прошлому и правдивость героев. Рецензент, однако, отметил, что «при исторически правильном освещении героев и событий Французской революции она (пьеса) художественно не сумела преодолеть метафизического противопоставления личности и массы. И если герои живут как живые личности, то массы выступают в роли безличного (в сущности – пассивного) античного хора».

Премьера пьесы давалась в Ленинграде, в Государственном театре драмы, т.е. в самом престижном Александринском театре, 12 февраля 1931г. Илларион Певцов, знаменитый артист того времени, исполнял роль Робеспьера. В его

переписке с Н.А. Камковой имеется много замечаний по поводу пьесы и работы над ролью [22, с. 94-115]. Так, 6 декабря 1929 г. он пишет: «*Робеспьер*» совсем не пьеса, а чёрт её знает что: болтаешься где-то в безвоздушном пространстве, не на что опереться, нет действия, нет линии стремления, всё расхлябано, бездарно... Ужас! Ужас! А ответственность громадная и эпоха обаятельная. Надо переделать кое-какие тексты, по которым нельзя сыграть ничего по правде» [22, с. 102]. Певцов был известен как заика, у которого этот недостаток пропадал на сцене, если он играл героев, казавшихся ему правдивыми. В конце концов, он вошёл в роль этого «восторженного педанта», играл его со всей страстью и публика оценила его интерпретацию так же высоко, как и декорации Н. Акимова [1, с. 41-42, 162-163]. На следующий день после премьеры Горький послал Раскольникову свои критические замечания на пьесу, присланную ему давно, но с ответом на чтение которой он затянул: «она показалась мне тяжеловатой, несколько перенасыщенной словами, а характеры в ней – недостаточно чётко оформлены. Посему я бы посоветовал Вам посмотреть на пьесу как на чужую и «проработать» её: кое-где – сократить, а главное – подчеркнуть различие характеров отношением героев к “быту”, к внешним мелким фактам бытия. Человек ловится на мелочах, в крупном можно “притвориться”, мелочь всегда выдаст истинную «суть души», её рисунок, её тяготение» [16, с. 86-87]. Отзывы о спектакле были противоречивыми. В театральных кругах «спектакль не имел успеха. Оставалось впечатление, что автор пьесы был озабочен в большей степени отображением политической ситуации, исторической обстановки, в какой действовал его герой, нежели драматургическим построением театрального зрелища. Тем не менее, спектакль шёл, вызывал разговоры и пересуды»⁹. Отзывы в прессе, яснее всего представленные двумя известными критиками С.Мокульским и А. Пиотровским в журнале «Рабочий и театр», нуждаются в подробностях контекста.

Раскольников писал свою пьесу вероятно в 1927-1929 гг., занимаясь одновременно инсценировкой «*Воскресения*» Л. Толстого, премьеры которого состоялась осенью 1929 г. Горький нашёл её драматургию «недостаточно действенной» и выразил уверенность, что театр, т.е. В.И. Немирович-Данченко, этот недостаток устранил. Раскольников явно желал творить в стиле новой пролетарской драматургии, и в начале 30-х гг. у него уже были написаны нескольких пьес («*Муза*», «*Освобождение Толстого*», «*В плену*», «*Крестьяне*» или переработка пьесы Гергарда Менцеля «*Борк*»). Мокульский и Пиотровский оценили его амбициозное желание, специально отметив, в чём заключалась важность пьесы «*Робеспьер*»: «Впервые поставлена проблема советского историко-революционного спектакля [44, с. 467]. Конкретные задачи, стоящие здесь перед драматургом – отвести ретроспективно-эстетское любование прошлым как таковым, увязать показ этого прошлого с настоящим, нащупать точки их соприкосновения, найти в историческом событии тенденции, помогающие глубже разобраться в нашей

⁹ Донат Мечик, отец писателя С. Довлатова, режиссёр и драматург, эмигрировавший в США в 1980 г., присутствовал на спектакле и оставил воспоминания именно о таком приёме [19].

сложной действительности и правильно показанным опытом прошлого вооружить зрителя на решение сегодняшних задач» [20; 23] .

Оба критика восхваляют метод диалектического материализма, которым пользуется Раскольников, чтобы представить Робеспьера не как индивидуума, а как «воплощение мелкой буржуазии, осуждённой на гибель объективным ходом исторического процесса». В общем-то критики воспроизводят объяснение содержания пьесы, данное в «Памятке зрителям», которую раздавали вместе с программой. Цель её была подсказать зрителю «правильное восприятие» спектакля, объяснить ему непонятные термины (термидор, террор) и имена героев пьесы, дать список литературы. Список довольно длинный и разделён на две категории: «Литература» и «Для углублённого чтения». Первая категория включает, так сказать «невинную информацию», а вторая состоит из авторов, ведущих в 20-е гг. полемику о якобинской диктатуре, терроре и термидоре (советские историки Фридлянд, Захер, Старосельский и французский автор А. Матьез). Предложить такую рубрику значило имплицитно ориентировать читателя на критическое восприятие вопросов, связанных с концом революции, которые «Памятка» разрешала безоговорочно однозначно: «Ставя "*Робеспьера*", театр пробует найти форму исторического спектакля, который удовлетворил бы требованиям современности. Это значит, что в отличие от старых исторических хроник, которые рассказывали о фактах и ничего не говорили о причинах, их породивших, в "*Робеспьере*" театр делает попытку не только отразить один из этапов Великой французской революции и показать судьбу одного из её вождей, но главное, вскрыть социальные противоречия классовых группировок, имевших место во Франции в конце XVIII в., когда к власти пришла крупная буржуазия, аннулировавшая завоевания революции. Судьба героев "*Робеспьера*" предопределена ходом событий, которые развиваются независимо от них. [...] Вскрывая причины, приведшие Французскую революцию к гибели, театр таким образом зовёт к дальнейшей борьбе за социализм, агитирует за сегодняшний день, на историческом примере показывая результаты оппортунизма и примиренчества¹⁰».

А. Пиотровский вполне эксплицитным образом уточнял: «Пьеса основной своей устремлённостью вторгается, таким образом, как пропагандистский и агитационный фактор, в борьбу наших дней против "правой, главной опасности"» [22, с. 8].

Действительно, в обстановке внутрипартийной борьбы, которая так или иначе поднимала вопрос о конце революции, аналогия с французским Термидором пугала и требовала определённости [11]. Большевики, слывшие якобинцами и в то же время классово отстранявшиеся от них, создавали двусмысленность в отношении к историческому прецеденту: что похоже? что не похоже? приемлемо? не приемлемо? Противники из эмиграции и троцкисты предрекали термидорианский конец. Сталинское большинство отвечало на эти нападки,

¹⁰ РГАЛИ, Ф. 2358, Оп. 1, ед.хр.44, л. 12

тщательно избегая при этом страшного слова «Термидор». В 1925 г., когда слово всё же слетело с уст П.А. Залуцкого, негодование по этому «делу» вылилось в суровое наказание: Залуцкого сняли с поста секретаря Ленинградского губкома партии. После XV съезда тысячи троцкистов были исключены из партии, посланы или арестованы за то, что били тревогу о «термидорианской опасности». Историки-марксисты мобилизовались, чтобы дать отпор страшному слову. Их задача заключалась в том, чтобы найти научные аргументы для устранения опасности сравнения. Они выступали против тезиса А. Матъеза о перерождении якобинцев до 9 Термидора, который ранее принимали и даже развивали. Согласиться с тем, что якобинцы до переворота уже были не те революционеры, что в начале революции, значило допустить мысль о подобном процессе и конце большевистской революции¹¹. В то же время историки настаивали на различии террора: при якобинцах он якобы отличался «юридическим кретинизмом», при большевиках – был законным без судебной волокиты и поэтому менее кровопролитным. Операция по разведению двух революций сопровождалась также очищением большевизма от его мелкобуржуазных народнически-якобинских корней [11, с. 157-178]. Среди историков, как и среди всей творческой интеллигенции, эхом откликалась внутрипартийная борьба: оппозиционеры, прежде всего, троцкисты, обвиняли партию в термидорианском перерождении, а сталинское большинство на XV съезде осудило оппозиционеров как опасных «термидорианцев» и, как известно, «разгромило троцкизм».

Политический контекст, в котором происходило разведение двух революций, бесспорно, участвовал в написании пьесы: финальная сцена об этом явно свидетельствует. Реплики трёх ремесленников, присутствующих при аресте Робеспьера, звучат как вывод о различии двух революций:

«Первый ремесленник (*знаком подзывая к себе остальных*): "Это была не наша власть, но мы придём".

Второй ремесленник (*уверенно*): "Мы ещё придём".

Третий ремесленник (*радостно*): "Мы придём победителями!"

Первый ремесленник: "Помните, что сказал Бабёф? Французская революция только предшественница другой, ещё более величественной революции, которая уничтожит богатство и бедность, освободит человечество и установит коммунистическое равенство на земле".

Эти оптимистические реплики должны были заглушить крики «Долой Термидов», ещё не забытые зрителями в 1931 г. после демонстрации 7 ноября 1927 г. в Ленинграде и разгрома троцкистов по всей стране. Широко распространённое

¹¹ Для написания пьесы Раскольников использовал работы Лукина, Щёголева, Захера, Фридлянда, Старосельского (РГАЛИ, Ф. 2358, оп. 1, ед.хр. 844), т.е. работы историков о якобинской диктатуре, терроре и термидоре, которые расходились в своих выводах, единая концепция Французской революции ещё не была выработана и предписана. Через несколько лет все эти историки станут жертвами сталинского террора, а концепции Французской и Октябрьской революций приобретут догматическую форму. Выписки из книг о Робеспьере сохранились и показывают, что в качестве источников Раскольникову служили мемуары сестры Робеспьера Шарлотты и роман Henri Béraud, *Mon ami Robespierre*, опубликованный в Париже в 1927 г. (РГАЛИ, Ф. 2358, оп. 1, ед.хр. 65).

смешение французского прошлого и советского настоящего стесняло большевиков, что объясняет их усилия по устранению любых намёков на термидорианский конец Октябрьской революции. Раскольников добавил к этим усилиям свою пьесу, хотя критики упрекнули его в «излишнем сочувствии» к трагической судьбе Робеспьера.

Был ли упрёк обоснованным? Сочувствие исходит от интерпретации Певцова. Его можно уловить в декорациях Акимова, как и в постановке Петрова. Точнее говоря, как Немирович-Данченко сумел поправить *«Воскресение»*, так же и труппа престижного Ленинградского театра драмы сумела схватить некоторую двусмысленность у Раскольникова, чтобы отвлечь внимание зрителя от классовой борьбы и сделать его чувствительным к личности героя. Действительно, идеологическая направленность пьесы не мешает Раскольникову выразить устами персонажей некоторые размышления, сомнения и вопросы, свойственные не классу перед Историей, а индивидууму, самому Раскольникову или его современникам. Вот несколько примеров. В первом акте Робеспьер в разговоре с Элеонорой отвечает на её мечту найти отдых в горах Швейцарии: «Не касайся моих больных струн, Элеонора. Куда я уеду? Я никуда не могу уехать. Я здесь прикован, как Прометей к его скале. Знаешь, я ведь тоже мечтал когда-то, до революции. Я вспоминаю мою родину, скромный и тихий Аррас, зеленеющий пышными садами. Я – никому не известный, провинциальный адвокат, я мечтаю, пишу стихи. [...] Но тут грянула Великая революция, как затрепетало от радости моё сердце! И беззаветно я ринулся в битву. [...] О, да, я ни на минуту не раскаиваюсь, что стал борцом за спасение нации. А всё-таки, Элеонора, иногда меня тревожит мысль, а что если во мне погибает философ и поэт?»

Эти слова могли соответствовать состоянию самого Раскольникова, который служил революции и в то же время чувствовал себя ограниченным в своих мечтаниях библиографа, писателя, драматурга.

Во втором акте Тальен объясняет Баррасу: «Когда ведут борьбу, нет нужды, чтобы обвинение было правдиво, достаточно, если оно правдоподобно. Мы пустим слух, что он (Робеспьер) стремится к диктатуре».

Не такую ли тактику широко применяли в СССР, в частности, по делу промпартии в 1930 г., приговор по которому был публично одобрен Горьким и принят всей так называемой «буржуазной интеллигенцией» как предупреждение попридержаться язык и подчиниться?

По поводу террора в Лионе Робеспьер говорит Колло д'Эрбуа: «А я вам говорю, что надо без пощады посылать на гильотину аристократов, заговорщиков, агентов Питта. Но ведь вы забыли закон справедливости – вы принесли в жертву невинных! Вам мало гильотины, вы заменили её картечью. Il faut sans pitié envoyer à la guillotine des aristocrates, des comploteurs et des».

На что Колло д'Эрбуа отвечает: «Подумаешь, какая важность! Ну, расстреляли двести лишних негодяев! Есть о чём разговаривать. Когда идёт революция, трудно решить, что справедливо и что несправедливо».

Сегодня было бы ошибкой утверждать, как это делал Мокульский, что Раскольников «писал пьесу не о революциях вообще, а именно о буржуазной революции XVIII в. во Франции» [20].

Робеспьер, обращаясь к Сен-Жюсту: «Ты боишься за меня? Не беспокойся! Я давно знаю и ненавижу это прекрасное болото, качающееся как студень, и сегодня раболепно целующее руки триумфатору, а завтра безжалостно топчущее его в грязь».

Эта реплика не могла звучать без намека, когда Троцкого и его сторонников затаптывали в грязь в обстановке общего страха и послушания.

Что касается списка имён, по которому Робеспьер собирается якобы послать на гильотину, Колло д'Эрбуа отвечает якобинцам: «Да, он собирается послать на гильотину почти весь конвент».

Первый якобинец: «Как? И моё имя?»

Второй третий якобинец: «И я тоже? Святой Иосиф! Какой злодей!»

Был ли Святой Иосиф единственным святым для упоминания в этом случае? Почему Раскольников выбрал именно этого святого? Среди документов, переданных женой Раскольникова в госархив, есть портрет Сталина. Вот отрывок из него: «Сталин лишён гибкости государственного человека. У него психология Зелим-хана, кавказского разбойника, дорвавшегося до единоличной власти. Презируя людей, он считает себя полновластным хозяином над их жизнью и смертью. Узкий сектант, он исходит из предвзятой схемы. Он такой же схематик, как Н.И. Бухарин, с той разницей, что последний был теоретически образованным человеком. [...] На фоне других, более выдающихся современников он никогда не блистал умом. Зато он необычайно хитёр. Можно сказать, что весь его ум ушёл в хитрость, которая у всех ограниченных людей вообще заменяет ум. При этом он коварен, вероломен и мстителен» [34, с. 522-524].

Этот «психологический портрет», наверно, набросан Раскольниковым уже после бегства (подвиг Папанина 1937 г. там упомянут), но в мыслях присутствовал давно: при публикации он датирован началом 1930-х гг.

Работая над пьесой, Раскольников не был несведущим человеком в отношении политических игр и ставок в окружающей его властной среде. Однако он считал это необходимой данью строительству социализма и оставался верен Идее. Его «Робеспьер» совпадал с образом вождя якобинцев, который создавали в это время историки-марксисты: да, вождь мелкой буржуазии должен был пасть вместе со своим классом. Однако пламенный революционер Робеспьер восхищал Раскольникова преданностью Идее революции, и критики не преминули отнести такое сочувствие к недостаткам пьесы.

Мыслящая и образованная публика не могла не заметить подтекста, он подталкивал к сравнениям. В феврале 1931 г. Певцов имел успех именно у такой публики, в ожидании же наплыва другой, которую он называл «вульгарной», он боялся за приём. В своих письмах он жаловался, что ему нередко приходится играть «перед неквалифицированным залом, который ведёт себя чёрт его знает

как, жуёт яблоки и разговаривает почти вслух, кричат дети... » [22, с. 96]. После премьеры «Робеспьера», он писал Камковой: «Спектакль всё-таки, по-моему, не будет (впоследствии, когда повалит неподготовленная масса, не имеющая понятия о Французской революции) иметь особого успеха. Всё-таки главного нет – пьесы» [22, с. 108]. Что касается «Робеспьера», Певцов отметил к тому же разницу между приёмом публики и приёмом критиков. Публика бурно аплодировала ему и Акимову, а критики восхваляли пропагандистский характер пьесы. Некоторые даже сожалели, что пропагандистская сила пьесы была недостаточной и позволяла уловить некоторые элементы эстетства и идеологической слабости. Учитывая место Раскольникова у власти, критики, конечно, не могли говорить иначе, не очевидно, однако, что они были на это способны.

Резюмируя сказанное: пьеса – посредственная в глазах знатоков драматургии; достаточно двусмысленная (самоцензура или подсознательное при написании?); позволяющая поэту труппе театра сделать спектакль несколько загадочным; официальный приём в духе партийности и другой, параллельный, позволяющий «разные толки» или «злословие» по поводу сюжета, автора, литературной борьбы, будущего советского театра и конца двух революций.

Робеспьер-2

В 1931 г. главной идеей пьесы была несравнимость двух революций, что отвечало нуждам пропаганды того времени. Тем не менее, можно думать, что мысль о сравнимой судьбе революционеров не была чужда Раскольникову: не она ли приняла форму сочувствия Робеспьеру? Но вера в пролетарскую революцию сейчас и теперь не позволяла идти дальше допустимого, принявшего эту форму. Вероятно, в 1931 г. Раскольников был не готов взять на себя ответственность за выше цитированные диалоги. Кроме того, в начале 1930-х гг. в Советском Союзе никто, если он не хотел быть репрессирован как троцкист или контрреволюционер на службе эмигрантов, не мог задаваться вопросом о конце революций. Если в эмиграции уже принимали НЭП за конец большевистской революции, перерождающейся в обычную буржуазную (Н. Устрялов), то внутри страны оппозиция не переставала бить тревогу по поводу надвигающейся опасности: отсутствие демократии внутри партии, презрение интересов рабочего класса (Троцкий), бюрократическое перерождение партии и государственного аппарата (К. Раковский). Для троцкистов рабочий класс и его партия оставались священными, они не хотели допускать мысли о конце революции и неутоlimо предупреждали о грядущей катастрофе. При наличии рабочего государства угроза окончательного перерождения казалась им преодолимой. Во всяком случае, таков был дух их платформ и тезисов перед XV съездом. Именно из-за веры в продолжение революции часть исключённых из партии и сосланных отказалась от прежних взглядов и попросила восстановить их в партии после съезда. Партия оставалась для них воплощением идеалов революции [11, с. 157].

В обстановке, когда вопрос о конце революции был навязчивым и мешал сталинскому большинству, пьеса о Робеспьере в канун 9 Термидора не могла быть невинно однозначной. Будучи направленной против троцкистов и правых, несогласных с насильственной коллективизацией, пьеса содержала сцены, дающие зрителю предлог для вопросов о конце революции не только французской, но и большевистской. Сегодня этот эффект пьесы кажется вполне вероятным, но в начале 30-х гг. те, кто мог оставить свидетельство о таком восприятии пьесы, должны были молчать, то ли потому что они отказывали Раскольникову-цензору в какой-либо проницательности, то ли потому что они видели в нём сподвижника Сталина вне всяких подозрений в двусмысленности.

Иначе обстояло дело с представлением пьесы во Франции. Прежде всего, спектакль был сыгран на парижском радио 16 мая 1937 г. Незадолго до этого «Радио-Пари» стало государственным и при правительстве «Народного фронта» являлось новаторским и мощным средством коммуникации [47, с. 97, 142]. Во-вторых, речь идёт не просто о переводе пьесы Наташей Трухановой-Игнатъевой, активно занимавшейся организацией культурной жизни эмиграции, но и о её адаптации, проделанной Ги Фавьером, известным киноактёром и поборником «Народного театра». Сравнивая оригинал с адаптацией, следует отметить, что пьеса стала более динамичной и очищенной от длиннот и пустых реплик. Персонажи стали более живыми, как если бы были учтены замечания Горького. Несколько перестановок в последовательности сцен, введение нового действующего лица Буонаротти, переложившего на музыку стихи Робеспьера, исправление некоторых реплик ремесленников и якобинцев, – всё это производит надлежащий эффект: социальная драма отступает на второй план перед личной драмой Робеспьера и его сподвижников. Это больше не неизбежный конец буржуазной революции, а падение «выдающегося гражданина» и «честного человека», Неподкупного, которого предали коррумпированные и жаждущие власти революционеры. Спектакль начинается диалогом между Робеспьером и Элеонорой в отличие от оригинала, где на первом месте сцена с Колло де Эрбуа, приносящим весть о заговоре. Это – средство сразу же порвать с клише, представляющим Робеспьера холодным, сухим, расчётливым. Диалог с Элеонорой показывает противоположное: человека, чувствительного к воспоминаниям детства, к поэзии, к природе.

Адаптация пьесы и смещение акцентов должны были получить одобрение Раскольникова. Было ли это так? У нас нет объяснений на этот счёт со стороны самого Раскольникова, но его жена свидетельствует о реакциях мужа на репрессии в СССР. Узнавая о процессах 1936 г. из прессы, он говорил, что ни одному слову обвинения не верит, что всё это – наглая лож, нужная Сталину для его личных целей. Аресты друзей и слежка за ним в посольстве ужасали, вызвали сомнения. Такое состояние души должно было найти отклик в предложениях Ги Фавьера по адаптации пьесы ко времени и к французскому зрите-

лю. Во всяком случае, сочувствие Робеспьеру, едва осознанное и выраженное в 1931 г., превратилось в главную линию радиофонического произведения во Франции в 1937 г.

Другое объяснение перемен в пьесе можно связать с подготовкой 150-летия Французской революции, которая отмечена возрастанием симпатий к Робеспьеру. Обращаясь к статистике, надо сказать, что за пять лет, предшествовавших юбилею, количество книг и статей о Робеспьере значительно выросло по сравнению с пятью годами, предшествующими празднованию столетия: 23 печатных продукции с 1934 г. по 1939 г. против трёх между 1884 и 1889 гг. В то же время, продукция о Дантоне упала с 19 до шести [59, с. 119]. При правительстве «Народного фронта» тенденция была в пользу «Робеспьера» против «Дантона». Левые, конечно, опровергали лживый образ «кровавого тирана» и старались реабилитировать своего героя. Эта тенденция прослеживается в историографии. Первое поколение историков-марксистов одержало победу в университете: в 1937 г. Жорж Лефевр возглавил кафедру Истории Французской революции в Сорбонне. Он же заменил А. Матьеза на посту председателя Общества робеспьеристских исследований и редактора *«Исторических анналов Французской революции»*. Молодые – Е. Лябрусс, А. Собуль, Ж. Брюа – заявляли о себе в академическом мире. Социально-экономическая история вытесняла политическую, робеспьеристы поднимались во мнении перед дантонистами [57, с. 144-145]. Коммунисты и симпатизирующие им уже с 1935 г. готовились к юбилейной дате. На конгрессе в Арле в декабре 1937г. Морис Торез призвал к поощрению всех форм коммеморации (специальные номера журналов *Regards* и *La Commune*, открытие станции метро «Робеспьер», праздники в школах, фильмы и спектакли). Интерес Фавьера и «Радио-Пари» к пьесе Раскольникова вполне увязывается с этой обстановкой в лагере французских левых. Можно напомнить также службу брата Раскольникова в советском посольстве в Париже в начале 1930-х гг. и многочисленные знакомства самого Раскольникова, чтобы объяснить интерес французских товарищей к его драматургии.

Однако масштаб компартии мал, чтобы полностью вписать пьесу «Робеспьер» во французский контекст. Вся страна под эгидой правительства готовилась к юбилею, и эта подготовка меняет картину. В 1937 г. программа, предложенная специальным Комитетом во главе с Э. Эррио, радикалом, председателем палаты депутатов, и Ж. Зе, министром народного образования, оставалась верной устоявшемуся жирондистско-дантонистскому видению революции. Желание правительства подменить празднование 1789 г. 1792-м годом [58, с. 169-170] выражалось даже больше, чем в столетний юбилей. При одобрении Ж. Зе, театр «Комеди-Франсез» выбрал к постановке *«Игру любви и смерти»* из цикла «Театр революции» Ромена Роллана. В этой пьесе Роллан анализирует революцию под углом зрения, подходящим для официального празднования, т.е. он трактует революцию как продукт фанатизма и насилия, лишаящих общества и отношения между людьми гуманизма.

Сам Роллан был огорчён таким выбором, он хотел, чтобы в «Комеди-Франсез» поставили его *«Робеспьера»*, пьесу, которую он закончил писать в 1938 г. Эта пьеса, последняя в цикле «Театр революции» показывает Робеспьера за три месяца до гильотины в свете гуманизма, отвергая образ «кровавого тирана». Это уже не тот Робеспьер, что в пьесе «Дантон» из того же цикла, написанной в 1900 г.¹² Роллан писал *«Робеспьера»* в течение 1938 г. под впечатлением событий в СССР, другом которого он, как известно, был. Его мечты и надежды, связанные с Советским союзом рассеивались, и он тяжело переживал это [50, с. 50-58]. Следя за судьбой репрессированных большевиков, Роллан менял свои взгляды на Французскую революцию. «В этой пьесе аналогия является зеркалом его души и его сокровенных мыслей», – отмечает исследовательница всего драматургического цикла Р. Роллана [50, с. 105]. Советско-германский договор о ненападении, подписанный 23 августа 1939 г., окончательно отвратил Роллана от сталинского режима. Роллан, как и Раскольников, долго оставался ослеплённым, работа над *«Робеспьером»* оказалась для него, опять-таки, как для Раскольникова, способом самовыражения. В обеих пьесах тесно переплетаются революционный пыл и разочарование их авторов. Тот, кто проделал тот же путь, но прозрел раньше, был бывший коммунист А. Матъез, чьи исторические труды о Робеспьере и его окружении вдохновляли и Роллана, и Раскольникова [53, с. 95-112]. Фигура Робеспьера привлекла внимание Раскольникова, Роллана, Матъеза, но она привлечёт и любого другого, кто задумается над проблемой отношений между революционером и революцией. Революционер кажется тогда чудовищным, непонятным или проблематичным в зависимости от жертв и преступлений, с которыми он готов примириться во имя революции.

«Комеди-Франсез», будучи эмблемой национальной культуры, не включила в свой репертуар преображённого Робеспьера, которого предлагал Ромэн Роллан¹³. Однако во Франции, где споры о героях— Дантон versus Робеспьер — склоняли в пользу второго, Раскольников всё-таки нашёл театр для своего *«Робеспьера»*: «Новая театральная компания» под руководством Марка Дарно, поставила его пьесу в Театре де ля Порт Сан-Мартэн 31 мая 1939. Первые представления нашли отклик в прессе, как правой, так и левой. Левая пресса оставляет впечатление предупреждённой и поэтому осторожной. *Ce soir* от 28 мая, близкая к коммунистам, ограничилась коротеньким объявлением о предстоящей премьере. *La Lumière*, еженедельник левых, который мог бы, следуя логике реабилитации Робеспьера, опубликовать что-нибудь положительное, предоставил свои страницы Бенжамену Кремьё. Конечно, этот театральный критик «воплощал еврейский космополитизм», но он не считался действительно левым. Его довольно ядовитая статья разоблачает «советское упрощение» и заканчивается

¹² Роллану интерпретация очень не понравилась, «веяло фальшью», но приём публики казался ему удовлетворительным [60, с. 241].

¹³ Пьеса длится шесть часов, и «Комеди-Франсез» могла бы отказаться от её постановки по этой причине, но Роллан был убеждён, что пьесу не приняли из-за радикальной перемены образа Робеспьера [59, с. 158].

приговором: «"Робесьер" Раскольникова, так хорошо адаптированный Ги Фавьером, не заслуживает похвал перед драмами Роллана». Остальные критики, впрочем, более многочисленные, с точки зрения политической принадлежности относятся к правым и даже фашиствующим, как антисемит Люсьен Ребатэ, опубликовавший под псевдонимом Франсуа Винной в *Jour-Écho de Paris* самую длинную и содержательную статью. В заключение он пишет:

«Дух 89-го года – не больше, чем миф, и не верится, чтобы у его последних защитников возник энтузиазм к спектаклю, который разбивает утверждение о том, что революция – это "блок".»

Социальная драма и классовый подход Раскольникова не ускользнули от внимания рьяного антикоммуниста Ребатэ. Общий тон суждений, идущих справа, снисходительный (*Paris Soir*, *L'Œuvre*, *Le Journal*), а то и открыто презрительный (*Candide* под пером роялиста Люсьена Дюбека) или уж слишком враждебный у Андрэ Бельсора, близкого к «Аксьон франсез», который «разделяет мысль, что революция была коллективным сумасшествием» (*Feuilleton du journal des débats*). Положительной критики мало: одна принадлежит Густаву Фрежавилю, специалисту по ярмарочным спектаклям, мюзик-холлам и цирку. За ним укрепились репутация всегда благосклонного критика (*Journal des débats*). Другая похвала исходит от сатирического еженедельника *La Griffe*: «хороший спектакль, с объективной трактовкой [...], иногда жестокой для сердец не раскаявшихся республиканцев». Жак Фор, подписавший эту статью, адресует упреки общественным службам, которые не помогают театральному искусству, и хвалит «Новую театральную компанию» за то, что она преуспела без государственной помощи.

По поводу финансирования спектакля, Л. Дюбек из *Candide* предполагает, что речь идёт о «пропагандистском спектакле, для которого у Советов есть все необходимые средства». И он утверждает: «Такой тип театра обречён на провал, и он провалился. «Народный фронт» не сумел его навязать. Приходила ли на спектакль публика, не обязанная прийти, и придёт ли она?». Если очевидно, что Дюбек раздражается бранью в адрес коммунистов, его замечание о финансировании спектакля, трудно опровергнуть. Уверение артистов, что они сами финансировали спектакль, звучит не очень убедительно, и вопрос о том, кто обеспечил постановку, остаётся открытым.

Ещё один неясный аспект: всё досье сохранившейся прессы свидетельствует о незнании или умолчании относительно личности Раскольникова. Так, в день премьеры Ги Фавьер пишет в *Le Figaro*: «Раскольников – русский писатель и историк, это также дипломат на службе в одном из важных посольств в Европе. Всю свою молодость он провёл во Франции, и излишне говорить, что он – друг нашей страны».

Невозможно поверить, что Фавьер не знал, с кем он имел дело со времени постановки спектакля на радио в 1937 г. Ни один из критиков не говорит о Раскольникове-перебежчике. Только Кремль в постскрипуме в *La Lumière* даёт

понять, что его статью урезали: «Целый параграф о «враге народа» выкинули при наборе, что делает вторую часть статьи мало понятной». Загадочный постскрипtum, слишком короткий и ничего не объясняющий. Можно допустить, что сохранение инкогнито, помноженное на нехватку информации, держало прессу в неведении до того, как 25 июля 1939 г. в *Le Figaro* Борис Суварин не снимет маску, опубликовав большую статью со сведениями о биографии Раскольникова. Суварин поведал французам о несчастьи этого «большевика из старой гвардии», которого советское правительство поставило вне закона.

В конечном счёте, связь между Раскольниковым и Робеспьером осталась незамеченной как критиками, так и публикой. Только маленький текст, написанный от имени «Новой театральной компании», проясняет вопрос. Программа открывается такими словами: Историческая драма? Да. Человеческая драма? Прежде всего. И далее для зрителя резюмируется идея пьесы: «Увы! для многих революционеров революция кончается как только они приходят к власти. Для некоторых (Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона и других) недостаточно выгравировать на стене «Свобода, Равенство, Братство», им надо претворить в жизнь эти лозунги [...]. Эти неисправимые идеалисты [...] быстро становятся неудобными, и когда во главе их оказывается Неподкупный, драма должна окончиться кровопролитием. Робеспьер для термидорианцев – враг номер один, и делается всё, чтобы его убрать.

Хотел ли Раскольников отождествить себя с такими «неисправимыми идеалистами»? Адаптация пьесы даёт утвердительный ответ на этот вопрос: на сей раз его «*Робеспьер*» соответствует состоянию души и выражает его озабоченность за будущее революции и за свою собственную судьбу. Ужасы коллективизации, московские процессы, аресты и расстрелы большого количества друзей, военных, писателей и дипломатов ужасают его в течение всего пребывания на дипломатическом посту в Болгарии¹⁴.

Привыкший проводить свои летние отпуска во Франции или Италии, Раскольников находил всё более разительным контраст *своей* революции с той, которую пытались реализовать в СССР. Мрачные вести, приходившие из страны или принесённые иностранной прессой, теребили душу революционера, давили на сознание, гасили энтузиазм. По воспоминаниям жены Раскольникова, поездки в Рим или Париж наполняли радостью их сердца, в то время как в Москве сердца сжимались от тревоги и печали за соотечественников [39, с. 82-87, 111-119]. Путешествуя по Европе, Раскольниковы завели немало знакомств, в том числе и среди либералов. Конечно, они продолжали враждебно относиться к капиталистическому миру, опьянение от его богатств не отвращало их от Идеи. Тем не менее, росло число вопросов и страшных мыслей, особенно в последние два года, когда супруги жили в посольстве под постоянным наблюдением агентов НКВД. Стараясь сохранить свою цельность и преданность Идее, Раскольников отдавался творческому труду. Он много писал¹⁵. Одна новелла, опубли-

¹⁴ С 1930 по 1933 г. он был полпредом в Эстонии, с 1933 по 1934 – в Дании и с 1934 по 1938 – в Болгарии.

кованная в январе 1938 г. в СССР, привлекает внимание своим явно эзоповым языком. Вот канва её повествования.

В средние века один учёный нашёл средство сделать человека бессмертным. Он предписал это средство нескольким своим пациентам, не раскрывая секрета. Вдохновлённый силой своего открытия он написал трактат, в котором высказал сомнение в существовании Бога. Его мысли о Боге стали известны и вызвали возмущение еврейской общины, к которой он принадлежал. Учёный был подвергнут публичному наказанию в синагоге. Страдая под ударами кнута, он вдруг понял, что его открытие имеет недостаток: внезапная смерть под ударами кнута, ножа, или другого оружия была им не предусмотрена. Вскоре пациенты, получившие чудодейственное лекарство, погибли от насильственной смерти: служанка от ножа ревнивого любовника, несколько других – на войне, а самого учёного убили во время погрома. Накануне смерти учёный записал формулу бессмертия на латыни, закупорил её в стеклянный сосуд и захоронил в саду под оливковым деревом. Мораль этой новеллы может быть прочитана с точки зрения Идеи, которая владела Раскольниковым: пока насилие, войны и частная собственность (марксизм обязывает!) продолжают существовать, мечта о бессмертии (о коммунизме?) остаётся нереализуемой. Если сомнения в Революции, такой дорогой для Раскольникова, чувствуются в этой новелле, то вывод всё же оптимистичен: непредвиденное учёным в определённый момент истории (реальность, которую Раскольников переживает?) не значит, что надежда сделать людей счастливыми (Идея?) потеряна.

Возвращаясь к парижской постановке *«Робеспьера»*, можно заключить, что под влиянием мыслей автора о сталинском терроре, пьеса приобрела другое значение: из социальной драмы она превратилась в человеческую. Внутрипартийный террор среди якобинцев объясняется не их мелкобуржуазной природой, а непредвиденными последствиями борьбы за власть. В отличие от московской постановки, в 1937-1939 гг. пьеса Раскольникова передаёт сознательное и искреннее сочувствие автора к своему герою. Можно утверждать, что в апреле 1938 г., пересев с поезда, который вёз его в Москву, на другой, в западном направлении, Раскольников вёл себя как предупреждённый судьбой не только своих коллег, но и гильотиной Робеспьера. Ведь именно она возникла в его воображении в конце 1920-х гг., когда призрак Термидора довлел над умами большевиков-якобинцев.

Итог

Жизнь перебежчика, по определению, полна тревог и опасна. В случае Раскольникова она была вдвойне тревожной, потому что он не сразу и не полностью

¹⁵ Список его литературных произведений длинный: например, *Муза, Крестьяне, Освобождение Толстого* (пьесы), *Папесса Иоанна, Гробница Рахили, Друг народа, Марафон танцев* (новеллы), *Сватовство Иоана Грозного, Угорь* (рассказы), *Сергей Есенин, Первая дуэль Лермонтова, Маяковский* и много о Пушкине.

взял на себя ответственность за побег, он ещё пытался «выяснить ситуацию»: ездил в Женеву на свидание с Литвиновым (10 сентября 1938 г.), встречался с Сурицем, советским послом в Париже (12 октября 1938 г.) и объяснял Сталину причину своего неподчинения (письмо от 18 октября 1938 г.). Унизительная позиция – ждать ответа сверху, который так и не пришёл. С начала 1939 г. Раскольников жил под очень сильным нервным напряжением: сначала, в феврале, умер его полуторагодовалый сын от энцефалита, потом, 17 июля, он узнал из газет, что в Советском Союзе его объявили вне закона за измену родине. Это значило, что он осуждён на смерть, и за ним будут охотиться [34, с. 102]. Внутренняя эволюция, медленно происходившая в последние годы, закончилась возмущением, которое Раскольников не мог больше сдерживать. Он, наконец, выразился публично на страницах эмигрантской газеты П. Милюкова «*Последние новости*», написав статью под отчаянным названием: «Как из меня сделали “врага народа”». Статья стала доступной также и для французов благодаря резюме, которое сделал Борис Суварин в *Le Figaro* от 2 августа. Обстоятельства вынуждали Раскольникова и его супругу скрываться. Они уехали на Лазурный берег и там перемещались из городка в городок, чтобы их не засекли агенты НКВД.

Наконец, сообщение о советско-германском соглашении погрузило Раскольникова в глубокую депрессию. Вероятно, он узнал об этом из газет 25 августа, а вечером того же дня с ним случился приступ сумасшествия, о котором сообщалось во многих французских и эмигрантских газетах. Так Суварин писал в *Le Figaro*: «Вчера из Канн поступило сообщение, что Раскольников, бывший со своей супругой в Грассе, пытался покончить жизнь самоубийством, готовясь прыгнуть из окна гостиницы. Его удалось успокоить и отправить в психиатрическую клинику в Ницце. Очевидно, что автор «*Робеспьера*» уже давно в состоянии морального кризиса и загнанный агентами ГПУ, потерял голову вследствие предательства, совершенного Сталиным по отношению к западным демократиям в пользу гитлеро-фашизма».

12 сентября Раскольников скончался от воспаления лёгких, перешедшего в воспаление мозга. Его жена придерживается этой версии смерти даже в 1988 г., когда вторичная реабилитация мужа могла бы расположить её к раскрытию тайны, если таковая имелась. Предположения об убийстве, конечно, высказывались, но ничто на сей день их не подтверждает, так что слухам противостоит свидетельство вдовы, которая дежурила у постели умирающего.

Вскоре после смерти в эмигрантской прессе появилось «*Открытое письмо Сталину*», о котором французы уже были оповещены Сувариным в его аналитическом резюме на страницах *Le Figaro* 27 августа. Письмо – это беспощадный приговор, перечисляющий преступления Сталина. Западная пресса не осмелилась его напечатать в обстановке уже начавшейся Второй мировой войны. Отношения между Гитлером и Сталиным были непонятны, пугали и не располагали к разоблачениям. Массовое ослепление в отношении Сталина

длилось ещё долго, и только в конце 80-х гг. в Советском Союзе «Открытое письмо» было опубликовано с признанием за его автором мужества и достоинства.

Раскольников всегда знал, что за достижение целей революции требуется дорого платить. Для него самого оставаться верным Идее было ежедневным испытанием: быть искренним и открытым или скрывать свои чувства и мысли, бежать или смириться даже со смертью, которую ему готовили? Безысходная дилемма? В «Открытом письме Сталину» он старается объяснить своё состояние: «Как все советские патриоты, я работал, на многое закрывая глаза. Я слишком долго молчал. Мне было трудно рвать последние связи не с Вами, не с Вашим обречённым режимом, а с остатками старой ленинской партии, в которой я пробыл без малого тридцать лет, а Вы разгромили её за три года. Мне мучительно больно лишиться моей Родины».

Даже если агенты НКВД не успели исполнить приказ о ликвидации, Раскольников не умер естественной смертью: истерзанный внутренней борьбой и загнанный в ловушку он не выдержал испытания Идеей. Не следует судить о его пьесе «Робеспьер», обращаясь к драматургическим критериям. Она писалась под воздействием внутренних переживаний автора. Она была для него способом примирить на театральной сцене Идею, за которую он держался, с фактами реальной жизни, которые противоречили ей на сцене политической.

Сопоставление Раскольникова и Робеспьера, которое прослеживалось в статье, даёт основание для более общего размышления над аналогиями между двумя революциями. Для обеих из них имеются даты начала: 14 июля 1789 и 25 октября (7 ноября) 1917. Но какая дата означает их конец? Длительность революций – это проблема. Надо ли считать, что первая из них закончилась 9 Термидора II года (27 июля 1794 г.) или считать, следуя академической датировке, что она продолжалась до бонапартистского переворота 1799 г.? Или до провозглашения империи в 1804 г.? Или до реставрации в 1814-1815 гг.? Не было ли её концом установление республики в 1880-х гг.? Или, как утверждал Ф. Фюре, она действительно «наконец-то закончилась» накануне своего двухсотлетия вместе с концом мифа об Октябрьской революции и о Советском Союзе [52]? А Октябрьская революция? Каковы критерии её длительности? Взятие власти большевиками, конец гражданской войны, НЭП или установление диктатуры Сталина, ознаменованное «съездом победителей» в 1934 г.? Произошёл ли в Советском Союзе термидорианский переворот [14]? Не длилась ли революция все 74 года существования советского строя [55, с. 342-343]?

Данная статья подсказывает ответ на этот вопрос. Ни одна из дат, названных историками, не является императивом перед тем концом революции, который переживается на индивидуальном уровне: Робеспьером – перед термидорианцами, Раскольниковым – перед «кавказским разбойником» или Троцким – перед «могильщиком революции». Заговоры и предательства не убеждают в её конце тех, кто предан Идее. Сталин и Талльен – предатели, но Идея революции

остаётся непорочной, потому что ведь именно она наполняет смыслом жизнь тех, кто ей предан.

В год столетия Великой русской революции, названной теперь так в знак примирения красных и белых, треть опрошенных россиян вообще не думают об этом событии. Те же, кто высказал своё мнение, делятся на поклонников Сталина или Октябрьской революции. Около 13% россиян продолжают таким образом быть верными ей, несмотря на голод, террор и страдания, которые она за собой повлекла или даже непосредственно им причинила. Испытывая ностальгию по Советскому Союзу, они винят Горбачёва, который, как известно, хотел продолжить революцию, и реформаторов 1990-х гг. в предательстве её идеалов. Приходится думать, что вопреки условностям исторической датировки, революция кончается с биением сердца тех, кто проникся верой в её Идею.

Список литературы

1. Акимов Н.В. Художник в театре // Театральное наследие. Кн. 1. Л.: Искусство, 1978. 295 с.
2. Архипенко В.К. Раскольников Федор Федорович // Реввоенсовет Республики: 6 сентября 1918 г. - 28 августа 1923 г. Под ред. Д.П. Ненарокова. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 297-325.
3. Белая Г.А. Дон-Кихоты революции – опыт побед и поражений. М.: РГГУ, 2004. 622 с.
4. Вышеславцев Б.П. Парадоксы коммунизма // Путь. 1926. №3. С. 110-119.
5. Гребельский З.В. Фёдор Раскольников. М.: Московский рабочий, 1988. 188 с.
6. Гришанов В.М. В защиту доброго имени // Военно-исторический журнал. 1964. № 9.
7. Елизаров М.А. Ещё раз о причинах Кронштадтского восстания в марте 1921 года // Отечественные записки. №1. 2004. С. 165-174.
8. Зайцев В.С. Герой Октября и Гражданской войны // Вопросы истории КПСС. №12. 1963.
9. Иванов А.М. Логика кошмара, М.: Русский вестник, 1993. 193 с.
10. Кольцов П.С. Дипломат Фёдор Раскольников. М.: Издательство политической литературы, 1990. 288 с.
11. Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призраки Термидора. М.: Ипол, 1993. 240 с.
12. Константинов А.П. Ф.Ф. Ильин-Раскольников. Л.: Лениздат, 1964. 156 с.
13. Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! М.: РГГУ, 1997. 375 с.
14. Краус Т., Советский Термидор: Духовные предпосылки сталинского переворота, 1917-1928. Перевод С.Филиппова. Будапешт: Венгерский институт русистики, 1997. 252 с.
15. Лариса Рейснер в воспоминаниях современников. Сост. Наумова А.И., М.: Сов. писатель, 1969. 199 с.
16. М. Горький и советская печать. В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1965. 504 с.
17. Малахов М.И. Смысл нашей жизни // Молодая гвардия, № 4. 1988. С. 269-275.
18. Марк В. Садизм в советской России // Двуглавый орёл. 1922. № 30. С. 32-43.
19. Мечик Д. Выбитые из колеи: литературные встречи. New-York : Memory publishing, 1984. 182 с.
20. Мокульский С. О Робеспьере // Рабочий и театр. 1931. № 8-9. С. 6-7.
21. Мятёжная чета в Кабуле. Письма Ф. Раскольникова и Л. Рейснер Л. Троцкому (1922 г.) // Отечественные архивы. 2003. № 3. С. 74-85.
22. Певцов И.Н. Из переписки с Н.А. Камковой. Литературно-театральное наследие. М.: Всероссийское театральное общество, 1978. 360 с.
23. Пиотровский А. Робеспьер в государственном театре драмы // Рабочий и театр. 1931. № 5. С. 8-9.
24. Поликарпов В.Д. Ф. Раскольников // Огонёк. 1987. №26.
25. Постановление Политбюро ЦК РКП (б) «Об изменениях в редакции журнала «Красная новь». Власть и художественная интеллигенция, сб. документов. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. Под ред. А. Н. Яковлева. М.: Материк, 2002. С.50.
26. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной

- литературы». Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 Под ред. А. Н. Яковлева. М.: Материк, 2002., Власть и художественная интеллигенция, С. 53.
27. Пржиборовская Г.А. Лариса Рейснер. М.: Молодая гвардия, 2008. 487 с.
 28. Пухов А.С. Кронштадт и Балтфлот накануне восстания // Красная летопись. 1930. №6.
 29. Раскольников Ф.Ф. В июльские дни // Пролетарская революция. 1923. № 5.
 30. Раскольников Ф.Ф. Рассказ о потерянном дне // Живой Ленин. М., 1965. С. 144-148.
 31. Раскольников Ф.Ф. Робеспьер // Красная новь. Л.-М.: Изд. Гос. изд. Художественной литературы, 1931.
 32. Раскольников Ф.Ф. Кронштадцы: из воспоминаний большевика. М.: Молодая Гвардия, 1931.
 33. Раскольников Ф.Ф. На боевых постах, под научной ред. З.В. Гребельского, Воениздат, М., 1964.
 34. Раскольников Ф.Ф. О времени и о себе. Воспоминания, письма, документы. Составитель И.П. Коссаковский. Лениздат, 1989. 575 с.
 35. Раскольников Ф.Ф. Рассказы комфлота. М., 1934.
 36. Раскольников Ф.Ф. Рассказы мичмана Ильина. М., 1934. 172 с.
 37. Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.: Политиздат, 1990. 319 с.
 38. Раскольников Ф.Ф. Афганистан и афганский ультиматум. М., 1924.
 39. Раскольников М. В. Тень быстрой жизни. М.: Советский писатель, 1991. 176 с.
 40. Савченко В.И. Отступник. Драма Федора Раскольникова. М., 2001. 256 с.
 41. Семанов С.Н. Кронштадтский мятеж, М., 2003. 256 с.
 42. Семенов И. Главное произведение // Журналист. 2000. №8. С. 56.
 43. Стровский Д. Стоит ли избегать противоречий? Ещё раз о сложной судьбе Фёдора Раскольникова // Журналист. 2000. №12. С. 62-64.
 44. Унанянц Н.Т. Великая французская революция в спектаклях советского театра. 1917-1940 гг. // Великая французская революция и Россия, М.: Прогресс, 1989. С. 39-49.
 45. Чудакова М.О. Жизнеописание Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с.
 46. Шешуков С.И. Неистовые ревнители: из истории литературной борьбы 20-ых годов, 2е изд., М., 1984, С. 149-182.
 47. Barrot O., Ory P. (dir.). Entre deux guerres : La création française 1919-1939. Paris: François Bourin, 1990.
 48. Berberova N. Histoire de la baronne Boudberg, P. : Actes Sud, 1988.
 49. Broué P. Trotsky P.: Fayard, 1988.
 50. Denizot-Foulquier M. Théâtre de la révolution de Romain Rolland: théâtre populaire et récit. Paris: H. Champion, 2013.
 51. Duchatelet B. D'un Robespierre à l'autre, ou les "anneaux du serpent" // P. Berthier (dir.). Robespierre saisi par le theater. Centre culturel d'Arras, 1991. pp. 50-58.
 52. Furet F. Penser la Révolution française, Paris: Gallimard, 1978.
 53. Gautier F. Albert Mathiez, historien de la Révolution française. Le métier d'historien face aux manipulations de l'histoire // Annales historiques de la Révolution française. 2008. № 353. pp.95-112.
 54. Getzler I. Kronstadt 1917-1921: The fate of a Soviet democracy. Cambridge University Press, 1983. 312 p.
 55. Malia M. Histoire des Révolutions. Paris: Tallandier, 2006.
 56. Norman F. Saoul, F. Raskolnikov a second day Bolshevik // Russian Review. 1973. Vol. 32. № 2.
 57. Ory P. Le Cent-Cinquantaire ou comment s'en débarrasser // J.-C. Bonnet, Ph. Roger, dir. La légende de la Révolution au XX siècle, Paris: Flammarion, 1988. Pp. 144-145.
 58. Ory P. Une nation pour mémoire, 1889, 1939, 1989: trois jubilé révolutionnaires. Paris: Presse FNSP, 1992.
 59. Ory P. La commémoration révolutionnaire en 1939 // Raymond R., Bourdin J. La France et les Français en 1938-1939. Paris: Presse de la FNSP, 1978.
 60. Rolland R. Journal de Vézelay, 1938-1944. Paris: Bartillat, 2012.

Об авторе:

Тамара Сергеевна Кондратьева – д.и.н., сотрудник Центра российских исследований Высшей школы социальных наук (Париж, Франция). E-mail: tamara.kondrat@wanadoo.fr

FEDOR RASKOLNIKOV: THE TRAGEDY OF THE REVOLUTIONARY AND THE TRAGICITY OF IDEA

T.C. Kondratieva

DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-41-71

Center for Russian Studies of the Higher School of Social Sciences (Paris)

The article deals with the personal political evolution of F.F. Raskolnikov, a famous national revolutionary leader in the early USSR. Using the methodology of historical anthropology, the author intends to reach a holistic understanding of the phenomenon of the revolution in Russia, considering the development of Raskolnikov's views as a reflection of the general evolutions of views in the Bolshevik party elites. Also, the author turns to the ideological origins of Raskolnikov's work as a theatrical critic, publicist and a writer. His play «Robespierre» raises a key question in the study of the history of the Great Russian Revolution, namely, did the leaders of the Bolsheviks realize that there would be an inevitable rollback after revolution or a counterrevolutionary trend that could lead to a radical renewal of the elite by terror – so-called «Thermidor».

The author reviews the biography of F.F. Raskolnikov, charts his intellectual formation. The article covers Raskolnikov's development as a military commander and a major functionary in the Bolshevik party. Then it describes the «theatrical period» in his life, including sources for his literary experiments and relations with literary and theatrical figures of the USSR. Finally, the author studies the revised and expanded version of the play «Robespierre» staged in Paris after Raskolnikov became a «defector» from USSR. If the original version of the play emphasizes the specifics of the French and Russian revolutions, the revised version stresses the similarities. The result of this intellectual work was Raskolnikov's understanding of the failure of revolutionary ideas for which he fought reflected in his «Open letter to Stalin».

Key words: revolution, Robespierre, Thermidor, the Great Russian Revolution.

References

1. Akimov N.V. Hudozhnik v teatre [An artist in the theatre]. *Teatral'noe nasledie* [Theatrical heritage]. Book 1. Leningrad: Iskusstvo, 1978. 295 p. (In Russian).
2. Arhipenko V.K. Raskol'nikov Fedor Fedorovich. *Revvoensovet Respubliki: 6 sentjabrja 1918 g. - 28 avgusta 1923 g.* [Revolutionary Military Council of the Republic] Ed. by D.P. Nenarokov. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1991. Pp. 297-325. (In Russian).
3. Belaja G.A. Don-Kihoty revoljucii – opyt pobed i porazhenij [Don Kihots: experiences of failures and victories]. Moscow: RGGU, 2004. 622 p. (In Russian).
4. Vysheslavcev B.P. Paradoksy kommunizma [Paradoxes of communisms]. *Put'*. 1926, no. 3, pp. 110-119. (In Russian).
5. Grebel'skij Z.V. *Fjodor Raskol'nikov*. Moscow: Moskovskij rabochij, 1988. 188 p. (In Russian).
6. Grishanov V.M. V zashchitu dobrogo imeni [In defense of the reputation]. *Voenno-istoricheskij zhurnal*. 1964, no 9. (In Russian).
7. Elizarov M.A. Eshhjo raz o prichinah Kronshtadtskogo vosstaniya v marte 1921 goda [Once again on causes of the Kronshadt rebellion]. *Otechestvennye zapiski*. 2004, no.1. pp. 165-174. (In Russian).

8. Zajcev V.S. Geroj Oktjabrja i Grazhdan-skoj vojny. *Voprosy istorii KPSS* [Communist party history issues]. 1963, no. 12. (In Russian).
9. Ivanov A.M. *Logika koshmara* [Nightmare logic]. Moscow: Russkij vestnik, 1993. 193 p.
10. Kol'cov P.S. *Diplomat Fjodor Raskol'nikov* [Diplomat Fedor Raskolnikov]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1990. 288 p. (In Russian).
11. Kondrat'eva T. *Bol'sheviki-jakobincy i prizrak Termidora* [The Bolsheviks-the Jacobins and the shadow of terror]. Moscow: Ipol, 1993. 240 p. (In Russian).
12. Konstantinov A.P. F.F. *Il'in-Raskol'nikov*. Leningrad: Lenizdat, 1964. 156 p. (In Russian).
13. Korzhihina T.P. *Izvol'te byt' blagonadzhny!* [Please, be trustworthy]. Moscow: RGGU, 1997. 375 p. (In Russian).
14. Kraus T. *Sovetskij Termidor: Duhovnye predposylki stalinskogo perevorota, 1917-1928* [The Soviet Termidor: spiritual prerequisites of Stalin's coup]. Translated by S.Filippov. Budapesht: Vengerskij institut rusistiki, 1997. 252 p. (In Russian).
15. *Larisa Rejsner v vospominaniyah sovremennikov* [Larisa Rejsner in memories of coevals]. Collected by Naumova A.I. Moscow: Soviet pisatel', 1969. 199 p. (In Russian).
16. M.Gor'kij i sovetskaja pechat [Maxim Gorky and the Soviet press]. In 2 parts. Part 2. Moscow: Nauka, 1965. 504 p. (In Russian).
17. Malahov M.I. Smysl nashej zhizni [The sense of our life]. *Molodaja gvardija*. 1988, no. 4, pp. 269-275. (In Russian).
18. Mark B. Sadizm v sovetskoj Rossii [Sadism of the Soviet Russia]. *Dvuglavyj orjo*. 1922, no. 30, pp. 32-43. (In Russian).
19. Mechik D. *Vybitye iz kolei: literaturnye vstrechi* [Out of the way: literature meetings]. New-York: Memory publishing, 1984. 182 p. (In Russian).
20. Moku'skij S. O Robesp'ere [On Robespierre]. *Rabochij i teatr*. 1931, no. 8-9, pp. 6-7. (In Russian).
21. Mjatezhnaja cheta v Kabule. Pis'ma F. Raskol'nikova i L. Rejsner L. Trockomu (1922 g.) [Rebelious couple in Kabuk. Letter of F. Raskolnikov and L. Rejsner to L. Trocky]. *Otechestvennye arhivy*. 2003, no. 3, pp. 74-85. (In Russian).
22. Pevcov I.N. *Iz perepiski s N.A. Kamkovej. Literaturno-teatral'noe nasledie* [From letters of N.A. Kamkova. Literature's and theatrical heritage]. Moscow: Vserossijskoe teatral'noe obshhestvo, 1978. 360 p. (In Russian).
23. Piotrovskij A. Robesp'ër v gosudarstvennom teatre dramy [Robespierre in state's drama theatre]. *Rabochij i teatr*. 1931, no 5, pp.8-9. (In Russian).
24. Polikarpov V.D. F. Raskol'nikov. *Ogonjok*. 1987, no. 26. (In Russian).
25. Postanovlenie Politbjuro CK RKP (b) «Ob izmenenijah v redakcii zhurnala «Krasnaja nov'» [CPSU's Politburo Directive On changing in editorial board of „Krasnaja nov'"]. *Vlast' i hudozhestvennaja intelligencija*, sb. dokumentov. *Vlast' i hudozhestvennaja intelligencija. Dokumenty CK RKP(b) — VKP(b), VChK — OGPU — NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953*. Pod red. A. N. Jakovleva. Moscow: Materik, 2002. p.50. (In Russian).
26. Postanovlenie Politbjuro CK RKP(b) «O politike partii v oblasti hudozhestvennoj literatury» [CPSU's Politburo Directive On party's policy towards literature]. *Vlast' i hudozhestvennaja intelligencija. Dokumenty CK RKP(b) - VKP(b), VChK - OGPU - NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953* Pod red. A. N. Jakovleva. M.: Materik, 2002. p. 53. (In Russian).
27. *Przhiborovskaja G.A. Larisa Rejsner*. Moscow: Molodaja gvardija, 2008. 487 p. (In Russian).
28. Puhov A.S. Kronshtadt i Baltflot nakunne vosstanija [Kronshtadt and the Baltic fleet before the rebellion]. *Krasnaja letopis'*. 1930, no. 6. (In Russian).
29. Raskol'nikov F.F. V ijul'skie dni [During July's days]. *Proletarskaja revoljucija* [Proletarian revolution]. 1923, no 5. (In Russian).
30. Raskol'nikov F.F. Rasskaz o poterjannom dne. *In: Zhivoj Lenin* [Lenin alive]. Moscow, 1965. Pp. 144-148. (In Russian).
31. Raskol'nikov F.F. Robesp'ër [Robespierre]. *In: Krasnaja nov'.* Leningrad-Moscow: Izd. Gos. izd. Hudozhestvennoj literatury, 1931. (In Russian).

32. Raskol'nikov F.F. *Kronshtadcy: iz vospominanij bol'shevika* [The Kronshtadtians: from the Bolshevik's memoirs]. Moscow: Molodaja Gvardija, 1931. (In Russian).
33. Raskol'nikov F.F. *Na boevykh postah* [On military positions]. Ed. by Z.V. Grebel'skij. Moscow: Voenizdat, 1964. (In Russian).
34. Raskol'nikov F.F. *O vremeni i o sebe. Vospominanija, pis'ma, dokumenty* [On time and myself. Memoirs, letters, documents]. Collected by I.P. Kossakovskij. Leningrad: Lenizdat, 1989. 575 p. (In Russian).
35. Raskol'nikov F.F. *Rasskazy komflota* [Stories of fleet commander]. Moscow: 1934. (In Russian).
36. Raskol'nikov F.F. *Rasskazy michmana Il'ina* [Stories of michman Ilyin]. Moscow: 1934. 172 p. (In Russian).
37. Raskol'nikov F.F. *Kronshtadt i Piter v 1917 godu* [Kronshtadt and Petrograd in 1917]. Moscow: Politizdat, 1990. 319 p. (In Russian).
38. Raskol'nikov F.F. *Afganistan i afganskij ul'timatium* [Afghanistan and the Afghani ultimatum]. Moscow, 1924. (In Russian).
39. Raskol'nikova M. V. *Ten' bystrotechnoj zhizni* [The shadow of fast-speeding life]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1991. 176 p. (In Russian).
40. Savchenko V.I. *Otstupnik. Drama Fedora Raskol'nikova* [The defiant. Drama of Fedor Raskolnikov]. Moscow, 2001. 256 p. (In Russian).
41. Semanov S.N. *Kronshtadtskij mjatezh* [The Kronstadt rebellion]. Moscow, 2003. 256 p. (In Russian).
42. Semenov I. *Glavnoe proizvedenie* [The main writing]. *Zhurnal'ist* [Journalist]. 2000, no. 8, p. 56. (In Russian).
43. Strovskij D. *Stoit li izbegat' protivorechij? Eshhjo raz o slozhnoj sud'be Fjodora Raskol'nikova* [Should we avoid contradictions? Once more on complex biography of Fedor Raskolnikov]. *Zhurnal'ist*. 2000, no. 12, pp. 62-64. (In Russian).
44. Unanjanc N.T. *Velikaja francuzskaja revoljucija v spektakljah sovetskogo teatra. 1917-1940* [Velikaja francuzskaja revoljucija in shows of the Soviet theatre]. *Velikaja francuzskaja revoljucija i Rossija*. Moscow: Progress, 1989. Pp. 39-49. (In Russian).
45. Chudakova M.O. *Zhizneopisanie Bulgakova* [Biography of Bulgakov]. Moscow: Kniga, 1988. 672 p. (In Russian).
46. Sheshukov S.I. *Neistovye revniteli: iz istorii literaturnoj bor'by 20-yh godov* [Furious traditionalists: parts of history of struggles in literature in 1920s]. 2nd ed. Moscow, 1984. Pp. 149-182. (In Russian).
47. Barrot O., Ory P. *Entre deux guerres: La création française 1919-1939*. Paris: François Bourin, 1990. (In French).
48. Berberova N. *Histoire de la baronne Boudberg*. Paris: Actes Sud, 1988. (In French).
49. Broué P. *Trotsky*. Paris: Fayard, 1988. (In French).
50. Denizot-Foulquier M., *Théâtre de la révolution de Romain Rolland: théâtre populaire et récit*. Paris: H. Champion, 2013. (In French).
51. Duchatelet B. *D'un Robespierre à l'autre, ou les "anneaux du serpent"*. P. Berthier (ed.). Robespierre saisi par le theater. Centre culturel d'Arras, 1991. Pp. 50-58. (In French).
52. Furet F. *Penser la Révolution française*. Paris: Gallimard, 1978. (In French).
53. Gautier F. Albert Mathiez, historien de la Révolution française. Le métier d'historien face aux manipulations de l'histoire. *Annales historiques de la Révolution française*. 2008, no. 353. Pp.95-112. (In French).
54. Getzler I. *Kronstadt 1917-1921: The fate of a Soviet democracy*. Cambridge University Press, 1983. 312 p.
55. Malia M. *Histoire des Révolutions*. Paris: Tallandier, 2006.
56. Norman F. Saoul, F. Raskolnikov a second-day Bolshevik. *Russian Review*. 1973, vol. 32, no. 2.
57. Ory P. Le Cent-Cinquantenaire ou comment s'en débarrasser. In: J.-C. Bonnet, Ph. Roger (eds.). *La légende de la Révolution au XX siècle*. Paris: Flammarion, 1988. Pp. 144-145. (In French).
58. Ory P. *Une nation pour mémoire, 1889, 1939, 1989: trois jubilés révolutionnaires*. Paris: Presse FNSP, 1992. (In French).
59. Ory P. La commémoration révolutionnaire en 1939. In: Raymond R., Bourdin J. *La France et les Français en 1938-1939*. Paris: Presse de la FNSP, 1978. (In French).
60. Rolland R. *Journal de Vézelay, 1938-1944*. Paris: Bartillat, 2012. (In French).

About the author:

Tamara S. Kondratieva – Doctor of Historical Sciences, Center for Russian Studies of the Higher School of Social Sciences. France. 54 boulevard Raspail 75006 Paris.
E-mail: tamara.kondrat@wanadoo.fr

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИД РОССИИ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С.И. Чернявский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Сто лет назад российский парламент делал первые реальные шаги в области государственного управления. Депутаты в меру своих сил и в пределах дарованных им императором полномочий стремились модернизировать устаревшую систему монархического правления. К этому их подталкивали и те трагические условия, в которые ввергла Россию царская семья, вступив в Первую мировую войну. Февральская революция 1917 г. вдохнула новые силы в развернувшуюся в стране политическую борьбу, заставила многие традиционно консервативные слои управленцев поддержать усилия депутатов по установлению республиканской формы правления. Не стали исключением и российские дипломаты, на которых легла нелёгкая задача оказания помощи тысячам россиян, оказавшихся в результате военных действий во вражеских странах, а также военнопленным и тяжелораненым. В статье раскрываются некоторые эпизоды сотрудничества между МИД России и Государственной думой в годы Первой мировой войны.

На основе архивных документов и мемуарной прозы автор устанавливает, как менялись взаимоотношения Министерства иностранных дел и общественности, как эти взаимоотношения влияли на работу зарубежных представительств. Этот сложный комплекс взаимоотношений складывался вокруг узловых проблем, с которыми столкнулись власти страны в период Первой мировой войны и Февральской революции. В исследовании автор опирается на институциональный подход и частично – на методологию школы «Анналов», которая предполагает анализ проблем и путей их решения в конкретных исторических условиях. Кроме того, в исследовании используются элементы диахронного анализа, сравнения постреволюционной и постсоветской перестройки дипломатических институтов в России, что позволяет показать, насколько глубокой может быть «институциональная память» в условиях последовательного изменения социально-политического устройства.

Ключевые слова: Первая мировая война, Февральская революция, Министерство иностранных дел, военнопленные, политические эмигранты, гуманитарное сотрудничество.

УДК 93/94

Поступила в редакцию 09.02.2017 г.

Принята к публикации 21.05.2017 г.

Взаимодействие МИД России с Государственной думой в годы Первой мировой войны (1914-1918) реализовывалось с учётом специфики этого законодательного органа, полномочия которого под воздействием революционного движения особенно возросли после Февральской революции 1917 г. Своего апогея это сотрудничество достигло после формирования 1 (14) марта Временного правительства и назначения 2 (15) марта министром иностранных дел лидера кадетской партии П.Н. Милюкова.

После военных поражений весны — лета 1915 г. популярность императорского правительства, и без того не слишком высокая, сильно упала даже в высших слоях общества. В экономической жизни страны и в снабжении действующей армии важную роль стали играть контролируемые либералами организации (например, военно-промышленные комитеты), поддерживавшие Государственную думу. В её поддержку стали высказываться органы местного самоуправления и офицерский корпус. Совокупность этих причин, а также образование в Государственной думе организованного большинства способствовали заметному росту её политического веса.

Хотя область внешней политики не являлась предметом ведения Государственной думы, руководство МИД вынуждено было идти на расширение контактов с депутатами. На тесном сотрудничестве с думцами настаивали аккредитованные в Санкт-Петербурге послы держав Антанты. На это же настраивали МИД и российские послы в ведущих западноевропейских государствах — Великобритании, Франции, скандинавских государствах, призывавшие «модернизировать» монархию, создать хотя бы видимость демократического принятия важнейших решений.

А.П. Извольский в свою бытность министром иностранных дел пытался проводить эту линию с тем, чтобы привести существующую систему государственного управления в более совместимую с западноевропейскими, придав ей внешнюю привлекательность. Однако Николай II категорически отверг внесённое в августе 1906 г. в Совет министров предложение о предварительном обсуждении и получении мнения Думы и Государственного совета даже по неполитическим международным договорам и соглашениям России (торговым, железнодорожным и пр.) с последующим их утверждением царём. Во всеподданнейшем докладе от 1/13 мая 1907 г. А.П. Извольский всё же предложил предоставить министру иностранных дел право в некоторых случаях выступать в Думе с информацией по важнейшим внешнеполитическим событиям. Речь шла о возможности ответов на запросы депутатов или разъяснений при рассмотрении сметы МИД, а также при обсуждении законопроектов, вытекающих из принятых Россией международных обязательств. Николай II согласился с предложением А.П. Извольского и разрешил министру иностранных дел «в тех случаях, которые он признает нужными, давать Государственной думе соответственные разъяснения».

В августе 1915 г. юрисконсультская часть МИД по поручению министра С.Д. Сазонова занималась разработкой законопроекта об изменении Положения о Государственной думе и Государственном совете в отношении «права

интерpellации», то есть права депутатского запроса. Документы составлялись мидовскими чиновниками на основании парламентской практики западноевропейских стран.

С весны 1916 г. руководство МИД приступило к подготовке программы территориальных, политических и экономических условий и требований, с которыми России предстояло выступить на мирной конференции после победы над Германией и её союзниками. За совместную с МИД разработку проблемы будущего России в послевоенном мире выступала и Госдума. В первой половине 1916 г. был выработан проект специального секретного Совещания по изучению вопросов, связанных с международным положением России после войны. Председателем этого органа предполагалось назначить министра иностранных дел, а в его состав ввести по три члена от Думы, Государственного совета, МИД и научных учреждений. На заседания предполагалось приглашать специалистов от военного ведомства и учёных обществ (географического, востоковедения, палестинского и др.).

Наряду с проработкой конкретных правовых вопросов в сферу сотрудничества депутатов и дипломатов вошло оказание помощи российским подданным, оказавшимся в годы войны на оккупированной неприятелем территории, в возвращении на родину.

МИД и Госдума в условиях войны

С первых же дней войны Министерство занялось сбором и анализом сведений о положении российских подданных, захваченных военными действиями в Германии, Австро-Венгрии и других европейских странах, организацией перевода им денежных средств, добивалось улучшения условий их жизни путём заключения через посредников соответствующих соглашений с неприятельскими властями. По самым больным вопросам – таким, как помощь военнопленным дипломатам – приходилось преодолевать серьёзные препятствия внутри страны, поскольку военную верхушку не интересовала судьба «отработанного материала». Союзником МИД в этих вопросах стала Государственная дума.

В ходе слушаний по «драконовскому» государственному бюджету в январе 1915 г. стало очевидно, что неудачи на фронте коренным образом изменили настрой депутатов. Прозвучала резкая критика в адрес всех ведомств, включая Министерство иностранных дел. Этот негативный настрой особенно проявился в рамках обсуждения Бюджетной комиссией Государственной думы проекта сметы МИД на 1915 г. Замечания депутатов носили конкретный характер и в значительной степени были связаны с тем, что многие из них застали начало войны, находясь вне России – преимущественно в Западной Европе. Поэтому, лично столкнувшись с бюрократией российских загранучреждений, они называли конкретные фамилии дипломатов, настаивая на срочной замене некоторых руководителей и пересмотре кадровой политики МИД.

На заседании 14 января 1915 г. П.Н. Милюков обвинил российских консулов в «пренебрежительном отношении» к соотечественникам. В качестве примера он привёл Швейцарию, где, по его словам, «русские подданные страдали от недостатков в распределении материальной помощи, отпущенной правительством; суммы не доходили по назначению, задерживались и получались несвоевременно; при возвращении русских на нанятых для того пароходах публика не была достаточно осведомлена об условиях эвакуации; в Париже русских оставляли беспомощно толпиться под дождём на дворе и на улице, и консул не выходил к ним; в Швеции наши путешественники менее терпели, по-видимому, потому, что местное население проявило к ним сочувствие».

Прозвучали также обвинения в адрес русских послов в том, что они подолгу находятся за рубежом, редко бывают в России и не знают её проблем. Депутат Н.Н. Ковалевский предложил «воспользоваться моментом, когда нынешние послы выехали уже из Германии, Австрии и Турции для того, чтобы они изучили те вопросы, знакомство с которыми будет им нужно впоследствии, и ближе ознакомились с русской жизнью. Живя постоянно за границей, отчуждённые от русской жизни, наши послы отвыкают от обычного русского уклада и не совсем отчётливо понимают, кто есть кто в современной России. Так, бернский посланник¹ не только отказался вообще принимать просивших его об этом лиц, но не принял даже вице-председателя Государственного совета. Согласны, что послу нельзя заниматься такими мелкими вопросами, как выдача справок и денег; у него есть общие вопросы, но ведь он является как бы апелляционной инстанцией над своими подчинёнными, а вот именно бернский посланник отказался быть этой апелляционной инстанцией».

Основной лейтмотив выступлений, несмотря на их внешне «технический» характер, заключался в необходимости коренной перестройки работы МИД в послевоенный период [5].

С учётом прозвучавшей в адрес Министерства критики Государственной думы С.Д. Сазонов в своём выступлении перед депутатами 27 января специально затронул вопрос о помощи соотечественникам. «По поводу наших соотечественников, задержанных в Германии и Австрии, – сказал министр, – считаю долгом уверить вас, что императорское правительство принимает все меры к облегчению их участи и, по возможности, водворению их на родину».

¹ Василий Романович Бахерахт – типичный представитель высшего звена царской дипломатии. При рождении в 1851 г. получил имя Вильгельм Александр Карл Роберт. Происходил из старинного рода голландцев, обосновавшихся в России в 1636 г. В МИД пришёл по стопам отца Романа Ивановича Бахерахта (1797–1884), дипломата, бывшего генеральным консулом в Генуе. Воспитывался вне России, лютеранин. В 1871 г. поступил на дипломатическую службу в миссию в Берне, а через три года вынужден был принять православие и русское имя – Василий. Вся последующая жизнь прошла вне России, в основном в германоговорящих странах. 1871–1875 гг. – миссия в Швейцарии, в 1875–1883 гг. – в Баварии, с 1883 г. – в Бельгии, с 1885 г. – посольство в Германии, с 1893 г. – секретарь миссии в Португалии и с 1895 г. – 1-й секретарь миссии в Швейцарии. Затем, на относительно короткий период, получил назначение российским министром-резидентом в Марокко. С 1906 г. – вновь в Швейцарии, на этот раз в должности Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра.

Гуманитарная миссия МИД

Война с центральными державами привела к резкому разрыву внешних хозяйственных связей России с её традиционными партнёрами. Половина покупаемых до войны за границей товаров шла из Центральной Европы. Около трети русского экспорта направлялось в этот же регион. Для других стран Антанты прекращение торговли с Германией и Австро-Венгрией не имело таких разрушительных последствий.

Положение осложнялось ещё и тем, что в силу особенностей географического положения война нарушила хозяйственные связи России практически со всем миром. Сухопутная европейская граница, за исключением шведско-норвежской и не имеющей торгового значения румынской, через которую, кроме как в Румынию, никуда нельзя было попасть, оказалась закрытой. В Балтийском море хозяйничали германские подводные лодки. После вступления в войну Турции такое же положение создалось в Чёрном море. А ведь через все эти границы в 1913 г. проходило 9/10 экспорта и 5/6 импорта.

Связь России с внешним миром повисла на тонкой ниточке Великого Сибирского пути длиной в 8 тыс. км с единственным выходом к морю во Владивостоке.

По сравнению с другими государствами Антанты Россия резко выделялась огромной протяжённостью фронта боевых действий. Занятые неприятелем местности России намного превосходили как по абсолютным размерам, так и по своему значению для страны все территории, захваченные у Австро-Венгрии и Франции. За время войны многомиллионные русские и австро-германские армии не единожды прошагали взад-вперед по громадной территории восточного театра военных действий. Вследствие маневренного характера военных операций разрушению подверглись не только места военных действий, но и прилегающие к ним области, испытывавшие губительные последствия эвакуаций, охвативших в России более 500 тыс. кв. км с населением в 25 млн чел., то есть седьмую часть населения страны. Три млн чел. снялись с насиженных мест (иногда не по собственной воле) и устремились в тыл. Тысячные толпы беженцев несли с собой дезорганизацию, панику, расстраивая весь хозяйственный организм. В противоположность Франции, где оккупация и эвакуация пронесли только один раз — в августе 1914 г., — охватив небольшую часть территории, Россия в течение всей войны испытывала постоянные потрясения от оккупаций и эвакуаций.

Для оказания помощи внутренним беженцам требовались значительные средства, поэтому реализация гуманитарной миссии МИД по поддержке русских подданных, застигнутых военными действиями в Германии и Австро-Венгрии, столкнулась с серьёзными финансовыми трудностями.

Начиная с 11 августа 1914 г. денежные переводы задержанным в Германии и Австро-Венгрии русским подданным шли через МИД. Поступавшие в Петро-

град средства передавались по телеграфу в российскую миссию в Копенгагене и оттуда направлялись через испанскую миссию (Испания взяла на себя защиту российских интересов) в испанские посольства в Берлине и Вене. На эти заграничные учреждения возлагалась задача доставки через германских и австрийских агентов денег по назначению, причём срок выдачи переводимых сумм зависел от различных обстоятельств, предвидеть или изменить которые было невозможно.

Согласно отчёту испанского посольства в Берлине, на октябрь 1914 г. из 6 639 переводов, поступивших в Германию, на общую сумму 1 329 275 руб., лишь 3 586 переводов на сумму 714 062 руб. были выплачены адресатам или доверителям; 1 488 переводов на сумму 321 155 руб. были уничтожены по просьбе отправителей (как не достигшие своей цели) и возвращены им Министерством, и, наконец, 1 565 переводов на сумму 294 058 руб. остались невыплаченными за выездом адресатов из Германии².

На производство всех перечисленных действий Министерству иностранных дел решениями Совета министров от 28 июля и 14 августа 1914 г. выделили 750 тыс. руб. На оплату частных переводов за границу с начала войны и по 1 января 1915 г. поступило 4 439 267 руб. 04 коп.³

Расходы на указанные цели постоянно росли, и к февралю 1915 г. общая сумма разновременно открытых кредитов составила 7 221 239 руб.

Министерство финансов и Государственный контроль требовали значительного сокращения ассигнований МИД на гуманитарные цели. Представители указанных ведомств настаивали на том, что русские подданные, застигнутые войной за границей, имели возможность вернуться в Россию. Задержанные же во вражеских странах военнообязанные содержатся в концентрационных лагерях и не должны пользоваться пособиями от Министерства иностранных дел. Выдача ссуд проживающим за границей русским подданным, которые остаются там по собственному желанию, необоснованна. Если же оказание материальной помощи русским подданным за границей признать необходимым по политическим соображениям, то следует оказывать помощь в виде ссуд только для выезда на родину и лишь точно определённым лицам, которые в такой помощи безусловно нуждаются, и именные списки которых должны сообщаться на предварительное рассмотрение русского правительства.

4 декабря 1915 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов направил в Совет министров очередное Представление МИД «Об отпуске средств на оказание помощи русским подданным за границей».

В документе отмечается, что ранее выделенные средства на оказание помощи русским подданным за границей полностью исчерпаны, и эта деятельность ведётся в счёт разного рода займов. На пополнение и покрытие текущих издержек требуется новое ассигнование государственного казначейства.

² АВПРИ. Ф. 155, 1–5. Оп. 709. Д. 25. Л. 3–16.

³ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 726. 1915. Д. 163. Л. 1–6.

По данным поступившей в МИД отчётности за период с начала войны до 1 сентября 1915 г., общий расход составил 3 033 577 руб. Принимая во внимание, что отчёты доведены лишь до августа 1915 г., а по многим странам не представлено данных и за более ранние месяцы, Министерство определяет округлённо расходы в 3 500 000 руб.⁴

Несмотря на противодействие Военного министерства и финансовых органов, все запрошенные МИД средства были выделены благодаря практически единодушной поддержке всех фракций Государственной думы.

Под влиянием событий на фронте и резкого ухудшения экономической ситуации в России нарастало недовольство политикой правящей верхушки. Однако погрязшая в интригах царская камарилья не придавала значения роковым изменениям в обществе, продолжая заниматься «коридорной» дипломатией.

Министерская миссия депутата Милюкова

В июле 1916 г. неожиданно для всех (и для него самого) министра иностранных дел отправили в отставку (12 января 1917 г. С.Д. Сазонова назначили царским послом в Лондон, но занять этот пост ему помешала Февральская революция). Его преемником 15 (27) июля назначили Б.В. Штюрмера — человека некомпетентного в международных делах, пользовавшегося поддержкой Г. Распутина и хорошо ориентировавшегося в придворных веяниях. С 20 января и по 10 ноября 1916 г. он исполнял обязанности председателя Совета министров Российской империи и одновременно (до 7 июля того же года) — министра внутренних дел. Штюрмер настойчиво боролся против революционного движения и думской оппозиции, подавляя любые инициативы сотрудников министерства, выходящие за рамки полученных инструкций. Он всячески препятствовал любым контактам МИД с Государственной думой.

За время своего краткосрочного пребывания на посту министра (уволен в отставку 10 ноября 1916 г.) он не внёс, да и не мог внести в силу своей некомпетентности ничего нового во внешнюю политику страны и деятельность МИД. Его министерская активность носила во многом протокольный характер. Опасаясь принимать какие-либо ответственные решения, но чувствуя настроения царской семьи, он стал осторожно прощупывать возможность использовать аппарат МИД для заключения сепаратного мира. Это окончательно дискредитировало его в глазах чиновников МИД и в обществе.

П.Н. Милюков 1 ноября 1916 г. с трибуны Государственной думы обвинил императрицу Александру Фёдоровну и премьер-министра России Б.В. Штюрмера в подготовке сепаратного мира с Германией и государственной измене. Его

⁴ Извлечение из прений Бюджетной комиссии Государственной думы по проекту сметы Министерства иностранных дел на 1915 г. Заседания 14 и 17 января 1915 г. Стенографические отчёты. Приложения к стенографическим отчётам Государственной думы 1915.

речь, вошедшая в историю под заголовком «Что это, глупость или измена?» привела к отставке Штюмера⁵.

Следующее назначение на должность министра иностранных дел бывшего государственного контролёра Н.Н. Покровского также стало неожиданностью. Новый министр не имел какой-либо дипломатической подготовки и не владел иностранными языками. На посту министра проработал с 30 ноября 1916 г. по 4 марта 1917 г.

Свои серьёзные финансовые познания и богатый административно-бюрократический опыт Покровский не сумел применить в Министерстве. По свидетельству современников, он «чувствовал себя на своём новом посту нехорошо», просился у царя в отставку, жалуясь на совершаемые без его ведома закулисные попытки заключить сепаратный мир.

Несмотря на монархистские (или, выражаясь современным языком, державные) настроения многих сотрудников министерства, дипломаты продолжали активно сотрудничать с Государственной думой и после Февральской революции 1917 г., когда думцы на короткое время оказались во главе государства.

В тот период Совет старейшин Думы по поручению частного совещания депутатов (сессия палаты к тому времени была прервана) избрал Временный комитет для наведения порядка в Петрограде. 28 февраля 1917 г. этот комитет объявил себя правительственной властью и до 2 марта являлся чем-то вроде правительства.

Разослав своих депутатов в качестве своего рода комиссаров в страны Антанты, новая власть благодаря активной деятельности зарубежных учреждений МИД получила международное признание. Вскоре Временный комитет Думы по соглашению с Исполнительным комитетом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов сформировал Временное правительство. Из одиннадцати его членов восемь являлись депутатами Думы, в их числе и ставший министром иностранных дел П.Н. Милюков.

Известный политический деятель, историк и публицист П.Н. Милюков прослужил в этой должности с 3 (16) марта по 2 (15) мая 1917 г. Лидер Конституционно-демократической партии (кадетской), он получил прозвище «Милюков-Дарданелльский» — за настойчивые требования передать России после войны контроль над проливами Босфор и Дарданеллы.

Новый министр всячески демонстрировал свою непохожесть на бывших руководителей, бравировая показным демократизмом и революционной демагогией. Это наглядно проявилось при его первой встрече с коллективом МИД. Руководящие чиновники царского Министерства иностранных дел, фактически не работавшего с 28 февраля по причине революции, 3 марта 1917 г. получили извещения о намерении нового главы ведомства вступить в должность. Им было предписано явиться на службу к 12 часам следующего дня, никаких

⁵ 28 февраля 1917 г. Б.В. Штюмера арестовали и заключили в Петропавловскую крепость. Затем перевели в больницу тюрьмы «Кресты», где он и скончался.

парадных мундиров — в пиджаках. Такой неформальностью встречи планировалось подчеркнуть демократизм и деловитость сменившего царизм режима (к аналогичным приёмам прибегал в последующем советский министр иностранных дел времён перестройки Э.А. Шеварднадзе).

Приход в МИД П.Н. Милюкова внёс значительные изменения в положение российских дипломатических загранучреждений. Ускоренными темпами велось обновление руководящего состава российских представительств. Одними из первых вынуждены были уйти в отставку посланники в Лиссабоне и Копенгагене — П.С. Боткин и К.К. Буксгевден, а также поверенный в делах в Берне М.М. Бибилов. Послу в Испании кн. Кудашеву П.Н. Милюков также предложил подать в отставку. Его место занял посланник в Стокгольме А.В. Неклюдов, ставший первым послом Временного правительства.

На ключевые дипломатические посты в союзных и нейтральных державах Временное правительство назначало не профессиональных дипломатов, а представителей политической общественности, лояльной к республиканской власти в России. Должность российского посла в США занял Б.А. Бахметев, инженер-гидравлик по образованию, кадет, стоявший во главе Русского заготовительного комитета в Нью-Йорке, сформированного в 1916 г. царским правительством для военных заказов. Посланником в Швейцарии стал И.Н. Ефремов, прогрессист, бывший государственный контролёр Российской империи. Послом во Францию назначили известного адвоката, одного из лидеров кадетской партии В.А. Маклакова, а в Испанию вместо внезапно подавшего в отставку А.В. Неклюдова — генерал-губернатора Финляндии, октябриста М.А. Стаховича [3].

Несмотря на ускоренные замены профессионалов политическими деятелями, соратники по партии требовали от П.Н. Милюкова более радикальной ломки старого заграничного аппарата. С этой целью за рубеж были командированы комиссары Временного правительства с поручением выявить «монархические элементы в загранучреждениях и расформировать заграничную политическую агентуру департамента полиции».

Результаты этих командировок весьма примечательны. Вот какие выводы о заграничном коллективе МИД сделал в своём секретном докладе Временному правительству комиссар С.Г. Сватиков⁶: «Все черносотенцы оставлены на своих местах и пользуются усиленной поддержкою таких же черносотенцев, оставшихся в управлениях и министерствах в Петрограде. Такие выражения, как “жиды”, “шайка жидов, завладевшая Россией”, “Советы Собачьих Депутатов” и т.п. выражения являются высокохарактерными для представителей России за границую. Но, глубоко ненавидя революцию, они всеми силами стараются дискредитировать не только демократию, но и само Временное правительство, указывая иностранцам на то, что революция виновата в разрухе, переживаемой

¹⁵ Сергей Григорьевич Сватиков (1880–1942) — общественный деятель, журналист, член РСДРП (меньшевик), впоследствии перешёл на позиции ликвидаторства. С 17 мая 1917 г. был назначен на должность комиссара Временного правительства с особым поручением. С 1920 г. находился в эмиграции.

Россией. Представители России даже в области благотворительной продолжают вести резкую борьбу с общественными элементами русскими и иностранными, на что горько жаловался мне депутат Поль Лафон в Париже, рассказавший мне целую историю тяжелой и бесплодной борьбы за очищение состава и оздоровление деятельности общества помощи пленным, бывшего раньше под покровительством г-жи Извольской. Характерною чертою для наших посольств является продолжающееся в них пренебрежение к русским гражданам и возобновившееся после короткого перерыва преследование политических эмигрантов. Господа дипломаты травят эмигрантов в полном смысле этого слова» [4, с. 25–38].

Как ни парадоксально, но новая власть любым путём стремилась добить монархистов, рассматривая их как контрреволюционеров и не обращая внимания на реальную угрозу со стороны крепнущих левых сил.

В срочном порядке менялась внешняя атрибутика российских загранучреждений: с посольского флага убрали двуглавого орла, выбрасывались царские портреты, а на дипломатических паспортах, бланках посольств удалялись слово «императорское» и изображение орла. Кстати, аналогичный процесс проходил с российскими загранучреждениями после развала Советского Союза, когда из зданий посольств торопливо выносили бюсты В.И. Ленина и затирали не только государственный герб на табличках у входа, но и название государства — СССР, — которое представляет посольство.

Рeadмиссия политэмигрантов и военнопленных

После Февральской революции сфера деятельности российских дипломатических загранучреждений значительно расширилась. Впервые им вменялось в обязанность тесное сотрудничество с находящейся в стране пребывания российской диаспорой, независимо от её политических воззрений. Дипломаты должны были принять меры не только к обеспечению беспрепятственного возвращения на родину политических эмигрантов, но и «объединить, примирить и направить» русские диаспоры, внутри которых господствовали монархические настроения.

Одним из первых распоряжений П.Н. Милюкова на посту министра стало указание посольствам оказывать помощь возвращению в Россию эмигрантов-революционеров. В направленной им 9 марта 1917 г. циркулярной телеграмме в дипломатические представительства России за границей предлагалось считать более недействительными «сообщённые в разное время Министерством иностранных дел и Департаментом полиции данные о воспрещении выдачи документов на возвращение в Россию и визы паспортов лицам, коим въезд в Россию воспрещён по политическим соображениям.

Ввиду последовавшего ныне акта о политической амнистии все указанные запрещения отпадают. Посему благоволите впредь отказывать в визе паспортов и выдаче документов для возвращения в Россию лишь тем лицам, кои зна-

чатся в международных и наших военных контрольных списках, а также тем иностранцам, въезд коих в Россию был воспрещён как осужденным по суду за общеуголовные преступления или безвозвратно высланным из России за порочное поведение»⁷.

Временное правительство стремилось взять под контроль волну реэмиграции, отделив «благонадежных оборонцев» от «крамольных интернационалистов». Эта нелегкая задача, поставленная перед дипломатическим ведомством, реализовывалась с большим трудом, несмотря на то, что контроль над реэмиграцией поручался особым, образующимся на местах эмигрантским комитетам, действующим под контролем дипломатов. Такой порядок устанавливался согласно циркулярной телеграмме министра иностранных дел от 18 марта 1917 г.: «На случай возникновения каких-либо сомнений о личности политических эмигрантов, желающих возвратиться в Россию в силу акта амнистии, благоволите образовать при вверенном вам заграничном учреждении министерства комитет из представителей политических эмигрантов для разъяснений всех могущих возникнуть сомнений по этому вопросу. Милюков»⁸.

То же подтверждалось последующей телеграммой от 1 апреля: «При выдаче паспортов эмигрантам можете руководствоваться засвидетельствованием их военной благонадёжности другими достойными эмигрантами или комитетами, образованными на основании нашего предыдущего указания»⁹.

Неустойчивая внутривнутриполитическая ситуация в России вынуждала министра постоянно лавировать, что вносило двусмысленность в его распоряжения и создавало дополнительные трудности сотрудникам загранучреждений.

В монографии «Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917» В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева справедливо отмечают: «Русская революция была своеобразной реакцией на мировую войну, причём амбивалентной в своей основе. По существу, усталым народным массам было предложено решить, как добиваться мира: через жертвенное приближение отдалённой победы или более коротким путём сепаратного мира. У политиков вроде бы имелись доктринальные аналоги этой дилеммы. И добиться их слияния в рамках идеологии новой России было нелегко, если вообще возможно» [2].

Милюков постоянно колебался. Например, 5 апреля он направил дипломатическим представителям в Лондоне и Париже инструкцию, фактически перечёркивающую предыдущие указания: «Настоятельно просим, по соображениям внутренней политики, не проводить различия между политическими эмигрантами пацифистами и не-пацифистами. Благоволите сообщить о сём великобританскому (французскому) правительству» [4, с. 3–9].

Новости из России были с восторгом встречены российскими гражданами за рубежом. В посольства стали поступать многочисленные ходатайства о воз-

⁷ АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 133. Оп. 470. 1917. Д. 97. Т. 1. Л. 52.

⁸ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 723. Л. 29–49.

⁹ АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 78. Л. 31–55.

возвращении на родину от самых различных групп граждан: трудовых эмигрантов, лиц, выезжавших на время за рубеж и задержавшихся из-за войны, от учащих-ся, а также военнопленных.

Все они, в соответствии с «Правилами об оказании помощи русским подданным за границей», установленными Временным правительством, имели право на получение пособий и ссуд для возвращения на родину.

Российским загранучреждениям, которые раньше практически не контактировали с местной диаспорой, предлагалось в местах наибольшего сосредоточения эмигрантов установить взаимодействие с их комитетами, а там, где подобных комитетов нет, создать таковые и принимать участие в их работе¹⁰.

Разрешив эмигрантам беспрепятственный въезд на родину, Временное правительство переоценило свои возможности. Бравируя своей революционностью, оно оказалось не в состоянии контролировать мощный поток реэмиграции ни политически, ни технически. Тревожные телеграммы, поступавшие из загранучреждений, по поводу «заражённости» возвращающихся революционными настроениями, всерьёз не воспринимались.

Особенно наглядно это проявилось в неспособности помешать выезду из Швейцарии 3 апреля первой, «ленинской», группы политэмигрантов. Все попытки российской миссии на свой страх и риск задержать «ленинцев» не встретили поддержки со стороны охваченного внутренними разногласиями Временного правительства.

«Вчера, — докладывал 1 (14) апреля из Стокгольма посланник в Швеции Неклюдов, — здесь остановился Ленин и ещё несколько эмигрантов пораженческого лагеря из Швейцарии. Проезд через Германию был устроен для них стараниями социалиста швейцарского толка Циммервальда Фрицом Платтенем, который провожал их до Стокгольма. В Стокгольме Ленин и оставшийся пока здесь Радек совещались вчера с крайними отщепенцами социалистической шведской партии, уверяя их, что через две недели они вернутся с другими товарищами, дабы встретить в Стокгольме германских уполномоченных, а может быть, и французских, и начать переговоры о мире.

Проезд и похвалы Ленина с товарищами очень взволновали здешних латышских и эстонских бывших эмигрантов. Многие уверяют, что наши пораженцы, при проезде через Германию, имели кое-где свидания с тамошними социалистами, некоторые из коих проводили их до Мальме. Латыши и эстонцы утверждают, что Ленин обладает большим красноречием и замечательную ораторскую способностью, почему они боятся его влияния на Совет рабочих и солдатских депутатов в пораженческом смысле» [4, с. 5].

Как известно, сразу же по возвращении в Петроград В.И. Ленин опубликовал свои знаменитые «Апрельские тезисы», ставшие практическим руководством к подготовке Октябрьской революции.

²⁶ АВПРИ. Ф. 757. Оп. 455г. Д. 1а. Л. 45–45 об.

Об остроте эмигрантского вопроса в Швейцарии свидетельствует телеграмма поверенного в делах А.М. Ону из Берна от 5 (18) апреля: «В Швейцарии пока образовались две организации для эвакуации эмигрантов: одна — в Цюрихе — носит скорее интернационалистический характер, другая — в Берне — так называемые «обороновцы», желающие продолжения войны и составляющие лишь пятую часть всей политической организации. Обе группы с большим нетерпением ждут отъезда и просят миссию передать Временному правительству горячую просьбу об ускорении их отправления на родину; при этом обороновцы ссылаются на желание поскорее поступить в русскую армию. Ввиду бедности многих эмигрантов общая цифра уезжающих, вероятно, не превысит тысячи человек. Обе организации просят об оказании материальной помощи как уезжающим, так и временно оставшимся в Швейцарии семействам и больным»¹¹.

Не менее тревожные сведения шли в Петроград из Парижа. В телеграмме от 30 марта (12 апреля) поверенный в делах во Франции М.М. Севастопуло писал: «Вопрос о составлении эмигрантского комитета осложняется существующими между эмигрантами несогласиями; вследствие сего, быть может, придется действовать через посредство двух комитетов: комитета обороны под председательством гр. Нессельроде и комитета, обнимающего всю остальную эмиграцию. На завтра у меня назначено свидание с некоторыми видными эмигрантами. Можно надеяться, что в начале будущей недели вопрос окончательно выяснится. Есть надежда найти небольшой пароход, который провёз бы четыреста-пятьсот эмигрантов из Гавра в Норвегию по 250 фр. за человека. В общем же, единственным средством сообщения, на которое можно рассчитывать с уверенностью, являются пароходы, которые весной пойдут за нашими войсками в Архангельск; на них провоз обойдется по 100 фр. с человека до Архангельска. О числе желающих ехать пока нет никакой возможности составить себе даже приблизительное представление, тем более что неизвестно, сколько ещё прибудет из Швейцарии, Италии и даже Англии, в случае водворения через Архангельск. Так как одновременный проезд семей недопустим из-за подводной войны, то может возникнуть вопрос, о чём прошу указаний, равно как и о том, следует ли считать политическими эмигрантами дезертиров и уклонившихся от военной повинности, объясняющих своё поведение побуждениями политического характера» [4, с. 11].

Временное правительство, исходя из внутривластных соображений, стремилось максимально сбросить на Центральный аппарат МИД и его загранучреждения все сложные вопросы, связанные с отбором эмигрантов, — «кого пускать и кого не пускать»¹².

Наибольшую тревогу реэмиграция вызывала в Военном министерстве. Об этом свидетельствуют многочисленные обращения к министру А.Ф. Керенскому Главного управления Генерального штаба России.

¹¹ АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 133. Оп. 470. 1917. Д. 97. Т. 1. Л. 52.

¹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2450. Л. 70–71.

Военное ведомство настаивало на немедленном прекращении льготного порядка возвращения политэмигрантов. Главное управление генерального штаба (далее — ГУГШ) докладывало, что в результате состоявшейся в марте 1917 г. договорённости между министрами военным и иностранных дел, согласно которой всем находящимся за границей русским политическим эмигрантам была предоставлена возможность льготного возвращения в Россию, из-за границы прибыло уже значительное количество эмигрантов.

В записке на имя министра обороны А.Ф. Керенского руководство Генерального штаба указывало: «ожидается прибытие в Россию до 250 000 человек, и количество это, особенно при прибытии большими партиями, не может не вызывать самых грозных перспектив как по заботам о снабжении их продовольствием, так и по чрезмерной обременительности для наших железных дорог; главнейшие линии, по коим происходит движение эмигрантов, — Сибирская магистраль и линия Торнео — Петроград — являются вместе с тем главнейшими путями доставления нам снабжения из-за границы. Пункты Торнео и, особенно, Владивосток до чрезвычайности перегружены ожидающими отправления внутрь страны грузами, железные дороги обладают весьма слабой провозоспособностью, и в связи с этим наплыв большого количества эмигрантов создаёт новую угрозу правильного снабжения армии. Сосредоточение же эмигрантов в пограничных с нами странах в ожидании отправления в Россию вызывает явное недовольство Японии и Швеции, указывавших уже на то, что правительства этих стран могут счесть себя вынужденными арестовывать группы наших эмигрантов и насильственно водворять их в наши пределы»¹³.

Дипломатические представители России за рубежом (в частности поверенный в делах в Лондоне К.Д. Набоков) также настаивали на временной приостановке отправки политэмигрантов на родину. В телеграмме от 11 (24) июля 1917 г. К.Д. Набоков сообщал: «Вопрос о дальнейшей отправке на государственный счёт политических эмигрантов с континента и из Лондона в Россию становится настолько серьёзным, что я вынужден всецело присоединиться к мнению некоторых вполне заслуживающих доверия лиц из эмигрантской среды. Не подлежит сомнению, что из Европы под видом политических эмигрантов уже проникли в Россию анархисты и уголовники и иные антигосударственные элементы. Ни посольства, ни консульства не имеют фактически возможности проверять подлинную принадлежность людей к политической эмиграции и должны полагаться на отзывы эмигрантских комитетов. Ввиду того, что взгляды таковых изменились с возвращением в Россию огромного большинства эмигрантов, отзывы комитетов не имеют теперь того значения и не дают тех гарантий, как прежде. Мне представляется необходимым, чтобы правительство циркулярно оповестило посольства в Лондоне, Париже и Риме и бернскую миссию, что впредь до

¹³ 13 и 28 июля 1917 г. были подписаны соглашения Временного правительства с Англией и Францией о взаимном привлечении подлежащих военной службе граждан: русских, проживавших в Англии и Франции, — соответственно в английскую и французскую армии, а английских и французских граждан в России — в русскую армию.

назначения особых комиссаров здесь и в Париже с широкими полномочиями и ответственностью отправка эмигрантов временно приостанавливается. Это даст возможность переправить в Россию большее количество военнопленных и военнообязанных»¹⁴.

В отличие от Набокова поверенный в делах в Швейцарии А.М. Ону, напротив, настаивал на скорейшем выезде из Швейцарии на родину тех эмигрантов, которые бы способствовали укреплению позиций Временного правительства и продолжению войны. В своей телеграмме в МИД 24 июля (6 августа) 1917 г. он настаивал на незамедлительном коллективном отъезде 120 эмигрантов-оборонцев. Аргументы дипломата сводились к следующему: «Около 500 эмигрантов, преимущественно интернационалистов и пацифистов, уехали отсюда через Германию. Оборонцы, то есть националисты, до сих пор уезжали чрез Англию и Францию, при этом в весьма небольшом числе. По вполне понятным политическим соображениям оборонцы желают возможно скорее прибыть в Россию, дабы принять участие в политической борьбе против центробежных сил. Для характеристики отъезжающих отсюда оборонцев надо отметить, что ни одному из лиц, рекомендованных комитетом оборонцев, не было отказано в визе ни англичанами, ни французами — все решительно признаны достойными доверия»¹⁵.

Между тем внутривнутриполитическая обстановка в России продолжала накаляться — власть разваливалась на глазах, общество погружалось в хаос.

Судьба военнопленных

Одним из важнейших направлений деятельности МИД России в годы Первой мировой войны стало оказание помощи военнопленным. На бытовом уровне в России распространено двойственное отношение к этой категории лиц: чужих жалели, подкармливали, когда возможно, а своих недолюбливали, чурались, как прокажённых. В верхних эшелонах власти ещё хуже — всех побывавших в плену автоматически причисляли к шпионам и никого не интересовали реальные причины, по которым несчастный попал во вражеский плен. Был ли он безоружен, тяжело ранен или попал в плен по дурости собственных командиров — подобное в расчёт никто и никогда брать не хотел. Между тем война показала не только значительную техническую отсталость России, но и, мягко говоря, бесталанность её генералитета.

Об этом, в частности, свидетельствует значительное количество русских генералов, оказавшихся в плену у германских войск. В сражениях при Танненберге 26–30 августа 1914 г., в Августовских лесах в феврале 1915 г. и при сдаче крепости Новогеоргиевск 19 августа 1915 г. русская армия понесла значительные потери в генеральском составе. По приводимым российским исследователем

¹⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2450. Л. 84.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2413. Л. 314.

О.С. Нагорной данным, при окружении 2-й (Наревской) армии в Восточной Пруссии в плену оказались 16 генералов. При окружении 20-го армейского корпуса 10-й армии в Мазурии к немцам попали 13 генералов. Ещё 17 генералов сдались при осаде крепости Новогеоргиевск. Во время Лодзинской операции в ноябре 1914 г. в плену оказались 12 генералов [6].

МИД 16 марта 1917 г. направил в правительство свои соображения по данному вопросу¹⁶. Предлагалось, в частности, объединить деятельность всех правительственных и общественных организаций, чья деятельность была направлена на помощь военнопленным, взяв за образец Французскую внепарламентскую комиссию, имеющую значительные полномочия. Указанное предложение неоднократно высказывалось как по линии Российского общества Красного Креста, представившего разработанный совместно с МИД соответствующий проект, так и председателем Государственной думы М.В. Родзянко на заседании Главного управления Российского общества Красного Креста. В обоих случаях предложения об объединении не получили одобрения правительства.

Вопрос о военнопленных был решён лишь после заключения перемирия, когда страны-участницы войны включили его в договор о перемирии между Россией и Болгарией, Германией, Австро-Венгрией и Турцией от 2 (15) декабря 1917 г. Согласно этому договору и договору между Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией от 3 марта 1918 г., пленные обеих сторон подлежали обмену и отправке на родину.

По подсчётам российского историка И.Б. Беловой, численность русских военнопленных к середине 1917 г. составляла 2 417 тыс. чел. До 1918 г. в Россию прибыли из плена 715 тыс. инвалидов и 60 тыс. бежали из лагерей, что в сумме составило 32% от общего числа российских военнопленных. На начало 1918 г. в плену оставались 1 642 тыс. человек (68%). За исключением умерших в плену 190 тыс., в Европе остались 95 тыс. человек, вернулись в прибалтийские государства 215 тыс. человек. Таким образом, не вернулись в Россию 500 тыс. (21%) русских военнопленных [1].

Работу дипломатов Временного правительства прервала Октябрьская революция 1917 г. Подавляющее число сотрудников МИД и депутатов Государственной думы, отказавшись сотрудничать с новым режимом, закончили свою жизнь трагически. Вместе с тем старая русская дипломатия сошла с исторической сцены с чувством исполненного профессионального и патриотического долга. «Плохо ли, хорошо ли мы понимали интересы России, — писал в эмиграции князь Г.Н. Трубецкой, — пусть об этом рассудят другие, но мы служили им честно, в меру разумения, совести и сил. Когда-нибудь придётся воздать должное русской бюрократии, которая для людей, живущих трафаретами, представляет просто бранной кличкой.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6208. Л. 12–13.

Тогда, я не сомневаюсь, получит признание огромная патриотическая и культурная работа, ею проделанная, и те сокровища государственного опыта и самоотвержения, которые были с нею связаны. Они, без сомнения, опирались на лучшие традиции русского служилого сословия и не могут быть затушеваны тёмными сторонами интриг и личных страстей, которые находили себе почву в некоторых общих нездоровых условиях государственного строя» [7].

Конец существования дореволюционного МИД прервал, но не уничтожил преемственность дипломатических традиций России. Для истории в одинаковой степени важен как положительный, так и отрицательный опыт. Применительно к царской дипломатической службе значение этого опыта ни в чём не умаляется её недостатками, требующими столь же беспристрастного и объективного подхода, как и её сильные стороны.

В начале 1990-х гг. российские дипломаты поддержали курс на демократические преобразования в нашей стране и продолжают в рамках своих полномочий отстаивать интересы России за рубежом.

Как и в прошлые годы, вопросы сотрудничества с Федеральным собранием находятся в центре внимания российского Министерства иностранных дел. Разумеется, с годами меняются приоритеты и на этом направлении деятельности. Сегодня в числе первостепенных задач — совместные действия дипломатов и депутатов по обеспечению прав человека путём участия в Совете ООН по правам человека, конвенционных органах ООН по правам человека и Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека. Важная роль принадлежит международному гуманитарному сотрудничеству. Россия вносит достойный вклад в работу Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Международной организации по миграции, взаимодействует с Советом Европы и ОБСЕ.

К сожалению, после развала Советского Союза на территориях бывших советских республик и между ними возникли кровавые конфликты. Попытки их мирного разрешения вновь выдвинули на передний план гуманитарного сотрудничества вопросы личной безопасности граждан, спасение из беды гражданского населения и урегулирование проблем, связанных с военнопленными. Организация гуманитарных конвоев в горячие точки, экстренная медицинская помощь и другие задачи вновь стоят на повестке дня деятельности МИД. Как и всегда, в моменты тяжких испытаний для нашей страны дипломатическая служба остаётся неотъемлемой частью своего государства и народа. Сохранение памяти о славном прошлом отечественной дипломатии необходимо не только как подтверждение преемственности истории нашей страны, её славных традиций, но и как достойный подражания пример для новых поколений российских дипломатов.

Список литературы

1. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России 1914–1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. 432 с.
2. Булдаков В.П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. Новый хронограф. 2015. 720 с.
3. Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в эмиграции в 1917–1938 годах // Международная жизнь. 2001. №9–10. С. 71–83.
4. Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией // Красный архив. Исторический журнал. Т. XX. Центрархив. М.–Л., 1927. С. 25–38.
5. Морозова И.М. Некоторые аспекты взаимодействия Министерства иностранных дел России и Государственной думы в 1905–1917 годах // Дипломатический вестник. 2001. № 11. С. 27–35.
6. Нагорная О.С. Другой военный опыт. Русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010. 440 с.
7. Памяти кн. Гр Н. Трубецкого. Сборник статей. Париж, 1930. 163 с.
8. Чернявский С.И. Дипломатия России. Опыт Первой мировой войны. М., Алгоритм, 2016. 414 с.

Об авторе:

Станислав Иванович Чернявский — директор Центра постсоветских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России, д.и.н., профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посланник. E-mail: chernyavskiy.stanislav@gmail.com.

RUSSIA FOREIGN MINISTRY AND THE STATE DUMA DURING THE FIRST WORLD WAR

S.I. Chernyavskiy

DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-72-90

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article studies the cooperation between the Russian Foreign Ministry and the State Duma during the First World War.

A hundred years ago, the Russian parliament made the first real steps in democratization of public administration. MPs to the best of their ability and within the limits of the emperor's powers sought to modernize the outdated system of monarchical rule. They were pushed by the tragic conditions of the First World War in which Russia was plunged by the royal family. The February Revolution of 1917 breathed new strength into the political struggle unfolding in Russia, it forced many conservative oriented public administrators to support the efforts of the MPs to establish a republican form of government. Russian diplomats also contributed to the effort when they assisted thousands of Russians who were caught up in captivity in hostile countries, as well as prisoners of war and seriously wounded.

Using archival documents and memoirs, the author observes the evolution of the relationship between the Ministry of Foreign Affairs and the emerging civil society and how these changing relationships influenced the work of Russian diplomatic missions. This complex set of relationships evolved around issues faced by the authorities during the First World War and the February Revolution. Methodologically, the author relies on institutional approach and partially on the Annals school, analyzing the subject matter taking into account the specific historical conditions. In addition, the study uses elements of diachronic analysis, a comparison of the post-revolutionary and post-Soviet restructuring of diplomatic institutions in

Russia, which demonstrates how deep the institutional memory can be under conditions of a consistent change in the socio-political structure.

Key words: The First World War, February Revolution, the Ministry of Foreign Affairs, prisoners of war, political refugees, humanitarian cooperation.

References

1. Belova I.B. *Vynuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Rossii 1914–1925 gg.* [Forced migrants, refugees and military hostages in I World War in Russia, 1914–1925]. Moscow: AIRO-HHI, 2014. 432 p. (In Russian).
2. Buldakov V.P., Leont'eva T. G. *Voina, porodivshaia revoliutsiiu* [The war that forged revolution]. Moscow: Novyi khronograf. 2015. 720 p. (In Russian).
3. Deiatel'nost' diplomatov tsarskogo i Vremennogo pravitel'stv v emigratsii v 1917–1938 godakh [Activities of diplomats of the Tsarist and the Temporary government in 1817–1938]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*. 2001, no. 9–10, pp. 71–83. (In Russian).
4. *Diplomatiia Vremennogo pravitel'stva v bor'be s revoliutsiei* [The Temporary government diplomacy against revolution]. *Krasnyi arkhiv. Istoricheskii zhurnal*. 1927. Vol. XX, pp. 25–38. (In Russian).
5. Morozova I.M. Nekotorye aspekty vzaimodeistviia Ministerstva inostrannykh del Rossii i Gosudarstvennoi dumy v 1905–1917 godakh [Some aspects of interaction. Human Rights in Russia: 1905–1917]. *Diplomaticheskii vestnik*. 2001, no. 11, pp. 27–35. (In Russian).
6. Nagornaia O.S. *Drugoi voennyi opyt. Russkie voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Germanii (1914–1922)* [Another military experience. Russian prisoners of war of the First World War in Germany (1914–1922)]. Moscow, 2010. 440 p. (In Russian).
7. *Pamiat' kn. Gr N. Trubetskogo* [In memory of the earl N. Trubetskoy]. Digest of articles. Paris, 1930. 163 p. (In Russian).
8. Cherniavskii S.I. *Diplomatiia Rossii. Opyt Pervoi mirovoi voiny* [Diplomacy of Russia. Experience of the First World War]. Moscow, Algoritm, 2016. 414 p.

About the author:

Stanislav I. Chernyavskiy – Doctor of Historical Sciences, Director of the Center for Post-Soviet Studies, Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Envoy, MGIMO-University. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: chernyavskiy.stanislav@gmail.com.

МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР: ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ

А.Ю. Борисов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В фокусе статьи – связь Мюнхенского сговора и его драматических последствий с процессами распада межвоенного мира на основе Версальско-Вашингтонской системы, нарушения общеевропейского равновесия и вызревания предвоенного политического кризиса.

Трагическая судьба Чехословакии учит, что предательство национальной элитой интересов своей страны, передача государства под «внешнее управление» оборачивается в конечном счёте и национальным самоубийством для правящей элиты, и потерей ею своего привилегированного положения.

В статье предпринята попытка увязать трагическое историческое прошлое Чехословакии, расплатившейся за свой отказ от суверенитета в результате политики национальной элиты, с сегодняшним политическим дискурсом вокруг вопросов глобализации и национальных интересов, влияния внешних сил на политику зависимых и не самостоятельных государств и нередко негативных последствий этого влияния.

Многое и сегодня в политике ведущих западных держав, прежде всего Соединённых Штатов, перекликается с их действиями в период подготовки и осуществления Мюнхенского сговора. Игра на международных противоречиях, попытки подставить под удар противника, а самому остаться в стороне, выдать жертву агрессору и т.д. опасны как вчера, так и сегодня и чреваты серьёзными международными последствиями для их организаторов и вдохновителей.

В отличие от многочисленных работ на данную тему, увидевших свет в нашей стране и за рубежом, и сосредоточивших главное внимание на деятельности европейских «умиротворителей» – англичан и французов, автор статьи показывает скрытую от глаз роль американской дипломатии в решении судьбы Чехословакии. Тогда во главе США находился такой крупный политический деятель, как президент Франклин Рузвельт – признанный мастер игры на международных противоречиях, избегавший быть на авансцене мировой политики в сомнительных вопросах.

Для уяснения роли США в европейской политике в период Мюнхенского кризиса в статье привлечены оригинальные источники из архива американского посла в Советском Союзе Дж. Дэвиса, хранящиеся в Библиотеке Конгресса США и проливающие дополнительное свет на перипетии европейской политики в то бурное время и малоизвестные стороны сталинской дипломатии в период борьбы за коллективную безопасность.

Ключевые слова: США, Рузвельт, национальный интерес, Мюнхенский сговор, дипломатия, Вторая мировая война.

УДК 93/94

Поступила в редакцию 28.02.2017 г.

Принята к публикации 04.06.2017 г.

Тема национальных интересов, оказавшаяся немодной в век «сплошной» глобализации, неожиданно вновь оказалась в центре общественного дискурса в связи с затяжным кризисом всего либерального мегапроекта Запада. «Конец истории», наивно преподнесенный Ф. Фукуямой как торжество американоцентричного мира, обернулось лишь очередной сменой мировых противоречий, болезненным переходом к новому, полицентричному миропорядку. «Век национализма» – так в специальной статье ещё в 2013 г. анонсировал суть наступающей эпохи влиятельный американский журнал *The National Interest* [13].

Между тем история учит, что забвение национальных интересов под давлением внешних обстоятельств или в результате корыстных расчётов «своей» правящей элиты не только оборачивается трагедией для народа данной страны, но может иметь и далеко идущие международные последствия. В длинной цепи событий, подтолкнувших мир ко Второй мировой войне (1939-1945 гг.), особое место занимает Мюнхенская конференция 1938 г., вошедшая в историю как преступный сговор Великобритании, Франции, нацистской Германии и фашистской Италии с целью «мирной» выдачи Гитлеру Чехословакии.

По сути дела, Мюнхенский сговор, от которого решительно отмежевался СССР, явился пиком, проводимой западными державами политики «умиротворения» агрессоров и обозначил «точку невозврата» в переходе от мира к войне. Его логическим следствием стали двусторонние соглашения, подписанные Англией, Францией и, много позже других, Советским Союзом с гитлеровской Германией, чтобы отвести угрозу агрессии от себя. Получилось так, что эгоистический интерес, возведенный в ранг государственной политики западными демократиями, одержал верх над коллективной ответственностью. Когда предвоенные годы стали уже далекой историей, глава Советского правительства И.В. Сталин в перерыве между заседаниями Ялтинской конференции (февраль 1945 г.) лаконично скажет президенту США Ф. Рузвельту, что если бы не было Мюнхенского сговора, то не было бы и советско-германского пакта о ненападении¹. Президент не найдет, что ответить. Тем более, что США формально остались в стороне от «грязной сделки».

В исторической литературе, как в отечественной, так и в зарубежной, давно расставлены все основные акценты и выявлены главные виновники и пособники постыдного сговора, его жертвы и их защитники. Имена английского премьера Н. Чемберлена, французского премьера Э. Даладье, не говоря уже о кровавых диктаторах Гитлере и Муссолини, занесены в книгу памяти в качестве больших и малых злодеев. Но остается ещё большое историческое закулисье, выявление роли тех, кто не был на авансцене, но кто реально определял хитросплетения европейской политики и вполне мог воспротивиться неблагоприятному сценарию, но не захотел этого сделать. Речь идёт о предвоенной дипло-

¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. Washington: U.S. Government Printing Office, 1955. P. 367.

матии Соединённых Штатов, нити которой крепко держал в своих руках такой крупный государственный деятель, большой мастер политических интриг и игры на противоречиях, каким был президент Рузвельт. Не случайно в близком кругу его сравнивали с «львом и лисицей» в одном лице.

В отечественной литературе, как советского, так и постсоветского периода, в какой-то мере под влиянием американских исследований и, разумеется, роли Рузвельта как одного из руководителей антигитлеровской коалиции и по контрасту с его преемником сложился несколько идеализированный образ американского президента, присутствующий и в современных российских политических оценках. Бесспорно, в критический момент мировой истории Рузвельт оказался на высоте положения и, отбросив идеологическую предвзятость, проявил политическую мудрость, заключив вместе с Великобританией военный союз с СССР. Но в довоенные годы, когда решался вопрос быть или не быть мировой войне, США, несмотря на всё показное миролюбие Белого дома, сознательно попустительствовали державам-агрессорам – Германии, Италии и Японии и не мешали им творить произвол и беззаконие, рассчитывая остаться в стороне от военного конфликта к своей выгоде. Как иронически замечал тогда У. Черчилль, «Америка ни во что не вмешивалась и лишь всем желала добра». Идейной подоплекой этой стратегии являлся американский изоляционизм или так называемое невмешательство в мировые дела, временами дополнявшие политику активного интервенционизма.

Известное представление о внутренних пружинах американской политики в то судьбоносное для мира время дают ранее не публиковавшиеся материалы из архива крупного американского бизнесмена, друга президента Рузвельта, щедро финансировавшего его предвыборные кампании, Джозефа Дэвиса, назначенного в конце 1936 г. американским послом США в Советском Союзе. В отличие от своего предшественника, пронацистски настроенного Уильяма Буллитта, Дэвису удалось установить доверительные отношения с Кремлём. Известно, что Сталин отвечал ему взаимностью и считал, что «с ним можно иметь дело». Перед послом была поставлена конкретная задача «выяснения военной и экономической мощи русских» и ответа на вопрос, весьма волновавший Рузвельта, «на чьей стороне они будут в случае войны»².

В то довоенное время в Москве ещё испытывали определённые иллюзии в отношении политики США и надеялись, что в Вашингтоне сумеют трезво оценить опасность, исходящую от блока агрессоров и важность сотрудничества с Москвой. Тем более что на том этапе главные угрозы для СССР исходили из Европы и Дальнего Востока, а США, какое-то время, пока окончательно не раскрылось своекорыстие их политики, рассматривались в роли потенциального партнёра, если и не союзника, особенно в дальневосточных делах. Между тем

² Library of Congress. Manuscript Division, Joseph T. Davies. Chronological File, 1936 - 1938. Con. 5. Diary June 1, 1937 (далее - Library of Congress, Joseph T. Davies. Chronological File).

для Вашингтона, отдалённого от основных центров конфликтов гладью двух океанов, мир был большой шахматной доской, где принципиальное значение имела расстановка основных фигур, особенно, когда речь зашла о судьбе Чехословакии.

Во времена Мюнхена Дэвис через голову реакционеров из Госдепартамента будет выполнять ответственные поручения Рузвельта в европейских столицах, выступая в роли «честного маклера», до конца, вероятно, не проникая во все тонкости, если не сказать коварство, дипломатической тактики своего шефа. Когда сталинская игра с Гитлером потерпит фиаско и Германия в нарушение Пакта о ненападении всей своей мощью обрушится на Советский Союз, Дэвис окажется едва ли не единственным среди правительственных чиновников-маловверов в Вашингтоне, кто пророчески публично заявит, что «русские ещё изумят мир».

Едва заступив на свой дипломатический пост, Дэвис 9 марта 1937 г. сообщает пресс-секретарю Белого дома Стиву Эрли: «Нельзя не отдавать себе отчёт в том, что здесь вызревают силы, с которыми будущему придется считаться. При условии мира они достигнут крупных экономических успехов. Но о мире можно разве только мечтать. Германия и Япония – постоянная угроза». 1 июня после кратковременного посещения Лондона и встреч с английскими политическими деятелями Дэвис записал в своём дневнике: «Всё, что я рассказал им об увиденном (в СССР – А.Б.), поразило их воображение, но я всё же мог видеть, с каким недоверием они относились к мощи России при Советах»³.

Информация посла Дэвиса противоречила устоявшимся в западных столицах взглядам о «слабости СССР», подорванного массовыми репрессиями и «чистками» Красной Армии, его стремлении к «экспорту революции» и т.д., что складывалось в миф о «колоссе на глиняных ногах» и опасности сотрудничества с ним Запада. Именно поэтому Советское правительство, видя в Дэвисе доброжелателя, создало для американского посла, вопреки традиционной «закрытости» режима для иностранцев, привилегированные условия. В дипломатическом корпусе он был на особом положении, часто встречался с советскими руководителями и получал из первых рук интересующую его информацию. Ему разрешили совершить ряд ознакомительных поездок по крупнейшим промышленным центрам, включая новые индустриальные гиганты в Сибири и на Урале.

Следуя указаниям президента, Дэвис особое внимание уделял изучению потенциальных возможностей СССР на случай большой войны. 10 июля 1937 г. он сообщает помощнику президента Марвину Макинтайру: «Англия и Франция преуменьшают военную мощь этого правительства, а Гитлер – нет». В конце июля посол подготовил для президента обстоятельный документ под названием «Важность промышленности для обороны», в котором отмечал: «Европейские военные наблюдатели неофициально признают, что [Красная]

³ Library of Congress. Manuscript Division, Joseph T. Davies. Chronological File, 1936 - 1938. Con. 5. Diary June 1, 1937 (далее - Library of Congress, Joseph T. Davies. Chronological File).

Армия является первоклассной с точки зрения рядового и командного состава. Советская промышленность, судя по тому, что я увидел, поразит Запад в случае войны». 28 июля он информирует государственного секретаря Корделла Хэлла об арестах в армии и вопреки волне поднявшихся слухов о «шаткости» режима Советов сообщает, что «положение этого правительства и стоящего у власти режима выглядит неприступным в настоящее время и, вероятно, на обозримое будущее»⁴.

Дэвис одним из немногих на Западе достаточно трезво оценивал и советскую внешнюю политику в тот кризисный период. В 30-е гг. прошлого века, особенно после прихода Гитлера к власти в Германии, в Кремле думали уже не о том, как разжечь революционный пожар на Западе, а как не оказаться в полной изоляции перед лицом единого фронта капиталистических держав. А к этому неизбежно вела политика «умиротворения» агрессоров, главным инициатором которой выступал «туманный Альбион», объединивший традиционный имперский антирусский синдром с новой классовой враждебностью к большевикам, при некоторой непоследовательности и колебаниях Парижа и скрытой поддержки со стороны американцев. Линии на «умиротворение» агрессоров советская дипломатия попыталась противопоставить идею коллективной безопасности с опорой на механизм Лиги Наций, что в Кремле рассматривали, как попытку использовать межимпериалистические противоречия в духе ленинского учения. Борьба этих двух тенденций в европейской и мировой политике достигла своего апогея во время мюнхенского кризиса.

Все это не из-за океана, а с близкого расстояния наблюдал посол Дэвис, постепенно теряя присущий ему оптимизм. 1 сентября 1937 г. в рубрике «Европейская ситуация по отношению к России» он записывает в журнале посла свои мысли: «Германия – эпицентр бури. Замыслам Германии отвечает изображать коммунизм в качестве советской угрозы для цивилизации. Россия, по моему мнению, является искренним поборником мира». Из этих размышлений за рабочим столом посла рождались телеграммы в Вашингтон. 3 ноября он сообщает Хэллу: «Советский Союз уже является действенным фактором международного мира, значение которого неуклонно нарастает»⁵.

При этом Дэвиса едва ли можно было считать идеалистом, попавшимся на крючок сталинской пропаганды. Ситуацию в СССР он видел во всей её сложности и трагизме, оказавшись в Москве на пике массовых репрессий, когда в одном только 1937 г., согласно докладной записке КГБ, подготовленной по указанию Н.С. Хрущёва для его известного «антисталинского» секретного доклада перед делегатами XX съезда КПСС в феврале 1956 г., было репрессировано 918 671 чел., из которых 353 074 было расстреляно [3, с. 463].

⁴ Library of Congress. Manuscript Division, Joseph T. Davies. Chronological File, 1936 – 1938. J. Davies Journal, July 28, 1937.

⁵ Library of Congress. Manuscript Division, Joseph T. Davies. Chronological File, 1936 – 1938. J. Davies Journal, November, 2 - 7, 1937.

Можно только поражаться способности Дэвиса не поддаваться доминировавшим тогда в Вашингтоне и на Западе в целом настроениям в отношении СССР. 6 октября он пишет министру Х. Каммингсу: «Здесь в России дела идут в обычной русской манере. Как это понимать? Ситуация отчаянно озадачивающая. Но в чём я совершенно уверен, так это в том, что нынешнее правительство состоит из очень способных и сильных людей, которые хорошо владеют ситуацией. Сообщения, которые превалируют в Западной Европе, на тот счёт, что режим разваливается и по существу падает, принимают желаемое за действительное и не отражают того, что могло бы быть подкреплено фактами. Конечно, ужасно и прискорбно созерцать, как эти расстрелы продолжаются, и лично я всегда буду считать, что эта в своей основе вселяющая оптимизм попытка поднять уровень жизни масс запятнана и принижена политикой, которая осуществляется таким ужасным и тираническим путём... Они делают здесь так много хорошего, что это поистине прискорбно»⁶.

Могут сказать: а какое все это имеет отношение к нашей теме? Самое непосредственное. Мощная пропагандистская завеса, созданная вокруг СССР усилиями «умиротворителей», серьёзно дезориентировала западную общественность в отношении подлинных угроз, исходящих от держав агрессоров, и, напротив, породила большую настороженность к политике и намерениям Москвы. В то же время Гитлера долгое время воспринимали как эдакого «обиженного ребенка», которому надо было помочь встать на ноги, т.е. избавить от несправедливостей Версальского договора, чтобы он успокоился. В конце концов, в отличие от загадочного большевистского деспота Сталина (помните: «Чингисхан с телефоном», как окрестил его Р. Роллан) он был «свой», из одной и той же семьи, хотя и не без врожденного уродства.

С особым пиететом во влиятельной части американской правящей элиты относились к Гитлеру – востребованной временем сильной личности в эпоху социальных потрясений, гению «корпоративного государства». Это уже после того, как нацистский фюрер «выйдет из-под контроля» и поднимет руку на самих «умиротворителей» он превратится в «кровавое чудовище» и врага всего человечества. А пока он был известен как человек порядка в раздираемой противоречиями послевоенной Германии и принципиальный борец с коммунизмом, умеющий гипнотизировать разувверившуюся толпу.

Американцы рано выделили его как яркую личность среди безликих деятелей Веймарской республики и не спускали с него глаз вплоть до его прихода к власти. Интересно свидетельство на этот счёт в мало известных дневниках американского военного атташе в Берлине Трумэна Смита. Он не скрывал своего восхищения личностью и организаторскими способностями Гитлера, когда впервые встретился ним ещё в 1922 г. «Великолепный демагог. Я редко слышал столь логически мыслящего и фанатичного человека. Его власть над толпой,

⁶ Library of Congress. Manuscript Division, Joseph T. Davies. Chronological File, 1936 – 1938. Box 6, J. Davies Journal, October 6, 1937.

должно быть, беспредельна», – записал он «по свежим следам». Хорошо зная о настроениях в США в годы «великого красного страха» и пальмеровского террора, Гитлер пустил в ход беспроигрышную карту в последовавшей беседе с американцем. Он подчеркнул, что его движение (тогда оно едва насчитывало 100 чел.) преследует цель «противостоять марксизму», и далее предостерегал: «Если Америка не поможет германскому национализму, большевизм завоюет Германию. Тогда... русский и германский большевизм чисто из самосохранения нанесут удар по западным странам» [6, с. 48, 52-54, 60-61].

Особая тема – участие американских корпораций в восстановлении военного потенциала Германии в нарушение ограничений Версальского договора. Тема, которая не получила своего развития на Нюрнбергском процессе, как уже отмечалось в одной из наших последних публикаций журнала [1]. Оказывается, большой грех на душу взяло сталинское руководство в период подготовки процесса, вступив в тайный сговор с американцами, как стало известно из недавно опубликованных дневников генерала И.А. Серова, и осуществив своеобразный «размен» наиболее щекотливых с точки зрения интересов сторон вопросов. По свидетельству одного из руководителей советской контрразведки генерала П.В. Федотова, входившего в комиссию по подготовке процесса, «американцы пошли нам навстречу, сняв вопрос о секретных протоколах Молотова – Риббентропа 1939 г. в обмен на то, что мы не поднимаем вопрос о финансовых связях США с гитлеровскими промышленниками [3, с. 536-537]. Остаётся только гадать, сколько ещё подобных тайн хранится в архивах у нас и за рубежом.

Интересно, что в наши дни известная реабилитация Гитлера на Западе началась даже не столько с публикации в ФРГ «по истечении срока давности» нацистской библии «Майн Кампф» с 700-страничными «научными» комментариями, сколько с попыток отобразить «феноменальные» личные качества Гитлера, его гениальную «харизму» [15]. Прямо надо сказать, что авторы этих работ в погоне за скандальной известностью выглядят довольно беспомощно, пытаясь показать «магнетизм» фигуры нацистского вождя на фоне его кровавых преступлений. Остается только удивляться, что эта скользкая тема не получила пока адекватной оценки со стороны некоторых международных организаций, обычно внимательно отслеживающих любые покушения на проблему Холокоста. Как будто можно всерьёз повествовать об «обаянии» маниакального приверженца «окончательного решения» еврейского вопроса в отрыве от газовых камер Освенцима. Правда, кровавый антисемитизм Гитлера почему-то не мешал заигрывать с ним администрации Рузвельта, в составе которой было немало лиц с еврейскими корнями.

А в Москве, по мере обострения ситуации в Европе и на Дальнем Востоке, внимание посла Дэвиса всё больше переключается на военные вопросы. Его единомышленником в оценке «намерений и потенциалов» сторон был американский военный атташе полковник Филипп Феймонвилль, которого недолюбливали в военном ведомстве в Вашингтоне за независимый нрав и «симпатии к русским».

В апреле 1938 г., т.е. в самый канун общеевропейского кризиса вокруг Чехословакии, Феймонвилль по заданию посла подготовил обширный документ под характерным названием «Военная мощь Советского Союза», в котором дал оценку боеспособности Красной Армии. В частности он отмечал: «Красную Армию на апрель 1938 г. можно рассматривать как мощную военную организацию, состоящую из великолепных солдат, великолепных младших командиров и, по меньшей мере, неплохого старшего комсостава. Армия вооружена хорошим стрелковым оружием, имеет на вооружении очень приличные самолёты и превосходные танки. Её артиллерия вполне удовлетворительна и быстро совершенствуется. Армия опирается на огромную оборонную промышленность, которая в высшей степени централизована и способна подчинить все ресурсы страны осуществлению программ вооружений».

И далее: «Оборонительные позиции Советского Союза в своей основе очень прочные. Было бы по существу невозможно в буквальном смысле слова завоевать Советский Союз. Враг мог бы скорее надеяться на внутренний крах советского режима, но Советское правительство, хорошо зная о такой эвентуальности, предпринимает все возможные предосторожности с тем, чтобы вооружённые силы сохраняли лояльность правительству и чтобы в стране не появились какие-либо оппозиционные группы, которые могли бы угрожать власти Кремля. В военном отношении Советский Союз может устоять в одиночку против любой комбинации из двух враждебных держав. Если бы Советскому Союзу угрожала военная коалиция из более чем двух держав, часть его территории, возможно, была бы оккупирована, но, скорее всего, нынешние вооружённые силы Советского Союза не допустят решающего поражения и маловероятно, что вторгнувшиеся армии добьются окончательной победы»⁷.

Заметим, что этот документ, отражающий мнение посла и весьма прохладно встреченный в Вашингтоне, был подготовлен за три с лишним года до начала Великой Отечественной войны, когда Феймонвилль, вновь оказавшись в том же качестве в Москве, сумел сам проверить точность своих довоенных прогнозов. Эти прогнозы, разумеется, отражали конкретное соотношение сил на тот момент, когда Германия ещё не набрала дополнительную мощь, и её легко можно было остановить именно во время Судетского кризиса. Отсюда, возможно, в свете последующих событий и несколько оптимистические оценки военного атташе о способности Советского Союза выдержать одновременное нападение двух агрессоров, скорее всего, речь шла о Германии и Японии. Слава богу, что судьбе было угодно не испытывать Советский Союз на прочность в 1941 г. нападением агрессора ещё и на Дальнем Востоке, от которого СССР всё время был на волоске.

По мере того как европейский кризис вступал в решающую фазу, голос посла из Москвы всё больше диссонировал с преобладающими в Вашингтоне

⁷ Library of Congress. Manuscript Division, Joseph T. Davies. Chronological File, 1936 – 1938, box 7, J. Davies Journal, April 17, 1938

настроениями, особенно в оплоте консерваторов – Госдепартаменте. На смену Дэвису прибудет кадровый служака Лоуренс Штейнгардт, который будет пророчить Советскому Союзу после 22 июня 1941 г. скорую гибель. Что касается самого Дэвиса, то известной проверкой его востребованности на ключевых постах явился многозначительный отказ Рузвельта на просьбу направить его главой американского посольства в Берлин. О многом говорил тот факт, что на смену либералу и учёному-пацифисту Уильяму Додду туда был направлен профашистски настроенный Хью Вильсон. «Смена караула» в ключевых точках ясно говорила о том, что в Вашингтоне на местах хотели иметь людей, понимающих его «генеральную линию» с полуслова по мере приближения международной ситуации к кульминации.

Честному Дэвису пришлось принять более скромное назначение на пост американского посла тогда в провинциальном Брюсселе. Но и оттуда он будет продолжать предостерегать Вашингтон о пагубности политики «умиротворения» агрессоров и важности сотрудничества с СССР. Перед тем как отбыть к новому месту службы, он направил государственному секретарю Хэллу обстоятельную телеграмму (в то время, заметим, было не принято как у нас, так и у американцев экономить на связи и ограничивать шифротелеграммы 3-5 страницами текста), в котором содержались такие шокировавшие Госдепартамент строки: «По моему мнению, следующее поколение станет свидетелем того, как эти люди здесь (в Советском Союзе. – А.Б.) будут оказывать колоссальное влияние не только на положение дел в Европе, но и во всем мире... Великие силы таятся здесь и ещё более великие силы вызревают. Они неизбежно вызовут далеко идущие последствия». Воистину, взгляд сквозь годы, хотя и чужой. Если бы мы сами ещё умели не быть себе врагами!

В политике есть такое понятие как идеологическая зашоренность или неспособность сойти с взятого курса, какие бы факты не ставили его под сомнение. Бывает трудно отказаться от полюбившейся цели, хотя все говорит о ее несбыточности, а то и о возможных роковых последствиях. Среди солидных монографий, приуроченных к 100-летию со дня начала Первой мировой войны, была одна работа, которая, может быть, в чем-то упрощенно, называлась «Лунатики» (The Sleepwalkers) – о государственных деятелях того времени, якобы против своей воли ввергнувших мир в первую кровавую бойню [8]. Скорее всего, большие и малые войны начинались как в результате стратегических просчётов, так и опасных идеологических заблуждений, принятия желаемого за действительное. В политике особенно трудно предвидеть результат, когда авантюрное начало сталкивается с традиционным, классическим. Простая арифметика здесь не помогает.

Вчерашний ефрейтор или «богемский капрал», как презрительно называл его престарелый фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, из рук которого Адольф Гитлер получил власть, не был традиционным политиком. Его представление о возможном и невозможном не укладывалось в рамки немецкой «реалполитик»

и, наверное, повергло бы в ужас таких классиков старой школы, как Карл Клаузевиц или Отто фон Бисмарк. Его приход во власть объяснялся затянувшимся глубочайшим кризисом, поразившим Германию после проигранной мировой войны и навязанного ей несправедливого Версальского мира. Немецкие промышленники и финансисты ждали от него наведения социального порядка в стране и изменения правил конкуренции вовне, если потребуется с применением военной силы. Их партнёры и конкуренты, прежде всего, победители – ангlosаксы, видели в нацистской партии и её вожде силу, способную противостоять социально враждебному Советскому государству. Нужно было только помочь «послевеймарской» Германии встать на ноги и не допустить её преждевременного «схода с дистанции». Этой цели и служила западная политика «умиротворения», пиком которой и стал Судетский кризис. К моменту его возникновения нацисты имели уже большой опыт достижения поставленных целей, как в вопросах преодоления военных, так и территориальных ограничений Версальского договора. В рамках нашей темы нет смысла подробно останавливаться на всех «победах» Гитлера на дипломатическом фронте. Стоит лишь отметить, что этот опасный авантюрист каждый раз очень трепетал за успех очередного рискованного предприятия и боялся получить по рукам от своих противников. За его внешней уверенностью скрывался животный страх. Красноречивым примером служил захват Рейнской демилитаризованной зоны в марте 1936 г.

Это был первый серьёзный вызов европейскому миру со времен прошедшей войны и вместе с тем глубокий зондаж, если не сказать «разведка боем», позиции западных держав, прежде всего Франции. О том, что творилось в тот момент в душе нацистского фюрера, ринувшегося, как считали многие его приближённые, в чреватую крахом авантюру, можно судить по воспоминаниям одного из близких к нему людей – Альберта Шпеера. «Нервничая, Гитлер ждал первой реакции. В специальном поезде, в котором мы ехали в тот день (7 марта) в Мюнхен, царила от вагона к вагону напряженная атмосфера, исходившая из купе, занятых фюрером. На одной из станций в вагон было передано сообщение. Гитлер вздохнул с облегчением: “Наконец – то! Король Англии не вмешается. Он верен своему обещанию. Это означает, что всё может сойти благополучно”. «Тем не менее, – продолжает Шпеер, – он был чрезвычайно взволнован и даже позже, когда он вёл войну почти против всего мира, он всегда называл ремилитаризацию Рейнской зоны “самым своим отчаянным предприятием”».

И далее Шпеер раскрывает, как блефовал Гитлер. «У нас не было армии, заслуживающей своего названия, в то время у нас не хватило бы боеспособности продержаться против поляков. (В то время немецкая армия насчитывала 100 000, а польская – 300 000 чел. – А.Б.). Если бы французы предприняли какие-либо действия, мы были бы легко разбиты, нашего сопротивления не хватило бы и на несколько дней. А о наших военно-воздушных силах тогда нельзя было говорить всерьёз. Несколько гражданских «Юнкерсов-52», которым, к тому же, не хватало даже бомб» [16].

Было бы чрезмерным упрощением, чем грешила советская историография, считать, что политикой главных «умиротворителей» руководил лишь один классовый инстинкт – стремление в нужный момент подтолкнуть Гитлера на восток против Советского государства. На самом деле тесно переплетались многие факторы, Старые колониальные державы Англия и Франция боялись требования Германии о возвращении ей колоний, потерянных по итогам войны, и поэтому были не прочь удовлетворить её аппетиты в Европе. Американцам, как и немцам, вообще была близка тема «ревизии» Версальского договора, как не оправдавшего их ожиданий, как, впрочем, и всего построенного на нём межвоенного мирового порядка с сохранением невыгодного им колониального компонента.

Это в следующем веке, выиграв холодную войну, американцы будут дорожить построенным на фундаменте их гегемонии мировым порядком, обвиняя Россию в «ревизионизме», а себя вместе с зависимыми от них европейцами изображать «охранителем статус-кво». А в то смутное межвременье международная стабильность лишь на словах волновала Вашингтон. Тогда США выступали в роли ревизионистской «восходящей державы», как сегодня западные политики нередко изображают Китай, стремились поживиться, как станет принято говорить, плодами «управляемого хаоса» в международных отношениях. Пресловутый изоляционизм был лишь оборотной стороной игры на мировых противоречиях с целью дестабилизации всей мировой системы.

Известную роль в массовой психологии «умиротворения», особенно в восприятии его логики западным общественным мнением, играла запредельная цена победы стран Антанты в Великой войне, пока она была ещё, как верили, первой и последней по такому масштабу и числу жертв. Западные политики умело играли на пацифизме, объясняя своим «миролюбием» потворствование агрессорам. Французы вколачивали огромные средства в «линию Мажино», надеясь с её помощью оградить себя от новой агрессии из-за Рейна и не понимая, что в век мобильной войны время крепостей в духе инженерной мысли выдающегося военного инженера своего времени, маршала Франции, маркиза де Вобана навсегда ушло в прошлое. Во многом такая психология «осаждённой крепости» порождала настроения обречённости, пораженчества и капитулянтства, которые привели европейцев к потере национальной независимости. Боязнь новой крови привела к её потокам доселе в невиданных масштабах.

Вот характерное свидетельство на этот счёт одного из западных авторов: «Так же как и французы, – пишет он, – англичане были сильно ошеломлены ценой сухопутных сражений мировой войны. Три четверти миллиона англичан или 9% всего мужского населения в возрасте до 45 лет, погибли и полтора миллиона были ранены или отравлены газами. Английские лидеры всячески стремились избежать повторения такого побоища на континенте» [14, с. 144]. Причём англичане, словно это было в XIX в., а не в век авиации и, как потом оказалось, и ракет, считали, что они вновь, как в эпоху наполеоновских войн,

отсидятся за Ла-Маншем, и поэтому активно подталкивали к «умиротворению» Германии более географически уязвимых и морально надломленных войной французов.

Как это ни покажется кому-то парадоксальным, но стратегия Гитлера, несмотря на всю его антикоммунистическую риторику, была куда меньше отягощена классовыми мотивами, чем действия западных демократий, и следовала скорее законам геополитики. Главным в этой стратегии было учесть печальный опыт недавней войны и не допустить заведомо проигрышной для Германии войны на два фронта. Прежде чем начать войну против России – главного препятствия на пути Третьего рейха к покорению Европы, – надлежало обезопасить тылы, т.е. разбить Францию и так или иначе нейтрализовать Англию. В отношении Соединённых Штатов Гитлер до последнего момента верил, что «великая еврейская плутократия» не станет вмешиваться в европейские дела и будет сохранять заявленный нейтралитет.

Именно в таком духе обсуждались вопросы военной стратегии на совещании Гитлера с высшими военными чинами рейха 5 ноября 1937 г. «Германская политика, – указывал он, – должна иметь в виду двух заклятых врагов – Англию и Францию, для которых мощный германский колосс в самом центре Европы является бельмом на глазу...». Перед немецким генералитетом была поставлена задача разгрома Чехии и одновременно Австрии, чтобы снять угрозу с флангов при возможном наступлении на запад. При этом уже тогда расчёт строился на том, что «Англия, а также предположительно и Франция втихомолку уже списали со счетов Чехию и согласились с тем, что когда-нибудь этот вопрос будет решён Германией»⁸. Роль Франции ставилась под сомнение в связи с подписанным ею в 1935 г. Договором о взаимопомощи с Чехословакией, который наряду с заключённым в том же году Советско-чехословацким пактом о взаимопомощи, вполне могли стать надёжной гарантией суверенитета Чехословакии, разумеется, при условии их точного и своевременного выполнения.

Малоизученная сторона дела – реакция приглашённых участников совещания, воспитанных в прусских военных традициях, Бисмарка и Мольтке-старшего («политика есть искусство возможного», а война, как известно, «продолжение политики иными средствами»). Эта реакция со стороны большинства собравшихся была настороженной, если не сказать скрыто-враждебной. Сказанное фюрером – нижним чином и дилетантом в вопросах военной стратегии, многим показалось верхом опасного авантюризма. Слишком мало прошло времени после позора Компьена и Версаля, ещё свежа была горечь поражения и живо поколение проигравших, а Германия была слишком слаба и неподготовлена, чтобы всерьёз думать о реванше. В результате в верхушке старого прусского офицерства, не принявшего догмы нацизма и испытывавшего откровенное признание к личности нового вождя нации, начал зреть серьёзный заговор.

⁸ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939. Т. 1. Ноябрь 1937 г. дек. 1938 г. М.: Политиздат, 1981. С. 27, 30-31.

Во главе его стояло всё высшее руководство вермахта – генералы «старой школы» Бломберг, Фритч, Бек, Гальдер, бывший министр и мэр Лейпцига Герделер, статс-секретарь МИД Вайцзеккер и другие. Военный переворот был приурочен к вторжению немецких войск в Чехословакию. Его организаторам и в голову не приходило, что захват чужого государства может быть бескровным. Заговорщики связывали основные надежды на успех заговора с поддержкой извне, прежде всего из Лондона. С этой целью в английскую столицу в августе 1938 г. по поручению заговорщиков был направлен крупный прусский землевладелец, до 5 февраля того же года командир армейского корпуса в Бреслау Эдвард фон Клейст, где он был принят вторым человеком «Форин офис» Р. Ванситартом и в то время ещё оппозиционным У. Черчиллем. Большой любитель закулисных интриг, будущий британский премьер с энтузиазмом встретил немецкого эмиссара и, как мог, постарался воодушевить заговорщиков. Ему уже грезилось свержение Гитлера и его клики в результате военного переворота и восстановление монархии в Германии. Напротив, Ванситарт, полностью разделяя линию Н. Чемберлена на «умиротворение» Гитлера, хранил настороженное молчание.

Заговорщики весьма некстати своими действиями вносили элемент неопределённости и могли поломать отлаженную стратегию Великобритании. Не скрывая своего раздражения создавшейся ситуацией, премьер-министр 17 августа 1938 г. сообщал своё мнение лорду Галифаксу, который незадолго до этого сменил колеблющегося А. Идена на посту министра иностранных дел: «Фон Клейст настроен воинственно против Гитлера и крайне жаждет возбудить своих друзей в Германии предпринять попытку свергнуть его. Он напоминает мне якобинцев при французском дворе во времена короля Уильяма, и я думаю, что мы должны пренебречь многим из того, что он говорит» [11, с. 71]. Ещё бы, не хватало того, чтобы ради сомнительной затеи оппозиционеров поставить под сомнение успех дела поддержки нацистов. В итоге Клейст, говоря по-русски, «не солоно хлебавши», вернулся в Германию, чтобы сообщить своим товарищам обескураживающее мнение английского правительства. Дипломатический триумф Гитлера, достигнутый без единого выстрела, окончательно выбил почву из-под ног оппозиционеров и укрепил его положение среди высшего армейского офицерства.

Дух обречённости перед мощью Германии постепенно овладевал старой Европой. Сказывался исторический страх европейцев перед «тевтонами» – зачинщиками многих войн. «Мир любой ценой!», «Лучше Гитлер, чем революция», «Лучше Гитлер, чем Сталин» – пугала пресса обывателей. Эти упаднические настроения сумел почувствовать Дж. Дэвис, предпринявший по поручению Рузвельта летом 1937 г. поездку по 14 европейским странам. Белый дом, начиная чувствовать некоторую тревогу в связи с закулисной активностью англичан, хотел быть в курсе развития событий в Европе. Напомним читателю, что до «особых отношений» англосаксов было ещё далеко и Лондон уверенно играл

самостоятельную роль, свысока поглядывая на неуклюжих американцев на противоположной стороне Атлантики.

В июле личная яхта Дэвиса «Морское облако», которую советские власти в качестве особого расположения к американскому послу разрешила держать в Ленинградском порту, в сопровождении кораблей Балтийской эскадры вышла в открытое море. За время своего месячного путешествия Дэвис подготовил и отправил в Вашингтон 12 больших докладов о состоянии европейских дел, в которых высказывал мысль о вероятности начала войны в 1938 или 1939 г. Данциг он называл «пороховой бочкой» и отмечал, что «ситуация здесь искусственно нестабильная и, вероятно, может в конечном счёте разразиться бедой». После посещения Вены и Будапешта Дэвис сообщал: «Австрийское государство в отчаянном положении как внутри, так и извне... Существует реальная возможность того, что Германия может поглотить Австрию без серьёзных трудностей практически в любое время, когда пожелает». В письме Элеоноре Рузвельт, супруге президента, он заключает: «Европейская ситуация полна трагизма... Сегодняшнее мышление в Европе столь близоруко и путано, что почти теряешь надежду»⁹.

Дело шло к новой европейской войне, а многие политические деятели отказывались в это верить и надеялись, что «всё так или иначе образуется». К их числу относился президент Чехословакии Эдуард Бенеш – один из главных героев нашего повествования. Личность, безусловно, противоречивая, но, можно сказать, в чём-то и последовательная, когда речь шла о принятии ответственных решений. Дэвис встретился с ним во время своего посещения Праги. У американцев было особое отношение к буржуазной Чехословакии – «витрине западной демократии», созданной на обломках империи Габсбургов, как считалось, при активном содействии президента США Вудро Вильсона – горячего сторонника фрагментации европейских империй и борца за «самоопределение малых народов». Казалось бы, что уж здесь, американцы должны были бросить на чашу весов весь свой вес и влияние, чтобы взять под защиту своё детище. Но Чехословакию ожидала другая участь.

Во время беседы с Дэвисом Бенеш вёл себя самоуверенно, уповал на силу Антанты, утверждал, что Румыния «не подведёт», но всё же до конца не мог скрыть своей тревоги, когда разговор коснулся вопроса о помощи со стороны Франции. Вот как завершилась эта беседа: «Когда я уже уходил, – записал Дэвис, – он проводил меня до двери, но внезапно повернулся и сказал: «Вы задали мне вопрос, который я хотел бы задать Вам... Вы поинтересовались моим мнением на тот предмет, придет ли Франция к нам на помощь, если нападёт Гитлер. Вы, похоже, удивились, когда я ответил, что не имею и тени сомнения в том, что они выполнят свои договорные обязательства. Почему Вы спросили об этом?»

– Г-н президент, – ответил я, – только лишь потому, что я задавал этот вопрос везде во время моей поездки по Европе.

⁹ Library of Congress, Joseph T. Davies. Chronological File. Box 6, J. Davies Journal, August 20, 1937.

– И не скажете ли Вы мне, каков же был ответ?

– Охотно. Он был однозначным за одним исключением. Иное мнение высказал один американец в Париже. Тот сказал “нет”.

– Он (Бенеш) ничего не ответил. Вероятно, это потрясло его. Я бы предпочёл быть в состоянии пробудить его надежды, но он сам хотел, чтобы я сказал ему правду»¹⁰, – закончил Дэвис.

Загадочным «американцем в Париже», скорее всего, был Бернард Барух, крупный американский финансист и азартный игрок на Уолл-стрит, доверенное лицо президента Рузвельта, как впрочем, советник и ещё пяти президентов в течение своей долгой жизни. Дэвис встретился с ним в шикарном парижском отеле «Риц» во время своего турне по европейским столицам. Еврей Барух наотрез отказался принять приглашение своего старого друга Дэвиса отобедать на открывшейся в Париже Всемирной выставке, когда выяснилось, что заказать места можно было только в ресторане в немецком павильоне. «Его чувства, – записал в дневнике Дэвис, – были слишком обострены из-за преследований Гитлером его соплеменников. Нам не хватало его, но мы с уважением отнеслись к его решению».

Большое отражалось в малом в то драматическое время, если добавить ещё одну живописную деталь к нашему повествованию. Французские власти, видимо, не случайно отвели площадки под строительство советского и германского павильонов напротив друг друга, желая этим подчеркнуть непримиримость идеологической борьбы и антагонизмов двух смертельных врагов – нацизма и коммунизма. Французы заранее любезно ознакомили любимого архитектора Гитлера Шпеера, – исполнителя гигантских маниакальных проектов фюрера, призванных увековечить «тысячелетний рейх», с макетом советского павильона. У его входа предполагалось установить известную десятиметровую скульптуру В.И. Мухиной «Рабочий и колхозница». Общая высота композиции вместе с постаментом составляла более 30 м и, по замыслу создателей, должна была символизировать победное шествие людей труда по планете.

Когда Шпеер узнал об этом, в его голове немедленно созрел ответный замысел, за что он был потом удостоен в Берлине почётной золотой медали. По его проекту у входа в немецкий павильон была установлена огромная серая цементная кубическая глыба, увенчанная германским орлом со свастикой в когтистых лапах. Эта символика как бы подкрепляла близкую «умиротворителям» мысль о незыблемости прочного заслона в лице нацистской Германии на пути «натиска большевизма» и неотвратимости конфликта между двумя тоталитарными государствами.

Наступил 1938 г. – критический для будущего Европы и всего мира. Агрессия выходила на стратегический простор. Предлогом для Гитлера явилась забота о немецком населении в Австрии и Чехословакии, а определённым сигналом к действию послужило назначение на пост главы Форин офис хорошо известно-

¹⁰ Library of Congress, Joseph T. Davies. Chronological File. Box 6, J. Davies Journal, September. 13, 1937.

го им по визитам в Германию и близкого к Чемберлену лорда Галифакса вместо ушедшего А. Идена, расходившегося с премьером по тактическим вопросам. Как отметил в своём дневнике один из ответственных чиновников Госдепартамента, решение Чемберлена «переброситься мячом с Гитлером и Муссолини достигло конкретной стадии и не являлось более простой абстракцией»¹¹.

12 февраля 1938 г. австрийский канцлер К. Шушниг, словно какой-то вассал, был вызван в альпийскую резиденцию Гитлера в Берхтесгадене и подвергнут там тактике «устрашения». Когда австриец в начале беседы по-светски заикнулся о чудесном зимнем пейзаже, открывавшемся из окна, Гитлер грубо оборвал его: «Мы собрались здесь не для того, чтобы говорить о красотах природы или о погоде». Говорить он собирался об «аншлюсе» Австрии как «о втором немецком государстве» и о её включении в состав Третьего рейха. Иначе, трубила нацистская пропаганда, австрийцам угрожал «большевизм».

В Лондоне и Париже расценили случившееся как «семейное дело» немцев и предпочли держаться в стороне. Дж. Дэвис записал в дневнике: «Теперь нацисты заявляют, что Шушниг является большевиком. Это слишком трагично, чтобы казаться смешным. В смелости им не откажешь по части большой лжи»¹². В ночь на 12 марта 1938 г. немецкие войска вступили в Австрию, оставив по пути, по свидетельству генерала Йодля, из-за плохого технического состояния 70% всего своего механизированного парка. «Несокрушимая» боевая мощь Германии на том этапе была сплошным блефом, к созданию которого приложило руку не только ведомство Геббельса, но и одураченные им люди на Западе, вроде известного авиатора, кумира американцев полковника Чарльза Линдберга, уверовавшего после посещений Германии, что вермахту в Европе «не было равных» [2, с. 47-67].

Жертвой агрессии стало первое суверенное европейское государство с населением в 7 млн чел. Сегодня в Австрии популярна точка зрения, которую мне приходилось выслушивать от австрийцев в Совете Европы, согласно которой судьбу их страны решила не столько внешняя агрессия, сколько корыстный выбор национальной элиты, отдавшей себя в руки более сильного, чтобы гарантировать свои привилегии. Как бы то ни было, но это привело к изменению всей военно-политической конфигурации. Отныне немецкий рейх с трёх сторон нависал над территорией Чехословакии. Гитлер считал, что «ковать железо надо было пока горячо». 21 апреля 1938 г. он вызвал к себе начальника генерального штаба генерала Кейтеля, чтобы обсудить с ним план «Грюн» – операцию по захвату Чехословакии. Ответная международная реакция большого беспокойства в Берлине не вызывала. И действительно, выступая в палате общин Чемберлен заявил, что случившееся нельзя было предотвратить, если не говорить о применении силы. Французы в этот момент переживали очередной правитель-

¹¹ The Moffat Papers. Selections from the Diplomatic Journals of Jay Pierrepont Moffat, 1919 – 1943. Chicago: Harvard University Press, 1956. P. 18.

¹² Library of Congress, Joseph T. Davies. Chronological File. Box 6, J. Davies Journal, February, 15, 1937.

ственный кризис и были всецело поглощены своими внутренними делами. Ну а Вашингтон? Ещё 2 марта полпред А.А. Трояновский сообщал из американской столицы, что «судьба Австрии не вызывает здесь большого беспокойства»¹³. А куратор европейского направления в Госдепартаменте Дж.П. Моффе, получив сообщение об «аншлюсе», меланхолично записал в своём дневнике, что «Гитлер сделал ещё один шаг к полному господству над Европой». Госсекретарь Хэлл дружелюбно принял германского посла Дикхофа и был вполне удовлетворён его разъяснением, что «аншлюс» означал «конец аномалии» и «являлся вкладом в упрочение европейского мира».

И лишь Москва в правительственном заявлении от 17 марта 1938 г. решительно осудила совершённое насилие в центре Европы и выразила готовность приступить к обсуждению практических мер вместе с другими государствами в целях предотвращения дальнейшей агрессии. Как и следовало ожидать, советское предложение не получило отклика и лишь усилило подозрения в отношении истинных намерений русских. Можно сказать, что международное доверие тогда было на нуле и это объективно работало в пользу Гитлера. Каждая сторона подозревала другую в коварных замыслах и это непосредственно сказывалось на формировании внешней политики. Принципиальное значение приобретал вопрос, чего добивался в то непростое время Советский Союз и какую цель ставила сталинская дипломатия в связи с кризисом вокруг Чехословакии.

Не вызывает сомнения, что политика Кремля до и после расчленения Чехословакии была в корне различной. Если в Москве не испытывали иллюзий в отношении двуличия Чемберлена, то определённые надежды сохранялись в отношении позиции Франции, всё-таки связанной с чехами пактом о взаимопомощи и установившей в 1935 г. договор о взаимопомощи с СССР. При этом, возможно, недооценивалось то, что во французской политике закончилась «эра Барту» и наступила «эра Даладье, Лаваля и Бонне» – будущих коллаборационистов. После большевистской революции 1917 г. в России классовый момент был решающим в европейской политике. Именно на этих весах взвешивались все «за» и «против», когда элиты, власть имущие определяли вектор национальных интересов. Между тем в Москве, определяя свою тактику в отношении угрозы, нависшей над Чехословакией, рассчитывали на то, что национальный интерес, понимаемый как защита отечества вопреки старым марксистским догмам, окажется решающим и создаст условия для отпора агрессору.

Вместе с тем ситуация оставалась исключительно щекотливой и требовала от Кремля большой осторожности и осмотрительности, чтобы не дать повод для обвинений во вмешательстве в чужие дела и «экспорте революции». Не случайно, в современном дискурсе с подачи в основном «младоевропейцев» упор уже давно перенесён с темы освобождения Европы от фашизма Красной Армией на тему её «оккупации». В этой связи основной причиной отказа правительства Бенеша обратиться к Москве за военной помощью называется боязнь «совети-

¹³ Документы внешней политики СССР. Том 21. 1 января — 31 декабря 1938 г. М.: Политиздат, 1977. 617 с.

зации» Чехословакии за 10 лет до 1948 г. В статье под характерным названием «А если бы в 1938 г. СССР нам помог?», увидевшей свет в конце прошлого года, её автор Ян Яндоурек (Jan Jandourek) утверждает: «Так или иначе, победа, хотя её трудно себе представить, привела бы к распространению советского влияния в нашей стране на десять лет раньше, чем это случилось на самом деле» [5]. Словом, имеем ещё одно утверждение об «обречённости» Чехословакии и повторение старого лозунга «умиротворителей» – «Лучше Гитлер, чем Сталин!».

Известные документы советской внешней политики не дают оснований считать, что в то судьбоносное время СССР видел своим приоритетом не борьбу с гитлеровской агрессией, а распространение коммунизма в соседних странах. Идея «мировой революции» была уже давно мертва, и Сталин скорее руководствовался традиционно державными и геополитическими интересами, нежели классовыми. Весьма сомнительно, чтобы в той конкретной исторической ситуации, окажись Красная Армия на территории Чехословакии, как и предполагал советско-чехословацкий договор, она стала бы менять существовавший социальный строй под предлогом борьбы с агрессором. Впрочем, это уже область гипотетических фантазий или модной сейчас альтернативной истории, а не строгого научного анализа. Ясно одно, что для спасения Чехословакии в условиях надвигающейся гитлеровской агрессии требовались, во-первых, твердое решение её правящей верхушки об отпоре агрессору и, во-вторых, обращение за внешней помощью. Причём, наиболее важным было именно первое. Как известно, ни того, ни другого не последовало, и судьба страны была предпрешена.

Но продолжим по порядку. В период с мая по сентябрь 1938 г. Европа жила Судетским кризисом, который развивался по нарастающей. Все всё понимали, но 16 марта нарком иностранных дел М.М. Литвинов заявил встретившимся с ним американским журналистам, что СССР в случае нападения на ЧСР «выполнит свои союзнические обязательства». Когда дотошные американцы, хорошо зная об отсутствии общей границы с Чехословакией, стали допытываться у него, как «СССР может оказать помощь», Литвинов ответил, что «уж какой-нибудь коридор найдётся»¹⁴.

Внешняя уверенность наркома, политическая судьба которого находилась в руках Сталина и во многом зависела от успеха политики коллективной безопасности, не могла полностью скрыть двусмысленность положения Советского Союза. Вопрос о вводе советских войск в Чехословакию был делом далеко не техническим, как его порой представляли, речь шла о суверенитете соседних государств. «Коридором» могла служить лишь территория Польши или Румынии, правящие верхушки которых, особенно Польши, были настроены крайне антисоветски и к этому времени уже перестроились с ориентации на Малую Антанту во главе с ненадежной Францией на уверенную в себе Германию. Вполне вероятно, что твёрдость и дипломатическая последовательность, проявлен-

¹⁴ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937 – 1939. М.: Политиздат, 1979. С. 57.

ные в это время советской дипломатией, имели цель подтолкнуть колеблющуюся Прагу к сопротивлению, вселить в чехов мужество и избавить их от чувства одиночества и обречённости. Вполне вероятно, что если бы чехи дали отпор Гитлеру, то всем стало бы ясно, кто агрессор и кто его жертва, и в дело вступили бы механизмы коллективной защиты, включая Лигу Наций, заявило бы о себе и пацифистски настроенное общественное мнение и т.д. В этой ситуации СССР было бы намного легче прийти на помощь Праге, не боясь столкнуться с объединённым фронтом западных держав. Именно поэтому Гитлер блефовал, делая главную ставку на дипломатические, а не на военные усилия по захвату Чехословакии.

Интересно посмотреть, как виделась ситуация «с американского угла», когда события подошли к кульминации. 1 марта Дэвис сообщал в Госдепартамент, анализируя советские мотивы: «Что касается положения в Европе, то оно выглядит как мир, навязанный фашизмом. Литвинов говорит, что Франция будет следовать за Англией и что Чемберлен сделает всё, чтобы умиловить Гитлера». Дэвис хорошо понимал, что для СССР – великой евроазиатской державы, дело не сводилось к одной только Европе, росла угроза его безопасности и на Дальнем Востоке. В середине марта он делится своими мыслями с супругой влиятельного сенатора Тайдингса: «Как и вся Европа, Россия остро и обоснованно живёт предчувствием войны. Они боятся нападения как с Востока, так и с Запада. Огромные поставки военных материалов и проч. направляются Красной Армией на Восток из-за боязни японского удара. Они боятся, что у них нет друзей и что они должны полагаться только на себя... Весна и лето этого года для Европы – критическое и ответственное время»¹⁵.

Судя по дипломатическому наследию Дэвиса, он стремился подняться над идеологическими или, говоря сегодняшним языком, «ценностными» разногласиями и обращался к здравому смыслу и чувству самосохранения на Западе. 26 марта 1938 г. он пишет зам. госсекретаря Самнеру Уэллсу – человеку Рузвельта в Госдепартаменте, который был на связи с фашистскими главарями («миссия Уэллеса»), что, мол, он готов согласиться с антикоммунистическими страхами англичан и французов и понимает истоки их враждебности к стране Советов. «Но с точки зрения борьбы за выживание демократии, которая идёт в мире сегодня, ввиду того факта, что Англии и Франции непосредственно угрожает полное господство фашизма в Европе, довольно трудно понять, почему имеющиеся в наличии здесь силы не следует поддержать и использовать по меньшей мере в той степени, в какой это отвечает поддержанию международной морали и справедливости в мировых делах». И хорошо зная о подозрениях своего адресата в отношении Советского Союза, он заключал на прагматической ноте: «По моему мнению, они представляют в настоящее время меньшую реальную угрозу, чем фашистские государства»¹⁶.

¹⁵ Library of Congress, Joseph T. Davies. Chronological File. Box 7, J. Davies Journal, March 17, 1938.

¹⁶ Library of Congress, Joseph T. Davies. Chronological File. Box 7, J. Davies Letter to Sumner Welles, March 26, 1938.

Некоторый свет на борьбу мнений на Западе по вопросам угрозы фашизма проливают беседы Дэвиса с английским послом в Москве лордом Чилстоном. Посланец Сент-Джеймского двора в отличие от своего американского коллеги не пользовался расположением советского руководства. Когда однажды он заикнулся о желательности получения аудиенции в Кремле по делам Комитета по невмешательству в испанские дела, то в НКВД ему было сухо отвечено, что «И.В. Сталин дипломатической деятельностью не занимается».

30 марта 1938 г. Дэвис записывает в дневнике, что он имел «долгую беседу» с Чилстоном на предмет выяснения того, что произойдёт, потерпи Чемберлен неудачу в попытках стабилизировать европейскую ситуацию путём создания нового «баланса сил», как уклончиво выразился он. «Англия потерпит перво-разрядное крупное поражение, если Советы будут отчуждены тем, что выглядело бы как английская враждебность, и либо останутся нейтральными, чтобы сохранить мир для своей страны, либо, возможно, будут вынуждены принять Гитлера в качестве союзника». Отметим, что возможность такой «эвентуальности» в порядке догадки была высказана американским дипломатом, вполне возможно, ещё задолго до того, как над этим задумались в Москве как о запасном варианте. Англичанин не стал с этим спорить и, хорошо зная об установке Вашингтона своим дипломатам «не высовываться», предложил коллеге вместе с ним отправиться в Лондон и хорошенько обсудить это. Дэвису оставалось лишь бессильно воскликнуть: «Если бы я мог!»

3 апреля 1938 г. новая беседа с Чилстоном «с глазу на глаз», на этот раз по инициативе англичанина. Посол, видимо имел поручение из Лондона поинтересоваться мнением американцев в отношении позиции Чемберлена по вопросу будущего Чехословакии. Стала бы неизбежной рано или поздно война между Германией и Англией, если бы англичане продолжали придерживаться занятой позиции? (проще говоря, спасла бы Англию политика «умиротворение» от войны с Германией. – А.Б.) Дэвис ответил утвердительно, пояснив, что Гитлера так просто не остановишь. В свою очередь Дэвис поинтересовался, способны ли Англия и Франция вместе нанести поражение Гитлеру без русской помощи. Чилстон счёл такой ход (или такое развитие) событий маловероятным и заявил, что это, в конечном счёте, означало бы их поражение от объединённой мощи «оси» Берлин – Рим – Токио.

И здесь Дэвис, все-таки скорее бизнесмен, чем карьерный дипломат, что называется, дал волю своим чувствам. «Я спросил, – записал он, – какой же «чёртик» влиял на Чемберлена, препятствуя установлению противостоящей “оси” Англия – Франция плюс Россия. Я могу понять их враждебность к коммунизму. Мы все так настроены. Но нам угрожает господство над миром фашистских держав. Россия, в конце концов, та держава, которая может предотвратить прорыв Гитлера на Украину и помочь английскому флоту задушить Гитлера голодом. В ином случае Гитлер получит житницу мирового значения здесь на Украине и прямой выход к Ближнему Востоку и Азии». Ну а что же Чилстон? Тот вновь

повторил свою уловку, предложив отправиться вдвоём в Лондон, подозревая, видимо, «коварных американцев», как и Чемберлен, в желании «столкнуть Альбион с Третьим рейхом к своей выгоде»¹⁷.

На следующий день 4 апреля 1938 г. «по горячим следам» Дэвис подытожил свои мысли в письме к старому другу, секретарю Рузвельта Марвину Макинтайру с просьбой показать письмо президенту. Послание любопытно своей логикой и глубиной анализа. Судя по его выводам, Дэвис на том этапе уже исключал возможность сохранения мира. «Фашистские державы, – писал он, – пытаются изолировать Советы от западных держав, используя жупел коммунизма, фашист Гитлер – как закопчённый котелок, который называет чайник черным. Ясно, что мировой комбинации – “оси” Берлин – Рим – Токио может противостоять только “ось” Лондон – Париж – Москва (себя американцы при любом раскладе не видели в числе активных участников мировых событий. – А.Б.) Для Англии наступит «печальный день», если она окажется зависимой от милости Германии и Италии в отношении доступа к Индии через Средиземное море. Отчуждение России от Англии и Франции может быть столь же серьёзным для демократических государств Европы, как и для Советского Союза. Русские здесь уверены в себе. Они верят, что сумеют защитить себя. Они становятся все более антигитлеровски настроенными и открыто враждебными даже ценой риска для дипломатических отношений... В Европе много желаемого принимается за действительное в отношении политической неустойчивости этого режима и его индустриального развала. Все это пустое... Этот режим надолго у власти. Страна столь богата, что, несмотря на потери и неэффективность бюрократической системы управления, она все равно накапливает богатство и будет, я думаю, продолжать делать так, пока эта группа находится в Кремле»¹⁸.

Ходом своего анализа Дэвис явно опережал время и до конца, видимо, не понимал все нюансы «большой стратегии» своего «босса», как нередко в письмах он называл Рузвельта. А президент находился под сильным влиянием политики «умиротворения» Германии и исходил из желательности и неизбежности в последующем советско-германского и советско-японского столкновения для американских интересов. По-английски это называется «убить двух птиц одним камнем», а по-русски «двух зайцев одним выстрелом». Разница, как видим, чисто стилистическая, а смысл один и тот же. Предостережения посла были верными, но не ко времени. Запад должен был пройти свою часть кровавого пути, сменить правящую элиту на национально ориентированную (У. Черчилль, Де Голль), прежде чем здравый смысл восторжествовал в политике и привёл к антигитлеровской коалиции с СССР. А пока послу оставалось лишь беспомощно разводить руками и уповать на божий промысел.

Вероятно, поэтому своё послание в Белый дом он и завершил на пессимистической ноте: «Судя по тому, как развиваются события в этом сумасшедшем

¹⁷ Library of Congress, Joseph T. Davies. Chronological File. Box 7, J. Davies Journal, March 30, April 3, 1938.

¹⁸ Library of Congress, Joseph T. Davies. Chronological File. Box 7, J. Davies Letter to Marvin McIntyre, April 4, 1938.

мире, я боюсь, что в какой-то момент демократии, возможно, будут чертовски рады воспользоваться мощностью, которое сможет предоставить это правительство (советское. – А.Б.) в случае, если вооружённые фашисты «свихнутся». И, поверь мне, из того, что я видел здесь, если эти фашистские диктаторы будут по-прежнему сходиться с ума, жизнь не будет стоить того, чтобы жить, когда придется жить на условиях, которые они продиктуют»¹⁹.

Для захвата Чехословакии Берлин принял на вооружение тактику «пятой колонны», сводившейся к искусственному нагнетанию вопроса о судьбе «судетских немцев». Ничем не примечательный на вид, но отличавшейся салонной обходительностью бывший преподаватель гимнастики Карл Генлейн, вставший во главе судето-немецкой партии, получал прямые указания из Берлина, подкреплённые денежными субсидиями (15 тыс. марок в месяц). Главная его задача заключалась в том, чтобы постоянно выдвигать непомерные требования и тем самым делать их неприемлемыми для правительства Бенеша. «Мы всегда должны требовать так много, чтобы нас никогда нельзя было удовлетворить», – говорил своим сторонникам Генлейн.

Проще говоря, нацистам нужен был предлог для вторжения в Чехословакию. Созданный ими «национальный вопрос», тем не менее, был воспринят в Лондоне и Париже как «веское основание» для вмешательства в дела Чехословакии и удовлетворение требований Гитлера. 20 мая 1938 г. план «Грюн» был скорректирован в сторону более тесной координации военных усилий с дипломатическим и политическим давлением на чехов в расчёте на благоприятную реакцию их союзников – англичан и французов. Гитлер всё ещё колебался между «мирным» и военным решением вопроса. Серьёзные сомнения у него вызывала лишь позиция Советского Союза, воодушевлявшая брошенных всеми чехов. Эту неустойчивую международную ситуацию, когда ещё можно было спасти положение, отразил «майский кризис» вокруг Чехословакии, поломавший планы Гитлера.

Вопрос об оказании действенной помощи Чехословакии рассматривался в советских руководящих кругах в качестве важнейшей военно-политической задачи. Было принято решение на самом высоком политическом уровне, о котором был немедленно поставлен в известность чехословацкий посланник З. Фирлингер. 23 апреля он сообщал в Прагу: «В Кремле состоялось совещание, на котором присутствовали Сталин, Молотов, Ворошилов, Литвинов и Каганович. После доклада Александровского (советский полпред в Праге. – А.Б.) о политическом положении в Чехословакии было решено: СССР, если его об этом попросят, готов с Францией и Чехословакией предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии. Для этого он располагает всеми необходимыми средствами. Состояние армии и авиации позволяет это сделать»²⁰.

Итак, принципиальное значение имела оговорка «если его об этом попросят», вмещившая в себя все непростые особенности внутренней и междуна-

¹⁹ Library of Congress, Joseph T. Davies. Chronological File. Box 7, J. Davies Letter to Marvin McIntyre, April 4, 1938.

²⁰ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937 – 1939. М.: Политиздат, 1979. С. 87.

родной обстановки, сложившейся к этому времен вокруг Чехословакии. Без соблюдения указанного условия не мог вступить в действие «механизм союза» и действия СССР могли быть расценены как акт агрессии и вмешательства в чужие дела. Причём с самого начала кризиса помощь Франции имела второстепенное значение и не рассматривалась как обязательное условие оказания помощи. Об этом недвусмысленно заявил через несколько дней после принятия судьбоносного для чехов решения член Политбюро, председатель Президиума Верховного совета СССР М.И. Калинин. Напомнив о том, что Советский Союз обязан оказать помощь Чехословакии в том случае, если ей помогает Франция и наоборот, он отметил: «Разумеется, пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции»²¹.

Это был совершенно ясный призыв к национальной элите Чехословакии проявить волю к сопротивлению, который в тот момент был услышан Прагой. Тем более что он был подкреплён во многом демонстративными действиями со стороны Москвы. В те дни укреплялись и переводились на особое положение западные приграничные округа, войска получали дополнительные партии оружия, прежде всего самолёты и танки, поддерживались тесные контакты с представителями чехословацкой военной промышленности и представителями вооружённых сил. В Москве немедленно откликнулись на все просьбы Праги о поставках оружия, главным образом самолётов. Шла напряженная «война нервов», в которой чехи в дни майского кризиса одержали полную победу.

Им было, что противопоставить агрессору. Армия была готова сражаться, её отличал высокий боевой дух, она была одной из самых подготовленных и хорошо вооружённых в Европе. На армию работали крупнейшие в Европе заводы «Шкода». Население охватило небывалый патриотический подъём. Английский военный атташе в Москве полковник Файрбрейс 30 мая 1938 г. сообщал в Лондон, что даже без поддержки извне чехословацкая армия могла бы продержаться в течение трёх месяцев. По мнению многих военных специалистов, отмечает американский историк У. Меррей, «вермахт во всех отношениях не был готов к большой войне в 1938 г.» [12, с. 222].

В ответ на угрозы из Берлина в Праге 20 мая 1938 г. была объявлена частичная мобилизация, войска выдвигались к границе, чехи демонстрировали решимость воевать. Берлин был явно не готов к такому развитию событий и был вынужден временно отступить. Удалившийся в своё альпийское убежище диктатор чувствовал себя глубоко уязвлённым и униженным «несговорчивыми чехами». Нескрываемое раздражение «неуступчивостью» Праги, отказавшейся совершить национальное самоубийство во имя «сохранения мира в Европе», испытывали в западных столицах, особенно в Лондоне. Под угрозой оказалась личная репутация самого премьер-министра. В правительственной резиденции замка в Градчанах в Праге теперь могли судить, кто яв-

²¹ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937 – 1939. М.: Политиздат, 1979. С. 88-89.

лялся союзником Чехословакии, а кто подталкивал её на путь национальной катастрофы.

Вот как оценивал ситуацию со слов министра иностранных дел ЧСР Крофта в своей телеграмме в Москву полпред С. Александровский после того, как кризис пошёл на спад: «Крофта несколько раз и в довольно теплых выражениях высказывал прямую благодарность за ту спокойную и твёрдую поддержку, которую он чувствовал за последнее критическое время со стороны СССР. Уверенность в том, что СССР совершенно серьёзно и без всяких колебаний намеревается и готовится оказать помощь Чехословакии в случае действительной нужды, действует очень ободряюще и успокоительно на Чехословакию». Вместе с тем в ходе беседы советский полпред почувствовал нотки самоуспокоенности с чехословацкой стороны, расчёты на помощь англичан и французов, надежды на «умеренность» требований агрессора. В ответ на это с советской стороны было сказано: «Гитлер обжётся на своём намерении взять Чехословакию лобовым ударом... Если Чехословакия будет слабой или нерешительной, то Гитлер её съест под любым предлогом, а то и без предлога. Если она будет сильной и решительной, то никакой предлог Гитлеру не поможет»²².

Волею истории Чехословакия оказалась в центре борьбы вокруг вопроса быть или не быть новой европейской и мировой войне и оставаться ей или нет в числе независимых государств. В конечном счёте, всё зависело от того, какой путь выберет национальная элита этой небольшой по размерам, но стратегически исключительно важной восточноевропейской страны. Ещё Бисмарк говорил: «Кто владеет Богемией, тот держит ключ ко всей Центральной Европе». Выбор национальной элиты к лету 1938 г. сузился: или возглавить национальное сопротивление, призвать население к оружию, рискуя разбудить неконтролируемые силы, или отдать страну под «внешнее управление», говоря языком XXI в., одной из первых в Европе встать на путь коллаборационизма и смириться с потерей национальной независимости и иностранной оккупацией. Надо сказать, что это был тяжелейший выбор, который с той или иной степенью остроты и ущемления национальных интересов будет впоследствии вставать перед многими странами, не исключая и Россию после распада СССР. Лишь ответ на него был у всех разный.

Особый трагизм ситуации с точки зрения интересов чешской и словацкой национальной элиты заключался в том, что они не отдавали себе отчёт, что столкнулись с натиском совершенно нового типа европейского государства, каким стала Германия под властью нацистов, государством криминального типа, которое отбросило законы «честной конкуренции» и занималось откровенным разбоем и грабежом частной собственности покорённых стран, подчиняя их экономики задачам военной машины вермахта и обогащению германских концернов, не говоря уже о прямой конфискации еврейского капитала по примеру самой Германии. В результате этого многих представителей национальной

²² Документы внешней политики СССР. Том 21. 1 января — 31 декабря 1938 г. М.: Политиздат, 1977. С. 299.

элиты в Праге и Братиславе, уверенных, что деньги можно делать «при любой власти», ждало сильное разочарование, а некоторых, не успевших удрать в Лондон, застенки гестапо и даже расстрел как премьер-министра уже Богемии и Моравии Алоиса Элиаша.

Майский кризис 1938 г. вызвал замешательство не только в лагере агрессора, но и в стане «умиротворителей». Учитывая, что атака «сходу» на непокорную республику не удалась, и что она оказалась куда более крепким орешком, чем сдавшаяся без боя Австрия, было решено предпринять глубокий обходный манёвр с целью добиться полной международной изоляции Чехословакии. Лето 1938 г. прошло в интенсивном дипломатическом маневрировании европейских столиц. Тон задавал Лондон. Похоже, что для Чемберлена готовящийся сговор становился делом, чуть ли, не всей его жизни, венцом его политической карьеры. Было известно, что Гитлер установил срок вторжения в Чехословакию не позднее 1 октября, и это вносило особую нервность в политическую обстановку.

Задача, как её видели «умиротворители» с учётом недавних неудачных уроков, заключалась в том, чтобы «полюбовно», не прибегая к военной силе выдать Гитлеру Судетскую область и при этом сделать всё возможное, чтобы изолировать Прагу от своего единственного надежного союзника – СССР. Советская помощь могла вновь спутать все карты и, как боялись в Лондоне и Париже, вызвать европейскую войну в момент, когда её больше всего хотели избежать, чтобы уберечь от поражения нацистский режим, а европейский мир – от новых социальных потрясений. Чтобы убедить чехов в «безрассудстве» дальнейшего сопротивления, Чемберлен в конце июля направил в Прагу «с посреднической миссией» престарелого лорда Ренсимена. Американский журналист Уильям Ширер, находившийся в то время в Берлине, записал в своём дневнике, что «вся миссия Ренсимена дурно пахнет... Из записей, сделанных в моём дневнике в первый и последующие дни визита Ренсимена в Чехословакию, явствует, что чехам миссия Ренсимена была предельно ясна – Чемберлен послал его, чтобы подготовить передачу Судетской области Германии» [4, с. 413].

Трагическая развязка неудержимо приближалась, несмотря на все усилия советской дипломатии переломить ход событий. Требования Гитлера, чувствовавшего себя хозяином положения, становились день ото дня всё воинственнее и непримиримее. Под давлением Запада ужесточилась политика Польши и Румынии в отношении транзита советских войск к границам Чехословакии. Если поляки с самого начала были категорично настроены против появления Красной Армии на своей территории, ссылаясь на «марш конницы Будённого» и «чудо на Висле», то румыны одно время колебались и даже обсуждали пролет над своей территорией советских бомбардировщиков, правда, на высоте не ниже 3000 м. Более того, участники «санитарного кордона» поляки и хортистская Венгрия, поощряемые из Берлина, имели собственные планы в отношении части территории Чехословакии (Тешинская Силезия, часть территории Словакии).

А как в тот момент виделась ситуация на другой стороне Атлантики в Вашингтоне? Вот что записал в своём дневнике шеф европейского отдела Госдепартамента Дж.П. Моффе: «Пятница, 12 августа 1938 г.... Утром зашёл чешский посланник, чтобы выразить возросшее беспокойство по поводу ситуации в Европе. Кажется, всё, что происходит, делает перспективы ещё хуже. Последние сообщения из Германии о мобилизации автомобильного транспорта, почтовых автобусов и тому подобного в районе Баварии, переброска германских войск – всё указывало на возрастание напряжённости. Он чувствовал, что по многим признакам ситуация была хуже, чем во время кризиса 21 мая... Он дал понять, что если госсекретарь был намерен выступить с новым заявлением по типу того, которое было сделано 28 мая, то он надеялся, что это будет сделано достаточно быстро. Я осторожно ответил, что госсекретарь внимательно следит за развитием событий и пытается выявить их значение».

Ничего не скажешь, просто верх дипломатической эквилибристики. А дальше уж совсем цинично. «Президент (Рузвельт) вернулся и провёл в это же утро заседание кабинета. Одним из его первых результатов была просьба к А. Берли (замгоссекретаря) подготовить две речи для президента ко вторнику, с которыми он собирался выступить в Канаде. Берли пригласил меня обсудить одну из них, которую он хотел посвятить европейским делам. С первого же захода мы не придумали ничего лучшего, как поумничать на тему о вечной неопределённости американской внешней политики, а именно о том, что нашим лучшим вкладом будет породить сомнения в умах Германии и Ко в отношении того, что при всех обстоятельствах мы останемся в стороне, и в то же время заронить сомнения в умах Англии и Ко на тот счёт, что они смогут положиться на нас в оказании прямой помощи независимо от того, что произойдёт»²³. Иначе как подогреванием страстей это и не назовешь.

Между тем маятник «европейского замирения» словно застыл где-то посередине, и малейшее движение могло склонить его в ту или другую сторону. В обстановке пугающей неопределённости, когда на карту был поставлен его личный престиж, Чемберлен решает идти ва-банк и принимает решение, ошеломившее Европу, отправиться в Германию на встречу с Гитлером. «Бог мой!» – только и вырвалось у нацистского диктатора, когда он прочёл послание человека, правившего огромной Британской империей и в свои 69 лет решившегося впервые в жизни на риск семичасового воздушного перелёта в самый конец Германии, в Берхтесгаден. Гитлер даже не счёл нужным перенести её куда-нибудь поближе, на берега Рейна, что сократило бы полёт вдвое.

15 сентября 1938 г. в середине дня «мироворец» прибыл в Мюнхен и оттуда специальным поездом был доставлен в альпийскую резиденцию «фюрера и канцлера». Случайно или нет, но Гитлер принимал англичанина в том же кабинете на втором этаже, где за семь месяцев до этого он обрушился на австрийца

²³ The Moffat Papers. Selections from the Diplomatic Journals of Jay Pierrepont Moffat, 1919 – 1943. Chicago: Harvard University Press, 1956. 218 P.

Шушнига. Наци №1 выглядел мрачным и негостеприимным и особенно не церемонился с гостем. Оставив без внимания призывы Чемберлена найти почву для англо-германского сближения, пока не будет решена «судетская проблема», он метал громы и молнии в адрес правительства Бенеша, обвиняя его в притеснении судетских немцев, и угрожал войной. Премьер-министр сразу же проявил сговорчивость и подчеркнул, что «Великобритания не заинтересована в судето-немецком вопросе» и пообещал сделать всё для изоляции Чехословакии, прежде всего от России.

Лихорадочная дипломатическая активность человека с неизменным зонтиком объяснялось тем, что из Праги и Москвы поступали пугающие Запад сигналы о готовности СССР выполнить свои союзнические обязательства перед Чехословакией. Нажим на чехов со стороны англичан и французов особенно усилился после свидания Чемберлена с Гитлером. Поэтому 19 сентября Бенеш официально запросил Москву, выполнит ли СССР свои обязательства по советско-чехословацкому договору, при этом подчеркнув, что речь о помощи может идти только при условии оказания помощи французами. Вполне вероятно, что присутствие французских войск (хотя трудно сказать, как это мыслилось сделать практически), должно было застраховать деятелей в Праге от возможных классовых неожиданностей.

Тем не менее, на запрос Праги из Москвы на следующий день 20 сентября 1938 г. по дипломатическим каналам пришёл утвердительный ответ, не оставлявший никаких сомнений в отношении позиции СССР. Кроме того, согласно директиве наркома обороны СССР от 21 сентября, в Киевском особом военном округе были организованы крупные военные учения. 23 сентября нарком обороны и Генштаб дали дополнительную директиву о приведении в боевую готовность части Белорусского особого и вновь созданного Калининского военных округов и о выдвижении к госгранице ряда их оперативных объединений. Всего в боевую готовность в ряде военных округов были приведены 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, танковый корпус, семь танковых и мотострелковых бригад и другие воинские части²⁴. Было ясно, что Москва не шутила и была готова дать отпор агрессору. Дело было за руководителями Чехословакии.

И в этот ответственный исторический момент, чувствуя, что почва уходит из-под ног, посланники Франции и Великобритании в Праге в беседе с президентом Бенешем 21 сентября 1938 г. предприняли совместный дипломатический демарш, заявив от имени своих правительств, что ЧСР, отвергая англо-французские предложения, берёт на себя риск войны, и просили подумать о «способе, как принять англо-французские предложения, что является единственной возможностью предотвратить непосредственную агрессию Германии». В противном случае они грозили, что «снимают с себя ответственность за всё, что произойдет». «Это ультиматум», – сказал президент Бенеш. На что английский и французский посланники ответили: «Нет, это только советы».

²⁴ Документы по истории Мюнхенскогоговора. 1937 – 1939. М.: Политиздат, 1979. С. 240, 254-256.

И «они требуют немедленного ответа, иначе Чемберлен не сможет поехать к Гитлеру, и Гитлер, очевидно, выступит. (Вероятно, Гитлер предъявил им нечто вроде ультиматума)», – подчеркнул министр иностранных дел ЧСР К. Крофта, ведший запись этой беседы)²⁵.

Вечером в тот памятный сентябрьский день, который войдёт в историю как день предательства и позора, после лихорадочных правительственных консультаций англо-французский ультиматум был «с горечью» принят Прагой. Участники того исторического заседания сами успокаивали себя, что лучше мол отдать часть, чем потерять всё. Выступая в тот же день 21 сентября 1938 г. в Лиге Наций М.М. Литвинов от имени Советского правительства отмежеввался от принятых решений и заявил, что капитуляция Чехословакии «рано или поздно будет иметь совершенно необозримые катастрофические последствия»²⁶.

С согласием Бенеша в кармане воодушевленный Чемберлен утром 22 сентября отправился на новую встречу с Гитлером, на этот раз в небольшой рейнский городок Годесберг, где остановился в старинном отеле «Петерсхоф». Гитлер ожидал премьера на противоположном берегу Рейна в отеле, владелец которого некий герр Дизен был старинным приятелем фюрера. Здесь и предстояло закрепить грязную сделку. Однако неожиданно Гитлер, почувствовав себя хозяином положения, взвинтил свои требования. Это касалось размеров требуемой территории и сроков её передачи, а также удовлетворения польских и венгерских территориальных притязаний.

Теперь настал черед Чемберлена воскликнуть: «Но это, ни больше, ни меньше, как ультиматум. Или требованиям канцлера лучше подходит немецкое слово диктат?» – язвительно произнес он. На что Гитлер явно издевательски парировал: «Это совсем не диктат. Посмотрите, документ именуется «меморандум». В историю этот документ вошёл как Годесбергский меморандум – свидетельство ненасытных appetites агрессора. Удручённый случившимся, Чемберлен не решился принять документ и счёл более благоразумным забрать его с собой в Лондон. В конце концов, тактика «выкручивания рук» чехам имела свои пределы. В переговорах неожиданно возникла зловещая пауза, которая грозила сорвать почти уже готовую сделку.

И тогда среди замешательства «умиротворителей» родилась идея четырехсторонней конференции европейских держав в духе давно вынашиваемой ими идеи «пакта четырёх». На этот раз инициатива исходила из Вашингтона, обеспокоенного возникшей паузой в решении «чешского вопроса». Предпочитавший до этого держаться в тени, Рузвельт рискнул выйти на авансцену европейской политики. В Белом доме и Госдепартаменте закипела работа по подготовке его обращения к европейцам с призывом «мирно» уладить свои споры. Как следует из дневника министра финансов США Г. Моргентау, это подразумевало полное

²⁵ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937 – 1939. М.: Политиздат, 1979. С. 245–246.

²⁶ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937 – 1939. М.: Политиздат, 1979. С. 262.

удовлетворение требований Гитлера [7, с. 501]. 26 сентября 1938 г., исключив из окончательного текста какое-либо упоминание о возможном посредничестве США, Рузвельт обратился к Праге, Берлину, Лондону и Парижу с настойчивым призывом продолжать переговоры, что в тех условиях могло означать только одно – скрытую поддержку требований Гитлера. Причём Москва не была включена в число адресатов «пастырского» послания. Это окончательно деморализовало деятелей в Праге.

На следующий день, видя, что ситуация остается без изменений, Рузвельт направил миротворческое послание Муссолини, которого втайне считал более порядочным деятелем, чем Гитлера, и в тоже время повторил свой призыв лично к германскому канцлеру продолжать «неутомимые поиски мира». Память присутствовавших в Овальном кабинете сотрудников закрепила, как, не выпуская изо рта привычного мундштука с дымящейся сигаретой, возбуждённо советуясь с приближёнными и поблескивая стеклышками пенсне, Рузвельт на этот раз собственноручно набросал текст телеграммы Гитлеру с призывом созвать международную конференцию для мирного урегулирования конфликта. Местом встречи американцы хотели бы видеть нейтральную Гаагу, но окончательный выбор пал на баварский Мюнхен, как того захотел Гитлер²⁷.

А дальше последовали те хорошо известные события, к которым мало что можно добавить. Утром 29 сентября Гитлер отправился в местечко Куфштейн на бывшей австро-германской границе для трогательной встречи Муссолини. На обратном пути в Мюнхен, раскрывая свои ближайшие планы, Гитлер говорил дуче: «Приближается время, когда нам придется воевать бок о бок против Франции и Англии» [10, с. 119]. Холодно встреченные двумя диктаторами в «коричневом доме» на Кёнигплатц, где после полудня начались переговоры, Чемберлен и Даладье и не подозревали, что из охотников они уже становились дичью. Переговоров в общепринятом смысле этого слова, собственно говоря, и не было. Предстояло лишь утвердить отдельные детали ранее выработанной сделки о расчленении Чехословакии и установить конкретные сроки ввода немецких войск в Судетскую область, начиная с 1 октября. Хотя на соглашении стояла дата «29 сентября», в действительности его подписание состоялось уже после полуночи.

А дальше оставалось лишь сообщить о состоявшейся сделке двум чехам – посланнику в Берлине д-ру В. Мастны и чиновнику министерств иностранных дел Х. Масарику, терпеливо, как и полагается побеждённым, дожидавшимся приговора в соседней комнате. Гитлер высокомерно отказался принять участие в этой простой формальности, и вынесением вердикта «без права обжалования» пришлось заниматься Чемберлену и Даладье. Время было уже позднее, и премьер-министр, утомлённый заботами дня, непрерывно зевал, не проявляя никаких признаков смущения. «Нам было объяснено довольно грубым обра-

²⁷ Moffat Papers. Selections from the Diplomatic Journals of Jay Pierrepont Moffat, 1919 – 1943. Chicago: Harvard University Press, 1956. 309 p.

зом, – сообщали в Прагу чешские представители, – и притом французом, что это приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления... Мы простились и ушли. Чехословацкая Республика в границах 1918 г. перестала существовать»²⁸.

Оставим за скобками ликование толпы в Лондоне, собравшейся у входа в резиденцию премьер-министра на Даунинг-стрит, 10, чтобы поприветствовать «старого доброго Невилля», заполучившего подпись Гитлера на англо-германской декларации с клятвенными обязательствами «вечного мира», не просуществовавшими и года, как, впрочем, и точно такие же обязательства, взятые перед французами двумя месяцами позже. Особое удовлетворение испытывали за океаном. Президент выступил в роли миротворца и при этом не скомпрометировал себя прямым участием в сомнительном предприятии. Для места в истории это, ох, как важно. Воздав для порядка должное британскому премьеру за его подвижнические усилия лаконичным телеграфным текстом: «Молодец!» (Good man!), Рузвельт верил, что Америка была на правильном пути. В середине октября он писал американскому послу в Риме У. Филипсу: «Я хочу, чтобы Вы знали, что я ничуть не расстроен конечным результатом» [9, с. 109].

Мюнхенская трагедия свершилась. Меньше чем через полгода Гитлер разорвал подписанное соглашение и оккупировал всю Чехословакию. Только тогда её элита полностью осознала, что совершила акт национального самоубийства, но было уже поздно. В Европе начинался предвоенный политический кризис. Москве было о чём задуматься в создавшейся качественно новой международной ситуации. Сталин болезненно переживал неудачу в Чехословакии и считал, что его крепко надули. Недоверие к западным партнёрам с тех пор стало фирменной чертой его стиля. Первой его жертвой стал горячий сторонник коллективной безопасности нарком Литвинов, отправленный в отставку в мае 1939 г. Страна оказалась в полной международной изоляции. Необходимо было любой ценой разомкнуть сжимающееся кольцо враждебных государств. Неотвратимо вставал вопрос о принципиальной смене внешнеполитического курса. То, что ещё недавно казалось абсолютно невероятным и неприемлемым по идеологическим соображениям, с точки зрения прагматической логики становилось неизбежным. Остановить агрессию коллективными средствами не удалось. Пришла пора позаботиться о собственных национальных интересах.

Список литературы

1. Борисов А.Ю. Нюрнберг-2, или несостоявшийся суд над спонсорами нацизма // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 20-30.
2. Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. М.: Центрполиграф, 2013. 576 с.
3. Серов И. Записки из чемодана. М.: Просвещение, 2016. 688 с.
4. Ширер У. Взлёт и падение Третьего рейха. Т. 1. М.: Политиздат, 1991. 653 с.
5. Яндоурек Я. А если бы в 1938 году СССР

²⁸ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939. Т. 1. Ноябрь 1937 г. — дек. 1938 г. М.: Политиздат, 1981. 236 с.

- нам помог? [Электронный ресурс] // URL: <http://inosmi.ru/politic/20161004/237963267.html> (дата обращения: 19.11.2016)
6. Berlin Alert. The Memoirs and Reports of Truman Smith, Hassen - Stanford, 1984.
 7. Blum J. From the Morgenthau Diaries. The Years of Crisis, 1928 – 1938. Boston: Houghton Mifflin Company, 1959. 583 p.
 8. Clark C. The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. London: Penguin, 2012. 607 p.
 9. Hearden P. Roosevelt Confronts Hitler. America's Entry into World War II. Decalb: Northern Illinois University Press, 1987. 340 p.
 10. Hibbert C. Benito Mussolini. The Rise and Fall of il Duce. London: Penguin Books, 1962. 340 p.
 11. Lamb R. The Ghosts of Peace. 1935 - 1945. Wilton, 1987. 353 p.
 12. Murray W. The Change in the European Balance of Power, 1938 – 1939. The Path to Ruin. Princeton: Princeton University Press, 1984. 494 p.
 13. Pillar P.R. The Age of Nationalism // The National Interest. September - October, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://nationalinterest.org/article/the-age-nationalism-8954> (дата обращения: 19.11.2016)
 14. Posen B. The Sources of Military Doctrine. France, Britain and Germany Between the World Wars. Ithaca: Cornell University Press, 1984. 283 p.
 15. Rees L. The Dark Charisma of Adolf Hitler. Leading Millions into the Abyss. London: Ebury Press, 2013. 480 p.
 16. Speer A. Inside the Third Reich. New York: Avon, 1970. 596 p.

Об авторе:

Александр Юрьевич Борисов – д.и.н., профессор Московского государственного института международных отношений МИД России, Чрезвычайного и Полномочного посланника II класса.

E-mail: albor@rambler.ru.

MUNICH CRISIS: BEHIND – THE SCENE HISTORY

A.Y. Borisov

DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-91-122

Institute of World History, Russian Academy of Science

The article links the tragic historical past of Czechoslovakia, which paid its price for the rejection of sovereignty as a result of its elite's national policy, with the current political discourse around globalization and national interests, the influence of external forces on the policies of dependent states, and often the negative consequences of this influence.

Much of today's policies of the leading Western powers, primarily the United States, echo their actions during the preparation and implementation of the Munich conspiracy. Playing on international contradictions while staying aside, turning in a victim to an aggressor, etc. are dangerous policies both in the past and today and lead to serious international consequences for their organizers and inspirers.

Unlike numerous works on this subject, which have appeared in Russia and abroad, focusing mainly on the activities of European «appeasers», the author of the article shows the hidden role of American diplomacy in deciding the fate of Czechoslovakia. The US was headed by President Franklin Roosevelt – an acknowledged master of the game on international controversies, avoiding being on the foreground of world politics on dubious issues.

To clarify the role of the US in European politics during the Munich crisis, the article draws on original sources from the archive of the American ambassador to the Soviet Union, J. Davis from the Library of Congress.

Key words: USA, Roosevelt, national interest, Munich collusion, diplomacy, World War II.

References

1. Borisov A.Ju. Njurnberg-2, ili nesostojavshijsja sud nad sponsorami nacizma [Murnberg-2 or unfinished justice towards the Nazi sponsors]. *Novaja i noveshaja istorija*. 2016. No 3. pp. 20-30. (In Russian).
2. Guderian G. *Vospominanija nemeckogo generala* [Memories of a German general]. Moscow: Centrpoligraf, 2013. 576 p. (In Russian).
3. Serov I. *Zapiski iz chemodana* [Scraps from a suitcase]. M.: Prosveshhenie, 2016. 688 p. (In Russian).
4. Shirer U. *Vzlet i padenie Treťego rejha* [Rise and fall of the Third Reich]. Vol. 1. Moscow: Politizdat, 1991. 653 p. (In Russian).
5. Jandourek Ja. *A esli by v 1938 godu SSSR nam pomog?* [Ehat if the USSR helped us in 1938?] URL: <http://inosmi.ru/politic/20161004/237963267.html> (accessed: 19.11.2016) (In Russian).
6. Berlin Alert. *The Memoirs and Reports of Truman Smith*, Hassen - Stanford, 1984.
7. Blum J. *From the Morgenthau Diaries. The Years of Crisis, 1928 – 1938*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1959. 583 p.
8. Clark C. *The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914*. London: Penguin, 2012. 607 p.
9. Hearden P. *Roosevelt Confronts Hitler. America's Entry into World War II*. Decalb: Northern Illinois University Press, 1987. 340 p.
10. Hibbert C. *Benito Mussolini. The Rise and Fall of il Duce*. London: Penguin Books, 1962. 340 p.
11. Lamb R. *The Ghosts of Peace. 1935 - 1945*. Wilton, 1987. 353 p.
12. Murray W. *The Change in the European Balance of Power, 1938 – 1939. The Path to Ruin*. Princeton: Princeton University Press, 1984. 494 p.
13. Pillar P.R. *The Age of Nationalism. The National Interest*. September - October, 2013. URL: <http://nationalinterest.org/article/the-age-nationalism-8954> (accessed: 19.11.2016)
14. Posen B. *The Sources of Military Doctrine. France, Britain and Germany Between the World Wars*. Ithaca: Cornel University Press, 1984. 283 p.
15. Rees L. *The Dark Charisma of Adolf Hitler. Leading Millions into the Abyss*. London: Ebury Press, 2013. 480 p.
16. Speer A. *Inside the Third Reich*. New York: Avon, 1970. 596 p.

About the author:

Alexander Yu. Borisov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the MGIMO-University. Extraordinary and Plenipotentiary Envoy of the II class. E-mail: albor@rambler.ru.

СССР И «НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ФРГ¹

А.М. Филитов

Институт всеобщей истории РАН

Статья исследует изменения во взаимном восприятии между СССР и ФРГ с середины 60-х до начала 70-х гг. XX в., которые стали предпосылкой разрядки в их взаимоотношениях. Документальной основой статьи являются фонды Архива внешней политики Российской Федерации, ранее не вводившиеся в научный оборот. Автор отмечает значение инициатив, предпринимавшихся Вилли Брандтом, – вначале на посту министра иностранных дел в 1966–1969 гг., а затем федерального канцлера – по выходу из тупика, созданного деятельностью предшествовавших руководителей внешней политики Бонна. Констатируется, что эти инициативы находили позитивный отклик с советской стороны. Определённый откат в режим конфронтации произошёл в условиях чехословацкого кризиса 1968 года («Пражская весна»), однако его влияние оказалось сравнительно кратковременным. С приходом к власти социал-либеральной коалиции в ФРГ (октябрь 1969 года) курс на разрядку приобрёл твёрдые очертания (присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия, одобрение идеи общеевропейского совещания, начало переговоров с СССР), и процесс нормализации отношений Восток–Запад в Центральной Европе ускорился. Осложняющим его фактором были догматические установки лидеров некоторых стран «социалистического содружества» (Польши и ГДР), а также отдельных представителей советской дипломатии. В этой связи критически рассматриваются попытки форсировать курс на «разграничение» германо-германских отношений в духе идеи о «двух немецких нациях». Вместе с тем, приводятся факты противостояния этим попыткам зарождавшегося в СССР гражданского общества (эпизод с интервью советского учёного-германиста Д.Е. Мельникова журналу «Шпигель» в начале 1970 г.). Позиции сторонников разрядки в СССР и ФРГ оказались достаточно сильными, что выразилось в заключении Московского договора 12 августа 1970 г., ставшего символом советско-западногерманского взаимопонимания. Исторический опыт преодоления «образа врага» в отношениях между Советским Союзом и ФРГ имеет практическую ценность для разрешения международных конфликтов современности.

Ключевые слова: Новая восточная политика, общеевропейское совещание, Варшавский договор, переговоры об отказе от применения силы, «доктрина Ульбрихта (Гомулки)».

УДК 94, 327

Поступила в редакцию 05.05.2017 г.

Принята к публикации 21.05.2017 г.

¹ Статья представляет собой дополненный и переработанный текст доклада, который был представлен на международной конференции «Новая восточная политика» ФРГ и политика разрядки в период Л.И. Брежнева, 1964–1975 гг., организованной московским представительством Фонда Конрада Аденауэра (Москва, 26–28 апреля 2017 г.).

История европейской разрядки нашла отражение в значительном массиве научных трудов российских и зарубежных авторов [2, 3, 4, 5, 13, 14, 27, 23, 28, 29, 30, 31, 34, 35]. Вместе с тем тот аспект процесса, который касается советско-западногерманских отношений, в частности, генезиса Московского договора между СССР и ФРГ, подписанного 12 августа 1970 г., изучен ещё недостаточно; соответствующие исследования проводились в основном на основании опубликованных официальных документов, интервью и материалов СМИ [1, 8, 9, 10, 11, 12, 22, 26, 33]. Единственная статья на данную тему с привлечением российских архивных первоисточников появилась почти два десятилетия тому назад, причём в ней рассмотрен лишь заключительный этап переговоров, предшествовавших заключению этого договора [21]. В какой-то мере это характерно и для имеющихся мемуарных работ [6, 7, 16, 20, 23]. Цель данной статьи – дать более глубокий срез истории разрядки в Европе в целом и отношений СССР – ФРГ в частности. Она продолжает цикл работ автора по германскому вопросу в 60-70-х гг. XX в. [17, 18, 25].

Первая известная нам плановая разработка по европейским делам брежневского периода² содержала весьма широкую программу инициатив по улучшению международного климата. Она представляла собой также и заявку на пересмотр некоторых сложившихся штампов. В ней, в частности, была представлена новая и позитивная в целом оценка европейской интеграции в её голлистском варианте (при неизменно резко критическом отношении к НАТО), давались достаточно комплиментарные оценки политики ряда европейских государств (прежде всего, Франции, но также Англии, Италии, Бельгии и др., включая даже Турцию). Однако в отношении западногерманского государства использовалась исключительно чёрная краска. Характерные примеры: «...Становится всё более определённым блокирование США и ФРГ, которое, естественно, рассматривается не только как угрожающее интересам СССР, но и интересам других европейских стран, прежде всего, Франции и Англии». ФРГ получает характеристику «реваншистского союзника США», а заслугой советской дипломатии названо то, что ей удалось «усилить внешнеполитическую изоляцию ФРГ» (подчёркнуто в тексте – А.Ф.). Доказательств всех этих положений не приводилось, но этого и не требовалось; речь шла не о научном трактате, а о политическом месседеже, и он был очевиден: со всеми государствами можно наладить диалог и вовлечь их в общеевропейское сотрудничество (включая даже США, хотя и в ограниченных рамках), но только не с ФРГ.

Эта пессимистическая оценка имела под собой определённую объективную основу. Ровно за месяц до появления упомянутой разработки состоялся визит в СССР статс-секретаря МИД ФРГ К. Карстенса, официально приуроченный

² Некоторые соображения по вопросам европейской безопасности // Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 0757. Оп. 10. П. 43. Д. 10. Лл. 36–42. Документ не подписан, на первой странице – виза заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова: «обсудить на замах» (т.е. на совещании заместителей министра) и дата – 18 октября 1965 г.

к открытию международной выставки по химии. Однако из предшествующей визиту переписки, в которой западногерманская сторона усиленно добивалась встреч с советской стороной на максимально высоком уровне, можно было предположить, что речь пойдёт о серьёзных переговорах на какой-то новой основе. Этого не случилось: Карстенс попросту повторил старые установки западногерманской политики (в частности, намерение участвовать в ядерных силах НАТО и отказ признать существование другого германского государства). Новым было, пожалуй, только предложение циничной сделки: пусть СССР изменит своё отношение к проблеме воссоединения, т.е. «сдаст» ГДР, и тогда ФРГ откажется от ядерного оружия и даже пересмотрит решение о запрете коммунистической партии. Ни о каком сближении позиций на такой основе не могло быть и речи, о чём советский собеседник и сообщил западногерманскому визитёру³. Тем не менее, вернувшись в Бонн, Карстенс на встрече с советским послом А.А. Смирновым почти слово в слово повторил сказанное им в Москве и пытался создать впечатление, что его позиция – это последнее слово западногерманской политики и никаких подвижек от неё в сторону компромисса не будет⁴.

Таких подвижек по существу не обнаружилось и в «мирной ноте» правительства ФРГ от 25 марта 1966 г., где декларировалась готовность обменяться заявлениями об отказе от применения силы со всеми государствами Европы, кроме ГДР. Как писал будущий канцлер Гельмут Шмидт, «для правящих тогда в Бонне партий ХДС и ХСС было ещё трудно смело взглянуть на факт существования утвердившейся ГДР» [цит. по: 19, с. 130–131]. Впрочем, учитывая, что, как пишет тот же Шмидт, разработка ноты проходила при участии социал-демократов Фрица Эрлера и Герберта Венера, упрёк надо адресовать и им.

1 декабря 1966 г. в ФРГ было образовано правительство «большой коалиции» во главе с Куртом-Георгом Кизингером, в котором пост вице-канцлера и министра иностранных дел занял лидер СДПГ Вилли Брандт. 7 февраля 1967 г. новый статс-секретарь МИД ФРГ Клаус Шютц вручил советскому послу С.К. Царапкину проект двустороннего заявления о неприменении силы. В записке министра иностранных дел А.А. Громыко, адресованной ЦК КПСС, этот документ был охарактеризован как «неприемлемый», направленный на «подрыв позиций ГДР и расшатывание сплочённости социалистических стран». В записке отмечалось также, что данный проект «связан с проводимым с октября 1966 г. по инициативе ФРГ неофициальным обменом мнениями между МИД ФРГ и советской стороной относительно ноты от 25.3.1966 г.»⁵. Эта информация примечательна по крайней мере в двух отношениях. Она свидетельствует, во-первых, о том, что советская сторона, при всём отрицательном отношении к «мирной ноте», не отказалась принять её как базу для дискуссии, а во-вторых,

³ Из дневника В.В. Кузнецова. Запись беседы со статс-секретарём МИД ФРГ Карстенсом 22 сентября 1965 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 10. П. 42. Д. 4. Лл. 13–43.

⁴ Из дневника А.А. Смирнова. Запись беседы со статс-секретарём Карстенсом, состоявшейся 1 октября 1965 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 10. П. 42. Д. 6. Лл. 31–34.

⁵ А.А. Громыко – ЦК КПСС. 5 марта 1967 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 12. П. 49. Д. 12. Л. 6.

что инициатива к началу этой дискуссии последовала с западногерманской стороны ещё до смены правительственной команды в Бонне.

Что касается крайне жёсткой оценки этой инициативы, то её можно считать определённой реакцией на «румынский гамбит» Брандта – последовавшее за неделю до этого, 31 января 1967 г., установление дипломатических отношений ФРГ с той страной «социалистического лагеря», которая в наибольшей степени демонстрировала свою «независимость» от СССР и свою особую позицию по многим международным вопросам, отклонявшуюся от общей линии государств Варшавского договора. Таким образом, «новая восточная политика» Брандта поначалу выразилась в явной попытке путём выборочного отказа от «доктрины Хальштейна» (которая предусматривала запрет на установление или поддержание дипломатических отношений с любой страной, устанавливающей или поддерживающей такие отношения с ГДР) стимулировать центробежные тенденции в «восточном блоке». Приведённая выше оценка этой политики в записке Громыко показывала, что с советской стороны вполне осознавали эту её направленность. Опасность возможного повторения «румынского сценария» была, по крайней мере, временно купирована решениями Варшавского совещания министров иностранных дел ОВД (8-10 февраля 1967 г.) и конференции коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах (24-26 апреля того же года), когда была принята «доктрина Ульбрихта» (или, как считает польская исследовательница Ванда Яжомбек⁶, «доктрина Гомулки» [34]), согласно которой дальнейшие сепаратные действия государств-членов ОВД в отношении ФРГ воспрещались. Проблема поисков коллективного конструктивного ответа на боннское предложение о неприменении силы, однако, оставалась, став предметом интенсивной дискуссии между союзниками по ОВД. Поначалу она проходила в рамках консультаций между внешнеполитическими ведомствами СССР и Польши.

В порядке подготовки к этим консультациям Четвертый Европейский отдел МИД СССР (занимавшийся советско-польскими отношениями) подготовил справку, основной посыл которой сводился к следующему: польская сторона «придерживается линии, разделявшейся до сих пор другими участниками Варшавского договора (подчёркнуто в тексте, против этих слов на полях стоит знак вопроса – А.Ф.), о том, что принцип неприменения силы должен быть закреплён особым договором, заключённым между европейскими государствами в предположении, что непременными участниками такого договора будут оба германских государства – ФРГ и ГДР. Таким образом, ПНР, придерживаясь согласованной между социалистическими странами позиции, считает, что вопрос об отказе от применения силы может получить своё решение *только* (курсив наш – А.Ф.) на основе общеевропейского договора»⁷. Здесь

⁶ Примечательно, что именно лидеры этих двух государств ОВД проявляли наибольшую обеспокоенность тогдашней политикой Брандта.

⁷ О позиции Польши в вопросе о неприменении силы во взаимоотношениях между европейскими государствами, 22 мая 1967 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп.12. П. 49. Д. 12. Л. 32–35 (цитата на л. 35).

следует отметить, что идея разработки «общеевропейского договора» была одной из основных в упоминавшейся выше записке МИД СССР от 18 октября 1965 г., причём там же отмечалось, что инициатива к созыву «конференции по европейской безопасности» для выработки такого договора принадлежала польской стороне⁸. В той же записке намечались и другие меры по решению проблем европейской безопасности. Как следует из приведённой записки Четвёртого Европейского отдела, специфика польской позиции в отношении общеевропейского совещания и общеевропейского договора заключалась в том, что соответствующие инициативы рассматривались как единственный и безальтернативный вариант решения европейской и германской проблем. Пометки же на документе свидетельствуют о сомнениях по поводу корректности этой позиции и трактовки её как отражающей общее мнение стран-участников ОВД.

Запись беседы министров иностранных дел СССР и ПНР Громыко и Рапацкого от 27 мая 1967 г.⁹ свидетельствует, что польский собеседник изложил свои взгляды с меньшей категоричностью, сформулировав их в виде вопроса: что предпочтительнее – двусторонние договорённости с ФРГ или общеевропейский договор? В своём ответе Громыко достаточно чётко определил советскую точку зрения: «Это не конкурирующие предложения, а дополняющие друг друга. Конечно, было бы хорошо, если бы имели общеевропейский договор с участием ГДР и ФРГ. Но известно, какие трудности стоят на этом пути. Проанализируем другие возможности. Например, достижение договора ФРГ с ГДР плюс договоры ФРГ с другими социалистическими странами. Это не подрывает идеи общеевропейского договора». Удовлетворил ли Рапацкого такой ответ? Судя по записи беседы, не вполне. Хотя Громыко ясно дал понять, что СССР не собирается монополизировать дело налаживания отношений с Бонном, но польский собеседник усомнился в этом, заявив: «Я понимаю так, что переговоры с ФРГ будет проводить только одна страна – Советский Союз». Громыко рассеял эти сомнения: «На этой стадии они обратились к нам. Но у нас и в мыслях не было вести переговоры за всех». Тем не менее, на протяжении дальнейшей беседы польский министр неоднократно возвращался к теме общеевропейского договора как приоритетной цели: мол, не надо преувеличивать «трудности» на пути к нему и не надо преуменьшать опасностей, которыми чреваты двусторонние контакты. Позиция не вполне логичная, учитывая то фиаско польской дипломатии, о котором сам Рапацкий сообщил Громыко: была предпринята попытка обсудить «идею заключения общеевропейского договора» с Англией, но из этого ничего не вышло¹⁰.

⁸ Она была впервые сформулирована в выступлении министра иностранных дел ПНР А. Рапацкого на XIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1964 г. и была поддержана Политическим консультативным комитетом Варшавского договора в январе 1965 г. [13, с. 21].

⁹ Запись беседы т. А.А. Громыко с министром иностранных дел ПНР т. Рапацким, состоявшейся в Москве 27 мая 1967 г. // АВР РФ. Ф. 0757. Оп. 12. П. 49. Д. 12. Л. 43–58.

¹⁰ Там же. Лл. 46, 53.

Между тем Бонн выступил с новой инициативой, конкретизировав свои представления о будущем Европы. 16 июня 1967 г. послу СССР в ФРГ С.К. Царапкину была вручена памятная записка, содержащая в себе перечень из 13 вопросов, которые могли бы стать, по мнению западногерманской стороны, предметом обсуждения между СССР и ФРГ¹¹. Эти «вопросы», сгруппированные в три раздела (двусторонние отношения, отношения между Востоком и Западом, европейская безопасность), представляли собой, по сути, программу широкого сотрудничества между обеими странами. Предлагалось расширение контингента товаров в торговле, совместные инвестиции в третьи страны, объединение исследований в области ядерной энергетики, установление прямого воздушного сообщения, налаживание взаимодействия органов юстиции обеих стран в преследовании нацистских преступников. В отношении ГДР (название второго германского государства давалось без привычных кавычек) выдвигалась формула «урегулированного совместного существования обеих частей Германии таким образом, чтобы ни одна из сторон не требовала отказа другой стороны от её политических целей». Что касается проблем международной безопасности, то впервые столь чётко выражалась заинтересованность ФРГ в заключении договора о нераспространении ядерного оружия. Вместе с тем довольно невнятно формулировалась позиция ФРГ в отношении европейских границ (пункт №7 программы), а само значение документа несколько снижалось оговоркой Брандта о его «неофициальном» характере. В целом, однако, речь шла о серьёзных подвижках в сторону от принятого в Бонне «образа врага», что диктовало возможность и необходимость ответных шагов с советской стороны. В частности, одним из таких шагов можно считать предложение начать переговоры об открытии воздушного сообщения между СССР и ФРГ. Оно последовало 15 августа 1967 г. как прямой отклик на соответствующий пункт в меморандуме Брандта, полученном двумя месяцами ранее. Соответственно, более явными стали критические оценки в отношении негибкой позиции партнёров СССР по ОВД. Характерно в этом плане высказывание обычно крайне сдержанного советского министра иностранных дел: «Нельзя исключать, что польские друзья ... не хотят вообще, чтобы в настоящих условиях состоялись переговоры социалистических стран с ФРГ»¹².

В августе – сентябре 1967 г. прошли трёхсторонние консультации между представителями министерств иностранных дел СССР, ПНР и ГДР по вопросам европейской безопасности. Вновь встал вопрос об общеевропейском договоре о неприменении силы как альтернативе двусторонним договорённостям с ФРГ. Советский представитель, заместитель министра иностранных дел Л.Ф. Ильичёв отметил, что для обсуждения этого вопроса «условия международной обстановки сейчас неподходящие», упомянув в этом контексте американскую агрессию во Вьетнаме. «Тем не менее, – продолжил он, – мы не снимаем это

¹¹ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 12. П. 49. Д. 12. Л. 126–128.

¹² А.А. Громыко – ЦК КПСС. 27 июля 1967 г. // АВП РФ Ф. 0757. Оп. 12. П. 49. Д. 12. Л. 65.

предложение, а лишь не форсируем его в настоящее время»¹³. Участников второго тура консультаций, состоявшегося в Берлине, принял Вальтер Ульбрихт – «первое лицо» в ГДР. Проблема общеевропейского договора не затрагивалась, зато Ульбрихт весьма раздражённо прокомментировал перспективу двусторонних контактов СССР и ФРГ: «Если по вопросу, непосредственно затрагивающему жизненные интересы ГДР, будет первым говорить Советский Союз, то у населения может сложиться впечатление, что за ГДР выступает СССР. Это, несомненно, осложнит нашу борьбу с национализмом»¹⁴. Дипломатический этикет не позволил советскому дипломату (это был В.С. Семёнов) возразить Ульбрихту. Между тем аргументов против этого высказывания было более чем достаточно. В ходе контактов с ФРГ советская сторона последовательно отстаивала права и интересы ГДР, и это приносило свои плоды.

12 октября того же года западногерманской стороне был вручён советский документ, в котором содержалось положение о необходимости включения ГДР в переговорный процесс, а 21 ноября – советский проект заявлений о неприменении силы, явившийся ответом на ранее внесённые западногерманские проекты. На состоявшейся тогда же встрече советского посла с Брандтом, Баром и Фердинандом Дуквицем (заведующим отделом МИД ФРГ, занимавшимся «востоком») западногерманский министр иностранных дел поначалу в отношении ГДР и ФРГ употребил формулу «две германских области», но затем внёс характерное добавление: «или, если хотите, два германских государства»¹⁵. Публично о «двух германских государствах» Брандт высказался, уже будучи канцлером – почти два года спустя.

Чем же была вызвана такая задержка в политике разрядки? Обычный ответ – событиями в Чехословакии. Ответ верный, но нуждающийся в уточнении: какие именно события имеются в виду – те, что связаны с вооружённой акцией пяти стран ОВД в августе 1968 г., или те, что им предшествовали? Можно считать парадоксом то обстоятельство, что торможение разрядки в отношениях СССР – ФРГ и даже обратный ход в этом процессе начались и достигли своей кульминации в период до упомянутой акции. Тогда сразу же после неё (и не будет натяжкой сказать – в результате неё) произошло быстрое восстановление этих отношений, подготовившее почву для того прорыва в них, которым стал Московский договор 12 августа 1970 г.

Чем объяснялся этот парадокс?

Вернёмся к дате 21 ноября 1967 г. Брандт высказал тогда среди прочего мысль, весьма импонировавшую советской стороне: «было бы нецелесообразно, чтобы официальные переговоры между ФРГ и странами-участницами Варшавского договора состоялись до того, как такие переговоры начнутся между

¹³ Протокольная запись консультаций между делегациями МИД СССР и МИД ПНР 31 августа и 1 сентября 1967 г. // АВРП РФ. Ф. 0757. Оп. 12. П. 49. Д. 12. Лл. 136–146 (цитата на л. 139).

¹⁴ Протокольная запись консультаций между делегациями МИД СССР, МИД ПНР и МИД ГДР 14–15 сентября 1967 г. // АВРП РФ. Ф. 0757. Оп. 12. П. 49. Д. 12. Лл. 99–120 (цитата на л. 107).

¹⁵ Там же. Л. 148.

ФРГ и СССР». Воспринято это было как некая гарантия против повторения «румынского сценария». Между тем, в Чехословакии всё явно шло именно в этом направлении, вызывая нечто вроде «кризиса доверия» в отношении советского руководства к западногерманскому партнёру. В данном случае не столь важно, какова была реальная роль ФРГ в дрейфе деятелей «пражской весны» к упомянутому сценарию, без преувеличения, тревожному с точки зрения советского руководства. Определённые действия западногерманских политиков, особенно социал-демократов, действительно можно было рассматривать как вмешательство во внутренние дела ЧССР и даже как провоцировавшие советское вмешательство [29]. В тех условиях с советской стороны был предпринят ряд политических и пропагандистских мероприятий, которые означали возврат к модели жёсткой конфронтации в двусторонних отношениях (предание гласности переписки по поводу проблемы неприменения силы, что означало по существу отказ от её продолжения¹⁶, кампания в прессе, достигшая максимума публикацией «разоблачительной» статьи Эрнста Генри «Какую “новую политику” придумал Бонн»¹⁷). Соответствующая реакция последовала и со стороны ФРГ.

Всё изменилось после 21 августа. Обвинения в советских СМИ по поводу западного вмешательства продолжились, но наметился любопытный нюанс: мишенью их всё больше оказывалась не ФРГ, а Австрия. Что же касается ФРГ, то её официальная реакция (в отличие от реакции общественности) оказалась на удивление мягкой. В целом, это отражало общую тенденцию на Западе. В кругах НАТО рассматривалась возможность «наказать» страны-участники акции ОВД введением санкций, и даже были приняты соответствующие рекомендации, впрочем, довольно ограниченного характера: снижение возможностей получения кредитов, отказ от участия в торговых ярмарках в этих странах, замораживание некоторых гуманитарных проектов. Однако, как сокрушённо констатировалось в меморандуме ЦРУ от 21 января 1969 г., «мало кто из союзников обнаружил готовность уменьшить торговые или культурные связи с вторгнувшейся “пятеркой”», соответствующие «обещания были скоро забыты»¹⁸. В документе приводился показательный пример: участвовать в Пловдивской ярмарке (самой близкой по времени после 20 августа) отказались только США и Греция, бывшая тогда под властью «чёрных полковников».

Специфика позиции ФРГ была в том, что она не только не присоединилась к санкциям, но и поспешила активизировать контакты с СССР на разных уровнях и направлениях – от визита в Москву делегации людовигсбургского Ведомства по розыску и преследованию нацистских преступников до размораживания переговоров по авиационному сообщению [25]. Всё это выглядело так, будто западногерманская сторона признала свои «грехи» и «раскаялась» в них, предлагая вернуться к повестке, сформулированной в меморандуме от 16 июня 1967 г. и в

¹⁶ Известия, 11, 12, 13 июля 1968 г.

¹⁷ Известия, 14 августа 1968 г.

¹⁸ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1969–1976. Vol. XLI, p. 2.

ходе беседы 21 ноября того же года. С советской стороны эта линия поведения Бонна была с удовлетворением принята к сведению, что отразилось, в частности, в тоне и характере беседы Брандта с Громыко на полях сессии Генеральной ассамблеи ООН 8 октября 1968 г.

Следует сказать, что примерно тот же мотив «раскаяния», или во всяком случае, признания прежних ошибок был характерен и для новой администрации США, пришедшей к власти после выборов в ноябре 1968 г. Только что занявший пост советника президента по национальной безопасности Г. Киссинджер следующим образом изложил её курс советскому послу в Вашингтоне А.Ф. Добрынину: «Президент Никсон согласен с советским правительством, что не следует менять основ послевоенного устройства в Европе... Он, президент, хотел бы заверить советское правительство, что он, например, совсем не собирается вмешиваться в дела Восточной Европы. Вы от нас не услышите никаких заявлений о необходимости “освобождения” Восточной Европы от Советского Союза, и мы, видимо, бросим употреблять даже такие выражения, как “строительство мостов”, т.к. мы понимаем реальную обстановку»¹⁹ [19, с. 27]. По сути, речь шла о косвенном признании «доктрины Брежнева» – в смысле признания определяющей роли Советского Союза в «восточном блоке» и бесплодности попыток «вбивания клиньев» между ним и входящими в него государствами-членами. Опять-таки специфика ФРГ заключалась в том, что там это поняли быстрее и активнее стали претворять это понимание в реальную политику. Обычно этот феномен связывают с именами Брандта, Эгона Бара и других представителей западногерманской социал-демократии. Однако этим идеям были не чужды и представители консервативных кругов. Характерно в этом отношении высказывание председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге Райнера Барцеля в беседе с советским послом 2 июля 1969 г.: «...Западногерманская сторона не хотела бы развивать диалог с Польшей, если бы это вызвало недовольство и подозрения со стороны Советского Союза, как это бывало в некоторых случаях в прошлом». Посол внёс в запись беседы собственный комментарий, точно отражающий недосказанную мысль собеседника: «намёк на Румынию»²⁰. По сути, он услышал от Барцеля то же самое «гарантийное» обещание, которое дал ему Брандт в ноябре позапрошлого года.

Разумеется, обещания имеют ценность, когда они подкрепляются определёнными инициативами или поддержкой инициатив другой стороны. В этом отношении позиции ХДС/ХСС обнаруживали явную слабость. В ходе той же беседы 2 июля 1969 г. Р. Барцель, как следует из советской её записи, заявил о «скептическом отношении» к идее общеевропейского совещания и «стремился обойти вопрос о позиции ФРГ в отношении договора о нераспространении ядерного оружия». Между тем, оба этих вопроса принадлежали к essentials советской политической повестки. В этом отношении Брандт и Бар проявляли го-

¹⁹ Беседа состоялась 21 февраля 1969 г.

²⁰ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 14. П. 53. Д. 6. Л. 6.

раздо больше усилий к поиску общих позиций с советской стороной, которая отвечала на это взаимностью. Со стороны ГДР в адрес советского руководства шли мрачные предупреждения о том, что «под красиво звучащим наименованием “новой восточной политики” правые лидеры социал-демократии поддерживают экспансионистскую политику западногерманского империализма», а «заверения господина Брандта о том, что он готов на переговоры и достижение взаимопонимания в вопросе об урегулированном сосуществовании с ГДР, представляют собой не более чем обманный манёвр», и что «возможные ссылки на то, что имеются существенные различия между ХДС/ХСС и СДП, которые могут быть использованы в политике, противоречат реальному положению дел»²¹. В то же время советское руководство выступило с прямо противоположной установкой: говорилось о намерении установить взаимодействие с СДПГ и СДП с целью «подрыва позиций ХДС/ХСС и недопущения неонацистов в бундестаг»²². Одним из элементов реализации этой программы стала нота Советского правительства от 12 сентября 1969 г., в которой выражалась готовность возобновить переговоры о неприменении силы – причём без всяких предварительных условий, что было явным отступлением от «доктрины Ульбрихта» (или Гомулки).

Трудно сказать, повлиял ли этот демарш на результаты выборов и последовавшее образование социал-либеральной коалиции. Как бы то ни было, высказывания нового канцлера в беседе с совпослом, состоявшейся 28 октября 1969 г., сразу же после оглашения правительственной программы, внушали определённый оптимизм. Приведём несколько выдержек из советской записи беседы: «...1) Нераспространение ядерного оружия. Мы, сказал Брандт, разрабатываем сейчас решение по этому вопросу... Мы считаем, продолжал Брандт, что нет смысла затягивать решение вопроса о подписании ФРГ договора о нераспространении ядерного оружия... 2) Подготовка Общеευропейского совещания. Брандт напомнил, что сегодня в своём заявлении в бундестаге он подтвердил ответ на финскую инициативу по поводу Совещания, направленный в Хельсинки ещё до выборов. В ходе предвыборной кампании «с разных сторон» (имеется в виду ХДС/ХСС) высказывались сомнения относительно этого шага Брандта как министра иностранных дел. Поэтому с целью устранения каких-либо разнотолков он подтвердил позицию ФРГ... Канцлер высказался за то, чтобы были продолжены контакты с советской стороной по вопросу о подготовке Общеευропейского совещания 3) Развитие отношений между СССР и ФРГ. Брандт повторил, что западногерманская сторона в ближайшее время ответит на советскую памятную записку от 12 сентября с.г. по вопросу о неприменении силы. Будет выражено согласие начать переговоры в Москве. В правительственном заявлении говорилось также о намерении вести разговоры с Польшей, о желательности которых упоминалось в известном выступлении В. Гомулки в мае с.г.

²¹ В. Ульбрихт – ЦК КПСС, 21 апреля 1969 г. // Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR im Bundesarchiv (SAPMO-BA). DY 30/3525. Bl. 136, 139, 140.

²² ЦК КПСС–ЦК СЕПГ, 26 июля 1969 г. // SAPMO-BA, DY 30/3525, Bl. 217–221.

Правительство ФРГ готово также вести переговоры и с ГДР по вопросам, представляющим взаимный интерес. Однако, подчеркнул Брандт, *как по времени, так и по содержанию на первом месте стоят переговоры с Советским Союзом, хотя сегодня в бундестаге он сознательно говорил о переговорах с Польшей и ГДР»* (курсив наш – А.Ф.)²³.

Ровно через месяц после этого разговора, 28 ноября 1969 г., было объявлено о присоединении ФРГ к договору о нераспространении ядерного оружия. Это означало, что на этот раз намерения и обещания со стороны Бонна становятся реальностью, что, в свою очередь, диктовало выработку оперативной реакции на неё со стороны государств ОВД. Начало этому процессу было положено на совещании руководителей стран-участниц Варшавского договора, состоявшемся в Москве 2–3 декабря 1969 г. В ходе его выявились серьёзные разногласия между участниками, причём особенно острый конфликт наметился между представителями ГДР и Польши. О советской озабоченности этим конфликтом и о его характере идёт речь в совместной записке председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова, министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и секретарей ЦК КПСС К.Ф. Катушева и К.В. Русакова от 1 апреля 1970 г.²⁴. В записке констатируется, что в отношениях между руководителями ГДР и Польши имеет место «тенденция подозрительности и недоверия..., особенно заметная в том, что каждая из сторон считает связи и контакты другой стороны с Западной Германией опасными и наносящими ущерб её интересам». В качестве примера приводится описание хода обсуждения проекта договора о нормализации отношений между двумя германскими государствами, который был разработан ГДР: «польские друзья» посчитали, что «включённые в него положения, касающиеся границы Одер–Нейсе, ставят под сомнение окончательный характер этой границы» (на том основании, что «срок действия договора определён в 10 лет»), а «в свою очередь, руководители ГДР неоднократно выражали обеспокоенность выступлением В. Гомулки от 17 мая 1969 г., в котором ФРГ было предложено заключить договор об окончательном признании Бонном границы по Одери–Нейсе. Немецкие товарищи расценили эту инициативу как прецедент для «расшнуровывания» пакета согласованных требований социалистических стран к Западной Германии. Эти предложения, по мнению т. Ульбрихта, обесценивают Згожецкий договор 1950 г. об установлении государственной границы между ГДР и ПНР. Немецкие друзья обращают внимание на то, что польская инициатива была предпринята без предварительных консультаций с братскими социалистическими странами». Позиция авторов записки свидетельствует об их стремлении сгладить конфликтную ситуацию: «...мнение польских друзей едва ли обоснованно», «в такой реакции немецких товарищей есть элемент преувели-

²³ Из дневника С.К. Царапкина. 3 ноября 1969 г. Запись беседы с федеральным канцлером В. Брандтом 28 октября 1969 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 14. П. 53. Д. 6. Л. 144–145.

²⁴ О некоторых актуальных вопросах сотрудничества СССР с ПНР и ГДР. 1 апреля 1970 г. // АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 15. П. 95. Д. 17. Лл. 31–34.

чения». В тексте официального обращения председателя Государственного совета ГДР Вальтера Ульбрихта к президенту ФРГ Густаву Хайнеманну от 19 декабря 1969 г. формулировка о 10-летнем сроке действия предложенного договора осталась, и на этом основании можно было бы считать, что победила немецкая точка зрения. Однако другой документ, где более подробно описываются перипетии обсуждения данного проекта, рисует совсем иную картину. Указывается, что «подготовленный немецкой стороной проект договора подвергся серьёзной доработке». Их суть: «в преамбуле снято упоминание о “государствах немецкой нации”» (в окончательном варианте говорится просто о «двух германских государствах»), во вторую статью «включено конкретное упоминание границ между ГДР и ФРГ, а также по Одере–Нейсе», в пятой статье формулировалось требование установления дипломатических отношений и обмена послами между обоими государствами (чего опять-таки не было в исходном тексте) и, наконец, добавлена новая, седьмая статья об «уважении статуса Западного Берлина как самостоятельной политической единицы»²⁵. Нетрудно заметить, что если первоначальный вариант проекта ГДР шёл достаточно далеко навстречу позиции западногерманского партнёра (канцлер ФРГ В. Брандт в первом правительственном заявлении нового правительства социал-либеральной коалиции, признав факт существования двух германских государств, одновременно подчеркнул их принадлежность к одной нации и «особый» характер их отношений), то «доработанный» текст, напротив, подчёркивал различия в точках зрения сторон. Разумеется, проект в таком виде не мог быть принят другой стороной даже в качестве базы для дискуссии.

Национальный вопрос занял значительное место в советско-западногерманских и германо-германских дискуссиях по поводу нормализации взаимных отношений. Линия раздела между теми, кто признавал наличие проблемы восстановления единства Германии, и теми, кто считал эту проблему закрытой, проходила не только и не столько между государствами, сколько между различными представителями политического класса внутри каждого из них. Для «первого лица» ГДР, Ульбрихта, была характерна весьма извилистая траектория взглядов и представлений на этот счёт: крайняя конфронтационность в отношении ФРГ (в переписке с Брежневым в мае–июне 1969 г.) сменилась установкой на далеко идущие уступки (в выдвижении проекта договора с ФРГ на совещании ОВД в декабре 1969 г.), затем – снова абсолютное отрицание всякой общности с ФРГ (в беседе с Громыко в феврале 1970 г. он выступает даже против формулировки о «двух германских государствах», считая это непозволительной уступкой Бонну) и, наконец, неожиданное выступление в пользу «третьего раунда» переговоров с Брандтом (после двух неудачных «раундов» в Эрфурте и Касселе), которое вызвало настоящий кризис в Политбюро СЕПГ и обострение отношений с Москвой [см. подробнее 5]. Что касается СССР, то здесь можно

²⁵ О согласовании с немецкими друзьями проекта договора об установлении равноправных отношений между ГДР и ФРГ, 7 января 1970 г. // АВПРФ. Ф. 0742. Оп. 15. П. 95. Д. 19. Л. 1.

говорить о более или менее чётко обозначенном и постоянном противостоянии между сторонниками жёсткой идеи о «двух немецких нациях» типа В.С. Семёнова (долгое время возглавлявшего «германское направление» в МИД, но в начале 1970 г. получившего назначение главы делегации на советско-американских переговорах по ОСВ-1) и Петра Абрасимова (посол СССР в ГДР в 1962–1971 гг.), с одной стороны, и сторонниками более гибкого направления, с другой, наиболее ярким представителем которого был В.М. Фалин, занимавший в 1968–1971 гг. пост заведующего Третьим Европейским отделом МИД СССР.

Догматиков из руководства «друзей» и советского посла объединяло упорное мушкетирование темы о необходимости форсированного «размежевания» двух германских государств. В своих депешах Абрасимов буквально бомбардировал центр паническими сообщениями о сохранении «общегерманских иллюзий» и зловредном влиянии социал-демократической идеологии не только на население, но и на властные структуры и законотворчество ГДР. Видимо, не найдя должной поддержки от своего непосредственного начальника Фалина, в одном случае он направил очередное «разоблачительное» послание с припиской «Только лично» напрямую министру А.А. Громыко. Реакции со стороны адресата не последовало: послание без комментария было спущено в тот же Третий Европейский отдел²⁶.

Автор обнаружил только один пример реакции министра на реляции такого рода. Речь идёт об эпизоде, начавшемся с телеграммы Абрасимова по ВЧ от 21 января 1970 г. в два адреса – Фалину и Громыко, где посол выражал своё возмущение содержанием интервью, которое дал журналу «Шпигель» известный советский германист Д.Е. Мельников. В чём же состояла «вина» последнего? Он, оказывается, «не только не отклонил утверждения корреспондента «Шпигеля» о якобы «особом» характере отношений между ГДР и ФРГ, но и по существу подтвердил их. Так, на вопрос, может ли существовать между ФРГ и ГДР более тесное сотрудничество, чем между государствами различных наций, т. Мельников ответил утвердительно и сказал, что такие отношения могут существовать между двумя государствами в области культуры, науки, а также и в экономике. Нельзя признать правильным и высказывание т. Мельникова, что вопрос о характере дипломатических отношений между ГДР и ФРГ имеет будто бы «второстепенное» значение, и потому неважно, какими представителями могли бы обмениваться эти страны – послами или только уполномоченными». Назывались и иные «грехи» интервьюируемого. Игнорировать подобный документ было невозможно, и министр принял соломоново решение: воздержавшись от выражения собственного мнения, он оставил на документе резолюцию «Разослать членам Политбюро ЦК КПСС. 26.1». Рассылка была действительно произведена, но, судя по всему, никаких мер к «провинившемуся» учёному (который по существу повторил содержание первоначального проекта договора ГДР – ФРГ,

²⁶ К вопросу отношений между ГДР и ФРГ и нашей возможной линии в этой связи. 31 июля 1970 г.// АВР РФ. Ф. 0743. Оп. 13. П. 96. Д. 22. Лл. 1–12.

представленного на рассмотрение ОВД в декабре 1969 г.) принято не было. Во всяком случае, резолюция Фалина, появившаяся на документе днём позже, носила весьма нейтральный и формальный характер: «Просьба усилить внимание к публикациям советских авторов по германской тематике, в том числе в советской прессе»²⁷. Данный пример интересен ещё и в том отношении, что показывает, как формировалось в недрах советского строя то, что мы ныне называем «гражданским обществом» – пока ещё в рамках претендующего на самостоятельность научно-экспертного кластера.

В качестве резюме можно отметить следующие моменты: и в Советском Союзе, и в ФРГ имелись как силы, выступавшие за нормализацию отношений и продвижение дела европейской разрядки, так и силы, противостоявшие этим установкам. В целом развитие шло в направлении поисков и выработки взаимоприемлемых компромиссов. Осложняющим фактором в этом двустороннем взаимодействии были особые позиции союзников СССР по ОВД (и, очевидно, союзников ФРГ по НАТО²⁸). Одним из определяющих императивов для советской стороны было признание другой стороной сложившегося статус-кво и, в частности, нейтрализация центробежных тенденций в «социалистическом содружестве» в условиях, когда теряла свою убедительность пропаганда о «западногерманском реваншизме» (что показал опыт событий в ЧССР). Для ФРГ таким императивом было поддержание «открытым» германского вопроса в условиях укрепления международных позиций и статуса другого германского государства – ГДР. Обе стороны в значительной степени сумели реализовать свои цели, причём, как показала история, результаты, достигнутые западной стороной, оказались в конечном счёте более значимыми и весомыми. Тот факт, что решение германского вопроса в виде объединения Германии по западной модели в 1989–1990 гг. произошло мирным и сравнительно безболезненным путём – это в том числе и заслуга тех лидеров СССР и ФРГ, которые сделали возможными заключение «восточных договоров» начала 70-х гг.

Список литературы

1. Алексеев Р.Ф. СССР и ФРГ: прошлое и настоящее. Советско-западногерманские отношения 1955– 1980. М.: Политиздат, 1980. 280 с.
2. Гриневский О.А. Перелом. От Брежнева к Горбачёву. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 624 с.
3. Загорский А.В. Хельсинкский процесс. Переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. М.: Права человека, 2005. 447 с.
4. Кашлев Ю.Б. Общеввропейский процесс: вчера, сегодня, завтра. М.: Международные отношения, 1990. 181 с.
5. Кашлев Ю.Б. Хельсинкский процесс 1975– 2005. Свет и тени глазами участника. М.: Известия, 2005. 392 с.
6. Квицинский Ю.А. Время и случай. Заметки профессионала. М.: Олма-Пресс, 1999. 574 с.
7. Кеворков В. Тайный канал. М.: Гей, 1997. 318 с.

²⁷ Посольство СССР в ГДР – А.А. Громыко, В.М. Фалину. Телеграмма по ВЧ № 40. 21 января 1970 г.// АВП РФ. Ф.0742. Оп. 15. П. 95. Д. 13. Лл. 27–28.

²⁸ Автор ранее предпринял попытку исследовать один из аспектов этой проблемы [18].

8. Кремер И.С. ФРГ: этапы «восточной политики». М.: Международные отношения, 1986. 220 p.
9. Максимычев И.Ф. Россия-Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. М.: Книжный мир, 2014. 512 с.
10. Милюкова В.И. Отношения СССР-ФРГ и проблемы европейской безопасности. М.: Наука, 1983. 302 с.
11. Новик Ф.И. СССР-ФРГ: проблемы сосуществования и сотрудничества, 1975-1986. М.: Наука, 1987. 244 с.
12. Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М.: Московские учебники – СидиПресс, 2005. 605 с.
13. Рахманин Ю.Н. Проблема европейской безопасности: исторический опыт ее решения. М.: Мысль, 1977. 349 с.
14. Рахманин Ю.Н. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе // Европа XX века: проблемы мира и безопасности / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Международные отношения, 1985. С. 167-181.
15. Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969–1976: сб. документов. Т. 1. 1969 – май 1972. Кн. 1. 1969–1971. М.: Международные отношения, 2007. 726 с.
16. Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М.: Центрполиграф, 1999. 456 с.
17. Филитов А.М. Треугольник Москва – Вашингтон – Бонн в конце 60-х – начале 70-х гг. XX века // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 98–113.
18. Филитов А.М. СССР, ФРГ и чехословацкий кризис // 1968 год. «Пражская весна» Историческая ретроспектива: сб. ст. / под ред. Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко, А.С. Стыкалина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 204–227.
19. Филитов А.М. Треугольник Москва – Берлин – Бонн и политика европейской разрядки в 1969–1970 гг. // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 83–96.
20. Allardt H. Moskauer Tagebuch. Düsseldorf, Suhrkamp Publishers, 1980. 222 p.
21. Bahr E. Zu meiner Zeit. München, Süddeutscher Verlag, 1983. 48 p.
22. Bender P. Neue Ostpolitik. Vom Mauerbau zum Moskauer Vertrag. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1986. 289 p.
23. Hanhimaki J.M. Détente in Europe / ed. by Leffler M.P., Westad O.A. The Cambridge History of the Cold War. Vol. 2. London, Cambridge University Press, 2010. Pp. 198–250.
24. Jarzāmbek, W. . “Ulbricht-Doktrin” oder “Gomulka-Doktrin”? Das Bemühen der Volksrepublik Polen um eine geschlossene Politik des kommunistischen Blocks gegenüber der westdeutsche Ostpolitik 1966/67 // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2006. H. 1. S. 79–115.
25. Link W. Die Entstehung des Moskauer Vertrages im Lichte neuer Archivalien // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2001. 2. Heft. S. 295–315.
26. Loth W. Die Rettung der Welt. Entspannungspolitik im Kaltem Krieg. Frankfurt am Main, Campus Verlag, 2016. 375 S.
27. Mökli D. European Foreign Policy during the Cold War: Heath, Brandt, Pompidou and the Dream of Political Unity. London, I.B.Tauris & Co Ltd., 2009. 488 p.
28. Niedhardt G. Transformation through Commucation and the Quest for Peaceful Change // Journal of Cold War Studies. Vol. 18. No. 3. 2016. Pp. 27–28.
29. Niedhart G. Entspannung in Europa. Die Bundesrepublik Deutschland und der Warschauer Pakt 1966 bis 1975. München, De Gruyter Oldenbourg, 2014. 131 S.
30. Origin of European Security System: The Helsinki Process Revisited, 1969-1975 / ed. by Wenger A., Mastny V., Nuenlist Ch. London, Routledge, 2008. 276 p.
31. Perforating the Iron Curtain: European Détente, Transatlantic Relations, and the Cold War 1965-1985 / ed. by Villaum P., Westad O.A. Copenhagen, 2010. 272 p.
32. Sarotte M.E. Dealing with the Devil: East Germany, Détente and Ostpoitik, 1969-1973. New York, The University of North Carolina Press, 2001. 320 p.
33. Sodaro M.J. Moscow, Germany and the West from Khrushchev to Gorbachev. Itaca, NJ, Cornell University Press, 1990. 456 p.
34. The Making of Détente: Eastern and Western Europe in the Cold War. 1965-75. Ed. by Loth W., Soutou G.-H. London, Routledge, 2008. 272 p.
35. Thomas D.C. The Helsinki Effect. International Norms, Human Rights and the Demise of Communism. Princeton, 2001. 320 p.

Об авторе:

Филитов Алексей Митрофанович – д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета. 119334 Россия, Москва, Ленинский пр., 32 а.

THE USSR AND FRG'S "NEW OST-POLITIK"

A.M. Filitov

DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-123-140

Institute of World History, Russian Academy of Science

The article explores the changes in the mutual perceptions between the FRG and the USSR from mid-60s through early 70s of the 20th century, which became a precondition for the détente in their relationship. It is based largely on the analysis of the documents stored in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation and recently released for the researchers. The author highlights the initiatives by Willy Brandt as a Foreign Minister in 1966–1969 and subsequently as a Federal Chancellor in breaking the deadlock in Bonn's foreign policy created by his predecessors. It is emphasized that those initiatives found the positive response from the Soviet side. A reversal movement towards a regime of confrontation took place under conditions of the Czechoslovak crisis of 1968 ("Prague spring"), but its impact was rather short-lived. With the government of Social-Liberal coalition coming to power in October 1969, the Federal Republic's course to the détente took the firmer contours (joining the Non-Proliferation Treaty, positive attitude to the All-European Conference, beginning the negotiations with the USSR), and the process of the normalization between West and East in the Central Europe accelerated. The complicating factor was the dogmatic positions taken by some leaders of "socialist community" countries (in Poland and GDR in particular) as well as by some representatives of the Soviet diplomatic corps. Critically scrutinized in this context are the attempts to promote the course towards the "fencing-off" in the German-German relations as dictated by the theory of "two German nations". The examples of confronting those mindsets are cited – in particular, from the exponents of the nascent civil society in the USSR (the case of the "Spiegel" interview by the Soviet expert on Germany D.E. Melnikov in the first month of 1970). The positions of the détente supporters both in the USSR and in the FRG turned out to be strong enough for a conclusion of the Moscow Treaty on August 12, 1970, – a hall-mark of Soviet-West German rapprochement. The historical experience of overcoming the "enemy image" in the relationship between the Soviet Union and the FRG has a great practical value for the solution of the present-day international conflicts.

Key words: New Eastern Policy, All-European Conference, Warsaw Treaty, Non-Use of Force Talks, "Ulbricht (or Gomulka) Doctrine".

References

1. Alekseev R.F. *SSSR i FRG: proshloe i nastoiashchee. Sovetsko-zapadnoger-manskie otnosheniia 1955-1080* [USSR and the FRG: past and present. Soviet-West German relations 1955-1080]. Moscow, Politizdat Publ., 1980. 280 p. (In Russian).
2. Grinevskii O.A. *Perelom. Ot Brezhneva k Gorbachevu* [Fracture. From Brezhnev to Gorbachev]. Moscow, OLMA-PRESS

- Publ., 2004. 624 p. (In Russian).
3. Zagorskii A.V. *Khel'sinskii protsess. Peregovory v ramkakh Soveshchaniia po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope* [The Helsinki process. Negotiations within the framework of the Conference on Security and Cooperation in Europe]. Moscow, Prava cheloveka Publ., 2005. 447 p. (In Russian).
4. Kashlev Iu.B. *Obshcheevropeiskii protsess: vchera, segodnia, zavtra* [The pan-European process: yesterday, today, tomorrow]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1990. 181 p. (In Russian).
5. Kashlev Iu.B. *Khel'sinskii protsess 1975-2005. Svet i teni glazami uchastnika* [The Helsinki process in 1975-2005. Light and shadows through the eyes of the participant]. Moscow, Izvestiia Publ., 2005. 392 p.
6. Kvitsinskii Iu.A. *Vremia i sluchai. Zametki professional* [Time and chance. Notes of a professional]. Moscow, Olma-Press Publ., 1999. 574 p. (In Russian).
7. Kevorkov V. *Tainyi kanal* [Secret channel]. Moscow, Geia Publ., 1997. 318 p. (In Russian).
8. Kremer I.S. *FRG: etapy «vostochnoi politiki»* [The FRG: the stages of the "Eastern policy"]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1986. 220 p. (In Russian).
9. Maksimychev I.F. *Rossiiia-Germaniia. Voina i mir. Ot mirovykh voin k evropeiskoi bezopasnosti* [Russia-Germany. War and Peace. From world wars to European security]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2014. 512 p. (In Russian).
10. Miliukova V.I. *Otnosheniia SSSR-FRG i problemy evropeiskoi bezopasnosti* [Relations between the USSR and Germany and the problems of European security]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 302 p. (In Russian).
11. Novik F.I. *SSSR-FRG: problemy sosushchestvovaniia i sotrudnichestva, 1975-1986* [USSR-Germany: problems of co-existence and cooperation, 1975-1986]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 244 p. (In Russian).
12. Pavlov N.V., Novikov A.A. *Vneshniaia politika FRG ot Adenauera do Shredera* [Foreign policy of Germany from Adenauer to Schroeder]. Moscow, Moskovskie uchebniki – SiDiPress Publ., 2005. 605 p. (In Russian).
13. Rakhmanin Iu.N. *Problema evropeiskoi bezopasnosti: istoricheskii opyt ee resheniia* [The problem of European security: the historical experience of its solution]. Moscow, Mysl' Publ., 1977. 349 p. (In Russian).
14. Rakhmanin Iu.N. *Soveshchanie po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope* [Conference on Security and Cooperation in Europe]. *Evropa KhKh veka: problemy mira i bezopasnosti* [Europe of the Twentieth Century: Problems of Peace and Security] / Ed. by A.O. Chubar'ian. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1985. Pp. 167-181. (In Russian).
15. *Sovetsko-amerikanskii otnosheniia. Gody razriadki 1969-1976* [Soviet-American relations. The years of detente 1969-1976]. Vol. 1. 1969 –1972. Book. 1. 1969-1971. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2007. 726 p. (In Russian).
16. Falin V.M. *Bez skidok na obstoiatel'stva. Politicheskie vospominaniia* [Without discounts on circumstances. Political memories]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 1999. 456 p. (In Russian).
17. Filitov A.M. *Treugol'nik Moskva – Vashington – Bonn v kontse 60-kh – nachale 70-kh gg. KhKh veka* [Triangle Moscow – Washington – Bonn in the late 60's – early 70's. XX century]. *Voprosy istorii*, 2015, no. 12, pp. 98–113. (In Russian).
18. Filitov A.M. *SSSR, FRG i chekhoslovatskii krizis* [USSR, Germany and the Czechoslovak Crisis]. *1968 god. «Prazhskaia vesna» Istoricheskaia retrospektiva* [1968. "Prague Spring" Historical retrospective]. Ed. by T.V. Volokitina, G.P. Murashko, A.S. Stykalina. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2010. Pp. 204–227. (In Russian).
19. Filitov A.M. *Treugol'nik Moskva – Berlin – Bonn i politika evropeiskoi razriadki v 1969–1970 gg* [Triangle Moscow – Berlin – Bonn and the policy of European detente in 1969-1970]. *Voprosy istorii*, 2017, no. 1, pp. 83–96. (In Russian).
20. Allardt H. *Moskauer Tagebuch*. Düsseldorf, Suhrkamp Publishers, 1980. 222 p. (In German).

21. Bahr E. *Zu meiner Zeit*. München, Süd-deutscher Verlag, 1983. 48 p. (In German).
22. Bender P. *Neue Ostpolitik. Vom Mauerbau zum Moskauer Vertrag*. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1986. 289 p. (In German)
23. Hanhimäki J.M. Détente in Europe. *The Cambridge History of the Cold War*. Vol. 2. London, Cambridge University Press, 2010. Pp. 198-250.
24. Jarzāmbek W. "Ulbricht-Doktrin" oder "Gomulka-Doktrin"? Das Bemühen der Volksrepublik Polen um eine geschlossene Politik des kommunistischen Blocks gegenüber der westdeutsche Ostpolitik 1966/67. *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2006. H. 1. S. 79–115. (In German).
25. Link W. Die Entstehung des Moskauer Vertrages im Lichte neuer Archivalien. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 2001, 2. Heft, S. 295-315. (In German).
26. Loth W. *Die Rettung der Welt. Entspannungspolitik im Kaltem Krieg*. Frankfurt am Main, Campus Verlag, 2016. 375 S. (In German).
27. Mökli D. *European Foreign Policy during the Cold War: Heath, Brandt, Pompidou and the Dream of Political Unity*. London, I.B.Tauris & Co Ltd., 2009. 488 p.
28. Niedhardt G. Transformation through Commucation and the Quest for Peaceful Change. *Journal of Cold War Studies*, 2016, vol. 18, no. 3, pp. 27–28.
29. Niedhart G. *Entspannung in Europa. Die Bundesrepublik Deutschland und der Warschauer Pakt 1966 bis 1975*. München, De Gruyter Oldenbourg, 2014. 131 S. (In German).
30. *Origin of European Security System: The Helsinki Process Revisited, 1969-1975*. Ed. by Wenger A., Mastny V., Nuenlist Ch. London, Routledge Publ., 2008. 276 p.
31. *Perforating the Iron Curtain: European Détente, Transatlantic Relations, and the Cold War 1965-1985*. Ed. by Villaum P., Westad O.A. Copenhagen, 2010. 272 p.
32. Sarotte M.E. *Dealing with the Devil: East Germany, Détente and Ostpoitik, 1969-1973*. New York, The University of North Carolina Press, 2001. 320 p.
33. Sodaro M.J. *Moscow, Germany and the West from Khrushchev to Gorbachev* [Moscow, Germany and the West from Khrushchev to Gorbachev]. Itaca, NJ, Cornell University Press, 1990. 456 p.
34. *The Making of Détente: Eastern and Western Europe in the Cold War. 1965-75*. Ed. by Loth W., Soutou G.-H. London, Routledge Publ., 2008. 272 p.
35. Thomas D.C. *The Helsinki Effect. International Norms, Human Rights and the Demise of Communism* [The Helsinki Effect. International Norms, Human Rights and the Demise of Communism]. Princeton Publ., 2001. 320 p.

About the author:

Alexey M. Filitov – Doctor of History, Chief Research Associate, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Professor in Russian State University for Humanities (RGGU), 119334, Moscow, Russia, Leninski Prospekt 32 a.

БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗВИТИЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД И ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

А.Д. Урсул

Факультет глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова.

В статье анализируются проблема и процесс секьюритизации в контексте взаимосвязи безопасности и развития, а также преобразование и расширение понятия безопасности в междисциплинарно-глобальном ракурсе. Концепция устойчивого развития объединяет в единую систему безопасность и изменение (прогрессивное развитие) цивилизации в условиях сохранения окружающей среды. Устойчивое развитие в широком смысле видится как наиболее безопасный тип эволюции, который снижает до приемлемого уровня любые негативные воздействия на цивилизацию и биосферу с целью их сохранения и коэволюции. Проведённое автором исследование показывает, что достижению Целей устойчивого развития препятствует отсутствие в их перечне цели обеспечения международного мира и безопасности в глобальном измерении. Ожидается, что в будущем мире большинство видов безопасности, включая национальную и глобальную, будут обеспечиваться не столько через защиту, сколько через устойчивое развитие. Это обстоятельство требует систематического обновления и совершенствования теоретической базы концепции устойчивого развития. Предполагается становление двух интегративных областей научного знания: глобальной секьюритологии и секьюритологической глобалистики.

Ключевые слова: безопасность, глобализация, глобалистика, глобальные процессы, глобальная безопасность, развитие, связь безопасность – развитие, секьюритизация, секьюритология, устойчивое развитие.

Глобальный кризис антропогенного происхождения, угрожающий человеческой цивилизации, усиливается в результате обострения мировых проблем и других негативных социальных и социоприродных процессов [10, с. 6–12, 34, с. 139–146]. Угрозы и опасности обрели общепланетарный характер и масштаб (что, например, демонстрирует экологическая проблема) и уже невозможно выйти из общецивилизационного кризиса без широкого использования новых способов и механизмов обеспечения безопасности цивилизации.

До недавнего времени развитие и безопасность рассматривались как отдельные направления теоретических исследований, исходя из предположения, что развитие и обеспечение безопасности – это два самостоятельных процесса, представляющих относительно независимые экзистенциально-деятельностные сферы. Однако появление в отечественной и зарубежной литературе ряда публикаций [2, 3, 19, 21, 33, 35, 36, 37, 39, 41, 44, 45] свидетельствует о том, что в ходе междисциплинарных поисков научное сообщество начало осознавать их имманентную взаимосвязь.

Важно понять, объяснить и предвидеть трансформации и распространение понятия «безопасность» в пространстве научного знания и выявить его связь с понятием «развитие», которое гораздо раньше появилось и шире используется. Не менее важно в междисциплинарно-глобальном ракурсе выявить основания, лежащие в фундаменте экспансии проблемы и понятия «безопасность» в пространстве научного знания и значение объединения с понятием «развитие» в концепции устойчивого развития. Кроме того, наблюдается глобализация понятия «безопасность»; оно включается в глобальные исследования и на этом пути открываются возможности становления новых областей глобального направления науки.

Безопасность в самом широком смысле характеризует устойчивый способ бытия того или иного объекта, сохранение его в условиях внутренних и внешних негативных воздействий. Обеспечение безопасности выражает возможность и способность объекта к самосохранению и дальнейшей эволюционной самоорганизации при негативных воздействиях, угрозах и опасностях [21, с. 52–56]. Безопасность всегда ориентирована на сохранение объекта, а развитие – на его изменение. Но сохранение и изменение – это самые общие экзистенциальные характеристики материи (материальных систем), которые имеют прямое отношение к обсуждаемой здесь проблеме. Взаимосвязь «прогрессивных инноваций» и «позитивной преемственности» проявляется и в переходе к устойчивому развитию, причём уже наименование этого типа развития включает в себя взаимосвязь упомянутых выше характеристик (принципов) эволюции.

Исследование взаимосвязи этих принципов в различных областях привело к выводу о том, что должна быть определённая мера между развитием и безопасностью систем на самых различных уровнях [24, 27, 35]. В англоязычной литературе пока наиболее близкий по смыслу термин именуют «связка безопасность – развитие» (*security – development nexus*) [2, 3, 41, 42, 43, 45]. Однако «связка» как

термин выражает лишь взаимосвязь понятий «развитие» и «безопасность», а понятие «мера» претендует, сверх того, на их имманентную взаимосвязь и даже оптимальное соотношение. Автор статьи иногда использует также понятие системы «развитие – безопасность».

Эта мера (в философском смысле) определяет способность той или иной системы к максимально возможному поступательному развитию при необходимой и достаточной степени обеспечения её целостности и безопасности. С этих позиций предпочтение отдаётся эволюционным процессам, в которых «гарантируется» безопасность социальной или социоприродной системы в определённом достаточно узком коридоре, именуемом «коридором безопасности». При этом наиболее безопасной оказывается система, обладающая способностью к самосохранению на базе поступательного развития, а оно реализуется только в случае, если происходит в коридоре безопасности.

Безопасность как проблема возникает в основном тогда, когда упомянутая мера нарушается и необходимо тратить больше ресурсов (энергии, усилий, финансов и т.п.) на обеспечение безопасности, поскольку она становится приоритетной для выживания конкретной системы. Поэтому существуют объективные основания и условия возникновения проблемы безопасности в ходе жизнедеятельности того или иного социального организма (системы). Если субъект обеспечения безопасности адекватно осознаёт эту проблему, ему необходимо принимать соответствующие меры по её обеспечению.

Попытка поставить и исследовать эту проблему была предпринята копенгагенской школой международных отношений в рамках теории секьюритизации [34]. В этой теории, вызвавшей оживлённую дискуссию в зарубежной и отечественной литературе, секьюритизация рассматривается как деятельность по искусственному дискурсивному формированию угроз безопасности.

Рассмотрим значение термина «секьюритизация» (от англ. *security*) в исследованиях проблем безопасности. Хотя в отечественной литературе, в отличие от англоязычной, этот термин пока не стал общепринятым, есть попытка называть общую науку о безопасности секьюритологией [32].

Теория секьюритизации утверждает, что любая проблема, которую предполагается трансформировать в проблему безопасности, для начала подлежит обсуждению в широкой аудитории с привлечением к ней различных политических сил. Тем самым запускается процесс секьютеризации: значимость проблемы существенно возрастает, сама проблема обретает статус угрозы, для противодействия которой признаётся правомерность любых чрезвычайных мер, прежде всего, со стороны государства. Чаще всего этот процесс инициирует именно государство.

Теория секьюритизации породила или только укрепила мнение о том, что проблемы безопасности не носят объективного характера и в основном или даже целиком зависят от субъективного фактора. Высказывается точка зрения, что никаких объективных критериев, позволяющих отделить вопросы безопас-

ности от всех остальных, не существует, что практически любая актуальная политическая проблема может интерпретироваться как проблема безопасности. Впрочем, субъективно-деятельностное видение безопасности предлагалось и ранее, до появления теории секьюритизации [18].

Как следует из теории секьюритизации, деятельностная интерпретация проблемы безопасности происходит на основе субъективных факторов и оснований, которые могут быть ложными (примеры: война в Ираке, обвинение России администрацией Обамы в кибератаках и т.п.). Поэтому появление той или иной проблемы безопасности можно считать субъективно-объективным деятельностным процессом.

В связи с тем, что в последнее время происходит умножение угроз и опасностей, то не столько по субъективным, а гораздо больше по объективным причинам растёт число соответствующих проблем и понятие безопасности эволюционирует в самых разных направлениях. Можно сказать, что речь идёт об объективной тенденции «секьюритизации» как реальном росте проблем безопасности в современной модели неустойчивого развития. Происходят и качественные трансформации, и количественное увеличение фрагментов реальности и объектов, которые вовлекаются в научные исследования в контексте безопасности и до тех пор, пока цивилизационный процесс не трансформируется в устойчивое развитие, какого-то предела здесь заранее установить невозможно.

Благодаря этой «расширительной» тенденции секьюритизации стали возникать ранее не существовавшие особые понимания безопасности в пространстве научного знания. Очевидно, что в основе подобного тренда лежит рассмотренная выше взаимосвязь развития и безопасности. Этот процесс экспансии проблем безопасности и повышения их роли в современном неустойчивом глобальном мире (и науке в целом), имеющий объективные основания, можно называть процессом секьюритизации в его самом широком смысле.

Важно обратить внимание и на значения другого термина – «развитие». Так, в докладах руководства ООН встречается тезис, что «нет безопасности без развития, как и развития без безопасности»¹. Нужно иметь в виду, что в данном случае имеет место упрощённое понимание этого термина, принятое в западной литературе, как поступательного социально-экономического развития, либо даже ещё более узко, как экономического роста. В ряде публикаций западных авторов в области международных и мирополитических исследований понятие «развитие» понимается ещё более узко – в смысле помощи развивающимся странам либо как содействия международному развитию [1, 2, 3]. Впрочем, достаточно специфическое видение развития характерно не только для западных, но и для отечественных авторов, например, в ряде публикаций по национальной безопасности [15, 17].

¹ UN Report of the Secretary General. In Larger Freedom: Towards Development, Security and Human Rights for All. General Assembly, 59th Session, UN Doc. A/59/2005, 21 March. New York. 2005. P. 5.

Развитие в философском смысле – векторное, или направленное (и, как правило, необратимое) изменение содержания объекта (прогресс, регресс и т.п.); по сути, это синоним эволюции в широком смысле [8, с. 27–28]. Безопасность даже в традиционной «силовой» её интерпретации не совместима с регрессивной ветвью развития, поскольку обеспечивается только за её пределами. Поэтому важно обращать внимание на смысл не только понятия «безопасность», но и понятия «развитие»; оба эти понятия, особенно в конкретной области, необходимо употреблять в одинаковом смысле.

Поскольку существует неразрывная взаимосвязь «безопасность – развитие», то имеет место и встречный процесс, получивший в западных публикациях наименование «девелопментализация безопасности» (наряду с «секьюритизацией развития»). Использование терминов «девелопментализация» и «секьюритизация» здесь вынужденное, в русском языке аналогичных по содержанию терминов не существует, а при попытке их создать получается нечто ещё менее приемлемое в редакционном плане.

При узком (например, в «силовом варианте») понимании безопасность фактически отделяется от развития, которое понимается в основном как прогрессивное движение. В деятельности силовых структур основное внимание уделяется проблеме обеспечения национальной или других видов безопасности, а проблема развития (социально-экономического и иных форм) остаётся вне поля зрения, т.к. она оказывается в компетенции других государственных и общественных структур. По этой причине исследования в области безопасности (*security studies*) и исследования в области развития (*development studies*) проводились в значительной степени параллельно и практически без связи друг с другом.

Выявленная взаимосвязь между развитием и безопасностью требует мульти- и междисциплинарного синтеза этих областей научного поиска. В свете изложенного выше, в связи с тем, что понятие безопасности связано с сохранением любой системы (во всяком случае, в биологическом и социальном смысле), вопросы безопасности существуют (и уже выявляются) практически в очень многих сферах деятельности. И это видно по тем проблемам, которые в растущей степени затрагивают вопросы обеспечения экологической, энергетической, продовольственной, информационной, образовательной и многих других сфер безопасности: насчитывается уже не один десяток ее видов или особенных форм. Ещё несколько десятков лет назад многие сферы деятельности не были связаны с обеспечением безопасности, а теперь ситуация кардинально изменилась, и это требует не только осознания новых форм опасностей и угроз, но и предотвращения причин их появления, создания инновационных систем обеспечения безопасности, в особенности в связи с переходом к устойчивому развитию (УР).

Ещё в первом обстоятельном научном обосновании концепции устойчивого развития – широко известной книге «Наше общее будущее» – было дано

определение понятия УР, которое стало почти общепринятым. Оно обращено к будущему: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [14: с. 59]. Здесь также сформулирована основная цель перехода к устойчивому развитию: выживание и обеспечение существования человечества на будущие неопределённо долгие времена.

Сохранение биосферы и коэволюция с ней цивилизации должны будут создать те базовые условия и перспективы, которые сформируют совершенно новую систему «общество – природа», реализующую стратегию устойчивого развития. Это должно обеспечить наше общее будущее на планете, а в космической перспективе – и за её пределами. Сохранение биосферы планеты Земля также является одной из основных целей перехода к устойчивому развитию.

Как видим, решение этого вопроса связано с изменением способов обеспечения безопасности как отдельного объекта, так и всех объектов (и субъектов) в уникальной системе биосферы Земли. Причём необходимость смены основного «механизма» обеспечения безопасности напрямую связана с изменением способа взаимодействия общества и природы при переходе к устойчивому развитию [22, 23, 26, 27, 28]. Это также пример того, как уже на глобальном уровне изменяется взаимосвязь (мера) безопасности и развития, обеспечивая дальнейшее существование цивилизации.

Выживание человечества и сохранение биосферы под натиском деструктивных глобальных процессов в перспективе должно разворачиваться через общепланетарный переход к устойчивому развитию. В этом случае на смену преобладающим регрессивным глобальным процессам эволюции придёт позитивно ориентированное глобальное развитие, каким сейчас в идеале видится переход к устойчивому развитию. Этот переход призван, прежде всего, разрешить обостряющееся противоречие между растущими потребностями мирового сообщества и невозможностью биосферы обеспечить эти потребности².

Стратегия этого типа развития как нарождающегося системно-эволюционного позитивного движения к глобальной устойчивости предусматривает не только обретение человечеством целостности в ходе глобализации, но также предотвращение и защиту от традиционных и новых глобальных (а в перспективе и космических) опасностей и угроз. Поэтому принятие мировым сообществом стратегии перехода к устойчивому развитию – это особый и наиболее важный пример своего рода глобальной «секьюритизация развития». Если переход к устойчивому развитию обеспечивает решение экологической и других глобальных проблем, то поворот вектора глобализации на цели этого развития будет способствовать выживанию цивилизации и сохранению биосферы [19; 20; 22; 25].

² Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента РФ № 440 от 01.04.96 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 15. Ст. 1572.

Как отмечается [30, с. 438–445], в перечень недавно принятых Целей устойчивого развития (ЦУР) не вошло в качестве самостоятельной цели обеспечение мира и международной безопасности в существенно большем объёме, чем это предусматривает Цель №16 («Содействовать созданию мирных и свободных от социальных барьеров обществ в интересах устойчивого развития, обеспечивать доступ к правосудию для всех и создавать эффективные, подотчётные и основанные на широком участии учреждения на всех уровнях»³).

Именно цель обеспечения мира и международной безопасности стала предметом наиболее продолжительных и ожесточённых дебатов в рамках Открытой рабочей группы Генеральной Ассамблеи ООН по целям в области устойчивого развития. В ходе дебатов высказывалась точка зрения, что Генеральная Ассамблея ООН, где будут обсуждаться ЦУР – не место для обсуждения проблем мира и безопасности, поскольку данные вопросы правильнее ставить в СБ ООН. Высказывались и другие мнения (контраргументы) в пользу того, чтобы не включать проблемы мира и безопасности в качестве одной из целей перехода к УР [1, с. 14–19].

Между тем уже в первом докладе Целевой группы ООН по задачам развития на период после 2015 г. «Превращая в реальность будущее, которого мы добиваемся для всех»⁴, опубликованном в июне 2012 г., были предложены четыре основных измерения глобального видения стратегии устойчивого развития: всестороннее социальное развитие; экологическая устойчивость; всестороннее экономическое развитие; поддержание мира и глобальной безопасности.

В последние годы всё чаще высказывается идея расширения «деятельностной» базы (системы) УР, введения значительно большего числа измерений – направлений деятельности. Многие учёные отмечают узость принятого ранее трёхкомпонентного подхода к УР и предлагают преобразовать его во всеобъемлющую теорию [43, с. 14–46]. Известный американский учёный Р. Кейтс также полагает, что нынешняя концепция устойчивого развития нуждается в дальнейшем расширении и развитии [40, с. 24–36].

Проблему расширения измерений в системе УР обсуждал и автор статьи [25]. Думается, что «треугольник» экономики, социальной сферы и экологии может трансформироваться не только в «квадрат устойчивого развития», а в многоугольник со всё увеличивающимся числом вершин. По сути, речь идёт о новом, более кардинальном системном подходе в трактовке глобальной устойчивости. На наш взгляд, наступает принципиально новый этап видения грядущей «устойчивой революции», поскольку первым можно считать принятие стратегии самого перехода от нынешнего неустойчивого цивилизационного развития к устойчивому развитию как общемировому процессу.

³ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. 46 с. // URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015> (дата обращения: 14.03.2017).

⁴ Превращая в реальность будущее, которого мы добиваемся для всех // URL: http://www.un.org/en/development/desa/policy/untaskteam_undf/unttreport_ru.pdf (дата обращения: 14.03.2017).

В связи с вышеупомянутыми попытками расширения концепции и стратегии устойчивого развития уместно обратить внимание на то, что при таком дополнении следует исходить из общих «деятельностных» оснований классификации «измерений» УР, что далеко не всегда имеет место. Но это уже отдельная проблема исследования концепции устойчивого развития, выходящая за рамки статьи, и она связана с разработкой критериев и индикаторов этого типа развития [25].

Измерение, касающееся мира и безопасности, на взгляд автора, важнее всех прочих. Ведь как отмечается в уже упомянутом докладе «Превращая в реальность будущее, которого мы добиваемся для всех», не менее одной пятой населения мира живёт в странах, страдающих от насилия, политических конфликтов, нестабильности и социальной уязвимости. Причём в странах с высоким уровнем насилия или уязвимости не достигнута ни одна из ранее принятых Целей развития тысячелетия.

Однако в ходе предварительных дебатов реализовать четырёхмерное видение УР не удалось. Все цели по-прежнему распределены по «обычным» трём измерениям, которые акцентируют внимание на развитии, а не на безопасности. Взаимосвязь (мера) безопасности и развития существенно нарушена в ЦУР, что ставит под угрозу их успешную реализацию.

Между тем в первой статье Устава ООН сказано, что эта международная организация преследует цель поддержания международного мира и безопасности и должна принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру⁵. Поэтому проведённые дискуссии по поводу ЦУР, в ходе которых выдвигались несущественные и конъюнктурные соображения отдельных стран или их коалиций отнюдь не в пользу всеобщего мира и глобальной безопасности, представляются далёкими от желания создавать мирные условия для эффективного глобального перехода к УР. При этом на протяжении всей 70-ой сессии Генассамблеи ООН, в которую был включён саммит по УР, многие лидеры государств говорили, что устойчивое развитие невозможно без мира и обеспечения безопасности.

Однако итог дискуссии показал, что осознание этого факта странами-членами ООН ещё не приобрело необходимого масштаба и общепланетарного уровня. Сиюминутные, зачастую не существенные либо надуманные «контраргументы» отдельных стран против включения проблем мира и глобальной безопасности в число измерений ЦУР оказались важнее общего устойчивого будущего, выживания человечества. Современное «глобальное сознание» человечества как единого целого, которое в какой-то форме демонстрирует ООН, ещё находится на начальном уровне становления и идеи устойчивого развития фактически там занимают периферийное место.

Невольно складывается впечатление, что к переходу на путь устойчивого развития с точки зрения обеспечения безопасности мировое сообщество было

⁵ Устав ООН.

готово в большей степени после Второй мировой войны, во времена формирования и начала функционирования ООН, чем в годы подготовки и принятия Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г. Но в середине прошлого века ещё не было идеи устойчивого развития, а теперь есть даже стратегия «устойчивого перехода», но нет должного осознания имманентной взаимосвязи развития и безопасности.

Вместе с тем проблемы расширения «фазового пространства» измерений УР и выработки индикаторов тесно связаны с формированием глобального управления. Под глобальным управлением можно понимать, согласно А.Д. Богатурову, «...процесс, в ходе которого, в отсутствие верховной мировой власти, устанавливаются ясно выраженные цели для человечества в целом, а также происходит наднациональное вмешательство в общественную практику ради достижения этих целей» [4, с. 537]. Начиная с этого тысячелетия мировое сообщество через ООН стало формулировать цели своего будущего развития, вначале как Цели развития тысячелетия, а затем и как Цели устойчивого развития, тем самым активно участвуя в становлении глобального управления через нормативно-целевое прогнозирование.

Основная идея поворота глобальных процессов с участием человека на путь УР заключается в том, чтобы существенно уменьшить их негативные эффекты и усилить позитивные последствия, что возможно лишь с помощью нового вида управления, имеющего глобальное содержание и масштаб [5, 6].

В настоящее время важно сформировать такую концепцию, а затем и теорию глобальных процессов и систем, которая не просто описывает в глобальном ракурсе происходящие в мире объективные и стихийные процессы, но и направляет их в нужное для человечества прогрессивно-поступательное русло. При этом в отличие от теории международных отношений и мировой политики глобальные исследования акцентируют внимание не столько на трудностях становления глобального управления, сколько на идеальном образе будущего. Впрочем, такое прогностическое видение характерно для большей части глобальных исследований, особенно в связи с введением в их предметную область проблем устойчивого развития.

Новая концепция выживания и глобальной безопасности должна соединять в одно целое новый потенциально планетарный тип развития и безопасность мирового сообщества, т.е. благоприятствовать течению любых позитивных мировых и глобальных процессов через переход к УР как наиболее безопасному развитию [20, 23, 25]. Поэтому важно так соединить (прогрессивное) развитие и безопасность, чтобы они как можно меньше противоречили друг другу, создавали бы социальную и социоприродную системную среду, где обеспечение безопасности реализовывалось бы через устойчивое развитие с соблюдением оптимального соотношения (меры) между ними.

Эта идея в какой-то степени начала реализоваться на национальном уровне в России, например, в законе «О стратегическом планировании в Россий-

ской Федерации», в статье 18 которого сказано: «Концептуальные положения в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации основываются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости стратегии национальной безопасности Российской Федерации и стратегии социально-экономического развития Российской Федерации»⁶. Прочитанное положение было перенесено в данный закон из предыдущей Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.⁷ Нужно отметить, что в той Стратегии был сделан акцент на обеспечение безопасности через устойчивое развитие. Однако в новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁸, принятой пять с половиной лет спустя, обеспечение безопасности видится через защиту и устойчивое развитие, т.е. эти способы оказались в определённом смысле если не приравнены, то совмещены. И понятно почему: отдельно взятая страна не сможет обеспечить национальную безопасность через устойчивое развитие, когда другие страны к этому ещё не готовы и намерены продолжать обеспечивать свою безопасность традиционными способами. Пока наша страна и мировое сообщество в целом серьёзно не продвинулись по пути устойчивости, национальные цели и интересы необходимо в основном реализовать в ныне действующей модели неустойчивого развития (НУР).

Поэтому принципиально важно осознать положение о связи безопасности и развития, о необходимости обеспечения безопасности через УР всеми государствами планеты и прежде всего странами-членами ООН. На это важно обратить внимание в рекомендательных документах для этой организации, особенно связанных с переходом к устойчивому развитию.

При переходе к устойчивому развитию безопасность перестаёт быть одним из условий развития, как в модели НУР, а становится его необходимой составной частью. И наоборот: развитие, в данном случае нерегрессивное, оказывается неотъемлемым компонентом обеспечения безопасности, что получает своё выражение в формуле «безопасность через устойчивое развитие» [23, с. 46–54]. В будущей модели УР безопасность станет преимущественно обеспечиваться не благодаря защите, а через развитие. Причём это будет самоподдерживающееся сбалансированное, т.е. УР, которое не будет порождать и существенно умножать опасности, угрозы, негативные последствия и т.п. В новой модели цивилизационного процесса реализуются иные принципы и самого развития, и обеспечения безопасности государства, общества и личности, составляющие целостную и всё более гармоничную систему, способствующую сохранению человечества и природы.

Расширение понятия и концепции безопасности по пространству научного знания идёт многими путями, и один из них связан с процессами глобализации.

⁶ Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // URL: <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html> (дата обращения: 14.03.2017).

⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. // URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 14.03.2017).

⁸ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/133.html> (дата обращения: 14.03.2017).

Это подводит к осознанию существования проблемы безопасности каждого из глобальных процессов, а также способствует формированию понятия «глобальная безопасность». Но и сам процесс её обеспечения выступает как глобальный, так же как обеспечение безопасности каждого отдельно взятого процесса или системы.

Формирующийся глобальный мир всё больше наполняется новыми угрозами и опасностями общепланетарного масштаба, вызывающими глобальные кризисы, обостряющими мировые проблемы и даже ведущими к всеобщим катастрофам. Умножение вызовов, угроз и опасностей в ходе развёртывания глобальных процессов означает, что обеспечение безопасности во всех её формах и видах оказывается одной из главных общечеловеческих целей, ценностей и проблем XXI в., связанных с выживанием и дальнейшим развитием цивилизации [16, 23, 25].

Поскольку глобальные процессы и системы рассматриваются нами с выходом за пределы наиболее исследованных их форм, важно обратить особое внимание на то, что некоторые из них имеют преимущественно негативное, а другие – преимущественно позитивное содержание и направленность. Глобальные процессы либо ускоряют ход истории, либо его замедляют и даже ведут к глобальной катастрофе. Если такое случится, то независимо от того, чем это вызвано, устранять ужасающие последствия в общепланетарном масштабе будет некому. Именно эта особенность глобального измерения безопасности настоятельно требует превентивных действий, развития новых способов и технологий, которые позволили бы предотвратить разного рода глобальные угрозы и опасности. Именно поэтому в глобалистику и глобальные исследования необходимо вводить проблему связи развития и безопасности, которая обретает здесь свои когнитивные особенности.

Глобалистика в настоящее время представляет собой формирующуюся, пока в основном теоретическую, научную дисциплину, и вместе с тем – междисциплинарно-интегративное научное направление, акцентирующее внимание на изучении глобальных процессов и систем в их взаимодействии с человечеством [7, 9]. В узком смысле глобалистика изучает общемировые проблемы и глобализацию, или даже только глобализацию [31, с. 12–45], однако с этим трудно согласиться. Ведь процессы, составляющие в своей совокупности систему глобализации, изучают многие научные дисциплины: глобальная экономика, глобальная география, глобальная экология, глобальная история и т.д. Между тем глобальные исследования и глобалистика, объединяясь в единый «глобальный кластер» научного знания, обращаются к исследованию в глобальном измерении различных феноменов в их отношении к человеку и человечеству. Критерием разделения той или иной глобальной дисциплины от соответствующего направления (раздела) глобалистики выступает предметное поле, область научного поиска. Глобалистика акцентирует внимание на видении исследуемых объектов как потенциальных либо существующих общемировых фе-

номенов, а глобальные дисциплины продолжают расширять своё традиционное предметное поле, обретающее в современных условиях глобальный масштаб и измерение.

Также важно осознавать, что обеспечение глобальной безопасности не может быть сведено к обеспечению безопасности каждого глобального процесса и всей их совокупности. В ходе обеспечения безопасности в её глобальном измерении важно уделять внимание региональному, национальному, локальному уровням и т.п., поскольку угрозы и опасности, переходя с нижнего на более высокий уровень, могут интегрироваться и выступать в качестве триггерно-синергетического фактора, способного вызвать негативные последствия, в том числе и катастрофы, на глобальном уровне. Вместе с тем обеспечение глобальной безопасности потребует адекватного учёта взаимосвязи (системы) «безопасность – развитие» не только в пространственном отношении, но и в содержательно-деятельностном, прежде всего в том смысле, чтобы каждому направлению и сфере деятельности была гарантирована «своя» безопасность.

Поэтому по каждому из направлений глобализации должна формироваться соответствующая глобализационная безопасность: безопасность экономической глобализации, безопасность экологической глобализации и т.п. Причём глобальная безопасность не только складывается из совокупности различных видов и направлений глобализационной, но и представляет собой нечто целостное в системно-синергетическом ракурсе. Это требует координации и интеграции усилий мирового сообщества по формированию глобального управления, одной из важных задач которого является необходимость перевода глобализационных процессов на путь устойчивого развития.

Недостаточно просто направить глобализацию по траектории устойчивого развития, на что уже нацеливают ряд документов ООН: всё глобальное развитие, по крайней мере, в своей «антропогенной» части, должно реализовывать цели и принципы этого наиболее безопасного типа развития. Глобализация, транслируя универсалии и устанавливая различные связи в социуме, на этапе перехода к устойчивому развитию нуждается также в использовании механизмов глобального управления, имеющих общечеловеческую гуманистическую ориентацию. Это потребует координации и интеграции усилий мирового сообщества по формированию глобального управления. И хотя оно необходимо не только для реализации стратегии устойчивого развития, всё же одна из его основных функций будет связана с эволюционным движением к глобальной устойчивости.

Процесс глобализации науки развёртывается в самых различных направлениях, в частности, через расширение «глобального научного поля». Глобальные исследования уже формируются как особый научный кластер – глобальный кластер научного знания. Сюда можно добавить новое глобальное знание, когда ставится цель исследования какой-либо научной проблемы «в условиях глобализации» и это знание включается в структуру ещё не глобализированной в целом конкретной области науки.

Новое глобальное знание генерируется, помимо того, в отдельных областях знания, использующих термин «глобальный» в самых различных его значениях (даже в математике). В глобальных исследованиях этот термин используется в трёх основных значениях: 1) охватывающий весь земной шар, планету в целом как космический объект; 2) распространяющийся на Вселенную, всё мироздание в целом; 3) универсальная черта либо закон, характеризующие определённую совокупность исследуемых феноменов.

Ввиду множественности смыслов термина «глобальный» возникла проблема изучения и упорядочения этого «глобально-терминологического хаоса», однако это задача будущего научного поиска.

Рассмотренные выше взаимосвязи безопасности и глобальных процессов в их эволюции находят своё отражение в науке. Эти проблемы только начали изучаться, поэтому сейчас важно выяснить, какие направления и области науки могут и будут этим заниматься. Пока обсуждаемая проблематика не вписывается ни в одну из ныне существующих научных дисциплин и носит отчётливо выраженный не только мультидисциплинарный, но и интегративно-междисциплинарный характер. Поэтому следует ожидать усиления интегративных процессов между глобальными исследованиями и науками о безопасности, взаимного трансфера знаний из одних областей в другие, в результате которого появятся меж- и трансдисциплинарные исследования.

Упомянутые выше глобальные процессы можно разделить на уже реально существующие, актуальные, и потенциально глобальные (пример – устойчивое развитие), которые могут стать глобальными в будущем. Далеко не каждый международный или мирополитический процесс является даже потенциально глобальным, либо может стать таковым в далёком будущем. Если мировая политика и международные исследования акцентируют внимание на определённой области социальных процессов и лишь отчасти – социоприродных взаимодействий, то глобалистика – на всех вышеупомянутых глобальных процессах (но что касается природных процессов, то лишь в аспекте их взаимодействия с человеком и обществом). Глобалистика претендует на исследование гаммы глобальных процессов в таком широком ракурсе.

Ранее некоторые отечественные исследователи считали глобалистику и глобальные исследования синонимичными понятиями. Однако со временем стало очевидно, что глобалистика как область научного поиска представляет собой «концептуальное ядро» глобальных исследований, систему научного знания, изучающую глобальные процессы и системы, выявляя их законы и тенденции развития в отношении к существованию и развитию общества [7, 9, 38]. Объектом изучения глобалистики выступают не только глобализация и глобальные проблемы, но и ряд других глобальных систем и процессов, а её предметом – законы и тенденции эволюции глобальных феноменов в отношении их к человеку и всей цивилизации. Глобалистика, в отличие от глобальных исследований, это не просто область междисциплинарных либо мультидисциплинарных научных

исследований, «аттрактор», притягивающий к себе глобальные феномены, а отдельная научная дисциплина, знаменующая появление в науке специфических глобальных объектов (глобальные процессы и системы), использующая глобальный подход и комплекс методов, среди которых особое место занимают глобальное моделирование и системно-эволюционный способ исследования.

В отличие от междисциплинарной глобалистики, глобальные исследования носят мультидисциплинарный характер. Появляются работы, посвящённые различным новым исследовательским междисциплинарным направлениям самой глобалистики – политическая глобалистика, информационная глобалистика, образовательная глобалистика; таких направлений насчитывается уже более двух десятков [7, 38]. Так, например, при взаимодействии политических наук и глобальных исследований появился раздел глобалистики, изучающий глобальные политические процессы и формирование глобальной политической системы, с акцентом на проблемах глобального управления.

В свете вышеизложенного к списку междисциплинарных направлений глобалистики можно присоединить и «секьюритологическую глобалистику» и глобальную секьюритологию, а вот развернутся ли глобальные исследования в этих направлениях, покажет будущее.

В предварительном порядке можно предложить ориентировочную характеристику этой междисциплинарной области глобалистики. Секьюритологическая глобалистика – это раздел глобалистики, который претендует на исследование социальных и социоприродных глобальных процессов и систем в контексте проблемы безопасности и акцентирующий внимание на обеспечении глобальной и других видов безопасности через переход к устойчивому развитию.

В условиях умножения глобальных вызовов и угроз необходимо переходить от ликвидации чрезвычайных и иных негативных последствий антропогенной деятельности к предотвращению катастроф и превентивно-упреждающим мерам, что и предполагает движение к глобальной устойчивости. Одной из главных составляющих УР-преобразований (как деятельности по переходу к устойчивому развитию) должны стать опережающие решения и практические действия, которые позволяли бы, прежде всего, отодвигать экологическую и другие потенциальные глобальные катастрофы на более отдалённые времена, а со временем, на более высоком уровне цивилизационного развития – устранять угрозы и опасности.

Если в модели неустойчивого развития основное внимание уделяется «защитно-силовым» средствам, то в новой цивилизационной модели обеспечение безопасности должно достигаться в основном через поступательное развитие, консенсус, коэволюцию, опережающие решения и действия. При этом в новой модели также уменьшается (либо даже устраняется) раздвоение социальной деятельности на ту, которая занимается собственно развитием (созиданием, творчеством и т. д.) и обеспечением безопасности этой основной деятельности. В модели УР противоречие между обеспечением безопасности и развитием

постепенно разрешается в пользу устойчивого развития, которое становится безопасным во многих отношениях.

Без обеспечения связи развитие – безопасность достичь в полной мере Целей устойчивого развития будет достаточно проблематично. В ходе обсуждения и подготовки Целей устойчивого развития произошёл «перекос» в сторону развития в ущерб обеспечению мира и безопасности. Идея и концепция устойчивого развития в результате формирования ЦУР сильно деформированы и поэтому вряд ли можно надеяться на эффективное их выполнение.

Вполне вероятно, что при подведении итогов выполнения этих Целей, рассчитанных до 2030 г., будет констатирована неполная их реализация, особенно в зонах военных конфликтов и других чрезвычайных ситуаций. Такой неутешительный прогноз следует из того, что в принятых в 2015 г. ЦУР не была в должной мере поставлена цель обеспечения международного мира и глобальной безопасности.

Мировое сообщество, в том числе в силу теоретических недоработок стратегии УР, оказалось не подготовленным к этому процессу. Обеспечение глобального мира и безопасности едва ли не каждой цели необходимо было ввести, имея в виду не просто традиционное, но и более широкое понимание безопасности. Важно было осознать и принять в качестве «аксиомы», что безопасность и УР не просто имманентно взаимосвязаны, но и представляют единую целостную экзистенциально-эволюционную деятельностьную систему.

По сути, отказ от повышения уровня секьюритизации системы ЦУР означает, что устойчивое развитие на уровне ООН пока не осознаётся в качестве самого безопасного пути развития цивилизации, а лишь как «частично безопасное» развитие, т.е. безопасное в ряде некоторых направлений и сфер деятельности. Такое понимание нового типа развития обусловлено также и тем, что в качестве приоритетных выделена уже представляющаяся традиционной деятельностьная триада УР: экономика, экология и социальная сфера. Однако успешная реализация ЦУР уже требует дальнейшего расширения направлений и форм «устойчивого перехода», как минимум, до числа и уровня основных направлений глобализации, т.е. наиболее эффективно действующего комплекса глобализационных процессов. Без такого «глобального расширения» деятельностьного движения к «социобиосферной устойчивости» невозможно формировать оптимальные системы социальной и социоприродной глобальной безопасности. Предлагаемое расширение концепции УР будет вести и к обеспечению безопасности каждого из этих направлений в силу взаимосвязи между развитием и безопасностью.

По мнению автора, методологические упущения, возникшие при формулировании ЦУР, отчасти обусловлены тем, что с последнего десятилетия прошлого века серьёзно не обновлялась теоретическая база концепции устойчивого развития. Она осталась такой же, как во времена принятия этой новой стратегии выживания человечества. Почему-то в прежнем руководстве ООН (речь идёт о периоде, когда генсеком был Пан Ги Мун) возобладала точка зрения, будто тео-

ретические основы устойчивого развития уже созданы и теперь важна лишь их практическая реализация. Это была явная методологическая и организационная ошибка. Но даже выявленные трудности и неудачи в практической реализации стратегии УР не привели к выводу о назревшей необходимости совершенствования концептуальных основ устойчивого развития. К сожалению, в какой-то мере это также недоработка или даже «вина» современной науки в целом, которая пока должным образом не осознала важность глобального перехода к УР и продолжает по инерции прогнозировать будущее в основном в рамках модели неустойчивого развития.

Несмотря на упомянутые и другие упущения в осмыслении нашего общего глобального будущего, становится всё более очевидным, что формирование качественно нового – глобального уровня безопасности всего человечества во взаимодействии с природой будет происходить только через переход к УР в самом широком понимании. Это также следует из необходимости формирования нового социоприродного способа решения глобальных проблем при одновременном ослаблении негативных последствий глобализации [22, 26]. Новый способ взаимодействия общества и природы не только сможет обеспечить выживание цивилизации, но и станет определять стратегическую перспективу устойчивого развития человечества. Такая долговременная перспектива поступательного развития появится при качественно новом уровне и масштабе обеспечения безопасности – общепланетарном, в котором фокусируются и объединяются все существующие и исторически предшествующие уровни этого обеспечения, но уже в новой модели «устойчивой эволюции» цивилизации.

Список литературы

1. Бартенев В.И. Включение проблем мира, безопасности и качества управления в глобальную повестку дня устойчивого развития на период до 2030 г.: анализ хода и содержания международных переговоров // *Вестник международных организаций*. 2015. Т. 10. № 3. С. 7–32.
2. Бартенев В.И. Связка «безопасность – развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к контекстуализации // *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 3. С. 78–97.
3. Бартенев В.И. Секьюритизация сферы действия международному развитию: анализ политического дискурса // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2011. №3. С. 37–50.
4. Богатуров А.Д. Понятия и методология анализа // *Современная мировая политика: Прикладной анализ*. уч. пос. / под ред. Богатурова А.Д. М.: Аспект-Пресс, 2010. 592 с.
5. Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы. М.: Институт Европы РАН; Нестор-история, 2013. 100 с.
6. Глобальное управление: возможности и риски / под ред. В.Г. Барановского, Н.И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН. 2015. 314 с.
7. Ильин И.В., Урсул А.Д. Глобальные исследования и эволюционный подход. М.: Изд-во Московского университета. 2013. 568 с.
8. Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. М.: Изд-во Московского университета. 2012. 616 с.
9. Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобалистика и глобальные исследования. Глобальная революция в науке. Саарбрюкен: Диктус, 2014. 468 с.
10. Колин К.К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке // *Стратегические приоритеты*. 2014. № 1. С. 6–30.
11. Костин А.И. Глобальная безопасность // *Глобалистика. Энциклопедия* / под ред. И.И. Мазура, А.Н. Чумакова. М.: Радуга. 2003. С. 217–219.

12. Макарычев А.С. Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе // *Индекс безопасности*. 2008. Т. 14. № 4. С. 25–40.
13. Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 3. С. 24–35.
14. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию / пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 376 с.
15. Общая теория национальной безопасности: учебник / под ред. А.А. Прохожева. 2-ое изд. М.: РАГС, 2005, 344 с.
16. Подберёзкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. М.: МГИМО-Университет, 2016. 338 с.
17. Прохожев А.А. Человек и общество: законы социального развития и безопасности. М.: Академия, 2009. 410 с.
18. Рац М.В., Слепцов Б.Г., Копылов Г.Г. Концепция обеспечения безопасности. М.: Касталь, 1995. 88 с.
19. Романович А.Л. Развитие и безопасность. М.: Ступени, 2003. 386 с.
20. Романович А.Л., Урсул А.Д. Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). М.: Жизнь, 2006. 512 с.
21. Урсул А.Д. Взаимосвязь безопасности и развития в контексте универсального эволюционизма // *Национальная безопасность / notabene*. 2009. № 5. С. 51–64.
22. Урсул А.Д. Глобальные феномены и способы социоприродного взаимодействия // *Политика и общество*. 2013. № 12. С. 734–754.
23. Урсул А.Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // *Безопасность Евразии*. 2001. № 1. С. 45–68.
24. Урсул А.Д. Природа безопасности // *Безопасность Евразии*. 2008. №1. С. 85–104.
25. Урсул А.Д. Перспективы безопасного будущего: Направления разработки концепции устойчивого развития // *Национальная безопасность / notabene*. 2014. № 6. С. 856–873.
26. Урсул А.Д. Перспективы экоразвития. М.: Наука, 1990. 269 с.
27. Урсул А.Д. Устойчивое развитие и проблема безопасности // *Безопасность*. 1995. № 9. С. 58–65.
28. Урсул А.Д., Романович А.Л. Безопасность и устойчивое развитие (философско-концептуальные проблемы). М.: МГУК, 2001. 224 с.
29. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Грядущее человечества: гибель или бессмертие? // *Социодинамика*. 2013. № 3. С. 138–199.
30. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Цели устойчивого развития и вопросы безопасности // *Национальная безопасность / notabene*. 2016. № 4. С. 437–450.
31. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 3-е изд., доп. и пер. М.: Проспект, 2016. 448 с.
32. Ярочкин В.И. Секьюритология. Наука о безопасности жизнедеятельности. М.: Ось-89, 2000. 400 с.
33. Amer R., Swain A., Öjendal J. The Security-Development Nexus: Peace, Conflict and Development. London: Anthem Press, 2012. 228 p.
34. Buzan B., Wæver O., Wilde J. de. Security: a New Framework for Analysis. Boulder, London: LynnieRienner, 1998. 236 p.
35. Chandler D. The Security-Development Nexus and the Rise of Anti-Foreign Policy // *Journal of International Relations and Development*. 2007. Vol. 10. No. 4. Pp. 365–386.
36. Conflict, Peace, Security and Development: Theories and Methodologies. Ed. by Hintjens H., Zarkov D. London: Routledge, 2015. 324 p.
37. Hettne B. Development and Security: Origins and Future // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41. No 1. Pp. 31–52.
38. Ilyin I.V., Ursul A.D., Ursul T.A. Global Studies. Textbook. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2016. 288 p.
39. Jackson P. Handbook of International Security and Development. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. 475 p.
40. Kates R.W. with National Academies Committee on Facilitating Interdisciplinary Research. Facilitating Interdisciplinary Research, Washington DC: National Academy Press, 2005. 253 p.
41. McNeish J.-A., Lie J.H. S. Security and Development. New York: Berghahn Books, 2010. 159 p.
42. Mavrotas G. Security and Development. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. 246 p.
43. Ott K., Thapa P. Greifswald's Environmental Ethics. Greifswald: Steinbecker Verlag Ulrich Rose, 2003. 342 p.
44. Saliba-Couture Ch. Les liens entre sécurité et développement. De l'évidence à l'ambiguïté. Paris: L'Harmattan, 2012. 242 p.
45. Security and Development in Global Politics: Critical Comparison // Ed. by J. Spear and P. Williams. Washington D.C.: Georgetown University Press, 2012. 334 p.

Об авторе:

Аркадий Дмитриевич Урсул – д.филос.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик АН Молдавии, директор Центра глобальных исследований и профессор Факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51. E-mail: ursul-ad@mail.ru.

SECURITY AND DEVELOPMENT: INTERDISCIPLINARY APPROACH AND GLOBAL DIMENSION

A.D. Ursul

DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-141-160

Lomonosov Moscow State University

The article analyzes the problem and the process of securitization in the context of interconnection between security and development implicated in the concept of sustainable development. The concept combines in a single system the security and change (progressive development) of civilization and preservation of the environment. Sustainable development in the broadest sense is seen by the author as the safest type of evolution, which reduces to an acceptable level any negative effects on civilization and the biosphere for the purpose of their conservation and co-evolution. The article shows that due to systemic interconnection of development and security, the goals of sustainable development will not be achieved, because they do not include a goal of international peace and security on a global scale. The opposite is also true: most types of security, including national and global security, could be achieved not through means of defense but through the most secure type of development, i.e. sustainable development. This fact requires systematic updating and improving the theoretical basis of the concept of sustainable development. The author initiates the formation of two new integrative areas of scientific knowledge: «global securitology» and «security globalistics».

Key words: development, globalization, globalistics, global security, securitization, security-development nexus, security globalistics; sustainable development.

References

1. Bartenev V.I. Vkluchenie problem mira, bezopasnosti i kachestva upravleniia v global'nuu povestku dnia ustoichivogo razvitiia na period do 2030 g.: analiz khoda i sodержaniia mezhdunarodnykh peregovorov [Inclusion of problems of peace, security and quality of governance in the global sustainable development agenda for the period up to 2030: analysis of the course and content of international negotiations]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2015, vol. 10, no. 3, pp. 7–32. (In Russian).
2. Bartenev V.I. Sviazka «bezopasnost' – razvitie» v sovremennykh zapadnykh issledovaniakh: ot dekonstruktsii k kontekstualizatsii. [“Security – development nexus” in western bibliography from deconstruction to contextualization]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2015, vol. 13, no. 3, pp. 78–97 (In Russian).
3. Bartenev V.I. Sek'iurizatsiia sfery so-deistviia mezhdunarodnomu razvitiu: analiz politicheskogo diskursa. [Securitization of international development aid: political discourse analysis]. *Vestnik me-*

- zhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaia ekonomika, 2011, no. 3, pp. 37–50 (In Russian).
4. Bogaturov A.D. *Poniatiia I metodologiya analiza. Sovremennaya mirovaya politika: Prikladnoi analiz. Uchebnoe posobie*. [Concepts and analysis methodology. Contemporary World Politics: Applied Analysis]. Ed. by A.D. Bogaturov. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2010. 592 p. (In Russian).
5. *Global'noe upravlenie v XXI veke: innovatsionnye podkhody* [Global governance in the XXI century: innovative approaches]. Moscow, Institut Evropy RAN; Nestor-istoriia, 2013. 100 p. (In Russian).
6. *Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski* [Global Governance: Opportunities and Risks]. Ed. by V.G. Baranovskii, N.I. Ivanova. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2015. 314 p. (In Russian).
7. Il'in I.V., Ursul A.D. *Global'nye issledovaniia i evoliutsionnyi podkhod* [Global studies and evolutionary approach]. Moscow, Moskovskiy universitet Publ. 2013. 568 p. (In Russian).
8. Il'in I.V., Ursul A.D., Ursul T.A. *Global'nyi evoliutsionizm: Idei, problemy, gipotezy* [Global evolutionism: Ideas, problems, hypotheses]. Moscow, Moskovskiy universitet Publ. 2012. 616 p. (In Russian).
9. Il'in I.V., Ursul A.D., Ursul T.A. *Globalistika I global'nye issledovaniia. Global'naia revoliutsiia v nauke* [Globalistics and global studies. Global Revolution in Science]. Saarbrücken, Diktus Publ., 2014. 468 p. (In Russian).
10. Kolin K.K. *Global'nye ugrozy razvitiu tsivilizatsii v XXI veke* [Global threats to the development of civilization in the XXI century]. *Strategicheskie priority*, 2014, no. 1, pp. 6–30 (In Russian).
11. Kostin A.I. *Global'naya bezopasnost'* [Global security]. *Globalistika. Entsiklopediia*. Ed. by I.I. Mazur, A.N. Chumakov. Moscow, Raduga Publ., 2003. Pp. 217–219 (In Russian).
12. Makarychev A.S. *Bezopasnost' I vozvrashchenie politicheskogo: kriticheskie debaty v Evrope* [Security and return policy: critical debate in Europe]. *Indeks bezopasnosti*, 2008, vol. 14, no. 4, pp. 25–40 (In Russian).
13. Morozov V.E. *Bezopasnost' kak forma politicheskogo: o sek'uritizatsii i politizatsii* [Security as a form of political issues: On securitization and politicization]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2011, no. 3, pp. 24–35 (In Russian).
14. *Our Common Future. World Commission on Environment and Development*. Oxford: Oxford University Press, 1987. 346 p.
15. *Obshchaya teoriia natsional'noi bezopasnosti* [General theory of national security]. Ed. by A.A. Prokhozheva. 2d ed. Moscow, RAGS Publ., 2005. 344 p. (In Russian).
16. Podberezkin A.I. *Strategiia natsional'noi bezopasnosti Rossii v XXI veke* [Strategy of National Security of Russia in the 21st century]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2016. 338 p. (In Russian).
17. Prokhozhev A.A. *Chelovek i obshchestvo: zakony sotsial'nogo razvitiia i bezopasnosti* [Man and society: social development and security laws]. Moscow, Akademiia Publ., 2009. 410 p. (In Russian).
18. Rats M.V., Sleptsov B.G., Kopylov G.G. *Kontseptsiiia obespecheniia bezopasnosti* [Security Concept]. Moscow, Kastal' Publ., 1995. 88 p. (In Russian).
19. Romanovich A.L. *Razvitie i bezopasnost'* [Development and security]. Moscow, Stupeni Publ., 2003. 386 p. (In Russian).
20. Romanovich A.L., Ursul A.D. *Ustoichivoe budushchee (globalizatsiia, bezopasnost', noosferogenez)* [Sustainable future (globalization, security, noospherogenesis)]. Moscow, Zhizn' Publ., 2006. 512 p. (In Russian).
21. Ursul A.D. *Vzaimosviaz' bezopasnosti i razvitiia v kontekste universal'nogo evoliutsionizma* [Relationship of security and development in the context of universal evolutionism]. *Natsional'naya bezopasnost'. Nota bene*, 2009, no. 5, pp. 51–64. (In Russian).
22. Ursul A.D. *Global'nye fenomeny i sposoby sotsioprirodnogo vzaimodeistviia* [Global phenomena and methods of socio-natural interactions]. *Politika i obshchestvo*, 2013, no.12, pp. 734–754 (In Russian).
23. Ursul A.D. *Obespechenie bezopasnosti cherez ustoichivoe razvitie* [Ensuring security through sustainable development].

- Bezopasnost' Evrazii*, 2001, no. 1, pp. 45–68 (In Russian).
24. Ursul A.D. Priroda bezopasnosti [The nature of security]. *Bezopasnost' Evrazii*, 2008, no. 1, pp. 85–104 (In Russian).
 25. Ursul A.D. Perspektivy bezopasnogo budushchego: Napravleniia razrabotki kontseptsii ustoichivogo razvitiia [Secure future prospects: towards the development of the concept of sustainable development]. *Natsional'naia bezopasnost' / nota bene*, 2014, no. 6, pp. 856–873 (In Russian).
 26. Ursul A.D. *Perspektivy ekorazvitiia* [Prospects eco-development]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 269 p. (In Russian).
 27. Ursul A.D. Ustoichivoe razvitie I problema bezopasnosti [Concept of the survival and sustainable development of civilization]. *Bezopasnost'*, 1995, no. 2, pp. 58–65 (In Russian).
 28. Ursul A.D., Romanovich A.L. *Bezopasnost' iustoichivoerazvitie (filosofsko-kontseptual'nyeproblemy)* [Security and sustainable development (philosophical and conceptual problems)]. Moscow, MGUK Publ., 2001. 224 p. (In Russian).
 29. Ursul A.D., Ursul T.A. Griadushchee chelovechestva: gibel' ili bessmertie? [Future of humanity: death or immortality?]. *Sotsiodinamika*, 2013, no. 3, pp. 138–199 (In Russian).
 30. Ursul A.D., Ursul T.A. Tseli ustoichivogo razvitiia I voprosy bezopasnosti [Goals of sustainable development and security questions]. *Natsional'naia bezopasnost' / nota bene*, 2016, no. 4, pp. 437–450 (In Russian).
 31. Chumakov A.N. *Globalizatsiia. Kontury tselostnogo mira*. [Globalization. Contours of a holistic world]. 3d ed. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 448 p. (In Russian).
 32. Iarochkin V.I. *Sek'iuritologiya. Nauka o bezopasnosti zhiznedeiate'nosti* [Securitology. Science of life security]. Moscow, Os'-89 Publ. 2000. 400 p. (In Russian).
 33. Amer R., Swain A., Öjendal J. *The Security-Development Nexus: Peace, Conflict and Development*. London, Anthem Press Publ., 2012. 228 p.
 34. Buzan B., Wæver O., Wilde J. de. *Security: a New Framework for Analysis*. Boulder, London, Lynnie Rienner Publ., 1998. 236 p.
 35. Chandler D. The Security-Development Nexus and the Rise of Anti-Foreign Policy. *Journal of International Relations and Development*, 2007, vol. 10, no. 4, pp. 365–386.
 36. Hintjens H., Zarkov D. *Conflict, Peace, Security and Development: Theories and Methodologies*. London, Routledge Publ., 2015. 324 p.
 37. Hettne B. Development and Security: Origins and Future. *Security Dialogue*, 2010, vol. 41, no 1, pp. 31–52.
 38. Ilyin I.V., Ursul A.D., Ursul T.A. *Global Studies. Textbook*. Saarbrücken, Lambert Academic Publ., 2016. 288 p.
 39. Jackson P. *Handbook of International Security and Development*. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 2015. 475 p.
 40. Kates R.W. with National Academies Committee on Facilitating Interdisciplinary Research. *Facilitating Interdisciplinary Research*. Washington DC, National Academy Press Publ., 2005. 253 p.
 41. McNeish J.-A., Lie J.H. S. *Security and Development*. New York, Berghahn Books Publ. 2010. 159 p.
 42. Mavrotas G. *Security and Development*. Cheltenham, Edward Elgar. 2011. 246 p.
 43. Ott K., Thapa P. *Greifswald's Environmental Ethics*. Greifswald, Steinbecker Verlag Ulrich Rose Publ., 2003. 342 p.
 44. Saliba-Couture Ch. *Les liens entre sécurité et développement. De l'évidence à l'ambiguïté*. Paris, L'Harmattan, 2012. 242 p.
 45. *Security and Development in Global Politics: Critical Comparison*. Ed. by J. Spear and P. Williams. Washington D.C., Georgetown University Press Publ., 2012. 334 p.

About the author:

Arkady D. Ursul – Doctor of Philosophical Science, professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, academician of the Academy of sciences of Moldova, Director of the Center for Global Studies and Professor of the Faculty of Global Processes, M.V. Lomonosov Moscow State University. 1, str. 51, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia. E-mail: ursul-ad@mail.ru.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ: ВЫЙТИ ИЗ КЛИНЧА

Н.И. Бубнова

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений РАН

В статье рассматриваются позиции новой администрации США в отношении контроля над вооружениями, анализируются стоящие в этой области проблемы и возможные пути их решения, сопоставляются высказывания Д. Трампа на эту тему с его общими взглядами по военно-политической проблематике и первыми шагами в данной области на посту президента, прогнозируется развитие российско-американских отношений в сфере ограничения и сокращения вооружений. Несмотря на высказываемые в последнее время сомнения в целесообразности контроля над вооружениями на современном этапе, на основе проведённого анализа делается вывод, что ограничение и сокращение вооружений представляют собой важнейшее условие обеспечения международной безопасности. Без подтверждения действующих соглашений и дальнейшего продвижения по этому пути будет разрушен договорно-правовой режим контроля над вооружениями и многократно возрастёт опасность военных конфликтов, в том числе с применением ядерного оружия. В связи с этим России желательно использовать все имеющиеся возможности для включения контроля над вооружениями в повестку дня двусторонних отношений и в инициативном порядке представить Вашингтону пакет предложений в данной области, учитывающих российские национальные интересы и специфику российских вооружений и способных стать основой будущих переговоров.

Ключевые слова: контроль над вооружениями, ограничение вооружений, безопасность, ядерные вооружения, противоракетная оборона, Д.Трамп, российско-американские отношения, новый договор СНВ, договор РСМД, кибербезопасность, нераспространение.

УДК 327, 327.37

Поступила в редакцию 10.02.2017 г.

Принята к публикации 17.04.2017 г.

Мнения экспертов о целесообразности контроля над вооружениями неоднозначны. Ряд ведущих специалистов по обе стороны океана выступили с тезисом, что такой контроль изжил себя, поскольку в настоящее время более актуальным становится обеспечение безопасности за счёт наращивания вооружений. В статье с красноречивым названием «Взаимное гарантированное сдерживание» С.А. Караганов пишет: «Ключом к успеху сегодня будет отказ от излишней заикливости на соглашениях о контроле над вооружениями, которые неоднократно доказывали своё бессилие. Вместо этого следует начать трудный, но критически важный трёхсторонний диалог о том, как можно повысить международную стратегическую стабильность. Все элементы безопасности, начиная с ядерного оружия и заканчивая вопросами кибербезопасности и политики, следует рассматривать с точки зрения конечной цели – укрепления взаимного, многостороннего сдерживания» [5].

Однако договорённости по контролю над вооружениями, как и предшествовавшие им двусторонние и многосторонние переговоры, не только затормозили гонку вооружений в космосе, предотвратили милитаризацию Антарктики, привели к сокращению на порядок ядерных вооружений, закрепили безъядерный статус десятков государств, но в эпоху биполярного противостояния и в последующий период делали действия противоположной стороны более понятными и предсказуемыми, создавали механизмы мониторинга, облегчали задачу предотвращения и урегулирования конфликтов, позволяли совместными усилиями купировать возникающие угрозы. На опасность разрушения договорно-правовой базы контроля над вооружениями указывают многие ведущие российские эксперты, такие как А.Г. Арбатов, В.З. Дворкин, В.И. Есин.

Кроме того, проведённые исследования свидетельствуют, что меры по сокращению ядерных вооружений коррелировали с продвижением в деле нераспространения оружия массового поражения: чем более интенсивно шёл процесс контроля над вооружениями, тем большую стабильность демонстрировал режим нераспространения.

Общее обострение российско-американских отношений оказало негативное влияние на сферу контроля над вооружениями, хотя представители российского руководства долгое время в своих заявлениях стремились вывести вопросы разоружения за рамки противостояния [3, с. 88–91]. Какие реальные совместные шаги могут быть предприняты в этой сфере с учётом смены американской администрации?

Позиция Трампа в пользу наращивания вооружений и проблема разоружения

Если бы внутривнутриполитическая обстановка в США не была так накалена, российско-американские отношения при Д. Трампе было бы легче начать с чистого листа в хорошем смысле слова. Однако ограничение вооружений, кон-

троль над вооружениями являются для нового американского президента *tabula rasa* в прямом смысле. Провозгласив лозунг «сделать Америку великой снова», Д. Трамп собирается значительно увеличить ассигнования на военное строительство и ещё до официального вступления в должность заявил о намерении «чрезвычайно усилить и расширить ядерный потенциал» США, «пока зарубежные страны не образумятся в отношении этого вида оружия»¹. Хотя впоследствии официальные представители Трампа пояснили, что американский лидер имел в виду не количественное увеличение ядерного арсенала, а «модернизацию сил сдерживания», и вообще речь шла о повышении безопасности хранения ядерного оружия, очевидно, что Трамп имел в виду ровно то, что сказано. Это подтвердилось после его вступления в должность представлением программы увеличения расходов на ядерное оружие сверх того триллиона долларов, который Б. Обама планировал истратить за тридцатилетний срок. А в телефонном разговоре с соведущей телевизионной программы канала *MSNBC* Микой Бжезински Дональд Трамп, по её словам, заявил следующее: «Если гонка вооружений, то пусть так. Мы возобладаем над ними на каждом витке, и нас хватит на дольше, чем их всех»².

В ходе избирательной кампании Д. Трамп никаких заявлений по поводу разоружения не делал. Наоборот, по свидетельству эксперта телеканала *MSNBC* Дж. Скарборо, ссылавшегося на советника Трампа по внешней политике, будущий президент задавался вопросом, почему США не используют ядерное оружие, если оно имеется в арсенале страны³. Сам Д. Трамп в интервью *MSNBC* заявил, что США могли бы применить ядерное оружие против террористов запрещённой в России организации «Исламское государство»: «Я ничего не исключаю. ИГ бьёт по вам, но вы не защищаетесь ядерным оружием? Зачем тогда вообще его создавать?»⁴

Особенно опасными такого рода высказывания предстают в свете отсутствия у президента-неофита политического опыта. Специалисты обращают внимание, что, судя по его высказываниям, Д. Трамп не знаком с понятием «стратегической триады» (включающей, как известно, стратегические бомбардировщики, межконтинентальные баллистические ракеты, подводные лодки с баллистическими ракетами), не знает разницы между «первым ударом» и «применением ядерного оружия первыми»⁵.

¹ Твиттер Д. Трампа. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/811977223326625792> (дата обращения: 22.12.2016).

² Pilkington E., Pengelly M. 'Let it be an arms race': Donald Trump appears to double down on nuclear expansion // *The Guardian*. 24.12.2016. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/23/donald-trump-nuclear-weapons-arms-race> (дата обращения: 20.06.2017).

³ Scarborough J. 'Morning Joe' Co-Host Says Donald Trump Asked Adviser Why US Can't Use Nuclear Weapons // *24/7 Live Streaming News*. 03.08.2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pjdL777SdEI> (дата обращения: 20.07.2017).

⁴ Windrem R., Arkin W. What Does Donald Trump Really Think About Using Nuclear Weapons? // *NBS News*. 28.09.2016. URL: <http://www.nbcnews.com/news/us-news/what-does-donald-trump-really-think-about-using-nuclear-weapons-n655536> (дата обращения: 20.06.2017).

⁵ Ibidem.

Показательно, что среди первых назначенцев Трампа нет специалистов в области ограничения вооружений. Зато в штаб-квартиру НАТО ещё до инаугурации были направлены члены переходной команды Трампа, которые, по данным СМИ, должны были побудить генерального секретаря альянса Й. Столтенберга к увольнению своего заместителя Р. Геттемюллер, до назначения в НАТО занимавшую в администрации Обамы пост заместителя государственного секретаря США по контролю над вооружениями и возглавлявшую американскую делегацию на переговорах по подготовке нового договора СНВ.

Проблема сокращения стратегических вооружений: возможность нового старта?

В интервью 16 января 2016 г. британскому изданию *The Times* и немецкой газете *Bild* Д. Трамп неожиданно заявил, что пойдёт на отмену некоторых санкций в отношении России, если ему удастся договориться с Москвой о существенном сокращении ядерных вооружений. «...Думаю, мы начнём с того, что ядерное оружие должно быть очень значительно сокращено»⁶, – сказал он. Скорее всего, это импровизация, но если бы на двусторонней основе удалось договориться во взаимовыязке отменить санкции и снизить ядерные арсеналы, это было бы решением *win-win*, игрой с ненулевой суммой, когда обе стороны выигрывают. Разумеется, российская сторона не пойдёт на ухудшение своей безопасности, которая – в условиях значительного американского преобладания в обычных вооружениях – в существенной мере опирается на «ядерное сдерживание». Однако ведущие российские специалисты считают, например, что снижение числа ядерных боеголовок на стратегических носителях на треть, до тысячи единиц, никоим образом не нанесло бы ущерба стратегической стабильности [2, с. 14, 37–39], но помогло бы снова запустить процесс ядерного разоружения, сделать его более привлекательным для третьих стран и параллельно сэкономить миллиарды долларов и рублей, столь необходимых каждой из двух ядерных сверхдержав.

Однако менее чем через две недели после упомянутого интервью в ходе телефонного разговора с президентом В. Путиным в ответ на предложение продлить Договор СНВ Д. Трамп негативно отозвался об этом соглашении, назвав его одной из «плохих сделок», заключённых администрацией Обамы (возможно, просто не знал, о чём идёт речь, поскольку – как сообщали присутствовавшие при разговоре – обратился к помощникам за разъяснениями). Известно, что в ходе президентских дебатов Трамп неправильно назвал Договор СНВ «стартапом» (вместо правильного акронима, звучащего по-английски как «старт») и ошибочно утверждал, что, в соответствии с положениями этого документа, российской стороне позволено производить новые ядерные боеголовки, а Соеди-

⁶ Full transcript of interview with Donald Trump // *The Times*. 16.01.2017. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/full-transcript-of-interview-with-donald-trump-5d39sr09d> (дата обращения: 20.06.2017).

нённым Штатам – нет. Но в своё время на переговорах по ОСВ советские руководители, да и гражданские члены делегации также нуждались в том, чтобы им разъясняли сложные параметры процесса ограничения вооружений [12, с. 56]. С другой стороны, во время сенатских слушаний по утверждению его кандидатуры на пост государственного секретаря Р. Тиллерсон позитивно оценивал новый Договор СНВ и говорил о важности для Соединённых Штатов «продолжать поддерживать отношения с Россией, чтобы добиваться выполнения ею своих обязательств по новому Договору СНВ, а [для США] также обеспечивать собственную подотчётность»⁷. Даже если Д. Трамп и не изменит своего отношения к продлению нового Договора СНВ, представляющегося ему «наследием Обамы», не исключено, что в дальнейшем он сочтёт возможным связать своё предложение по сокращению ядерных вооружений со следующим договором относительно уже более глубоких сокращений стратегических наступательных вооружений.

«Вызовы» и возможности контроля над вооружениями

Озабоченность российской стороны вызывает осуществляемая в США работа по созданию неядерных высокоточных систем большой дальности, так называемой системы Быстрого глобального удара (БГУ), способных к нанесению удара по всему миру. В рамках дальнейших сокращений стратегических носителей могли бы учитываться американские неядерные стратегические высокоточные ракеты большой дальности БГУ. Прецедент этому был положен действующим новым Договором СНВ, ограничивающим любые баллистические ракеты с дальностью более 5500 км. Если же другие перспективные американские неядерные системы, также входящие в программу БГУ, такие как гиперзвуковые ракетно-планирующие аппараты ANV и неядерные баллистические ракеты средней дальности (SLIRBM)⁸, не подпадут по дальности под действие Договора СНВ, то, как полагает А.Г. Арбатов, решение могло бы заключаться в запрещении наземного базирования систем с дальностью менее 5500 км и применении мер доверия к подводным лодкам и кораблям, оснащённым такими ударными системами⁹.

Отдельно следует рассматривать реально существующие системы БГУ: крылатые ракеты в неядерном оснащении, а также перспективные крылатые ракеты воздушного базирования. Их обсуждение в рамках переговоров по ограничению вооружений представляет значительно большую сложность, поскольку крылатых ракет насчитываются тысячи, они имеют различные варианты базирова-

⁷ Landay J. Rohde D. In call with Putin, Trump denounced Obama-era nuclear arms treaty – sources // Reuters World News. 09.02.2017. URL: <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-putin-idUSKBN15O2A5> (дата обращения: 20.06.2017).

⁸ Крылатые ракеты с планирующими или маневрирующими головными частями (дальностью до 3 700 км), которые могут размещаться на кораблях и подводных лодках.

⁹ Арбатов А. Новые угрозы – новые решения // Независимое военное обозрение. 06.12.2013. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-12-06/1_progress.html (дата обращения: 20.06.2017).

ния и выполняют разнородные боевые задачи. В отношении них, по-видимому, следует стремиться к выработке мер по укреплению доверия, которые бы предусматривали предварительное оповещение противоположной стороны относительно времени, причины, цели и места их развёртывания. Если подобные меры окажутся успешными, то можно было бы начать рассмотрение на двусторонней основе возможных количественных ограничений, например, до уровня 1000 или 1100 единиц. Не исключено также возвращение к обсуждению высказывавшейся несколько лет назад идее неких «разменов» между ограничением вооружений БГУ и сокращениями тактических ядерных вооружений.

Заинтересованность в ограничении тактических ядерных вооружений, по которым РФ имеет количественное преимущество, неоднократно высказывалась с американской стороны при прежних администрациях. В Москве исходят из необходимости возвращения всех таких вооружений на территорию стран, которым они принадлежат: в первую очередь речь идёт о нескольких сотнях американских авиационных бомб, хранящихся на складах в Европе. До начала украинского кризиса такая возможность обсуждалась, однако затем в связи с обострением ситуации в Вашингтоне было принято решение о замене их на более современные самонаводящиеся ядерные бомбы. Диалог по вопросу тактических ядерных вооружений может быть возобновлён, и его задачей на первом этапе должна стать выработка мер по обеспечению прозрачности, укреплению доверия, обмену данными о количестве и параметрах такого тактического оружия.

Желательно также возобновить обсуждение на двусторонней основе осуществляемого как Соединёнными Штатами (в Европе и в Восточноазиатском регионе), так и Россией (в рамках Программы ВКС) строительства систем противоракетной обороны с целью снижения озабоченности каждой из сторон и одновременно поиска возможности учитывать стратегические оборонительные вооружения в ходе дальнейших переговоров по СНВ. Остались в прошлом рассматривавшиеся (в том числе Американской национальной академией науки и Российской академией наук) варианты «совместной» или «сопряжённой» системы ПРО, которые и тогда не представлялись реалистичными. Однако, по меньшей мере, спорной является точка зрения А.Г. Савельева, что якобы «именно система ПРО может способствовать укреплению стабильности и нейтрализовать угрозу возникновения ядерной войны в случае просчёта в принятии решений вследствие технического сбоя, ошибки или злонамеренного воздействия на систему предупреждения» [8, с. 40]. Между тем, вполне может стать предметом двусторонних переговоров обсуждение конкретных проблем по обеспечению стабильности, возникающих в связи с развёртыванием ПРО, которое предлагает начать А.Г. Арбатов. В.З. Дворкин также считает возможным – без ущерба для безопасности – обсудить в ходе будущих переговоров возможность сокращения вдвое количества систем ПРО с каждой стороны и, возможно, установить ограничения на зону их размещения.

А с американской стороны ведущий сотрудник Фонда Карнеги Дж.Эктон предлагал в изданном на пороге критического 2013 г. обзоре, чтобы Соединённые Штаты ежегодно представляли России сводку о планируемых на год вперёд размещения ПРО, включая информацию по каждому из подлежащих размещению элементу и их максимальному количеству [10]. В свою очередь, директор программы по американо-российским отношениям Института Гарримана Колумбийского университета К. Мартен в опубликованном в 2017 г. Докладе «Как снизить напряжённость в отношениях между Россией и НАТО» призывает правительство США «поставить планируемое развёртывание американских ракет-перехватчиков ПРО системы *Aegis* в Польше в зависимость от выполнения Ираном своих обещаний по ядерному нераспространению в рамках достигнутого в 2015 г. Соглашения» [11, с. 34–36], то есть не разворачивать ПРО в Польше, если Иран будет соблюдать достигнутые договорённости.

Задача принять совместное решение о снятии ядерных вооружений с минутной готовности становится ещё более насущной в связи со сблизившимися вооружёнными силами обеих сторон (не говоря уже об импульсивном характере нового американского верховного главнокомандующего). В 2000 г. это собирався сделать Дж. Буш-младший, а в первую президентскую кампанию Б. Обама, который назвал положение дел в данной области «опасным пережитком холодной войны»¹⁰.

Также было бы целесообразно принять – на двусторонней основе или же в порядке односторонней инициативы – решение об отмене планирования ядерных операций по сценарию запуска-по-предупреждению (или ответно-встречного удара). Давно назрело и решение об отказе от использования ядерного оружия первыми. Необходимо вновь подтвердить на уровне руководства страны делавшиеся ранее заявления, что в ядерной войне нет и не может быть победителей.

Отдельным вопросом стоит подключение третьих стран к процессу контроля над вооружениями. Эти государства настаивают, что готовы будут присоединиться к процессу сокращения ядерных вооружений только в том случае, если Россия и США пойдут на значительные сокращения до уровней, сопоставимых с теми, которые имеются у этих государств, однако последнее не представляется реалистичным. Кроме того, у этих государств – за исключением Англии, Франции и Китая – в основном нет стратегических систем. Следовательно, за неимением соответствующего опыта предстоит установить принципы, исходя из которых могут сопоставляться и сокращаться вооружения этих стран: стабильности, паритета, заявленных уровней, пропорциональности, а также определить, какие системы будут подлежать ограничению и как может осуществляться контроль. В случае возобновления двусторонних российско-американских переговоров по ядерным сокращениям можно рассчитывать, что эти государства согласятся

¹⁰ Arms Control Today 2008 Presidential Q&A: President-elect Barack Obama. Arms Control Association. URL: <https://www.armscontrol.org/2008election> (дата обращения: 20.06.2017).

на обсуждение большей транспарентности своих ядерных программ, предоставят информацию о своих арсеналах или даже согласятся гарантировать неувеличение количества имеющихся у них ядерных вооружений.

Участие Китая в сокращениях ядерного оружия в ближайшей перспективе представляется маловероятным, учитывая угрожающую риторику в его адрес со стороны Д. Трампа (правда, смягчённую в дальнейшем, особенно в связи с состоявшимся визитом в Вашингтон председателя КНР Си Цзиньпина), а также размещение элементов американской БМД на территории стран-соседей. Оно станет возможным только при условии, если американские и российские уступки в этой области будут перевешивать китайские. В рабочих материалах 2013 г. А.Г. Арбатова и В.З. Дворкина указывалось, что если считать вместе стратегические и достратегические носители ядерного оружия или же отдельно наземные ядерные ракеты [1, с. 40, 41], то по этим показателям потенциал Китая сопоставим с российским или американским (особенно принимая во внимание, что значительная часть китайского потенциала ответного удара может быть скрыта в подземных тоннелях) [1, с. 45]. Поэтому китайский фактор учитывать необходимо. Однако формат американо-китайских переговоров для вовлечения Китая в процесс контроля над вооружениями представляется менее реалистичным в сравнении с 2013 г. даже при условии, если удастся договориться о дальнейших российско-американских сокращениях стратегических вооружений.

Параллельно необходимо скорейшим образом активизировать консультации по предотвращению гонки ударных космических вооружений, на пороге которой – как это уже было в начале 1980-х гг. – снова стоит мир. Как известно, в 2002 г. Соединённые Штаты вышли из Договора по ПРО, запрещавшего в том числе развитие противоракетных вооружений в космосе. Действующий Договор о космосе 1967 г. не содержит запрета на размещение на орбите обычных (неядерных) вооружений. В настоящее время на орбите находятся сотни военных аппаратов американского, российского, китайского производства, многие из которых способны не только выполнять разведывательные функции, но и – хоть это официально не признаётся – поражать другие летательные объекты.

Уникальным регионом, где сохраняется преемственность сотрудничества (за исключением военной сферы и разработки энергоресурсов на шельфе), остаётся Арктика. Как указано в посвящённой этой теме монографии под редакцией А.В. Загорского [7, с. 16], там отсутствуют объективные поводы для конфликтов и даже в последние годы не наблюдается принципиальных изменений в военной деятельности. Россия – это единственная страна, имеющая в регионе постоянно развёрнутые силы и вкладывающая значительные средства в формирование и усиление военной инфраструктуры¹¹. В Арктике продолжается строительство новых российских баз, а 19 февраля 2017 г. заместитель министра обороны РФ объявил о состоявшихся там испытаниях новых образцов военной техники и

¹¹ Презентация юбилейного выпуска ежегодника «Безопасность и контроль над вооружениями» / ИМЭМО. 27.12.2016. URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2829&p=4&ret=498 (дата обращения: 20.06.2017).

снаряжения. Всё это создаёт предпосылки к эскалации военных приготовлений в регионе и превращению его – пользуясь выражением А.В. Загорского – из «пятая точка стабильности» в потенциальную зону конфликта, если стороны не будут вести переговоры по предотвращению милитаризации региона.

Европейская безопасность, отношения Россия – НАТО и контроль над вооружениями

Несмотря на то, что после начала украинского конфликта администрация Б. Обамы объявила о замораживании военных контактов с Россией, а затем Конгресс наложил прямой запрет на военное сотрудничество, подписанный в 1997 г., основополагающий акт Россия – НАТО оставался в действии. И по линии учреждённого этим актом в 2002 г. Совета Россия – НАТО осуществлялись встречи на уровне военных представителей. 30 марта 2017 г. было проведено первое после вступления в должность Д. Трампа заседание Совета Россия – НАТО, которое генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг на пресс-конференции по его итогам назвал «очень содержательным»¹².

К. Мартен отмечает, что Основополагающий акт «остаётся последней действующей институциональной рамкой для сотрудничества Россия – Запад в области безопасности в Европе». В её упоминавшемся выше исследовании в числе мер, которые Соединённые Штаты могли бы предпринять в сфере контроля над вооружениями для укрепления европейской безопасности, предлагается:

- подтвердить желание США сохранять в силе Основополагающий акт Россия–НАТО;
- поддерживать развёртывание новых вооружённых сил в Европе только до уровня, разрешённого в рамках принятого внутри НАТО понимания требования Адаптированного договора об обычных вооружённых силах в Европе 1999 г., «если только Россия не вторгнется в одно из государств-членов НАТО или не нанесёт ему серьёзный ущерб»;
- поддерживать выработку новых субрегиональных двусторонних и многосторонних соглашений об ограничении опасных военных инцидентов между НАТО и другими европейскими государствами и Россией, особенно в Балтийском и Северном регионах;
- осуществлять работу с союзниками по НАТО, чтобы в дальнейшем возобновить переговоры по контролю над ядерными и обычными вооружениями в Европейском регионе [11].

На проходивших в течение ряда лет конференциях и встречах в рамках российско-американского диалога в формате Колумбийский университет – ИМЭМО – МГИМО удалось убедить американских участников, делегацию

¹² Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of meetings of NATO Foreign Ministers and after a meeting of the NATO-Russia Council / NATO. 30.03.2017. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_142782.htm (дата обращения: 20.06.2017).

которых возглавляла К. Мартен, включить в итоговые документы московской конференции 2016 г. требование контроля над вооружениями, по какому бы сценарию ни развивались российско-американские отношения в будущем.

Важно учитывать, что несмотря на значительное усиление группировки НАТО вблизи российских границ в последние годы, продолжающиеся развертывания вооружённых сил и вооружений – значительно возросших по объёму со времени начала украинского кризиса – не выходят за рамки потолков, определённых Договором об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ), причём именно в его адаптированном варианте 1999 г., который ратифицировали Россия, Белоруссия, Казахстан и Украина, но не западные страны (последнее мотивировалось отказом России вывести войска из Молдовы и Грузии). Однако для продвижения по пути ограничения вооружений в Европе необходимо снять вопросы, связанные со взаимными обвинениями в невыполнении действующих договоров.

Соблюдение или нарушения договоров: выйти из «серой зоны»

В Соединённых Штатах широко распространено мнение о многократных нарушениях российской стороной Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД). В частности, особое внимание обращалось на испытания мобильной межконтинентальной баллистической ракеты РС-26 «Ярс-М» («Рубеж») на дальность меньше той, которую имеют МБР (эти ракеты должны поступить на вооружение в 2017 г.). Резкую критику вызывали испытания крылатых ракет Р-500 с дальностью более 500 км, предназначенных для размещения на оперативно-тактических ракетных комплексах «Искандер-К».

Обвинения в нарушении российской стороной Договора РСМД нашли отражение в утверждённом Конгрессе законопроекте о бюджете Пентагона на 2017 г., который – до выяснения ситуации – ввёл ограничения на финансирование выполнения ряда соглашений по контролю над вооружением, в частности, нового Договора СНВ и Договора по открытому небу.

В России также делались заявления о нарушении Соединёнными Штатами Договора РСМД из-за использования для американских ракет ПРО установок, аналогичных тем, которые применяются при пуске запрещённых Договором РСМД крылатых ракет. Ряд российских экспертов усматривают нарушение Договора РСМД в развёртывании американских ракет-перехватчиков системы ПРО, которые теоретически могут использоваться и в наступательном варианте, в применении снятых с вооружения запрещённых ракет для испытаний и в качестве «ложных целей», а также в широком использовании беспилотников, в том числе вооружённых ракетами.

В целях укрепления базового доверия в системе контроля над вооружением и обеспечения безопасности сторон Договора РСМД отечественные эксперты предлагали представить доказательства, что ракеты «Рубеж» являются стратегически-

ми, а крылатые ракеты Р-500 не обладают дальностью сверх установленного РСМД лимита, и «взамен» договориться с США, чтобы пусковые установки американской системы ПРО снабжались так называемыми функционально обусловленными наблюдаемыми отличиями (*functionally related observable differences – FROD*).

С обеих сторон также раздаются взаимные обвинения в нарушении Договора о нераспространении. В частности, Россию критиковали за намерение разместить на территории Крыма стратегические бомбардировщики Ту-22М3 (информация о планах размещения десяти таких самолётов появлялась на сайте Vesti.ru без упоминания об их оснащении ядерным оружием). В свою очередь в России указывают на грубое нарушение положений Договора о нераспространении во время так называемых «совместных ядерных миссий» НАТО, когда в ходе учений сил альянса военные из неядерных стран-членов НАТО обучаются навыкам, связанным с применением ядерного оружия, принимают участие в операциях, имитирующих использование этого оружия, для которых, помимо прочего, задействуются авиабазы и наземные сооружения соответствующих неядерных государств, а также их авианосцы с приданными им экипажами. Поскольку статьёй 1 Договора запрещено прямо или опосредованно передавать контроль над ядерным оружием кому бы то ни было, а статьёй 2 запрещено принимать этот контроль, российская сторона настаивает, что подобные учения и манёвры должны быть прекращены, а все использующиеся для них сооружения должны быть полностью демонтированы.

Хотя действия в «серой зоне», то есть на грани нарушения договоров или там, где их исполнение не может быть проконтролировано, исторически практиковалось ещё со времени соглашений 1970-х гг., в сложившейся ситуации правильнее со всей тщательностью придерживаться буквы и духа подписанных документов, укреплять их действие, не стремиться за счёт скрытных нарушений достичь односторонних преимуществ. Исполнение договоров соответствует как интересам обеспечения безопасности России, так и необходимости преодоления сложного периода, когда двусторонние отношения балансируют между обострением ситуации и перспективами преодоления конфронтации.

Негативные последствия прекращения действия договоров по ограничению вооружений

Происходившее в последние десятилетия разрушение складывавшегося на протяжении почти полувека режима контроля над вооружениями оказывало негативное влияние на международную безопасность. Выход США в 2002 г. из Договора по ПРО выбил краеугольный камень из фундамента стратегической стабильности и одновременно открыл двери гонке в области стратегических оборонительных вооружений, которая, в свою очередь, стимулирует и наращивание стратегических наступательных систем. «Рост доверия к Соединённым Штатам подорван, угроза выхода гонки вооружений в космос (как неизбеж-

ный атрибут реализации глобальной ПРО) усиливается, расчёт на отказ стран третьего мира от своих ракетных программ в условиях создания в США глобальной ПРО не оправдывается, имеющийся большой позитивный потенциал сотрудничества в области ПРО не получает реального воплощения» [6, с. 82], – пишет в противовес ранее цитировавшемуся мнению А.Г. Савельева В.С. Колтунов в фундаментальной коллективной монографии «Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество». Следующим шагом назад стала отмена подписанных в 1997 г. соглашений, касавшихся разграничения стратегической и нестратегической противоракетной обороны.

В 2013 г. Была прекращена программа Нанна–Лугара, в рамках которой США оказывали содействие России в демонтаже и ликвидации ракет, подводных лодок, объектов химического оружия. В 2014 г. было остановлено сотрудничество по безопасному хранению оружейных материалов, в 2015 г. Россия впервые не участвовала в вашингтонском ядерном саммите по той же проблематике.

Несмотря на обещания Б. Обамы, американским Сенатом не был ратифицирован Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, как не был подписан и Договор о прекращении производства расщепляющихся материалов.

В 2016 г. российская сторона вышла из заключённого в 2000 г. Соглашения по утилизации оружейного плутония. Хотя Соединённые Штаты действительно должным образом не выполнили взятых на себя обязательств, не построив в срок завод по переработке плутония, основной причиной отказа российской стороны от соглашения была возросшая напряжённость в отношениях. Указ от 3 октября 2016 г. о прекращении сотрудничества по плутонию был анонсирован с «особой дерзостью», *ad absurdum*: было объявлено, что Москва готова будет возобновить реализацию договорённостей только в том случае, если войска НАТО вернутся к уровню 2000 г., Вашингтон откажется от санкций и выплатит компенсации за ущерб, нанесённый ими, а также контрсанкциями, и отменит «закон Магнитского». А.Г. Арбатов констатировал, что выдвинутые требования не имели ничего общего с утилизацией плутония, а прекращение действия договора «завершает процесс свертывания взаимодействия России и США в сфере ядерных материалов и боезарядов»¹³.

Но допустить дальнейшей эрозии существующей договорно-правовой системы в области контроля над вооружениями никак нельзя. Следует не разрушать, а укреплять имеющиеся договорённости в данной области, со всей отчётливостью подтвердить приверженность действующим соглашениям и двигаться дальше.

Режим нераспространения «на ядерном пороге»

Особое значение имеет подтверждение на двусторонней и многосторонней основе приверженности Договору о нераспространении ядерного оружия. В

¹³ Арбатов А. Чем опасно, что Россия приостановила соглашение по плутонию / Яблоко. 06.11.2016. URL: <http://www.yabloko.ru/publikatsii/2016/10/06> (дата обращения: 20.06.2017).

ходе избирательной кампании Д. Трамп делал заявления, где допускал, например, что Япония и Южная Корея могли бы обзавестись собственным ядерным оружием, чтобы защищаться от Северной Кореи. Однако позволить каким бы то ни было неядерным странам, включая союзников США, создавать или приобретать ядерное оружие – значит открыть ящик Пандоры для распространения и возможного применения ядерного оружия по всему миру. Недопустимо также возобновление ядерных испытаний, о возможности которого американские аналитики стали периодически сообщать со времени вступления Д. Трампа в должность президента. Напротив, следует подтвердить действенность Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, ратифицированного российской стороной в 2000 г., но так и не прошедшего ратификацию в Вашингтоне.

В отношении Северной Кореи приходится признать, что порог уже пройден, хотя Россия всегда выступала за безъядерный статус Корейского полуострова. Американская администрация пытается воздействовать на Северную Корею через Китай, который Дональд Трамп ещё во время избирательной кампании обвинял в том, что он не «приструнил» КНДР. Северокорейская ядерная проблема была одной из основных тем переговоров Трампа с Си Цзиньпином во время визита последнего в США в начале апреля 2017 г. Если исключить чреватое самыми опасными последствиями военное решение – на возможность которого, впрочем, неоднократно намекали представители американской администрации – в настоящее время, по-видимому, речь может идти лишь о возобновлении переговоров с целью принятия как обеими Кореями, так и Соединёнными Штатами взаимных обязательств по ненападению и сдержанности.

На протяжении всей избирательной кампании Д. Трамп негативно отзывался об Иранском ядерном соглашении и обещал в случае избрания отказаться от него. Однако после вступления в должность президента он высказался в пользу сохранения Иранской ядерной сделки, фактически пересмотрев таким образом свою позицию по данному вопросу. Это является позитивным развитием событий, поскольку документ реально ограничивает возможности Ирана по созданию ядерного оружия, позволяет в случае нарушения им своих обязательств принять в рамках ООН заблаговременные меры, а кроме того – что очень важно – способствует сотрудничеству с этой ключевой страной Ближневосточного региона в деле борьбы с терроризмом.

Киберпространство: превращение из сферы сотрудничества в поле боя?

За год, предшествовавший избранию Трампа, проблема обеспечения кибербезопасности перешла из перечня немногих направлений, по которым всё ещё происходило российско-американское сотрудничество, в разряд тех, с которыми американские политики и политологи связывают наибольшую угрозу для США со стороны России. Однако и раньше, с начала украинского конфликта, российскую сторону обвиняли в ведении «гибридной войны» с использованием

киберпространства. В этой связи на саммите НАТО в Варшаве в июле 2016 г. было принято решение, что кибернападение на одну из стран-участниц может стать поводом для применения статьи 5 Устава Альянса, предусматривающей, что нападение на одно из государств-членов является агрессией против всех них¹⁴.

При этом, если раньше в связи с киберугрозами в США чаще всего упоминался Китай, а также КНДР и Иран, то в произошедших летом 2016 г. хакерских атаках на сервер национального комитета Демократической партии однозначно обвинили Россию. За 33 дня до инаугурации нового американского президента руководители ЦРУ, Национальной разведки и ФБР пришли к общему выводу, что за кибератаками стояли российские структуры, имевшие целью помешать избранию Х. Клинтон и посеять сомнения в американской демократии. Впоследствии вступивший в должность Д. Трамп после обсуждения в Конгрессе доклада о хакерских атаках также вынужден был согласиться с утверждением о причастности России. В начале апреля 2017 г. поднялся новый шквал обвинений, на сей раз в том, что будто бы во время избирательной кампании российские хакеры наводнили фейковыми новостями, способствовавшими поражению Х. Клинтон, социальные сети в ряде колеблющихся штатов: Мичигане, Висконсине, Пенсильвании.

И без того пристальное внимание, которое уделяется в США кибербезопасности, в дальнейшем будет усилено. В последней редакции американской Стратегии национальной безопасности слова с корнем «кибер» упоминаются почти столь же часто, как и слово «вооружения»: 19 против 22¹⁵.

Российские специалисты отмечают, что прежде существовало расхождение в восприятии кибербезопасности российской и американской сторонами: в США говорили в основном о технических угрозах, а в России включали в понятие «кибербезопасности» и информационную составляющую (этот подход закреплён в новой российской Доктрине кибербезопасности). Однако в американском «Докладе о российских хакерских атаках»¹⁶ несколько страниц посвящены деятельности вещающего на английском языке российского телеканала RT. То есть теперь в Вашингтоне, как и в Москве, речь идёт уже не только о «железе» и «софте», но и о контенте. Поможет ли такое «сближение» представлений об угрозе общим действиям по её купированию – неизвестно [9], особенно если учитывать жёсткие обвинения в адрес России, выдвинутые американскими спецслужбами и поддержанные вашингтонским политическим истеблишментом.

¹⁴ Оговаривается, что статья 5 в данном случае может быть задействована при двух условиях: если кибернападение было совершено государством и если оно повлекло серьёзные последствия, включая человеческие жертвы.

¹⁵ National Security Strategy. Feb. 2015 // White House official website. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 20.06.2017).

¹⁶ Background to "Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections": The Analytical Process and Cyber Incident Attribution. 06.01.2017. URL: <http://www.motherjones.com/politics/2017/01/read-us-intelligence-report-russian-hacking-2016-campaign> (дата обращения: 20.06.2017).

В США пишут о том, что работающие на зарубежную аудиторию российские СМИ лгут, предоставляют недобросовестную информацию, подтасовывают факты. В самом деле, в условиях кризиса в отношениях с западными странами в России чрезвычайно возрос пропагандистский компонент журналистики, особенно в телевидении. Но следует также учитывать, что восприятие действительности «здесь и там» настолько различно, что даже добротная работа российских журналистов может восприниматься за океаном (а также в странах ЕС и в Японии) как ангажированная из-за неподготовленности «воспринимающих», из-за их «отсутствия присутствия» и клишированных стереотипов, доставшихся в наследство ещё от времен холодной войны.

В США отдают себе отчёт в том, что задача обеспечения кибербезопасности не поддаётся решению в одностороннем порядке. Показательно, что в американской Национальной стратегии безопасности применительно к сфере кибербезопасности впервые говорится о «коллективной безопасности». «Мы формируем глобальные стандарты в области кибербезопасности и строим международный потенциал, чтобы предотвратить и расследовать киберугрозы»¹⁷.

В связи с обвинениями в адрес России правительство США ещё при Бараке Обаме заявило, что ответит аналогичными хакерскими атаками против российских структур (соответствующее заявление сделал, в частности, вице-президент Дж. Байден). Однако представляется, что ситуацию обострившегося противостояния можно было бы использовать для организации совместных усилий по эффективному противодействию кибертерроризму.

Очевидно, что в настоящее время политика западных государств в отношении России не является дружественной и строится на основе «сильной обороны и сдерживания»¹⁸ с элементами диалога. Построенная на ошибочных представлениях обеих сторон стратегия «сдерживания» [4, с. 84–85], стимулирующая гонку вооружений, должна постепенно вытесняться линией на укрепление безопасности на основе совместного противостояния глобальным угрозам, повышение транспарентности, соблюдение действующих и выработку новых соглашений по контролю над вооружениями.

Путь к договорённостям может быть долгим и трудным, учитывая различия в подходах сторон, неоднозначность и непоследовательность заявлений нового американского президента, а также обстоятельства достигшей беспрецедентного накала внутривнутриполитической борьбы в США. Со стороны американского истеблишмента предпринимаются попытки блокировать действия главы Белого дома и неясно, удастся ли Д. Трампу реализовать свои намерения по нормализации отношений с Россией. Насколько повестка дня российско-американских отношений будет включать контроль над вооружением, во многом зависит от

¹⁷ National Security Strategy. Feb. 2015 // White House official website. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 20.07.2017).

¹⁸ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of meetings of NATO Foreign Ministers and after a meeting of the NATO-Russia Council / NATO 30.03.2017. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_142782.htm (дата обращения: 20.07.2017).

российской стороны. Учитывая заявление Д. Трампа о желательности сокращения ядерных вооружений, следует выступить с инициативой новых шагов по снижению уровней вооружений и выдвинуть соответствующие предложения с учётом российской позиции и специфики российских вооружений. Поиск российским и американским экспертными сообществами конкретных предложений и идей в этом направлении должен служить стимулом к активизации соответствующих практических усилий, поскольку свидетельствует о сохраняющейся несмотря ни на что заинтересованности в снижении уровня противостояния и укреплении международной стабильности путём двусторонних и многосторонних договорённостей. Вместе с тем, как справедливо отмечает П. Топычканов, российской стороне при взаимодействии с новой американской администрацией следует обозначить «красные линии», пересечение которых представляется ей недопустимым, в том числе: выход за пределы потолков нового Договора СНВ, возобновление ядерных испытаний, пересмотр соглашения с Ираном, согласие на развитие военных ядерных программ в не обладающих ядерным оружием государствах-союзниках США¹⁹. А также чётко сформулировать свою позицию по другим критически важным вопросам, имеющим отношение к сфере контроля над вооружениями, по которым не удалось договориться с предыдущей администрацией: строительству противоракетной обороны, проблеме ракет средней и малой дальности, развитию стратегических систем в неядерном оснащении.

Список литературы

1. Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Большой стратегический треугольник. Рабочие материалы. Московский Центр Карнеги. Март 2013. 56 с.
2. Безопасность и контроль над вооружениями 2015–2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, Политическая энциклопедия, 2016. 303 с.
3. Бубнова Н.И. Военный фактор в политике Барака Обамы / Разоружение и безопасность 2013–2014. Стратегическая стабильность: проблемы безопасности в условиях перестройки международных отношений / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 245 с.
4. Бубнова Н.И. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: новые ипостаси холодной войны // Россия и современный мир. 2015. № 2. С. 81–97.
5. Караганов С.А. Взаимное гарантированное сдерживание // Россия в глобальной политике, 22.02.2017. URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Vzaimnoegarantirovannoe-sderzhivanie-18608> (дата обращения: 24.02.2017)
6. Колтунов В.С. Переговоры об ограничении систем ПРО в контексте взаимного сдерживания // Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / под ред. А.Г. Арбатов, В.З. Дворкин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Московский Центр Карнеги, 2012. 367 с.
7. Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации / отв. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, Магистр. 304 с.
8. Савельев А.Г. Система предупреждения о ракетном нападении и стратегическая стабильность // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 12. Т. 60. С. 40–50.
9. Черненко Е.В. Начало холодной кибервойны // Россия в глобальной политике. № 6. 2016.

¹⁹ Топычканов П. Линии сдерживания: как может ответить Россия на ядерные инициативы Трампа // РБК. Политика. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/10/01/2017/5874c4e59a79475c76b9e7a9> (дата обращения: 12.01.2017)

- URL: <http://globalaffairs.ru/number/Nachalokholodnoi-kibervoiny-18488> (дата обращения: 12.12.2016).
10. Acton J.M. Beyond Treaties: Immediate Steps to Reduce Nuclear Dangers // Policy Outlook – Carnegie Endowment for International Peace. October 2012. URL: <http://carnegieendowment.org/2012/10/10/beyond-treaties-immediate-steps-to-reduce-nuclear-dangers-pub-49612> (дата обращения: 12.12.2016).
11. Marten K. Reducing Tensions Between Russia and NATO. Council Special Report. № 79. Council on Foreign Relations. March 2017. 51 p.
12. Newhouse J. Cold Dawn. The Story of SALT. Holt, Rinehart and Winston, New York, Chicago, San Francisco, 1973, 1974. 302 p.

Об авторе:

Наталья Игоревна Бубнова – к.и.н., ведущий научный сотрудник НИ Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. 117997 г. Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: nbubnova@imemo.ru.

U.S. – RUSSIA RELATIONS AND ARMS CONTROL: BREATHING THE CLINCH

N.I. Bubnova
DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-161-178

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences

The article examines the new U.S. administration's outlook on arms control, analyses the existing problems in this field and possible ways for their resolution, compares Donald Trump's statements on military and political issues with the president's first steps in this area, and offers forecasts and recommendations on the prospects for U.S.-Russia cooperation in arms limitations and reductions. The author proceeds from the assumption that arms control is a key component in measures to ensure international security. Even if the current tense U.S.-Russian relations provide little room for maneuver and the internal political struggle in DC sets limits on the possible bilateral measures, Moscow should nevertheless take initiative in putting forward a set of proposals to reduce weapons, especially in the very sensitive and risk-prone nuclear field. This will allow in future negotiations to proceed from options that will take into account Russian interests and the specifics of Russia's weapons systems, while at the same time showing the resolve of the nuclear superpowers to reduce existing threats through negotiations and leading the way for other countries to join. Taking into account the importance of arms control, all efforts should be made to enforce the existing treaties, consolidate the current international treaty-based legal system, and work further on new arms control and arms reduction agreements.

Key words: arms control, arms reductions, nuclear weapons, security, U.S.-Russia relations, Donald Trump, nuclear weapons, ballistic missile defense, New START, CFE Treaty, nonproliferation, cyber-security.

References

1. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. *Bol'shoi strategicheskii treugol'nik* [The Great Strategic Triangle] Working Papers, Carnegie Moscow Center, March 2013, 56 p. (In Russian).
2. *Bezopasnost' I kontrol' nad vooruzheniia-mi 2015–2016. Mezhdunarodnoe vzaimodeistvie v bor'be s global'nymi ugrozami* [Security and Arms Control 2015–2016. International Cooperation in Fighting against Global Threats]. Ed. by Alexei Arbatov, Natalia Bubnova. Moscow, IMEMO RAN; ROSSPEN Publ., 2016. 303 p. (In Russian)
3. Bubnova N.I. Voennyi faktor v politike Baraka Obamy [The military factor in Barack Obama's policy]. *Razoruzhenie I bezopasnost' 2013–2014. Strategicheskaiia stabil'nost': problem bezopasnosti v usloviiakh perestroika mezhdunarodnykh otnoshenii* [Disarmament and Security 2013–2014: Strategic Stability: Security Issues in the Context of the Restructuring of the International Relations]. Alexei Arbatov, Natalia Bubnova, eds. Moscow, IMEMO RAN, 2014. 245 p. (In Russian)
4. Bubnova N.I. Rossiisko-amerikanskii otnosheniia v kontekste ukrainskogo krizisa: novye ipostasi kholodnoi voyny [The Russian-American relations in the context of the Ukrainian crisis: new faces of the cold war]. *Rossia i sovremennyi mir* [Russia and the Contemporary World], INION RAN, IE RAN, 2015, no. 2, pp. 81–97. (In Russian)
5. Karaganov S.A. Vzaimnoe garantirovannoe sderzhivanie [Mutually assured deterrence]. *Rossia v global'noi politike - Russia in Global Affairs*, 22.02.2017. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Vzaimnoe-garantirovannoe-sderzhivanie-18608> (accessed 24.02.2017). (In Russian)
6. Koltunov V.S. Peregovory ob ogranichenii sistem PRO v kontekste vzaimnogo sderzhivaniia [Negotiations on BMD limitation in the context of mutual deterrence]. *Protivoraketnaia oborona: protivostoianie ili sotrudnichestvo?* [Missile defense: confrontation and cooperation]. Ed. by A. Arbatov, D. Dvorkin. Carnegie Moscow Center, ROSSPEN, 2012. 367 p. (In Russian)
7. *Mezhdunarodno-politicheskie usloviia razvitiia Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii* [International political environment for developing the Arctic zone of the Russian Federation]. Ed. by A. Zagorski. Moscow, IMEMO Publ., 2015. 304 p. (In Russian)
8. Savelyev A.G. Sistema preduprezhdeniia o raketnom napadenii I strategicheskaiia stabil'nost' [Ballistic missile early warning system and strategic stability]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], 2016, vol. 60, no. 12, pp. 40–50. (In Russian)
9. Chernenko E.V. Nachalo kholodnoi kibervoiny [The beginning of a cold cyberwar]. *Rossia v global'noipolitike - Russia in Global Affairs*, 2016, no. 6. Available at: <http://globalaffairs.ru/number/Nachalo-kholodnoi-kibervoiny-18488> (accessed: 12.12.2016). (In Russian)
10. Acton J.M. Beyond Treaties: Immediate Steps to Reduce Nuclear Dangers. *Policy Outlook*. Carnegie Endowment for International Peace, October 2012. Available at: <http://carnegieendowment.org/2012/10/10/beyond-treaties-immediate-steps-to-reduce-nuclear-dangers-pub-49612> (accessed 12.12.2016).
11. Marten K. Reducing Tensions Between Russia and NATO. Council *Special Report*, № 79. Council on Foreign Relations, March 2017. 51 p.
12. Newhouse J. *Cold Dawn. The Story of SALT*. Holt, Rinehart and Winston, New York, Chicago, San Francisco, 1973–1974. 302 p.

About the author:

Natalia I. Bubnova – Ph.D. in History, Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Russia, Profsoyuznaya str. 23, Moscow 117997. E-mail: nbubnova@imemo.ru.

ДВУСОСТАВНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ ФРГ

Ф.О. Трунов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Сегодня ФРГ стремится усилить своё влияние на мировой арене, играя активную роль в решении проблем международной безопасности. Для этого используется широкий набор внешнеполитических инструментов, в том числе военных. Бундесвер превращается в вооружённые силы, способные к действиям на глобальном уровне и к решению широкого спектра задач, в том числе нетипичных для периода холодной войны.

Реформы привели к фактическому разделению вооружённых сил Германии на две части: сил, предназначенных для использования вне зоны ответственности НАТО, и войск, ответственных за реализацию в случае необходимости мер по обеспечению территориальной обороны ФРГ и её партнёров. В статье изучается развитие обеих составляющих бундесвера с начала 1990-х гг. до настоящего момента.

В 1990-е – 2000-е гг. бесспорным приоритетом оставалось развитие войск, действующих за пределами евроатлантического сообщества, а боевые возможности другой части бундесвера в условиях общих сокращений его личного состава и парка вооружений неуклонно снижались. На современном этапе на фоне расширения нетрадиционных угроз безопасности, порождаемых нестабильностью на Ближнем Востоке и в Северной Африке, страны Запада вступили в полосу глубокого ухудшения отношений с РФ. Это ставит ФРГ перед необходимостью одновременного развития обеих частей вооружённых сил страны. В этой связи в заключительной части статьи предпринята попытка охарактеризовать современный и перспективный облик бундесвера и показать возможные пути преодоления имеющихся в его развитии трудностей.

Ключевые слова: Германия, международная безопасность, бундесвер, военная реформа, НАТО, вызовы безопасности.

В условиях глубокого и затяжного кризиса в отношениях РФ и коллективного Запада на первый план в деятельности Североатлантического альянса вышла задача по сдерживанию России. Это привело к реализации странами-участницами НАТО, в первую очередь ведущими – США, Великобританией, Францией и Германией – цикла масштабных мер стратегического характера.

Во-первых, в соответствии с решениями Уэльского саммита (4–5 сентября 2014 г.) и глав оборонных ведомств стран Альянса от 24 февраля 2015 г. штатная численность сил его быстрого реагирования (NATO Response Force, NRF) была поэтапно увеличена с 15 до 40 тысяч военнослужащих¹. Комплектование основной массы частей и подразделений NRF возложено на европейские страны-участницы НАТО. «Ядро» СБР НАТО создаётся из контингентов национальных вооружённых сил трёх–четырёх государств (в том числе одного крупного или среднего), которые меняются каждые 12 месяцев в рамках семилетней очередности. В 2014/2015 г. основная нагрузка по комплектованию NRF была возложена на ФРГ, Нидерланды и Норвегию².

Во-вторых, НАТО пошла на развёртывание наземного военного присутствия на ротационной основе в Восточной Европе, причём наряду с США в данном процессе приняли активное участие европейские страны-участницы Альянса. Контингенты их ВС составили основную массу войск четырёх батальонов сил передового присутствия блока, размещённых на территории стран Балтии и Польши [20, с. 2–3]. Кроме того, на территории государств Восточной Европы и ФРГ развернута сеть штабов бригадного, дивизионного и корпусного уровня [19, с. 2–3].

В-третьих, с весны 2014 г. была резко интенсифицирована военнотренировочная деятельность НАТО в Восточной Европе, в том числе за счёт привлечения войск, не входящих в СБР и четыре новых батальона.

Помимо восточного направления, обозначенного в качестве первоочередного на Варшавском саммите НАТО (2016), укрепление потенциала блока происходит и вдоль южных границ европейских стран-участниц Альянса³.

Реализация описанных мер неизбежно ведёт к сокращению возможностей европейских стран НАТО по использованию своих вооружённых сил за пределами евроатлантического сообщества – направлению, ставшему основным после окончания холодной войны. Преодоление этой проблемы затрудняется осуществлёнными в 1990-е – 2000-е гг. масштабными сокращениями численности личного состава и количества единиц парка вооружений и военной техники в армиях европейских государств на фоне перехода большей части из них (особенно расположенных в глубине зоны ответственности блока) к комплектованию войск исключительно на контрактной основе.

¹ NATO Response Force (NRF) Fact Sheet. URL: <https://www.jfcs.nato.int/page5725819/nato-response-force-nrf-fact-sheet> (дата обращения 15.02.2017).

² Ibid.

³ Warsaw Summit Communiqué, 08-09.07.2016. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения 15.02.2017).

Думается, что реально найти выход из складывающейся ситуации способны лишь наиболее крупные государства с мощным демографическим и экономическим потенциалом. В этой связи внимание следует обратить на ФРГ, чьи вооружённые силы входят в пятёрку сильнейших в НАТО по численности (после США, Турции, Франции и Великобритании) и по боевой мощи. Обладая значительными политико-военными и экономическими возможностями, страна в XXI в. выступает одним из центров влияния и притяжения в Альянсе.

В настоящее время её вооружённые силы состоят из двух частей, которые используются для решения качественно и географически отличающихся задач. *Первый компонент* бундесвера – войска, предназначенные для противодействия угрозам безопасности (часть из которых являются нетрадиционными) вне зоны ответственности НАТО, то есть на том стратегическом направлении, на которое был перенесён центр тяжести усилий объединённой Германии в военно-политической области после окончания холодной войны. *Второй компонент* – это силы, предназначенные для постоянного пребывания на территории ФРГ и нейтрализации (в случае необходимости) традиционных угроз безопасности по периметру и вблизи внешних границ.

Одна из задач настоящей статьи – исследовать превращение бундесвера в двусоставные вооружённые силы и их развитие вплоть до середины 2010-х гг.

Процесс реформирования бундесвера в период 1990-х – начала 2010-х гг. освещался как отечественными германистами В.К. Белозёровым [1], Н.А. Власовым [2; 3], А.И. Егоровым [4], Н.К. Меден [8], Н.В. Павловым [10], А.А. Синдеевым [11], так и в многочисленных трудах исследователей из ФРГ и других стран НАТО. Следует особо выделить работы германских специалистов В. фон Бредова [15; 16], Й. Варвика [24], С. Гарайса [18] и Ф.-Й. Майерса [22]. В ряде отечественных работ шаги каждого из приходивших к власти федеральных правительств по изменению задач и развитию бундесвера рассматриваются в качестве самостоятельных реформ вооружённых сил⁴. Не умаляя значимости данных мер, мы склонны поддерживать точку зрения тех исследователей, которые считают, что реформа бундесвера – это длительный многомерный процесс, очередные стадии которого маркируют решения и действия вновь формируемых правительств [1; 11].

Сильной стороной перечисленных отечественных и иностранных исследований представляется тщательная проработка концептуальных установок ФРГ в области безопасности. Однако другой, также весьма значимый её идентификатор – изменения организационно-штатной структуры бундесвера – практически не рассматривался, а потому станет одним из вопросов, на изучении которых мы сосредоточим внимание в данной статье. В работах отечественных авторов указывается лишь на факт сохранения высокой степени интегрирован-

⁴ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации: Вып. XLVII. М.: Междунар. отношения, 1994. С. 34–37.

ности войск бундесвера в НАТО. В отдельных отечественных публикациях, в частности Н.К. Меден, уже предпринимались попытки провести инвентаризацию состояния парка вооружений и военной техники бундесвера и показать перспективы переоснащения на ближайшую перспективу [8, с. 151–154]. Однако пока далеко не в полной мере проанализированы предварительные итоги процесса реорганизации бундесвера с начала 1990-х гг. и не представлены как минимум общие контуры перспективного облика вооружённых сил ФРГ в новых мирополитических реалиях. Попытка восполнить данные пробелы будет предпринята в настоящей статье.

Методологической основой данной статьи выступает теория строительства вооружённых сил, исследующая вопросы обоснованности численности личного состава, боевой и вспомогательной техники, структуры и системы комплектования с точки зрения приоритетов и задач государства в области безопасности. Концептуальные основы данной теории разрабатывались отечественными учёными на протяжении длительного времени, что нашло, в частности, отражение в трудах военного исследователя генерал-майора В.И. Останкова [9]. В ходе рассмотрения шагов руководства ФРГ по реорганизации и использованию бундесвера, а также военно-стратегических мер НАТО применяются методы дедукции, сравнительного анализа, инвент-анализа и прогнозирования.

В условиях окончания холодной войны, составляющей которого стало образование общегерманского государства (1990), в понимании политического истеблишмента ФРГ резко снизилась угроза её территориальной безопасности. Этот фактор привёл к возникновению двух качественно новых трендов в развитии бундесвера:

1) устойчивая для периода 1955–1989 гг. тенденция поэтапного увеличения численности личного состава (за счёт солдат-срочников) и единиц военной техники [17, с. 12–21] сменилась процессом сокращения всех количественных показателей вооружённых сил ФРГ [14, с. 10–12];

2) началось частичное перенаправление усилий бундесвера с обеспечения территориальной обороны Германии (и её партнёров по НАТО) на деятельность вне зоны ответственности Североатлантического альянса, что формально было запрещено Основным законом страны (1949) и не практиковалось в период холодной войны.

Проявлениями *первого тренда* стали добровольные ограничения, принятые ФРГ по Договору об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г.:

– отказ от производства, владения и распоряжения всеми основными известными на тот момент видами ОМП (ядерным, биологическим и химическим);

– присоединение к Венским договорённостям по ограничению обычных вооружённых сил в Европе (ДОВСЕ был подписан 19 ноября 1990 г.);

– установление «верхнего потолка» численности вооружённых сил в 370 тыс. солдат, офицеров и генералов, в том числе не более 345 тыс. в составе сухопутных войск и кригсмарине⁵.

Параллельно во внешней политике ФРГ получил развитие второй тренд. Уже в начале апреля 1991 г., после завершения активной боевой фазы операции «Буря в пустыне», в Персидский залив была направлена германская оперативная эскадра для разминирования акватории. Одновременно на территорию Ирака прибыла мониторинговая миссия министерства обороны ФРГ для контроля над ходом частичного разоружения иракских войск⁶. В 1993 г. значительная (почти 2,5 тыс. военнослужащих) межвидовая группировка бундесвера приняла участие в миротворческой деятельности на территории Сомали под эгидой миссии ООН UNOSOM (ЮНОСОМ) II [14, с. 53].

На фоне этой активности в министерстве обороны ФРГ при Г. Штольтенберге⁷ и Ф. Рюэ⁸ стали разрабатываться проекты структурной реорганизации бундесвера с целью создания сил кризисного реагирования (СКР). Планировалось к 2006 г. нарастить их численность до 50 тыс. военнослужащих [14, с. 16]. СКР, способные развернуться и действовать в любой точке земного шара, должны были стать инструментом политики ФРГ в области безопасности, предназначенным для использования за пределами евроатлантического сообщества. В то же время правительство Г. Коля/К. Кинкеля приступило к разработке законодательной инициативы по отмене запрета Основного закона на соответствующее применение бундесвера [10, с. 157–170].

Развитие обоих трендов сдерживалось присутствием на территории ФРГ советского (российского) военного контингента, которое воспринималось германским руководством в качестве последнего на тот момент реального источника угрозы территориальной безопасности страны⁹. Показательно, что скорость и сроки сокращения бундесвера в 1991–1994 гг. были поставлены кабинетом Г. Коля/К. Кинкеля в прямую зависимость от динамики вывода Западной группы войск (ЗГВ). Для его ускорения «чёрно-жёлтое» правительство активно использовало политико-дипломатические и экономические инструменты – в частности, выплату дополнительных субсидий РФ в обмен на сокращение сроков вывода войск, на что указывал отечественный германист И.Ф. Максимычев [7, с. 31–36].

Вывод ЗГВ к 1 сентября 1994 г. стал «точкой невозврата» в поступательном развитии обоих трендов. 12–22 июля 1994 г. в результате консенсуса трёх ветвей власти был принят правовой алгоритм использования бундесвера вне

⁵ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации: Вып. XLVII. М.: Междунар. отношения, 1994. С. 35–37.

⁶ Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1990 // Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990–1993. Eine Dokumentation herausgeben vom Auswärtigen Amt, Bonn, 1993. S. 14–18.

⁷ Министр обороны в 1989–1992 гг.

⁸ Министр обороны в 1992–1998 гг.

⁹ Weißbuch zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr, 1994. Bundesministerium der Verteidigung. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, 1994. S. 78–80.

зоны ответственности НАТО и снят соответствующий запрет в Основном законе [17, с. 38].

К 1995 г. ФРГ, выполнив обязательства по Договору от 12 сентября 1990 г., сократила численность военнослужащих бундесвера до 370 тыс., параллельно почти вдвое уменьшила парк бронетехники и на четверть – боевой авиации (см. табл. 1).

Табл 1. Сокращения парка военной техники ФРГ в первой половине 1990-х гг.
Table 1. Reductions in FRG military equipment in the first half of the 1990s.

Вид боевой техники	Число единиц к концу 1990 г. ¹⁰	Количество единиц к 1995 г.	Уменьшение (в процентах)
Танки	7 283	4 116	41
БТР	8 322	3 466	61
БМП	4 690	2 705	42
Боевые самолёты	1 204	900	24
Вертолёты	417	306	24

Построено автором на основе: Armee der Einheit. 1990–2000. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, 2000. S. 11.

С нашей точки зрения, помимо «потолков» ДОВСЕ, степень сокращений каждого конкретного вида техники была обратно пропорциональна ценности её использования за пределами евроатлантического сообщества. Использование именно авиационной (в первую очередь, вертолётной) техники (а не танков и БТР, сложно транспортируемых на дальние расстояния и не очень востребованных в зонах локальных конфликтов) стало сильной стороной в ходе действий бундесвера в Ираке (1991), Сомали (1993), Руанде (1994) и на территории Югославии с середины 1990-х гг. [17, с. 52–54]. Необходимо обратить внимание, что списанная в тот период военная техника не складировалась, а утилизировалась [17, с. 28–29], то есть не представляла собой «возвратный потенциал».

После проведённых масштабных сокращений бундесвер уже не обладал возможностями по обеспечению территориальной безопасности и обороны ФРГ, сопоставимыми с периодом холодной войны. Однако и к выполнению масштабных задач вне зоны ответственности НАТО бундесвер во второй половине 1990-х гг. ещё не был готов. По сути Германия располагала классическими вооружёнными силами периода холодной войны, хотя и значительно уменьшившимися количественно. Численность сил кризисного реагирования была невелика: в конце 1990-х гг. ФРГ одновременно использовала за пределами европейского континента (то есть без учёта Балкан) не более 3 тыс. военнослужащих, или около 1% личного состава бундесвера¹¹. Показательно,

¹⁰ Суммарный парк боевой техники ФРГ в границах 1989 г. и техники, перешедшей к бундесверу от армии ГДР.

¹¹ Рассчитано по данным сайта бундестага www.bundestag.de.

что в тот период СКР ещё не были сведены в отдельное соединение в составе бундесвера.

Основным регионом за пределами зоны ответственности НАТО, где в 1990-е гг. был задействован бундесвер, стала территория распадавшейся Югославии. Для осуществления здесь небоевых (по поддержанию мира) и особенно боевых (нанесение авиационных ударов по Республике Сербской в 1995 г. и по Сербии в 1999 г.) операций использовались соединения и части бундесвера, основной задачей которых являлось обеспечение территориальной безопасности и суверенитета ФРГ¹².

Чем объяснялось данное состояние бундесвера?

Во-первых, медленные темпы создания СКР были обусловлены экономическими и военно-техническими причинами. В условиях весьма затратной интеграции «новых земель» федеральное правительство отказалось от сколь угодно серьёзного роста ассигнований на внешнеполитические цели – это касалось не только общего финансирования вооружённых сил, но, в частности, и сокращения объёмов официальной помощи развитию. Как справедливо отмечал Н.В. Павлов, необходимость предоставить помощь «своим» превалировала над потребностью в оказании поддержки «чужим» [10, с. 157–168, 203–207]. При этом правительство ФРГ сохраняло стабильный интерес к использованию своих вооружённых сил за пределами евроатлантического сообщества, учитывая дивиденды – в первую очередь, политического (в том числе имиджевого) характера, что было особенно важно для Германии как вновь утверждавшейся в реалиях 1990-х гг. державы.

Между тем создание СКР требовало существенных расходов. К примеру, каждый боец должен был иметь дорогостоящий индивидуальный комплект средств спутниковой связи и навигации (не считая современного вооружения). Финансовые трудности преодолевались путём сокращения численности личного состава и парка боевой техники той преобладающей части бундесвера, которая должна была постоянно находиться на территории ФРГ. Уже в 1995 г. бундесвер был сокращён до 335 тыс. военнослужащих [14, с. 20], а к 2001 г. – до 264 тыс.¹³.

Во-вторых, весьма ответственной задачей для бундесвера, требовавшей скорейшего решения, была интеграция военнослужащих бывшей Народной национальной армии (ННА) ГДР. Значительная часть офицерского и унтер-офицерского корпуса ННА была уволена в отставку в течение двух–трёх лет после образования общегерманского государства. На территорию новых восточных земель были передислоцированы две дивизии «старого» бундесвера – 13-я и 14-я танковые, в состав которых вошли и военнослужащие (преимуще-

¹² Rede des Verteidigungsministers Volker Rühe // Plenarprotokoll 13/248. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 248. Sitzung. Bonn, Freitag, den 16. Oktober 1998. S. 21134B–21135C.

¹³ Entwicklung des Personalbestands der Bundeswehr von 2000 bis 2016. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/38401/umfrage/personalbestand-der-bundeswehr-seit-2000/> (дата обращения 15.02.2017).

ственно рядовые) бывшей ННА. Обе дивизии были сведены в IV армейский корпус (дислокация в г. Потсдам), переданный в подчинение командных структур Альянса [14, с. 21–22].

Всё это привело к тому, что в период середины – второй половины 1990-х гг. «чёрно-жёлтый» кабинет не смог определить чёткие количественные контуры перспективного облика бундесвера, и первую очередь СКР. Те весьма обобщённые разработки, которые были сформулированы в начале 1990-х гг., утратили свою актуальность в условиях продолжившихся значительных сокращений бундесвера.

Важнейшим шагом на пути решения данной задачи стало опубликование в 2004 г. «Основ концепции бундесвера». Положения документа разрабатывались ещё министром обороны ФРГ в первом «красно-зелёном» кабинете (1998–2002) Р. Шарпингом и были оформлены в окончательном виде его преемником П. Штруком. Согласно «Основам концепции бундесвера», войска разделялись на три категории, предназначавшиеся для:

- использования в зонах вооружённых конфликтов высокой интенсивности – ударные силы СКР (численность – 35 тыс.);
- применения в зонах вооружённых конфликтов средней и низкой интенсивности, то есть в первую очередь в деятельности по поддержанию мира и осуществлению широкого спектра мероприятий по помощи нестабильным государствам (70 тыс.);
- постоянного пребывания в землях ФРГ, то есть выполнения в случае необходимости задач по обеспечению территориальной безопасности (147 тыс.)¹⁴.

«Основы концепции бундесвера» уникальны тем, что в документе впервые прослеживается чёткое выделение двух компонент вооружённых сил: СКР и сил территориальной обороны. Причём бесспорный приоритет и с точки зрения финансирования и с точки зрения политической и военно-политической нагрузки делался именно в пользу первого компонента (СКР) – он должен был расти численно и оснащаться современной техникой. Второму же компоненту отводилась вспомогательная роль общего резерва, который мог быть использован при чрезвычайных обстоятельствах, чем предопределялось дальнейшее сокращение данных сил.

Какие факторы определили принятие «Основ концепции бундесвера»?

Во-первых, документ готовился с учётом огромного и трактовавшегося в ФРГ в то время весьма положительно опыта использования бундесвера в зонах вооружённых конфликтов и (или) на территории нестабильных государств в рамках борьбы с международным терроризмом. Эти операции отчётливо продемонстрировали огромный политический эффект от использования СКР, что доказывало реальную способность ФРГ нести повышенную ответственность на региональном и особенно глобальном уровнях. Де-факто в современном мире

¹⁴ Grundzüge der Konzeption der Bundeswehr, 2004. Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2004. S. 19–33.

обладание боеспособными силами кризисного реагирования для демонстрации своей военной мощи в любой точке земного шара стало неотъемлемой частью понятия «реальный суверенитет» как ключевого критерия принадлежности к узкому кругу держав [5, с. 32–60].

Во-вторых, необходимо учитывать, что германский истеблишмент продолжал считать близкой к нулю вероятность угрозы территориальной целостности и суверенитету ФРГ – о чём, в частности, было заявлено в докладе канцлера Г. Шрёдера на 41-й Мюнхенской конференции по безопасности 12 февраля 2005 г.

Одно из направлений, обозначенных в «Основах концепции бундесвера», – сокращение сил бундесвера, предназначенных для постоянного размещения на территории самой ФРГ – продолжило динамично развиваться. Ещё в 2001 г., при Р. Шарпинге¹⁵, в бундесвере были упразднены корпусные управления (в том числе IV корпуса на «новых землях»). Единственное исключение было сделано для штаба I германо-нидерландского корпуса – «мозга» интегрированной группировки наземных войск двух стран. Применительно к США ФРГ стремилась – в основном латентно, а в период пребывания у власти второго «красно-зелёного» кабинета Шрёдера/Фишера открыто – к сокращению и даже свёртыванию иностранного военного присутствия на своей территории. Напротив, к вопросам создания объединённой с Нидерландами военной группировки ФРГ проявляла стабильный интерес. Чем было обусловлено данное различие? В двусторонней модели отношений США–ФРГ в военно-стратегической области Германия играла подчинённую роль. На это указывали не только факт присутствия войск США на территории страны, но и несопоставимо более высокая, чем у других стран-участниц НАТО, степень интегрированности её вооружённых сил в Альянс. В открытом доступе отсутствуют полные данные об общей численности войск ФРГ, подчинённых штабным структурам Альянса (такая информация имеется только применительно к периоду холодной войны). Согласно нашим подсчётам, в настоящее время этот показатель составляет до 80% общего количества военнослужащих и единиц военной техники в бундесвере¹⁶.

Напротив, в тандеме ФРГ–Нидерланды Германия играет ведущую роль. Причём, как показала практика, такой формат двустороннего сотрудничества являет собой пример политического симбиоза. Германии объединение войск (особенно СКР) частично компенсирует общее снижение боевых возможностей из-за произошедших масштабных сокращений бундесвера. Так, в современных реалиях командованию 1-й танковой дивизии бундесвера подчинена 43-я нидерландская механизированная бригада. Насчитывая до 5 тыс. военнослужащих, она серьёзно усиливает сухопутные войска бундесвера (60 тыс. военнослужащих к 2017 г.). Для Нидерландов данный тандем служит дополнительной

¹⁵ Министр обороны в 1998–2002 гг.

¹⁶ Рассчитано по данным сайтов бундестага и Министерства обороны ФРГ: www.bundestag.de и <https://www.bmvg.de/>.

«подушкой безопасности», особенно в случае угрозы крупномасштабного конфликта в Европе.

Вслед за расформированием армейских корпусов серьёзным изменениям подверглась дивизионная система наземных войск бундесвера. Уже в конце 1990-х гг. на территории «старых земель» были расформированы две дивизии (танковая и горнопехотная), и на базе каждой из них созданы бригады. В 2000-е – начале 2010-х гг. данный процесс охватил 10 из 12-ти дивизий бундесвера. В бригады сводились в основном «ядра» личного состава танковых дивизий, в то время как часть мотопехотных дивизий была расформирована полностью. В частности, обе дивизии в «новых землях» (13-я и 14-я, ставшие к концу 1990-х гг. мотопехотными) были сведены в две танковые бригады. В итоге к середине 2010-х гг. в составе сухопутных войск бундесвера осталось лишь две (1-я¹⁷ и 10-я¹⁸ танковые) дивизии для территориальной обороны, подчинённые командным структурам НАТО.

Процесс реорганизации бундесвера сопровождался масштабными сокращениями парка вооружений и военной техники. Так, в 1995–2015 гг. количество танков в бундесвере сократилось с 4,1 тыс. до 225¹⁹ (!), то есть до четырёх танковых батальонов. Общая численность сухопутных войск в 1989–2017 гг. сократилась с 360 до 60 тыс. военнослужащих²⁰ [14]. Даже с учётом улучшения тактико-технических характеристик вооружений, боевые возможности сухопутных войск по обеспечению территориальной обороны составляют в середине 2010-х гг. примерно 20% от уровня 1980-х гг.

Сокращение численности личного состава и парка вооружений военноморских и военно-воздушных сил, имевшее место в 1990-е – начале 2010-х гг., проходило медленнее, чем в сухопутных войсках. Кроме того, в ВМФ и ВВФ значительно активнее, чем в наземных силах, шли модернизация имевшихся и разработка новых вооружений и военной техники, их внедрение малыми и средними партиями. Так, к 1990-х гг. германский надводный и подводный флот насчитывал 172 выпелов, а к середине 2010-х гг. – свыше 50 боевых единиц, более чем у 50% из которых срок службы не превышал 10 лет²¹.

¹⁷ Panzerdivision. URL: http://www.deutschesheer.de/portal/a/heer/start/dienstst/1pzdiv/!ut/p/z1/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfIjo8zinSx8QnyMLi2MfEyDLA0cXT1Nwnx9XlwN3M31wwkpiAJKG-AAjgb6wSmp-pFAM8xxmmFhqB-sH6UflZVYllihV5BfVJKTWqKXmAxyoX5kRmJeSk5qQH6yl0SglDei3KDcUREA_luZXg!!/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922L5R90AEI4VMLD3081 (дата обращения 15.02.2017).

¹⁸ Panzerdivision. URL: http://www.deutschesheer.de/portal/a/heer/start/dienstst/10pzdiv/!ut/p/z1/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfIjo8zinSx8QnyMLi2MPw8DQ08w0JM3QJ8PlwMfI31wwkpiAJKG-AAjgb6wSmp-pFAM8xxmuFqph-sH6UflZVYllihV5BfVJKTWqKXmAxyoX5kRmJeSk5qQH6yl0SglDei3KDcUREAF5Etwv!!/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922DNI10IVT5FPLH20E6 (дата обращения 15.02.2017).

¹⁹ Ursula von der Leyen will Deutschland aufrüsten. URL: <http://www.shz.de/deutschland-welt/politik/ursula-von-der-leyen-will-deutschland-aufruesten-id12570601.html> (дата обращения 01.02.2017).

²⁰ Strukturen des Heeres in der Bundeswehr. URL: http://www.deutschesheer.de/portal/a/heer/start/insp/geschichte/strukturendesheeres/!ut/p/z1/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfIjo8zinSx8QnyMLi2MTP1MTAw8zRy9QgwMXQxNXI30wwkpiAJKG-AAjgb6wSmp-pFAM8xxm2GuH6wfpR-VlViWWKfXkF9UkpNaopeYDHKhfmRGYI5KTmpAfRlJRKAgn6LcoNxREQB3a9_f/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL29225N44016AJT01D14E7 (дата обращения 01.02.2017).

²¹ Рассчитано по данным портала ВМС ФРГ <http://www.marine.de>.

Чем объяснялось данное отличие? С одной стороны, тем, что кригсмарине и люфтваффе более активно, чем сухопутные войска, использовались для выполнения задач по обеспечению территориальной обороны ФРГ и её партнёров по Альянсу – в первую очередь, вновь вступивших в него государств Восточной Европы, Балтии и Балкан. С 2004 г. в рамках выполнения обязательств по НАТО надводные военные суда ФРГ выделялись в состав 1-й постоянной морской (ПМГ) и 1-й постоянной контрминной групп (ПКМГ) в Балтийском море и прилегающих акваториях, а также 2-й ПМГ и 2-й ПКМГ в Средиземном и (с 2008 г.) Чёрном морях. Боевые самолёты ФРГ в 2004–2017 гг. восемь раз в течение полугодичных периодов выделялись для участия в миссии по патрулированию воздушного пространства стран Балтии²².

С другой стороны, в большей степени, чем сухопутные войска, кригсмарине и люфтваффе использовались как инструменты обеспечения германского военного присутствия на мировой арене. Германский флот принял активное участие в операциях «Несокрушимая свобода» в акваториях Африканского Рог (2001–2014), и «Активные усилия» в Средиземном море (2001–2004) под эгидой международной антитеррористической коалиции [17, с. 76]. С 2008 г. военно-морские силы ФРГ направляли свои корабли для борьбы с пиратством у берегов Сомали в рамках операции ЕС «Аталанта» [17, с. 95–97]. Люфтваффе обеспечивало логистическую поддержку деятельности германского контингента в Афганистане, а также миротворческих операций под флагом Европейского союза и ООН с участием ФРГ в Африке – в частности, в Судане и Сомали [17, с. 89, 101–103].

Однако ключевую нагрузку в осуществлении деятельности ФРГ за пределами зоны ответственности НАТО несли силы кризисного реагирования. В «Основах концепции бундесвера» (2004) была прописана идея создания огромных 105-тысячных сил быстрого реагирования. В случае успешного хотя бы 50%-ного выполнения данной цели ФРГ уверенно утвердилась бы в качестве ведущего среди европейских стран НАТО и ЕС, сопоставимого с США центра миротворчества и поддержания мира на международной арене. Германская сторона обладала бы возможностями по одновременному заметному участию в стабилизации обстановки в 15–20 зонах вооружённых конфликтов и нестабильных государствах.

Как уже отмечалось, согласно «Основам концепции бундесвера», СКР становились по сути самостоятельным компонентом в составе бундесвера. Необходимо подчеркнуть, что как на доктринальном уровне, так и де-факто данное положение поддерживалось и реализовывалось всеми последующими федеральными правительствами вне зависимости от их политической «окраски».

Первым шагом на пути резкого наращивания СКР стала попытка создания в 2000-е гг. двух дивизий – аэромобильной и специальных сил – на основе

²² Рассчитано по данным портала BBC ФРГ <http://www.luftwaffe.de>.

тех подразделений и частей сухопутных войск, которые имели опыт действий вне зоны ответственности Североатлантического альянса. Однако к середине 2010-х гг. вместо двух так и не оформленных до конца соединений была создана одна дивизия сил быстрого реагирования²³. Как показала практика, в первой половине 2010-х гг. ФРГ могла использовать вне зоны ответственности НАТО одновременно не более 7 тыс. военнослужащих²⁴ – данная цифра весьма далека от тех показателей, на которые правительство ФРГ планировало выйти в середине 2000-х гг.

Чем были обусловлены отмеченные трудности?

Думается, что, во-первых, своё значение сохранили финансовые ограничения, во многом порождающие военно-технические и технологические трудности. На протяжении 2000-х – середины 2010-х гг. доля расходов на оборонные нужды в бюджете ФРГ не превышала 1,2% ВВП, составляя 1,19% в 2014–2016 гг. [21, с. 2]. Несмотря на решение Уэльского саммита НАТО (2014) об обязательном увеличении расходов на военные цели до 2% от ВВП в течение 10 лет, германская сторона не планирует выйти в среднесрочной перспективе даже на показатель в 1,5% (!). Германский аналитик К.-Х. Камп считает, что в относительном измерении доля расходов даже уменьшится, до уровня в 1,17% [21]. При этом в абсолютном выражении расходы на военные цели будут расти на 2–3 млрд евро ежегодно, дойдя до 43 млрд евро к 2020 г., как заявила министр обороны У. фон дер Ляйен. До 50% от прироста ассигнований планируется потратить на закупки новых единиц вооружений и военной техники. Помимо затрат на НИОКР (особенно среднесрочной перспективе), предполагается увеличить расходы на военные учения (в первую очередь, в Европе) и операции за пределами зоны ответственности НАТО, а также повысить жалование военнослужащим с целью повышения привлекательности военной службы²⁵. Даже под давлением администрации Д. Трампа (и возможной поддержки в данном вопросе США со стороны Великобритании) реальность выхода ФРГ на показатель 2% ВВП вызывает серьёзные сомнения. Правительство Германии, учитывая позицию СДПГ, будет стремиться затягивать резкий рост расходов как минимум до начала 2020-х гг., надеясь на благоприятное изменение международной обстановки.

Хроническое недофинансирование вооружённых сил на протяжении четверти века привело к тому, что качественно новых, а тем более прорывных, образцов основных видов вооружений и военной техники создано немного. Так, новинками (с известной долей условности) в парке бронетехники стали танк

²³ Division Schnelle Kräfte. URL: http://www.deutschesheer.de/portal/a/heer/start/dienstst/dsk/!ut/p/z1/04_Sj9CPyKssy0xPLMnMz0vMAfIJo8zinSx8QnyMLI2MXPw8DQ08w0JM3QJ8PIwMQk30wwkpiAJKG-AAjgb6wSmp-pFAM8xxm2GsH6wfpR-ViViWWKFXkF9UkpNaopeYDhKhfmgRGYI5KTmpAfrljRKAgN6LcoNxREQBCDVX_/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922DNI10IVT5FPLH20U3 (дата обращения 15.02.2017).

²⁴ Рассчитано по данным сайта бундестага www.bundestag.de.

²⁵ Ursula von der Leyen will Deutschland aufrüsten. URL: <http://www.shz.de/deutschland-welt/politik/ursula-von-der-leyen-will-deutschland-aufruesten-id12570601.html> (дата обращения 01.02.2017).

Leopard 2A7 (предназначенный для боёв в городских условиях) и разведывательный броневомобиль Fennek. Министерство обороны заинтересовано в разработке новой линейки самолётов: истребителя-бомбардировщика, бомбардировщика, разведчика и транспортного. Стоящие на вооружении модели или были разработаны ещё в 1980-е гг. (Tornado) или не удовлетворяют по своим характеристикам (как Airbus 400, продукт кооперации стран ЕС). Проблемы финансирования, особенно обострившиеся в условиях мирового экономического кризиса и кризиса в зоне евро, сдерживают рост численности СКР.

Во-вторых, в XXI в. продолжилось сокращение численности личного состава, в первую очередь за счёт военнослужащих-срочников (см. табл. 2).

Табл. 2. Изменение личного состава бундесвера в начале XXI века
Table. 2. Change in the personnel of the Bundeswehr at the beginning of the 21st century

Год	Число кадровых военных	Добровольцы	Срочники	Всего
2000	188 200	21 700	107 200	263 500 ²⁶
2001	187 100	21 500	95 700	256 450
2002	187 800	23 000	84 100	252 850
2003	190 000	24 100	69 900	249 050
2004	190 500	22 700	51 100	238 750
2005	188 500	23 800	39 900	231 800
2006	188 400	23 900	37 800	231 200
2007	189 200	22 700	37 300	230 550
2008	189 000	23 200	35 600	230 000
2009	188 000	25 000	37 000	231 500
2011	188 017	24 794	68	212 845
2013	175 286	8 728	–	184 014
2014	170 914	9 304	–	180 218
2015	168 277	8 792	–	177 069
2016	168 342	9 266	–	177 608

Построено на основе: Entwicklung des Personalbestands der Bundeswehr von 2000 bis 2016. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/38401/umfrage/personalbestand-der-bundeswehr-seit-2000/> (дата обращения 15.02.2017).

В 2000-е гг. численность «ядра» вооружённых сил – профессиональных, технически грамотных военнослужащих, которые составляли основу обеих компонентов (и в первую очередь СКР) – оставалась неизменной: 188–190 тыс. солдат и офицеров. На рубеже XX – XXI вв. на фоне серьёзных социально-экономических проблем в ФРГ снижение срока службы и солдат-срочников было «дойной коровой» для политического истеблишмента страны. «Обнуление» призыва (по

²⁶ Рассчитано с учётом сокращения продолжительности службы у солдат-срочников.

модели военной реформы США при президенте Р. Никсоне), осуществлённое министром обороны К.-Т. цу Гутеннбергом (ХСС) в 2011 г., резко повысило его рейтинг у электората.

Но в современных реалиях данное решение загоняет руководство ФРГ в тупик. «Обнуление» призыва сопровождалось снижением притока добровольцев (в 2–2,5 раза по сравнению с концом 2000-х гг.), что привело к сокращению численности кадровых солдат, унтер-офицеров и офицеров, поскольку их естественную убыль по достижении выслуги лет стало трудно восполнять. В итоге уменьшение численности личного состава стало угрожать критической потерей бундесвером своей боеспособности. Значительное (свыше 20–25 тыс.) увеличение численности бундесвера превратилось бы в серьёзную проблему. Даже при некотором усилении угрозы территориальной безопасности возвращение на службу срочников (особенно в больших масштабах) станет политическим самоубийством для любого правящего кабинета. В этой ситуации федеральное правительство будет стремиться использовать широкий набор инструментов (в первую очередь информационных и финансовых) для повышения привлекательности контрактной службы.

Отмеченные ограничения в вопросах финансирования и численности личного состава бундесвера с середины 2010-х гг. обусловили необходимость сокращения войск не только второго компонента (силы территориальной обороны), но и первого (СКР). Однако несмотря на отмеченные трудности в развитии сил кризисного реагирования, интерес федерального правительства к их применению стабильно возрастал на протяжении 2000-х – начала 2010-х гг.

Бундесвер активно использовался в борьбе против международного терроризма. В 2001–2014 гг. основным местом этой деятельности являлась территория Афганистана, где германские военнослужащие действовали под эгидой Международных сил содействия безопасности и (что не декларировалось федеральным правительством) в рамках операции «Несокрушимая свобода» для борьбы с «Аль-Каидой» и особенно «Талибаном». Несмотря на дискуссии, бундестаг в целом поддерживал данное применение бундесвера, увеличив «верхний потолок» численности контингента на афганской земле в 2002–2011 гг. с 1,2 до 5 тыс. По завершении миссии МССБ (2014) ФРГ направило примерно 1 тыс. солдат и офицеров для проведения операции «Решительная поддержка» афганскому правительству с целью противодействия «Талибану» и «Исламскому государству» (ИГ)²⁷. Параллельно с декабря 2015 г. на основании мандата бундестага бундесвер включился в борьбу с ИГ на сирийском театре военных действий. Необходимо отметить, что во всех отмеченных случаях воинские контингенты ФРГ согласно мандату выполняли небоевые задачи (разоружение комбатантов, охрана, участие в реформе сектора безопасности Афганистана, разведывательная, логистическая и медицинская поддержка действий партнёров по НАТО) [12, с. 165–169].

²⁷ Запрещённая в России террористическая организация.

В то же время бундесвер применялся для выполнения задач по поддержанию мира в зонах вооружённых конфликтов на территории Африки (ДРК, Судан, Сомали). Кроме того, вооружённые силы ФРГ сыграли заметную роль в обеспечении режима прекращения огня и поддержания мира на юге Ливана по завершении боевых действий между Израилем и движением «Хизбалла» [17, с. 91–93].

С одной стороны, отмеченные особенности объяснялись характерным для ФРГ периода 1990-х – середины 2010-х гг. в области международной безопасности курсом на стратегическую сдержанность, который выражался стремлением к участию преимущественно в небоевых (не силовых) операциях вне зоны ответственности НАТО. С другой, – недостаточными возможностями бундесвера осуществлять масштабные акции в зонах вооружённых конфликтов высокой интенсивности за пределами евроатлантического сообщества (вопреки планам середины 2000-х гг.).

Расширение географического ареала использования и увеличение спектра выполняемых бундесвером задач было обусловлено, во-первых, политической выигрышностью данных мер. Во-вторых, что более существенно, страны-участницы ЕС и НАТО не могли игнорировать масштабные нетрадиционные угрозы, порождаемые в нестабильных и «хрупких» государствах Африки и Азии – такие, как распространение боевиков и ячеек международного терроризма, неконтролируемые миграционные потоки. ФРГ использовала свои военно-политические возможности для борьбы не только с проявлениями данных угроз, но и с причинами их возникновения – слабостью власти на центральном и местном уровнях, проблемами обеспечения продовольствием и водой, низким качеством медицинского обслуживания и высоким уровнем безработицы в нестабильных и несостоявшихся государствах. Для этого бундесвер решает широкий спектр задач по стабилизации обстановки в конфликтогенных странах Африки и Азии. В условиях миграционного кризиса в ЕС приоритет борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности признан на доктринальном уровне – в «Белой книге» (2016)²⁸. Соответственно, федеральное правительство должно не только не уменьшать, но, напротив, наращивать масштаб и интенсивность использования бундесвера за пределами зоны ответственности НАТО, одновременно выполняя масштабные обязательства перед партнёрами по Альянсу.

На современном этапе бундесвер сохраняет свою двусоставную структуру.

В войсках, предназначенных для постоянного дислоцирования и использования на территории ФРГ (второй компонент бундесвера), была осуществлена «перекройка» военно-административной системы по сравнению с 1990–2000 гг. Вместо «вертикальной» системы распределения войск (дислоцированных на новых и старых землях) была введена «горизонтальная» разметка по принципу разделения север–юг.

²⁸ Weißbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr, 2016. Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2016. S. 34–44.

В северогерманских землях основная масса сил и средств второго компонента бундесвера объединена под командованием 1-й танковой дивизии (три бригады), в состав которой входит и 43-я механизированная бригада армии Нидерландов. Кроме того, здесь дислоцированы штабы (в частности, совместной с Данией и Польшей группировки), не имеющие в своём постоянном подчинении войсковых частей и соединений, но готовые в случае необходимости выполнять стратегические задачи. Из состава ВВС в расположенную в северных землях ФРГ группировку входят 71-я и 73-я тактические эскадры люфтваффе²⁹. Для оперативного взаимодействия с наземными войсками и ВВС предназначена 1-я флотилия кригсмарине. В её состав входят 1-я эскадра корветов, 3-я эскадра минных тральщиков, эскадра дизельных подводных лодок (ПЛ), эскадра вспомогательных судов, а также части морской пехоты³⁰. Все данные силы подчиняются военно-командным структурам НАТО, находясь в зоне командования объединённых вооружённых сил блока «Север».

Всего эти трёхвидовые силы насчитывают до 20 тыс. военнослужащих наземных войск (с комплектом тяжёлой техники для одной бригады), до 70 боевых самолётов, 15 боевых и пять вспомогательных надводных кораблей и шесть дизельных ПЛ³¹. Реализация мер по выполнению обязательств перед партнёрами по НАТО осуществлялась именно за счёт данной группировки. Так, в 2014–2015 гг. 1-я танковая дивизия выделила контингенты в состав СБР НАТО, 1-я флотилия регулярно направляет корабли в состав 1-й и 2-й КМГ и 1-й и 2-й ПКМГ, а 71-я эскадра – самолёты в состав миссии по патрулированию воздушного пространства стран Балтии. На данную группировку также ложится ответственность за комплектование германской компоненты четырёх многонациональных батальонов на территории стран Восточной Европы и проведение учений под эгидой НАТО в регионе. Выполнение данных обязательств (особенно в случае их роста) на долгосрочную перспективу требует серьёзного увеличения сил и средств в составе группировки в северных землях ФРГ – в первую очередь, наземных войск (как минимум в 1,5 раза для личного состава и трёхкратного для тяжёлой техники).

На территории южных федеральных земель Германии сухопутные войска второй компоненты объединены под командованием 10-й танковой дивизии (три бригады и германский компонент германо-французской бригады)³². От люфтваффе в состав данной группировки входит 74-я тактическая эскадра³³. Данные силы также полностью подчинены военно-командным органам Альянса, распо-

²⁹ По данным портала BBC ФРГ. URL: <http://www.luftwaffe.de>.

³⁰ По данным портала ВМС ФРГ. URL: <http://www.marine.de>.

³¹ Рассчитано по данным сайтов: <http://www.deutschesheer.de>, <http://www.luftwaffe.de>, <http://www.marine.de>.

³² Panzerdivision. URL: http://www.deutschesheer.de/portal/a/heer/start/dienstst/10pzdiv/!ut/p/z1/04_Sj9CPYkssyOxPLMnMz0vMAfljo8zinSx8QnyMLI2MXPw8DQ08w0JM3QJ8PlwMfl31wwkpiAJKG-AAjgb6wSmp-pFAM8xxmuFqph-sH6UflZVYllihV5BfVJKTWqKXmAxyoX5kRmJeSk5qQH6yl0SglDei3KDCUREAF5Etwv!!/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z_7B8LTL2922DNI10IVT5FPLH20E6 (дата обращения 15.02.2017).

³³ По данным портала BBC ФРГ. URL: <http://www.luftwaffe.de>.

лагаясь в зоне командования объединённых вооружённых сил НАТО «Центр». Указанные войска предназначены для взаимодействия с армией Франции, а также военным контингентом США в Германии, основные силы которого дислоцированы на территории федеральных земель Бавария и Баден-Вюртемберг. Всего в состав этой группировки бундесвера входит свыше 20 тыс. военнослужащих (в том числе комплект тяжёлой техники для танковой бригады) и до 40 боевых самолётов³⁴. Кроме того, в состав сил второго компонента бундесвера входят 31-я, 51-я и 33-я тактические эскадры³⁵ (самолёты последней могут потенциально нести на своём борту тактические ядерные боезаряды США), части ПВО, а также ряд учебных и тыловых частей и подразделений бундесвера.

В современных условиях, после осуществлённых сокращений управления дивизий и флотилий бундесвера фактически решают задачи штабов корпусного (то есть оперативного) и даже армейского (стратегического) уровней, а бригады (эскадры) выполняют функции соединений не тактического, а оперативно-го уровня. На эту особенность – повышение военно-политической ценности одной отдельной взятой боевой единицы и выполнение ею задач более высокого уровня в условиях сокращения вооружённых сил – впервые обратила внимание группа видных отечественных исследователей проблем военной теории во главе с академиком РАН А.А. Кокошиным [6, с. 111].

На современном этапе, в условиях первой после окончания «классической» холодной войны смены приоритетов коллективного Запада в области международной безопасности, встал вопрос как минимум о частичной корректировке курса по строительству вооружённых сил ФРГ. Показательно, что федеральное правительство неоднократно откладывало сроки публикации новой Белой книги по политике в области и будущему бундесвера. Она была представлена общественности лишь в июле 2016 г. – вскоре после проведения саммита НАТО в Варшаве. В документе дан достаточно подробный анализ возросших для ФРГ и её партнёров по евроатлантическому сообществу угроз и вызовов безопасности, одним из источников которых рассматривается Россия³⁶. В этой связи отмечается необходимость наращивания боевых возможностей бундесвера, в том числе для выполнения ими задач по обеспечению территориальной обороны³⁷. Подобное положение декларируется на доктринальном уровне впервые с начала 1990-х гг.

С нашей точки зрения, выполнение обязательств перед партнёрами по НАТО требует от обеих группировок (особенно от северной) второго компонента войск напряжения усилий, близкого к предельному. Поэтому следует ожидать серьёзного наращивания их потенциала – в ближнесрочной перспективе в первую очередь наземных войск (в том числе по парку тяжёлых вооружений),

³⁴ Рассчитано по данным сайтов: <http://www.deutschesheer.de>, <http://www.luftwaffe.de>, <http://www.marine.de>.

³⁵ По данным портала BBC ФРГ. URL: <http://www.luftwaffe.de>.

³⁶ Weißbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr, 2016. Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2016. S. 28–44

³⁷ Ibid., S. 88–93.

а в среднесрочной – люфтваффе и кригсмарине. Мощность этой части бундесвера будет определять возможности ФРГ как военно-политического актора на региональном (европейском) уровне.

Первый компонент вооружённых сил ФРГ – силы, используемые за пределами зоны ответственности НАТО – представлена дивизией сил быстрого реагирования и 2-й флотилией. Дивизия включает в себя германскую и нидерландскую аэромобильные бригады, а также собственную авиацию (вертолётный и два военно-транспортных полка). Соединение имеет в своём составе 9,5 тыс. германских и 2,3 тыс. нидерландских военнослужащих³⁸ (из них активных бойцов – 7 и 2 тыс.), способных развернуться в любой точке земного шара. 2-ая флотилия включает 2-ю и 3-ю эскадры фрегатов и вспомогательную эскадру³⁹. Всего данная группировка насчитывает до 15 тыс. военнослужащих, до 60 вертолётов и транспортных самолётов, а также 10 боевых и 12 вспомогательных морских судов⁴⁰.

Эти возможности позволяют бундесверу осуществлять заметное (от 100 и выше военнослужащих) участие в стабилизации обстановки в 8–10 зонах конфликтов, а также обеспечивать военно-морское присутствие в двух регионах одновременно. На фоне отмеченного выше роста угроз со стороны нестабильных стран Азии и Африки для ФРГ и ЕС следует ожидать как минимум двукратного усиления сил первой компоненты бундесвера уже в среднесрочной перспективе. Мощность этих войск будет определять военно-политические возможности Германии как державы на глобальном уровне.

Возникшая в результате глубокой реорганизации бундесвера в начале XXI в. двусоставная структура бундесвера продолжит определять его перспективный облик.

Однако следует ожидать пересмотра очевидного перекоса в строительстве германских вооружённых сил, существовавшего до середины 2010-х гг., когда практически все сокращения личного состава и техники осуществлялись за счёт сил постоянного дислоцирования. Уже в ближнесрочной перспективе возможно серьёзное усиление этих войск – в первую очередь, за счёт насыщения техникой имеющихся соединений, а также возможного создания новых. С высокой долей вероятности увеличение СКР будет не только заморожено, но, напротив, ускорено.

Этим обуславливается рост численности личного состава и парка вооружений и военной техники бундесвера. Однако в условиях низкой вероятности возвращения на службу срочников возможности по набору нового военного персонала ограничены. Решением этой проблемы может стать массовое

³⁸ Division Schnelle Kräfte. URL: http://www.deutschesheer.de/portal/a/heer/start/dienstst/dsk/lut/p/z1/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfljo8zinSx8QnyMLi2MXpw8DQ08w0JM3QJ8PlwMQk30wwkpiAJKG-AAjgb6wSmp-pFAM8xxm2GsH6wfpR-ViViWWKFXkF9UkpNaopeYDHKhfmRGYI5KTmpAfrlJRKAgn6LcoNxREQBCDvX_/dz/d5/L2dBISevZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922DNI10IVT5FPLH20U3 (дата обращения 15.02.2017).

³⁹ По данным портала BMC ФРГ. URL: <http://www.marine.de>.

⁴⁰ Рассчитано по данным сайтов: <http://www.deutschesheer.de>, <http://www.luftwaffe.de>, <http://www.marine.de>.

насыщение бундесвера робототехникой (причём не только боевыми, но и вспомогательными автоматизированными системами), что позволит более активно применять бундесвер в зонах вооружённых конфликтов не только низкой и средней, но и высокой интенсивности.

Тем самым на современном этапе процесс реорганизации бундесвера приобретает новые количественные и качественные очертания, оперативное и полное выполнение которых позволит ФРГ укрепить свои позиции как значимого военно-политического актора на региональном и глобальном уровнях.

Список литературы

1. Белозёров В.К. Военная сила в системе политики безопасности и обороны Германии // Вестник аналитики. 2006. № 3. С. 128–139.
2. Власов Н.А. Бундесвер: германские вооружённые силы в процессе трансформации. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2009. 68 с.
3. Власов Н.А. Уроки Гиндукуша: миссия бундесвера в Афганистане и политика безопасности ФРГ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 3. С. 108–121.
4. Егоров А.И. Германский бундесвер: реформы и применение (1990 – 2003 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. № 7 (126). С. 99–107.
5. Кокошин А.А. Реальный суверенитет. М.: Европа, 2006. 140 с.
6. Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Потапов В.Я. О соотношении компонентов военного искусства в контексте трансформации мирополитической системы и технологических изменений. М.: URSS, 2015. 128 с.
7. Максимычев И.Ф. Цена политических иллюзий // Обозреватель (Ob-server). 2008. № 3. С. 29–38.
8. Меден Н.К. О некоторых тенденциях в оборонной политике ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2 (41). С. 150–158.
9. Останков В.И. Успешное решение проблем строительства Вооружённых Сил – важнейшее условие обеспечения национальной безопасности // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке: сб. науч. ст. под ред. ген.-полк. Ю.Н. Балуевского. М.: ЦВСИ, 2004. С. 210–226.
10. Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. М.: Наука, 2005. 410 с.
11. Синдеев А.А. Реформа бундесвера: три этапа // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. С. 86–94.
12. Трунов Ф.О. Особенности использования бундесвера в зонах военных конфликтов: концепция «разгрузки» и её практическое значение // Клио. 2016. № 7. С. 162–171.
13. Трунов Ф.О. Современное состояние и перспективный облик вооружённых сил ФРГ: стратегические императивы, вызовы и возможности технологического перевооружения // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. № 3. С. 72–99.
14. Armee der Einheit. 1990–2000. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, 2000. 48 S.
15. Bredow W von. Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2015. 301 S.
16. Bredow W von. Die Zukunft der Bundeswehr. Gesellschaft und Streitkräfte im Wandel. Opladen: Leske und Budrich, 1995. 259 S.
17. The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.
18. Gareis Sv. B. Deutschlands Außen- und Sicherheitspolitik. Opladen: Verlag Barbara Budrich, 2006. 272 S.
19. Kamp K.-H. Die Agenda des NATO-Gipfels von Warschau. Arbeitspapier Sicherheitspolitik, Nr. 9/2015. Berlin: Bundesakademie für Sicherheitspolitik, 2016. 5 S.
20. Kamp K.-H. Der NATO-Gipfel von Warschau. Sieben zu erwartende Botschaften. Arbeitspapier Sicherheitspolitik, Nr. 18/2016. Berlin: Bundesakademie für Sicherheitspolitik, 2016. 4 S.
21. Kamp K.-H. Verpflichtungen in der NATO. Mehr Geld für die Bundeswehr. Arbeitspapier Sicherheitspolitik, Nr. 12/2016. Berlin: Bundesakademie für Sicherheitspolitik, 2016. 4 S.
22. Meiers Fr.-J. Zu neuen Ufern? Die Deutsche Sicherheits- und Verteidigungspolitik in einer

- Welt des Wandels 1990-2000. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh GmbH, 2006. 401 S.
23. Roos Ul. Deutsche Außenpolitik. Eine Rekonstruktion der grundlegenden Handlungsregeln. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2010. 370 S.
 24. Varwick J. Bundeswehr // Handbuch zur deutschen Außenpolitik // S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 247–258.

Об авторе:

Филипп Олегович Трунов – к.полит.н., преподаватель кафедры международной безопасности Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 53. E-mail: 1trunov@mail.ru.

THE DUAL MODEL OF THE DEVELOPMENT OF GER- MAN ARMED FORCES

A.Yu. Timofeev

DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-179-200

Moscow State University. Russia, 119991, Moscow, GSP-1, the Lenin Hills, 1, b. 53.

At the present stage Germany seeks to increase its influence at the international arena and plays active role in the solution of the problems in the sphere of inter-national security. In this regard Germany uses a wide range of foreign policy tools, some of them are military. The Bundeswehr becomes the armed forces which are intended for the usage at the global level and for the solution a large range of tasks, including ones which are atypical for the period of the «cold war». The reform of the Bundeswehr led to its real division of German armed forces into two components. The first of them were the forces which were intended for the usage outside NATO zone of responsibility, and the second component were troops which should complete the tasks of the ensuring the territorial de-fense of Germany and its Alliance's partners if necessary.

In the 1990s – 2000s years the undisputed priority was the development of forces, used outside the Euro-Atlantic society. At the same time the combat capabilities of another component were gradually declining in the situation of common reducing the personnel and armaments of the Bundeswehr. At the present stage the Western countries came to a period of profound deterioration of relations with Russia and faced with the increasing manifestations of the non-traditional security threats caused by instability in the Middle East and North Africa. It puts Germany in front of necessity of simultaneous development of both parts of the armed forces. In this regard in the conclusion there is an attempt to characterize the modern and perspective image of the Bundeswehr and to outline possible ways of overcoming the existing difficulties of its development.

Key words: Germany, international security, Bundeswehr, military reform, NATO, security challenges.

References

1. Belozеров V.K. Voennaia sila v sisteme politiki bezopasnosti i oborony Germanii [Military force in the system of security and defense policy of Germany]. *Vestnik analitiki*, 2006, no. 3, pp. 128–139. (In Russian).
2. Vlasov N.A. *Bundesver: germanskii voоруженные силы в процессе трансформации* [Bundeswehr: German armed forces in the process of transformation]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet, 2009. 68 p. (In Russian).
3. Vlasov N.A. Uroki Gindukusha: missiya bundesvera v Afganistane i politika bezopasnosti FRG [Lessons of the Hindukush: mission of the Bundeswehr in Afghanistan and the German security policy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, no. 3, pp. 108–121. (In Russian).
4. Egorov A.I. Germanskii bundesver: reformy i primeneniye (1990 – 2003 gg.) [German Bundeswehr: the reforms and usage (1990–2003)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia. Politologiya*, 2012, no. 7 (126), pp. 99–107. (In Russian).
5. Kokoshin A.A. *Real'nyi suverenitet* [Real sovereignty]. Moscow, Evropa Publ., 2006. 140 p. (In Russian).
6. Kokoshin A.A., Baluevskii Yu.N., Potapov V.Ya. *O sootnoshenii komponentov voennogo iskusstva v kontekste transformatsii miropoliticheskoi sistemy i tekhnologicheskikh izmenenii* [On the relation between the components of military art in the context of the transformation of the world political systems and technological change]. Moscow, URSS Publ., 2015. 128 p. (In Russian).
7. Maksimychiev I.F. Tsena politicheskikh illyuzii [The price of political illusions]. *Obozrevatel' – Observer*, 2008, no. 3, pp. 29–38. (In Russian).
8. Meden N.K. O nekotorykh tendentsiyakh v oboronnoi politike FRG [About some trends in the German defense policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2015, no. 2 (41), pp. 150–158. (In Russian).
9. Ostankov V.I. Uspeshnoe resheniye problem stroitel'stva Vooruzhennykh Sil – vazhneishee usloviye obespecheniia natsional'noi bezopasnosti [The successful solution of the problems of the Armed Forces building is the most important condition for ensuring national security]. *Voennaia bezopasnost' Rossiiskoi Federatsii v XXI veke*. Ed. by Ju.N. Baluevskiy. Moscow, CVSI Publ., 2004. pp. 210–226. (In Russian).
10. Pavlov N.V. *Vneshniaia politika FRG v postbipoliarnom mire* [German foreign policy in post-bipolar world]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 410 p. (In Russian).
11. Sindeev A.A. Reforma bundesvera: tri etapa [The Bundeswehr reform: three periods]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2015, no. 3, pp. 86–94. (In Russian).
12. Trunov Ph. O. Osobennosti ispol'zovaniia bundesvera v zonakh voennykh konfliktov: kontseptsiiia “razgruzki” i ee prakticheskoe znachenie [The features of the Bundeswehr usage in the zones of military conflicts: the concept of “discharge” and its practical significance]. *Klio*, 2016, no. 7, pp. 162–171. (In Russian).
13. Trunov Ph. O. Sovremennoe sostoiianie i perspektivnyi oblik voоружeniya sil FRG: strategicheskie imperativy, vyzovy i vozmozhnosti tekhnologicheskogo pereosnashcheniia [The current state and perspective image of the German armed forces: strategic imperatives, challenges and opportunities for technological re-equipment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*, 2016, no. 3, pp. 72–99. (In Russian).
14. *Armee der Einheit*. 1990–2000. Bonn, Bundesministerium der Verteidigung, 2000. 48 p. (In German).
15. Bredow W von. *Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär*. Wiesbaden, Springer Fachmedien, 2015. 301 p. (In German).
16. Bredow W von. *Die Zukunft der Bundeswehr. Gesellschaft und Streitkräfte im Wandel*. Opladen: Leske und Budrich, 1995. 259 p. (In German).
17. *The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed*

- Bundeswehr Mis-sions Abroad.* Berlin, Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.
18. Gareis Sv. B. Deutschlands Außen- und Sicherheitspolitik. Opladen, Verlag Barbara Budrich, 2006. 272 p. (In German).
 19. Kamp K.-H. Die Agenda des NATO-Gipfels von Warschau. Arbeitspapier Sicherheitspolitik, Nr. 9/2015. Berlin, Bundesakademie für Sicherheitspolitik, 2016. 5 p. (In German).
 20. Kamp K.-H. Der NATO-Gipfel von Warschau. Sieben zu erwartende Botschaften. Arbeitspapier Sicherheitspolitik, Nr. 18/2016. Berlin: Bundesakademie für Sicherheitspolitik, 2016. 4 p. (In German).
 21. Kamp K.-H. Verpflichtungen in der NATO. Mehr Geld für die Bundeswehr. Arbeitspapier Sicherheitspolitik, Nr. 12/2016 (von Karl-Heinz Kamp). Berlin, Bundesakademie für Sicherheitspolitik, 2016. 4 p. (In German).
 22. Meiers Fr.-J. Zu neuen Ufern? Die Deutsche Sicherheits- und Verteidigungspolitik in einer Welt des Wandels 1990–2000. Paderborn, Verlag Ferdinand Schöning GmbH, 2006. 401 p. (In German).
 23. Roos Ul. Deutsche Außenpolitik. Eine Rekonstruktion der grundlegenden Handlungsregeln. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2010. 370 p. (In German).
 24. Varwick J. Bundeswehr. Handbuch zur deutschen Außenpolitik. S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, 2007. pp. 247–258. (In German).

About the author:

Philipp Ol. Trunov – PhD (Political sciences), Lecturer, Department of international security, Faculty of World Politics, Moscow State University. E-mail: 1trunov@mail.ru.

SOCIAL ECONOMIC CHANGE AS A PRECONDITION OF ETHNIC CONFLICTS: THE CASES OF OSH CONFLICTS IN 1990 AND 2010

Kim Hyunjung

Korea University

This article demonstrates that ethnicity itself didn't play a significant role to cause conflicts in Osh in 1990 and 2010, but was rather a side effect or a catalyst produced inevitably by political struggle in the country.

The Osh conflict in 1990 occurred at the weakening of the USSR's institutional control and decreasing material support from the center. Kyrgyzstan being the major recipient of both indirect and direct subsidies from the USSR suffered a severe economic depression because subsidies were cut or substantially reduced. Moreover, the sudden disintegration of production and trade relations further exacerbated the economic situation in Kyrgyzstan. The economic decline caused a demographic imbalance, which has contributed to increased confrontation between Kyrgyz and ethnic Uzbeks in Osh. These social tensions coincided with political mobilization under the slogans of ethnicity and contributed to the intensification of the conflict making it look similar to an ethnic conflict for an outside observer.

Similarly, the Osh conflict in 2010 happened in the declining economy which was not only the result of the global economic crisis and difficulties in relations with Russia. The political short-sightedness of the Bakiyev regime in resolving problems with the air base at Manas led to complication of relations with Russia, which subsequently led to economic decline in Kyrgyzstan. The economic difficulties soon translated into institutional instability. Massive public demonstrations "framed" as an ethnic conflict by political elites intensified the battle, adding to it an "ethnic" dimension.

Ключевые слова: Kyrgyzstan, Osh, conflict, ethnicity, Central Asia.

The goal of the article is to demonstrate that ethnicity itself did not play a significant role in Osh conflicts in 1990 and 2010, but was rather a side effect produced by a political struggle over the material¹ dominance domestically. Both conflicts happened under negative conditions both at the domestic and international levels. Kyrgyzstan's inherent fragility – clan regionalism and chronic economic deficiency – was heavily impacted by unfavorable political and economic environment at the regional and international level. The Osh conflict of 1990 occurred at the weakening of USSR's central power, when materially unsatisfied regional clans and the ethnic Uzbeks challenged the last Soviet leader in the Kyrgyz SSR. Such institutional rebellion was preconditioned by weakening Kyrgyz economy: removal of indirect and direct subsidies from the USSR caused enormous damage to the regional economy. Declining Kyrgyz economy caused a severe demographic imbalance, making the Kyrgyz people in the rural area of Osh region move to Osh city where Uzbeks consisted half of the population. The change of demographic composition consequently provided a pretext for fostering conflict environment against the ethnic Uzbeks in the city and of course the Kyrgyz elites did not miss the opportunity to make use of the situation by politically mobilizing the unsatisfied crowds.

The Osh conflict in 2010 happened on the background of economic recession affected by the world economic crisis of 2008. However, the declining material pattern in Kyrgyzstan was created not solely by the world economic crisis but rather caused by the deteriorated relationship with Russia. The former president Bakiyev's political misjudgment in dealing with the US especially spoiled the relationship with Russia, which consequently resulted in material pattern change (decline) in Kyrgyzstan. The political and economic misfortune caused massive public demonstrations against rising prices. The opposition, who had a strong dissatisfaction with Bakiyev and his family's monopolistic control on the national assets and major government posts did not miss the chance and staged a coup, creating the Provisional government. However, the political regime change did not go smoothly. According to the Kyrgyzstan Inquiry Commission report, the Provisional government, which lacked supports from the southern region,² "sought support in the south with the Uzbek population"³. This political miscalculation severely worsened the problem, as it intensified the fight adding the "ethnic" aspect to it. The Kyrgyz and the Uzbek people, escalating the discord to claims of territorial separation, clashed into a massive bloody conflict producing 470 dead and 2500 injured in June, 2010⁴.

The article argues that "ethnicity" itself did not necessarily play a significant role in both Osh conflicts. They should not be labeled as ethnic conflicts, since the ethnic

¹ According to B. Buzan, the material element of the state accords to the physical base of the states which "comprises its population and territory, including all of the natural resources and man-made wealth contained within its borders." In this paper, we refer to the definition of B. Buzan by the meaning of "material pattern".

² Roza Otunbaeva was from Osh but she lived most of her life outside of Osh or abroad.

³ Kyrgyzstan Inquiry Commission. Report of the independent international commission of inquiry into the events in southern Kyrgyzstan in June, 2010. URL: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Full_Report_490.pdf (accessed: 01.04.17)

⁴ Ibid.

disparity itself did not start the problem. The Osh conflicts in 1990 and 2010 and their violent development mainly originated from the declined material pattern and the consequent dismantlement of the institutional control divided by strong regionalism. The cause of the problem should not be focused on ethnicity, since it functioned only as a catalyst in the conflict.

Material change, ethnicity and outbreak of “ethnic” conflicts

Contrary to many media reports portraying conflicts in Central Asia as ethnic problems, recent literature insists that the existence of heterogeneous ethnicities “does not itself naturally pre-dispose to violence but is socially constituted”⁵. On the basis of empirical research most of conflicts originates from the fight over the material dominance and other seemingly represented phenomena. The ethnic antipathy is merely a “side effect or a byproduct of the conflict” [11]. In other words, ethnic disparity itself does not bring up the serious social instabilities, however, when it is mobilized by political powers combined with material issues, it works like a catalyst that deepens the conflict or appear as side effects flowed out from the core of the material problem [2, p. 22]. Recent literatures of M. Fumagalli and K. Borishpolets support this argument. M. Fumagalli in his article *Framing Ethnic Minority Mobilisation in Central Asia: The Cases of Uzbeks in Kyrgyzstan and Tajikistan* explains the causes of Osh conflict and the Tajik civil war, based on Framing theory [9]. “Frames” are defined and understood as “interpretive schemes that condense and simplify a person’s experience by selectively highlighting and encoding certain situations, objects, events and experiences” [10, p. 11]. Framing theory of ethno-political mobilization basically suggests that ethnic antipathy does not emerge naturally, but is “framed” as an essential tool used by political elites to mobilize the broader community [9]. K. Borishpolets also notes that ethnicity can be politicized by ruling elites to mobilize the communities in the process of the competition for winning the access to materials or major government posts [1, p. 44-47].

It does not mean that ethnicity is irrelevant. According to a research by H. Brady and C. Kaplan, people in society instinctively divide themselves into in-group and out-group, depending on whether they are sharing common attributes, such as religion, racial characters and language. According to H. Brady and C. Kaplan, as social contacts take place more often in the in-group, positive reputations concentrate there, whereas negative reputations are given to the people from the out-group because of less social contacts with them. The way that power and resources are distributed in the society is motivated and justified by the aim to support the interests of the in-group and to hinder the interests of the out-group [5, p. 34-35]. Such result show how commonly shared ethnic characteristics can affect political mechanisms in domestic environment. Nevertheless, the results should not be generalized, because it does not

⁵ Reeves M. The ethnicisation of violence in Southern Kyrgyzstan. URL: <http://www.opendemocracy.net/od-russia/madeleine-reeves/ethnicisation-of-violence-in-southern-kyrgyzstan-0> (accessed: 01.04.17)

explain political disputes among the same ethnic groups or cooperative coexistence in multi-ethnic states.

It is difficult to make a general formula or proposition on the conditions of state instability or conflict, however, my empirical research of Central Asia explains that most of the social instabilities and conflicts there do not fundamentally originate from the ethnic disparity itself but from the material deficiency and fights over its dominance and improper material distribution. In such context I indicate that the first condition for social stability at domestic level is the balanced domestic political powers with balanced distribution of material resources, which were absent in Kyrgyzstan with its defective institutional governance. I make an attempt to examine the cases of Osh conflicts in 1990 and 2010 to define how material pattern change affects the institutional imbalance and precipitate ideational incoherence – “ethnic” conflicts.

The case of Osh conflict in 1990

The constituting elements of a state – material, institutional and ideational elements – are inseparable. Inter-ethnic/clan dispute often conveys an impression that it is solely an ideational (nationalistic) issue. However, it is inextricably related to institutional (political representation) material distribution issues which often directly link to the explicit cause of massive ethnic conflicts. Such complex interrelations among these elements and severe imbalance among them are represented in the case of the Osh conflict of 1990.

The Osh conflict occurred at the declining USSR's central power by the end of the 1980's. The clan politics which briefly held their breadth at the beginning of Gorbachev's reform in the mid 1980's, raised their head again by the end of the 1980's. The First Secretary of Kyrgyz SSR at the time, A. Masaliev was an orthodox communist. He replaced the former first secretary T. Usubaliev in 1985 who lost his position for abusing “informal” way of politics. In this situation the successor had to be more of a faithful party-liner than a typical clan-based leader and A. Masaliev was the person. However, with the declining USSR power, such “strength” of A. Masaliev turned to be a weakness. A. Masaliev had no firm clan supporters who could join him against other clans and the impoverished the Uzbeks.

Weakening institutional control often creates preconditions for changing the pattern of material distribution. Kyrgyzstan, the major recipient of both indirect and direct subsidies from the USSR, could no longer rely on them [13, p. 153] since the start of the economic reform in the USSR. For example, Kyrgyzstan had been supported by indirect subsidies on product prices, however, such favor had to be removed with the start of the policy of price normalization. Kyrgyzstan had to go through a huge price shock on the imported raw materials, including energy resources. Radical market liberalization brought the collapse of the conventional way of trading for the Kyrgyz enterprises and resulted in a dramatic decline in tax revenues. In 1988 the proportion of interrepublican trade took up about 40% of the GDP of Kyrgyzstan, therefore, the

collapse of Soviet system meant for Kyrgyzstan a severe economic loss [Ibid]. Kyrgyzstan was also one of the major direct subsidy recipients, the republic's budget regularly received transfers from the all-Union state budget. In 1989 all of the transfers received from the donor republics generally represented over 28.6% of national income produced in Kyrgyzstan [8]. The abrupt material pattern change that occurred in the external environment directly impacted on people's lives in Kyrgyzstan. Soaring consumer prices and high unemployment rate moved the Kyrgyz people from the rural area in Osh area to the city of Osh searching for jobs⁶.

Traditionally and over the Soviet period, the Uzbeks constituted the majority in Osh. By the end of the 1980's, due to the economic downturn, the demographic proportion of the Kyrgyz had been constantly increasing and by 1989 nearly caught up with the number of the Uzbeks. At this juncture, the local Osh government could not provide sufficient housing and land for the new local inhabitants. The need for redistribution of scarce resources, which meant redistribution of vested economic interests of the Uzbeks in Osh city, not surprisingly, caused social unrest⁷. The tensions between them deteriorated further. Social discontent merged with intellectuals and political elites who were opposed to A. Masaliev.

The Kyrgyz "Ashar" movement in Bishkek and "Osh Aimagi" in Osh mainly consisted of ethnic Kyrgyz students and peasants in rural areas; they demanded the land allocation for individual housing for Kyrgyz in the late 1980's. However, these social movements began to demonstrate systemic characteristics when political elites and intellectuals joined the group [7, p. 141-143]. These political elites used the strategic "framing" of ethnicity to mobilize the movement. They began demanding the government to protect the Kyrgyz culture, language, education and ultimately to adopt a land law that would return the land from the Uzbeks to the Kyrgyz [7, 9]. To resist this movement ethnic Uzbeks organized an ethno-nationalistic group called «Adolat» and demanded to return Osh and Jelalabad to Uzbek SSR. The Uzbeks also opposed the Masaliev regime, outraged by the fact that the government «advocates» the ethnic Kyrgyz people. Among all the demands that the Kyrgyz required, the land issue caused an acute reaction from the Uzbek community and "it served as the spark that ignited violence in Osh"⁸. As a result, in June 1990, about 1500 Kyrgyz and 10,000 Uzbeks collided at a farm resulting in more than 300 people dead and 462 seriously injured [9].

There are various explanations for the reasons of the Osh conflict, but such a complex social phenomenon cannot be explained by a single reason: it is a complex issue, parts of which are closely interrelated. Nevertheless, this article argues that the «material problem» is the main cause of the conflict. A sharp change of material pattern leads

⁶ Kyrgyzstan is an agri-exports specialized republic. Due to the process of privatization of the lands in rural area, a lot of people lost their jobs and moved to the city.

⁷ Ошская резня 1990 года. Хронология трагедии//Фергана, Июнь 8, 2010. URL: <http://www.fergananews.com/articles/6601> (accessed: 01.04.17).

⁸ Kyrgyzstan Inquiry Commission. Report of the independent international commission of inquiry into the events in southern Kyrgyzstan in June, 2010. URL: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Full_Report_490.pdf (accessed: 01.04.17).

to institutional instability and demographic changes that encourage conflicts among in-group and out-group people, and these conflicts can become more intense if they are mobilized by ethnic discontent used by political elites. The Osh conflict of 1990 followed this pattern: the conflict was due to the struggle for material resources and in this process «ethnic nationalism» was strategically used as a catalyst.

The case of Osh conflict in 2010

To understand the complex causality of the Osh conflict in 2010 I attempt to take four levels of analytical frames: international, regional, domestic political elites and civil society levels. The Osh conflict in 2010 was a result of unfavorable international economic environment, global economic crisis of 2008; political misjudgment by the former Bakiyev's regime on the Manas base at the regional level; political mistakes made by Provisional government in the process of suppressing the Bakiyev's supporters in the South; political mobilization intensified by ethnicity "framing" at the level of domestic political elites; high unemployment and poverty rate. All these factors led to social tension and as a result people easily joined antigovernment demonstrations at the civil society level. As previously noted material and institutional (often political) issues are hardly separable, however, the main problem originates from material issues, and it can conceal itself under the masks of factional fighting or ethnic conflict.

The global economic crisis of 2008 had a dual impact on Kyrgyzstan. Kyrgyzstan's regional economic dependence on Russia is still quite substantial, therefore, Russian economic problems caused by the world economic crisis had an impact on Kyrgyz economy. Russia's economic decline meant for Kyrgyzstan rising unemployment rate and consequently decreasing GDP, since about 33% of Kyrgyzstan GDP is formed by remittances from migrant workers in Russia. Kyrgyz economy also has been directly affected by the crisis of 2009, when Kyrgyz GDP grew only about 2.9% and the total GDP amounted to only 99.4% of the 1990 level. Further, industrial production in the first 9 months of 2009 has decreased by more than 11%⁹. Yet, the declining material pattern in Kyrgyzstan was caused not only by the world economic crisis but more significantly by worsening relations with Russia. The former president Bakiyev's political misjudgment in foreign policy in the process of dealing with the great powers especially deteriorated Kyrgyz-Russian relations, that consequently resulted in material pattern change (decline). All these political and economical problems eventually led to massive demonstration in April 2010. "The immediate trigger of the April demonstrations was rising utility prices"¹⁰. The rise of the utility prices in Kyrgyzstan began with Russia's decision in March 2010 that "it would greatly increase customs duties on

⁹ Население Кыргызстана в начале XXI в. / Под ред. Денисенко М.Б. Бишкек, 2011. URL: http://kyrgyzstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Population%20of%20KG%20at%20the%20beginning%20of%20XXI%20century_most%20final%20version.pdf (accessed: 01.04.17).

¹⁰ Kyrgyzstan Inquiry Commission. Report of the independent international commission of inquiry into the events in southern Kyrgyzstan in June, 2010. URL: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Full_Report_490.pdf (accessed: 01.04.17).

gasoline and other petroleum products exported to members of the Commonwealth of Independent States that did not belong to a customs union (the customs union includes Russia, Belarus, and Kazakhstan)” [12]. The additional duties obstructed supplies to Kyrgyzstan causing the rise in prices in early April 2010.

A number of scholars on Central Asia note that Bakiyev regime's decision to extend the lease of Manas air base to the United States resulted in such unfavorable situation in Kyrgyzstan. The decision provoked a fierce reaction from Moscow, because it constantly was asking for its closure since 2005. In early 2009 Kyrgyzstan decided to close the US Manas air base, after Russia made a decision to provide Kyrgyzstan with 300 million dollars as financial support. However, as the United States made another suggestion to raise the rent of the base several times over, Kyrgyzstan annulled its previous decision¹¹. Moreover, M. Bakiyev visited China and proposed there a series of joint industrial projects, including Kambarata-2 hydro power plant. It encroached on Russian interests, because similar suggestions were made earlier to Russia [4]. At the regional level Bakiyev's administration failed to make a deal with the great powers and this political misjudgment resulted in jeopardizing their own political base. After all these political mistakes Bakiyev administration faced an enormous opposition movement. Being against Bakiyev and his family's monopolistic control of the national assets and major government posts, it staged a successful coup, forming a Provisional government headed by Otunbayeva, Tekebayev and Atambayev. It nevertheless lacked support from the South region populated by the Uzbeks¹².

Bakiyev's authoritarian control over domestic material redistribution and exclusion of other regional clans provoked deep dissatisfaction in the elites. Initially he was supported by Kyrgyz clans, but after rapid rise to power he narrowed his support base to his family members or close relatives. In 2009 Bakiyev's son Maksim was appointed the head of the Central Agency for Development, Investment and Innovation. He created his own financial and industrial empire by setting up fake companies, which won auctions over most of the privatized energy companies in the republic. To consolidate his clan supporters he visited the Osh/Jelalabad region and promised his clan to establish a branch of the Central Agency for Development, Investment and Innovation in the region and transfer Ministry of defense to Osh which would automatically lead to redistribution of financial flows in favor of the region [4]. Bakiyev unnecessarily invoked ethnic nationalism against the Uzbeks to consolidate his southern Kyrgyz clan group. He didn't need support from the Uzbek community because he had a strong political support from the Kyrgyz southern region. Not to lose the support from the southern Kyrgyz community, he kept distance from the Uzbek community [3, p. 301].

¹¹ Михайлов Г. В Киргизии делят российский кредит// Независимая газета, Август 25, 2009. URL: http://www.ng.ru/cis/2009-08-25/1_kirgizia.html (accessed: 01.04.17).

¹² Kyrgyzstan Inquiry Commission. Report of the independent international commission of inquiry into the events in southern Kyrgyzstan in June, 2010. URL: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Full_Report_490.pdf (accessed: 01.04.17)

The three-element structure of the conflict consisting of the Provisional government, Bakiyev supporters and the Uzbeks in the south turned into a two-element one as the Provisional government “sought support in the south with the Uzbek population”¹³. Kadyrjan Batyrov, the leader of the Uzbek community, keeping close contacts with the Provisional government, began mobilizing the Uzbeks from Jelalabad and Osh provinces. According to the investigation of the KIC, Batyrov “gave a speech urging Uzbek participation in the political process. Whatever his intention, the speech contributed to the conflation of politics with ethnicity. The message was deliberately misinterpreted by some leaders of the Kyrgyz community as a call for autonomy and to mean that the Uzbeks should unite against them”. The Provisional government mobilized its supporters as well, particularly the Ata-Meken and Ak-Shumkar parties, the former led by Tekebayev's brother Asylbek.

In the process of the coup and the counterattack from the Bakiyev's supporters, the difficulties in the Kyrgyzstan's economy increased. Investors worried about the Provisional government's nationalization of businesses and other assets in which Bakiyev's family took part and several investors annulled their new projects¹⁴. Neighboring states, Uzbekistan and Kazakhstan, closed their borders at the time of the coup, causing difficulties for cargo traffics¹⁵. The state's chronic economic crisis stimulated the unsatisfied community to join the demonstrations and the Osh conflict in 2010 developed into a massive bloody conflict which left a great number of casualties.

Deteriorating material conditions often lead to institutional destabilization. Using ethnicity frame can play a role of a conflict catalyst. The Osh conflict of 2010 followed precisely this pattern.

In this article we have proved that ethnicity did not play a significant role in causing the both conflicts in Osh in 1990 and 2010. It rather appeared as a catalyst inevitably produced in the process of struggle over the material dominance domestically. The Osh conflicts should not be labeled as ethnic conflicts, because the ethnic divergence itself did not start the problem. In contrast to the peaceful co-existence of various ethnicities during the Soviet era, with the collapse of Soviet Union and the abrupt GDP fall in the republic the relations between different ethnicities deteriorated. The causes of the Osh conflict in 1990 can be summarized as the consequent result of the radical change of material pattern (decline), affected by the economic reform of the central USSR and its effect on the demographic change in the Osh city causing the fight between the Uzbeks and the Kyrgyz over the scarce material assets (housing and land property), which was mobilized by the political elites pursuing their own goals in the situation. Similarly, the Osh conflict in 2010 happened in the declining economy which was not only affected by the global economic crisis but mainly resulted from the deteriorated relationship with Russia. The political miscalculation of the former Baki-

¹³ Ibid.

¹⁴ Cullison A., Toktogulov K. U.S. Ties to Ex-Kyrgyz Regime Are Questioned // The Wall Street Journal, June 15, 2010. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052748704324304575306580442236878> (accessed: 01.04.17).

¹⁵ Temirov U. Bishkek Suffering from De-Facto Trade Embargo Following Upheaval // Eurasianet, May 3, 2010. URL: <http://www.eurasianet.org/node/60965> (accessed: 01.04.17).

jev regime in the process of dealing with the Manas air base problem complicated the relationship with Russia, which consequently resulted in material pattern change (decline) in Kyrgyzstan. Such material pattern change at the global and the regional level soon produced domestic economic difficulties and resulted in massive public demonstrations. The public demonstration was “framed” in ethnicity terms by political elites. Such social conflicts are complex in nature. Nevertheless, this article proved that it is the “material problem” which lies at the very core of the discord.

References

1. Borishpolets K.P. Natsional'noe izmerenie global'nogo mira [National dimension of global world]. Moscow: Navona, 2009. 232 p. (In Russian).
2. Zviagel'skaia I.D. Spetsifika etnopoliticheskikh konfliktov i podkhody k ikh uregulirovaniyu [Ethopolitical conflicts specifics and approaches to its solving]. Moscow: Navona, 2008. 160 p. (In Russian).
3. Kniazev A. Simbioz endogennykh i ekzogennykh faktorov i metamorfozy gosudarstvennosti Kirgizii [Metamorphosis of the Kyrgyz stateness, simbioz of internal and external factors] In: *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov Tsentral'naia Aziia* [System monitoring of global and regional risks: the Central Asia]. Moscow: URSS, 2013. Pp. 282-305. (In Russian).
4. Laumulin M. *K sobytiiam v Aprele 2010 goda v Kirgizstane: vzgliad iz Kazakhstana* [On events in Kyrgyzstan in 2010: point of view from Kazakhstan]. *Tsentral'naia Aziia i Kavkaz*. 2010, vol.13, no. 2, pp. 25-44. (In Russian).
5. Brady H.E., Kaplan C.S. Conceptualizing and Measuring Ethnic Identity. *Measuring Identity: a guide for social scientists*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. Pp. 33-71.
6. Buzan B. *People, States and Fear*. North Carolina: The University of North Carolina Press, 1983. 262 p.
7. Collins K. *Clan politics and regime transition in Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 376 p.
8. Dabrowski M., Antczak R. *Economic reforms in Kyrgyzstan*. Warsaw: Center for social & economic research, 1994. URL: http://www.case-research.eu/sites/default/files/publications/3414534_028e_0.pdf (accessed: 01.04.17)
9. Fumagalli M. Framing Ethnic Minority Mobilisation in Central Asia: The Cases of Uzbeks in Kyrgyzstan and Tajikistan. *Europe-Asia Studies*. 2007, vol. 59, no.4, pp. 567-590.
10. Gorenburg D. *Minority Ethnic Mobilisation in the Russian Federation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 312 p.
11. Kim T. The 1990 and 2010 Osh conflict: based on the mechanism of the outbreak of inter-ethnic violence. *Sino-Soviet Affairs*, vol. 39, no.3, 2015. (In Korean).
12. Nichol J. *The April 2010 Coup in Kyrgyzstan and its Aftermath: Context and Implications for U.S. Interests*. Congressional Research Service, 2010. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R41178.pdf> (accessed: 01.04.17)
13. Rywkin M. *Moscow's Muslim Challenge: Soviet Central Asia*. New York: M.E. Sharpe Inc, 1990. 186 p.

About the author:

Kim Hyunjung – MA in political science, Korea University. 145 Anam-ro, Anam-dong, Seongbuk-gu, Seoul.
E-mail: hj568@korea.ac.kr.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ: НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТОВ В ОШЕ В 1990 И 2010 ГОДАХ

К. Хюнчжун

DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-201-211

Корё университет

Автор статьи доказывает, что сама по себе этническая проблема не была причиной конфликтов в Оше в 1990 и 2010 гг., а была, скорее, побочным эффектом или триггером конфликта, неизбежно порождённым в процессе борьбы за контроль над ресурсами внутри государства.

Конфликт в Оше в 1990 г. произошёл в результате ухудшения материального положения на фоне ослабления институционального контроля со стороны СССР. Кыргызстан, один из крупнейших получателей прямых и косвенных субсидий от СССР, неизбежно впал в экономическую депрессию, когда субсидирование было приостановлено или значительно уменьшено. Более того, внезапное разрушение производственных и торговых связей ещё больше усугубило экономическое положение Киргизии. Экономический упадок вызвал демографический дисбаланс, который способствовал нарастанию противостояния киргизов с этническими узбеками в Оше. Эта социальная напряжённость, совпавшая по времени с политической мобилизацией под лозунгами этнической принадлежности, усугубила конфликт и сделала его похожим на этнический для постороннего наблюдателя.

По похожему сценарию события развивались в Оше и в 2010 г., когда экономика Кыргызстана пострадала не только от глобального экономического кризиса, но и от сложностей в отношениях с Россией. Политическая недальновидность режима Бакиева в разрешении проблемы с авиабазой в Манасе привела к осложнению взаимоотношений с Россией, что впоследствии привело к экономическому спаду в Кыргызстане. Экономические сложности вскоре дали о себе знать в виде политической нестабильности. Массовые демонстрации, вызванные к жизни политическими элитами, с политической мобилизацией под этническими лозунгами усилили противостояние.

Key words: Кыргызстан, Ош, конфликт, этнический конфликт, Центральная Азия.

Список литературы

1. Боришполец К.П. Национальное измерение глобального мира. М.: Навона, 2009. 232 с.
2. Звягельская И.Д. Специфика этнополитических конфликтов и подходы к их урегулированию. М.: Навона, 2008. 160 с.
3. Князев А. Симбиоз эндогенных и экзогенных факторов и метаморфозы государственности Киргизии // Сб.

- Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Центральная Азия. М.: URSS, 2013. С. 282-305.
4. Лаумулин М. К событиям в Апреле 2010 года в Киргизстане: взгляд из Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т.13. № 2. С. 25-44.
 5. Brady H.E., Kaplan C.S. Conceptualizing and Measuring Ethnic Identity/ Measuring Identity: a guide for social scientists. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. Pp. 33-71.
 6. Buzan B. People, States and Fear. North Carolina: The University of North Carolina Press, 1983. 262 p.
 7. Collins K. Clan politics and regime transition in Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 376 p.
 8. Dabrowski M., Antczak R. Economic reforms in Kyrgyzstan. Warsaw: Center for social & economic research, 1994. URL: http://www.case-research.eu/sites/default/files/publications/3414534_028e_0.pdf (дата обращения: 01.04.17)
 9. Fumagalli M. Framing Ethnic Minority Mobilization in Central Asia: The Cases of Uzbeks in Kyrgyzstan and Tajikistan // Europe-Asia Studies. 2007. Vol.59. No.4. Pp. 567-590.
 10. Gorenburg D. Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 312 p.
 11. Kim T. The 1990 and 2010 Osh conflict: based on the mechanism of the outbreak of inter-ethnic violence // Sino-Soviet Affairs. 2015. Vol.39. №.3.
 12. Nichol J. The April 2010 Coup in Kyrgyzstan and its Aftermath: Context and Implications for U.S. Interests. Congressional Research Service, 2010. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R41178.pdf> (дата обращения: 01.04.17).
 13. Rywkin M. Moscow's Muslim Challenge: Soviet Central Asia. New York: M.E. Sharpe Inc, 1990. 186 p.

Об авторе:

Ким Хюнчжун – магистр политических наук Университета Корё. 145 Anam-ro, Anam-dong, Seongbuk-gu, Seoul, Южная Корея. E-mail: hj568@korea.ac.kr.

«МЯГКАЯ СИЛА»: ПОНЯТИЕ И ПОДХОДЫ

М.М. Лебедева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматривается вопрос о соотношении понятий «мягкая сила» и пропаганда. Показывается, что в рамках реалистского подхода происходит их отождествление, а в рамках неолиберального направления теории международных отношений между этими понятиями есть принципиальная разница. Даются параметры сравнения неолиберального и реалистского подходов применительно к понятию «мягкая сила». Отмечается, что, несмотря на различия между этими понятиями, а также между понятиями «жесткая сила» и «мягкая сила», противоположность понятий не является абсолютной. Средства «мягкой силы» и «жесткой силы», согласно Дж. Наю, могут быть представлены в виде континуума. В свою очередь, инструменты пропаганды и «мягкой силы» также могут переходить одно в другое. Обсуждаются следствия данного положения.

Рассматриваются различные области применения «мягкой силы». Показывается, что вопреки распространённому представлению о том, что область применения напрямую соотносится с «мягкой силой» или «жесткой силой» (например, образование, культура – с «мягкой силой»), на самом деле это не так. Навязывание культурных норм, образовательных моделей является проявлением «жесткой силы». Одним из наиболее распространённых инструментов реализации «мягкой силы» является публичная дипломатия, которая может осуществляться через официальные каналы (публичные выступления официальных лиц), а также неофициальные каналы (НПО, университеты и т.п.). В этом смысле публичная дипломатия значительно шире таких понятий, как «народная дипломатия» или «общественная дипломатия». Подчёркивается, что негосударственные акторы могут быть проводниками использования «мягкой силы» государства, а могут самостоятельно её формировать.

Обсуждается также ряд других особенностей «мягкой силы», которые необходимо учитывать при её реализации, таких, как особенности региона и страны, конкуренция стратегий «мягкой силы» различных государств в одном и том же регионе, отрицательные последствия использования «мягкой силы» и другие.

Ключевые слова: «мягкая сила», публичная дипломатия, реализм, либерализм, пропаганда, негосударственные акторы, государства.

УДК 327.83

Поступила в редакцию 22.03.2017 г.

Принята к публикации 10.06.2017 г.

Многозначность концепта «мягкой силы»

Предложенное Дж. Наем в 1990-е гг. понятие «мягкой силы» сначала вызвало неоднозначную реакцию в США и несколько позднее, скорее негативное отношение – в России. Из множества возражений, выдвинутых Дж. Наем, пожалуй, наиболее часто используемым было то, что данная идея не содержит ничего нового. Рассуждение строилось на том основании, что со времён появления человечества одни группы так или иначе «мягким образом» влияли на других. При этом общим фоном для критики концепции Дж. Наем в США послужила эйфория в отношении «конца истории», а как следствие – отсутствие вообще особой необходимости воздействия на общественное мнение других стран. Однако ситуация резко изменилась в начале XXI в. В США это было связано, прежде всего, с терактами 11 сентября 2001 г., после которых встал вопрос о выстраивании стратегии американского влияния на арабский мир. Немногим позднее к понятию «мягкой силы» активно обратилась и Россия, что было обусловлено идеей восстановления российского влияния на мировой арене. Понятие «мягкая сила» было включено в Концепцию внешней политики 2013 г.¹, а затем и в Концепцию внешней политики 2016 г.²

Сегодня существует множество трактовок «мягкой силы» и переводов данного термина, в том числе и в России. Термин, введённый Дж. Наем, переводится на русский язык и как «мягкая сила» (наиболее распространённый перевод), и как «мягкая власть» [11; 2], и как «гибкая власть» [10]. Но главное даже не в том, как переводится понятие (хотя это тоже важно), а что вкладывается в него. Это представляет не только академический интерес, но и определяет практическую эффективность использования «мягкой силы».

Пропаганда vs. «мягкая сила»

Самое распространённое понимание «мягкой силы» и явно доминирующее в России – это невоенные методы воздействия на противоположную сторону. При таком подходе экономическое и политическое принуждение, а также его другие виды попадают под определения «мягкой силой». Кроме того, и в России, и за рубежом использование «мягкой силы» нередко отождествляется с пропагандой [25]. Понятие «пропаганда» во многих случаях имеет отрицательную коннотацию. Тем самым и «мягкой силе» приписывается отрицательная оценка. При таких подходах, действительно, нет различий между «мягкой силой», пропагандой, невоенными средствами давления и т.п. Но так ли это?

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 08.05.2017).

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 08.05.2017).

За более чем двадцатилетний период Дж. Най неоднократно разъяснял выдвинутую им концепцию «мягкой силы». При этом ключевым моментом в его концепции оставалось понятие привлекательности для других тех или иных положений, феноменов, образов действий и т.п. [18]. Именно привлекательность он противопоставляет методам принуждения, силового давления, шантажа. В этом состоит главное отличие «мягкой силы» от пропаганды и иных аналогичных способов воздействия, включая обман, подмена фактов и т.п. Собственно идея привлекательности, когда противоположная сторона добровольно и осознанно делает выбор – это то, новое, что появилось в связи с концепцией Дж. Найа.

Пропаганда далеко не всегда основывается на привлекательности. Более того, пропаганда не исключает использования различных вариантов манипуляции сознанием людей, чего, по сути, не допускает «мягкая сила». Здесь чётко проявляется отличие неолиберального подхода к международным отношениям, в рамках которого главным образом работает Дж. Най, и реалистского подхода, предполагающего соперничество сторон на международной арене, на котором построена пропаганда. Именно в реалистском подходе между пропагандой и «мягкой силой» нет различий. Пожалуй, наиболее ярко разницу между реалистским и неолиберальным подходами демонстрирует статья Дж. Найта. Она пишет, что концепция Дж. Найа стала очень популярной: и политические лидеры, и представители академических кругов набросились на неё «как пчёлы на мёд». Однако далее, ошибочно приписывая Дж. Наю реалистскую позицию, Дж. Найт утверждает, что в основе любой силы будь то «мягкой» или «жёсткой», оказываются собственные интересы. По этой причине автор задаётся вопросом, а не является ли «мягкая сила» у Дж. Найа формой проявления доминирования и реализацией собственных интересов государства? Можно заменить понятие «мягкой силы» понятием «взаимной силы» (*mutual power*), продолжает Дж. Найт, когда результаты взаимодействия распределяются между всеми участниками, т.е. ситуацией, которая описывается как ситуация с ненулевой суммой. Но и в этом случае, согласно Дж. Найту, остаётся проблема возможности неравномерного распределения полученных результатов деятельности между сторонами. Выход из ситуации автор статьи видит в полной и последовательной реализации неолиберальных идей посредством негосударственных акторов, развитием второго направления дипломатии (дипломатии негосударственных участников) и т.п. [15].

Таким образом, Дж. Найт чётко фиксирует различие между «мягкой силой», используемой в реалистском её понимании, когда за счёт разных средств, в том числе и привлекательности, проявляется стремление в реализации собственных интересов, с одной стороны, и ситуацией, когда взаимодействие ведёт к взаимному обогащению и сотрудничеству участников (нелиберальный подход) – с другой. В принципе, этот последний вариант и заложен в концепции Дж. Найа, хотя чётко он им и не определён. Отсюда само введённое Дж. Наем понятие

«мягкая сила» трактуется различными исследователями и политиками очень широко, часто противоречащим идее Дж. Най образам. Впрочем, в последнее время и сам Дж. Най стал обращать внимание на то, что нельзя ограничиваться только своей «мягкой силой». В частности, он пишет, что не следует думать только о собственной «мягкой силе». Наделение силой других может помочь достижению целей [22].

Нельзя сказать, что пропаганда является неэффективным средством воздействия на противоположную сторону, как и вообще реалистски ориентированное поведение. В некоторых ситуациях, особенно когда от противоположной стороны нужно быстро добиться желаемого результата, пропаганда и даже такие методы как нажим и шантаж могут оказаться весьма действенными. Другое дело, что вряд ли пропагандистское влияние может длиться долго. Здесь действует принцип, сформулированный в известном выражении относительно того, что на штыках можно прийти к власти, но на них сложно долго удержаться.

Соотношение характеристик «мягкой силы» и пропаганды схематически может быть представлено следующим образом (параметры сопоставления, разумеется, могут дополняться):

Табл. 1. Сопоставление пропаганды и мягкой силы

Table 1. Comparison of propaganda and soft power

Пропаганда	«Мягкая сила»
1. Допускает навязывание (принуждение), а также различные виды стимулирования (вознаграждения)	1. Не допускает навязывания (противоположная сторона должна сама сделать выбор) или стимулирования
2. Используется в рамках реалистской концепции ТМО (внимание к собственным интересам)	2. В рамках неолиберальной концепции ТМО (внимание к интересам другого)
3. Скорее всего, не будет работать в долгосрочной перспективе	3. Ориентирована на долгосрочное взаимодействие с партнёром
4. Использует манипулятивные стратегии	4. Избегает манипулятивных стратегий
5. Ориентирована на монолог. Воспринимает противоположную сторону в качестве объекта	5. Ориентирована на диалог. Воспринимает противоположную сторону в качестве субъекта
6. Формирование доверительных отношений не является фокусом внимания	6. Предполагает создание доверительных отношений

Из такого понимания различий между «мягкой силой» и другими методами несилового воздействия следует целый ряд особенностей в понимании «мягкой силы» и её использования. Прежде всего, пропаганда, если используется, например, материальное поощрение, является «жесткой силой». «Мягкая сила» не предполагает привлечение за счёт материального вознаграждения.

В то же время необходимо подчеркнуть, что предложенная дихотомия «мягкой силы» и пропаганды не является абсолютной, что, порой, и порождает их отождествление. Более того, Дж. Най, противопоставляя «мягкую силу» «жесткой», тем не менее, говорит о некоем континууме средств воздействия между

этими двумя видами воздействия. Он иллюстрирует свою мысль графически (Рис. 1) [19]. Очевидно, что границы двух видов «силы» при таком подходе оказываются «размытыми». В то же время пропаганда с применением различных видов стимулирования (в том числе и поощрения) оказывается в левой стороне квадрата, приближаясь к «жёсткой силе». В свою очередь, выстраивание и определение целеполагания – ещё не «мягкая сила», но по действиям ближе к ней, чем к «жёсткой силе». На практике же нередко одновременно в отношении одного и того же субъекта используется и «мягкая сила» и «жёсткая сила» в виде пропаганды. В принципе это классический вариант того, что Дж. Най назвал «умной силой». Однако здесь отдельно встаёт вопрос, какие могут быть преимущества и ограничения такого совместного использования «мягкой силы» и пропаганды.

Рис.1. Ресурсы и спектр поведения при использовании «мягкой силы» и «жёсткой силы»

Pic.1. Resources and spectrum of behavior in using «soft» and «hard power»

При анализе «мягкой силы» очень часто авторы полностью относят те или иные области, явления и т.п. либо к «мягкой силе», либо к «жёсткой силе». Например, экономика у разных исследователей попадает то в одну, то в другую категорию. Хотя сам Дж. Най относил экономику к «жёсткой силе», привлекательная модель экономического развития всё же является «мягкой силой». На самом деле та или иная сфера не может быть априори отнесена к определённой «силе». Так, привлекательная модель экономического развития является «мягкой силой», в то время как применение экономических санкций – «жёсткой силой». Более того, «жёсткая сила» может быть привлекательна и в этом смысле восприниматься в качестве «мягкой силой» третьей стороной. Например, военная мощь, победы над противником становятся неким эталоном действия для других, выступая в данном случае «мягкой силой».

Сложнее обстоят дела с такими, например, сферами, как образование, культура, спорт. Дж. Най относит образование к «мягкой силе», указывая, что оно является одним из ресурсов её использования [21]. Это во многих случаях действительно так и в последнее время появилось немало работ, в которых показана роль образования в качестве «мягкой силы» государства [7; 14].

Однако применение «мягкой силы» может нередко сопровождаться элементами «жёсткой силы», а именно, назойливости при демонстрации привлекательности, в том числе и в области образования. В результате «мягкая сила»

превращается в пропаганду, поскольку навязывание культурных образцов или стандартов образования вызывает резко негативную реакцию. В ряде случаев это произошло, например, с Болонским процессом: излишняя бюрократизация значительно снизила положительный эффект от его использования. Кстати, вообще образовательная, культурная экспансия нередко ставится в упрёк странам Запада. Разумеется, подобная стратегия поведения не может рассматриваться в качестве «мягкой силы». В то же время грань здесь оказывается (и на практике так бывает) очень тонкой.

Особенности применения «мягкой силы»

Необходимо отметить некоторые моменты, значимые для понимания «мягкой силы», на которых Дж. Най не акцентирует внимания. Эти моменты также выпадают из анализа многих авторов, пишущих по проблемам «мягкой силы». Прежде всего, следует обратить внимание на то, что само по себе наличие привлекательности не означает, что эта привлекательность в таком качестве воспринимается другими. «Мягкая сила» – это некий лишь потенциал, который может быть использован, а может оставаться только в качестве потенциала. Наличие привлекательности чего-либо необходимо ещё раскрыть, показать другой стороне. По этой причине Е.П. Панова, следуя в конструктивистском русле, утверждает, что «создание «привлекательности» как необходимое условие осуществления «мягкой власти» представляет собой не что иное, как лингвистическое конструирование интерпретации реальности...» [12]. Другое дело, что особая задача состоит в том, как именно создать эту привлекательность. Одним из важных элементов для формирования привлекательности является наличие доверительных отношений [3]. Их отсутствие изначально влечёт за собой подозрительность, а в конечном итоге – нейтральное или даже негативное восприятие.

Впрочем, не исключена и другая ситуация, когда объективное наличие привлекательности не акцентируется властями. Тогда потенциал может становиться привлекательным сам по себе без каких-либо усилий и действий. Правда, здесь возникает вопрос, есть в данном случае «мягкая сила», которая по определению подразумевает определённую активность.

Пути использования «мягкой силы» могут быть различными. Одним из наиболее мощных путей здесь выступает публичная дипломатия, которая может осуществляться, как по официальным каналам, так и по неофициальным. К официальным каналам относятся публичные выступления официальных представителей государства в СМИ, организация брифингов министерствами иностранных дел и т.п., а также ведения политиками блогов, публикации постов в социальных сетях (twitter diplomacy).

Неофициальные каналы реализации «мягкой силы» представлены деятельностью СМИ, университетов, НПО и т.п. Нередко публичная дипломатия в российской научной литературе отождествляется (или подменяется) понятиями

«общественная дипломатия» или «народная дипломатия» [9]. Представляется, что такой подход значительно сужает сферу деятельности публичной дипломатии, поскольку исключает официальные каналы её реализации. На данный аспект обращает внимание А. Долинский. Он пишет, что у публичной дипломатии «появилось и второе значение термина в русском языке – дипломатия на уровне общественных организаций. Это породило опасную путаницу: даже среди экспертов встречается убеждение, что public diplomacy – это лишь диалог на уровне неправительственных организаций. Между тем public diplomacy подразумевает более широкий спектр направлений деятельности...» [2]. Ещё более узкими понятиями являются «культурная дипломатия», «спортивная дипломатия», «экономическая дипломатия» и т.п., которые ориентированы на определённые сферы деятельности публичной дипломатии. Очевидно, что все эти понятия имеют право на существования, однако важно понимать, что имеется в виду в каждом конкретном случае.

В то же время следует подчеркнуть, что негосударственные акторы не являются простыми проводниками политики государства при реализации публичной дипломатии. В этом случае они не стали бы акторами, а являлись бы проводниками (впрочем, часть из них выступают именно в таком качестве). Иными словами, негосударственные акторы во многих случаях довольно самостоятельны и могут сами формировать «мягкую силу» страны, а также свою собственную. Государство при этом может оказывать им непосредственное содействие, а может дистанцироваться, исходя из того, что негосударственные акторы обычно вызывают большее доверие [16]. При этом государство, взаимодействуя с различными по степени близости с ним негосударственными акторами, может более тонко использовать свою «мягкую силу». Россия в основном ориентируется на те негосударственные структуры, которые в значительной степени ассоциируются в сознании другой стороны как аффилированные именно с властью (не зависимо от источников финансирования, уставных документов и т.п.). Учитывая, что возможности гораздо шире, если работать с разными типами негосударственных акторов, представляется важным расширить их список, в частности, активно привлекать академические круги и университеты.

Очевидно, что любое общество неоднородно. Для одной социальной группы привлекательно одно, в то время как для другой – другое. Поэтому не может быть универсальной привлекательности, или иными словами – универсальной «мягкой силы». Например, российское образование в области медицины привлекательно для многих жителей Индии в соответствии с критерием «цена — качество» с целью дальнейшей их работы в сельской местности, или в центрах, где отсутствует сложная и дорогая аппаратура. Для большинства жителей Европы и США подобное медицинское образование не является столь привлекательным. Они ориентированы скорее на более дорогое медицинское образование, но в большей степени технически оснащённое. Поэтому при использовании «мягкой силы», а также при её изучении и оценке эффективности влияния важ-

но определить, насколько адекватно выбран адресат именно для данного типа воздействия при помощи «мягкой силы».

На международной арене в одно и то же время действуют множество акторов, обладающих различными типами «мягкой силы» и одновременно теми или иными характеристиками, которые воспринимаются негативно. Так, уровень развития кубинской медицины может быть привлекательным, но в то же время уровень жизни населения страны такой характеристикой не обладает. При этом использование «мягкой силы» одного государства встречает конкуренцию со стороны других. В результате различные государства конкурируют друг с другом за внимание третьих сторон. В этих случаях разные акторы пытаются найти свою специфическую нишу. Например, в отношении Центральной Азии – Европейский союз предлагает образовательные программы, программы по правам человека природоохранные программы, в то время как США в этом регионе концентрируются на молодёжных программах и программах по новым технологиям [6]. Тем самым в результате взаимодействия на международной арене происходит своеобразная конкуренция стратегий использования «мягкой силы» участниками. От того, как будет выстроена стратегия реализации «мягкой силы», и будет ли она выстроена вообще, зависит успешность воздействия.

Конкуренция различных государств за свою привлекательность явно недостаточно исследована, поскольку большинство научных работ сконцентрировано на анализе «мягкой силы» того или иного государства без учёта деятельности других на международной арене. Отчасти эти вопросы рассматриваются в исследованиях в рамках информационного, идеологического и т.п. противоборства. Однако там акценты смещаются в сторону рассмотрения вопросов «действие-противодействие», взаимной дискредитации сторон и т.п. Они не сконцентрированы в области формирования привлекательности образа.

Другим важным моментом в понимании и исследовании «мягкой силы» является то, что она часто рассматривается только как воздействие одного субъекта на другого, без понимания того факта, что противоположная сторона также является субъектом, а не объектом. Субъектность означает то, что противоположная сторона активна и может по-разному интерпретировать направленные на неё действия. Кроме того, противоположная сторона сама может применять инструмент «мягкой силы» в ответ. Эти вопросы часто остаются вне исследовательского фокуса. Правда, на практике в последнее время, в частности в рамках публичной дипломатии США, в значительной степени наблюдается отказ от модели взаимодействия «субъект – объект» и попытки выстраивания отношений по принципу к «субъект – субъектной» модели. При этом подчёркивается, что эффективным как раз оказывается выстраивание отношений по принципу диалога. В определённой мере это происходит под влиянием европейцев [1].

Развитие политической системы мира в XXI в. вносит новые коррективы в применение «мягкой силы». Активность негосударственных акторов в XXI в. продолжает возрастать по многим параметрам: их количеству на мировой аре-

не, сферам, в которые они вовлекаются, влиянию и т.п. [24; 17; 23; 5]. Это влечёт за собой целый ряд последствий. Так, сегодня государства при использовании «мягкой силы» не могут игнорировать негосударственных участников.

Негосударственные акторы обладают собственной «мягкой силой» [20; 18], которая порой распространяется на государство в целом. Например, качество немецких товаров, произведённых частными компаниями, прочно ассоциируется с Германией как государством. Негосударственные акторы активно обращаются к «мягкой силе» как ресурсу влияния. При этом они могут сотрудничать с государствами, или напротив — противостоять им. Сотрудничество же государств и негосударственных акторов в последнее время порождает различные формы партнёрства и взаимодействия так, что становится всё сложнее провести грань между государственными и негосударственными акторами.

Планируя воздействия с помощью «мягкой силой», следует различать долгосрочные и краткосрочные цели. Например, культура, наука, образовательные программы, направлены, главным образом, на достижения долгосрочных целей [12]. Так, студенты должны получить профессиональное признание и достичь определённых позиций в обществе, чтобы ретранслировать заложенные в годы учёбы знания и ценности и тем самым быть проводниками «мягкой силы». В то же время, СМИ используются обычно в целях достижения краткосрочных целей [12]. Но подобная закономерность не является абсолютной. Например, во время конфликта в Боснии в 1990-х гг. США запустили целую серию образовательных программ [5]. Их смысл заключался, в том числе, в том, чтобы быстро сформировать положительный образ США.

Наконец, следует иметь в виду, что «мягкая сила» имеет и обратную сторону. Далеко не всегда просчитывается, какие последствия может повлечь за собой привлекательный образ. Ярким свидетельством тому является «мягкая сила» Германии в условиях наплыва беженцев в Европу в 2010-х гг. Несмотря на то, что Германия не использует в официальных документах и речах понятие «мягкая сила», опасаясь навлечь на себя критику в реваншистских устремлениях, на деле она формирует привлекательный образ своего государства [13]. Однако привлекательность Германии, прежде всего её социально-экономическая сферы, привела к огромному потоку беженцев из регионов Ближнего и Среднего Востока, к которому государство, по сути своей, оказалось не готово. Данный пример демонстрирует тот факт, что создание привлекательного образа, чтобы избежать подобных феноменов, должно быть комплексным и охватывать различные стороны, включая культуру и историю страны, а также её традиции [8]. В целом же пока подобные отрицательные последствия использования «мягкой силы» не получили должной разработки в научной литературе.

Таким образом, несмотря на множество исследований, которые проводятся по проблемам «мягкой силы», существует немало моментов, требующих прояснений. Это становится особенно актуальным в связи с тем, что в современной мировой политике резко возрастает роль социально-гуманитарного фактора.

Список литературы

1. Долинский А.В. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Том 9. № 1 (25). С. 63-73.
2. Долинский А. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? // Российский совет по международным делам. 2012. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna/> (дата обращения: 08.05.2017).
3. Кононенко В. А. Создать образ России? // Россий в глобальной политике. 2006. № 2 (март – апрель). URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6562 (дата обращения: 08.05.2017).
4. Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2013. 271 с.
5. Лебедева М. Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 5. С. 97-108.
6. Лебедева М.М., Боришполец К.П., Иванова Н.А., Чепурина М.А. Центральная Азия. Социально-гуманитарное измерение. М.: Аспект Пресс, 2016. 224 с.
7. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 4. С. 200-205.
8. Лебедева М.М., Рустамова Л.Р., Шарко М.В. «Мягкая сила»: тёмная сторона (на примере Германии) // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3. С. 144-153.
9. Мухаметов Р.С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 84-90.
10. Най Дж. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике / пер. с англ. В. И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2006. 221с.
11. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4 (13). С. 91-97.
12. Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике. Диссертация на соискание степени канд. полит. н. М.: МГИМО, 2012. – 160 с.
13. Рустамова Л.Р. Особенности «мягкой силы» во внешней политике ФРГ // Вестник МГИМО – Университета. 2016. №: 1 (46). С. 118-128.
14. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 85-92.
15. Knight J. The limits of soft power in higher education // University World News. 2014. 31 January. Issue 305 URL: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20140129134636725> (дата обращения: 08.05.2017).
16. Natsios A.S. An NGO Perspective // Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques. Ed. by I.W. Zartman and J.L. Rasmussen. Washington D.C.: United States Institute of Peace, 1997. Pp. 337-361.
17. Non-State Actors in World Politics / Ed. by Josselin D., Wallace W. N.Y.: Palgrave, 2001. 294 p.
18. Nye J. S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone, Oxford University Press, 2002. 240 p.
19. Nye J. Soft Power and Higher Education. 2004. EDUCAUSE. URL: <http://net.educause.edu/ir/library/pdf/FFP0502S.pdf> (дата обращения: 08.05.2017).
20. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. 191 p.
21. Nye J. The Future of Power. N.Y.: Public Affairs, 2011. 320 p.
22. Renalda B. Non-State Actors in International System of States // The Ashgate Research Companion to Non-State Actors / Ed. by B. Renalda. Burlington: Ashgate International, 2011. Pp. 3-18.
23. Risse Th. Transnational Actors and World Politics. Handbook of International Relations / Ed. by W. Carlsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons. L.: Sage, 2002. Pp. 255-274.
24. Tailor Ph. M. Munitions of the Mind, A History of Propaganda From the Ancient World to the Present Era. Third Edition. Manchester: Manchester University Press. 2003. 272 p.

Об авторе:

М.М. Лебедева – д.полит.н., к.псих.н., профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

SOFT POWER: THE CONCEPT AND APPROACHES

M.M. Lebedeva

DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article examines the correlation of two concepts: «soft power» and «propaganda» in International Relations. The author argues that within realism these concepts are used synonymously, but within neoliberalism they have fundamental differences. The parameters of comparison of the neoliberal and realistic approaches are given with reference to the concept of soft power. It is noted that, despite the differences between these approaches and between the concepts of hard power and soft power, the opposition of the concepts is not an absolute one. Soft power and hard power, according to J. Nye, can be represented as a continuum. Similarly, propaganda and soft power can also merge into one another. It is shown that, contrary to the widespread notion that the field of application determines the choice between soft and hard power (for example, education, culture are associated with soft power), in fact it does not. The coercive imposition of cultural norms, educational models is a manifestation of hard power. One of the most common tools for implementation of soft power is public diplomacy, which can be carried out through both official channels (public speeches of officials) and informal channels (NGOs, universities, etc.). It is emphasized that non-state actors can be agents of states' soft power. There are also a number of other features of soft power that must be considered. Among them are such characteristics as specificity of a region and a country; competition in soft power of different countries in the same region; negative consequences of the use of soft power and others.

Key words: Soft power, public diplomacy, realism, liberalism, propaganda, non-state actors, a state.

References

1. Dolinskii A.V. Diskurs o publichnoi diplomatii [Discourse on Public Diplomacy]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2011, vol. 9, no. 1 (25), pp. 63-73. (In Russian).
2. Dolinskii A. Chto takoe obshchestvennaia diplomatia i zachem ona nuzhna Rossii? [What is public diplomacy and why does Russia need it?]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*. 2012. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna> (accessed: 08.05.2017). (In Russian).
3. Kononenko V. A. Sozdat' obraz Rossii? [To create an image of Russia?]. *Rossii v global'noi politike*. 2006, no. 2. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6562 (accessed: 08.05.2017). (In Russian).
4. Kubyshekin A.I., Tsvetkova N.A. *Publichnaia diplomatiia SShA* [Public Diplomacy of the United States]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2013. 271 p. (In Russian).
5. Lebedeva M. Predmetnoe pole i predmetnye polia mirovoi politiki [Subject field and subject fields of world politics]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2004, vol. 2, no. 5, pp. 97-108. (In Russian).
6. Lebedeva M.M., Borishpolets K.P., Ivanova N.A., Chepurina M.A. *Tsentrāl'naia Aziia. Sotsial'no-gumanitarnoe izmerenie* [Central Asia. Social and humanitarian dimension]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2016. 224 p.
7. Lebedeva M.M., For Zh. Vysshee obrazovanie kak potentsial «miagkoi sily» Rossii [Higher Education as a Potential of "Soft Power" of Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2009, no. 4, pp. 200-205. (In Russian).
8. Lebedeva M.M., Rustamova L.R., Sharko M.V. «Miagkaia sila»: temnaia storona

- (na primere Germanii) ["Soft power": the dark side (on the example of Germany)]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2016, no. 3, pp. 144-153. (In Russian).
9. Mukhametov R.S. Spetsifika obshchestvennoi diplomatii kak instrumenta vneshnei politiki gosudarstva [Specificity of Public Diplomacy as an Instrument of the State's Foreign Policy]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia 3. Obshchestvennye nauki*. 2014, no. 2 (128), pp. 84-90. (In Russian).
 10. Nai Dzh. *Gibkaia vlast': Kak dobit'sia uspekha v mirovoi politike* [Soft Power: The Means to Success in World Politics]. Novosibirsk: FSPI "Trendy", 2006. 221 p. (In Russian).
 11. Panova E.P. Sila privlekatel'nosti: ispol'zovanie «miagkoi vlasti» v mirovoi politike [The power of attraction: the use of "soft power" in world politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2010, no. 4 (13), pp. 91-97. (In Russian).
 12. Panova E.P. «Miagkaia vlast'» kak sposob vozdviizhniia v mirovoi politike ["Soft power" as a means of influencing world politics]. Thesis for PhD degree in political science. Moscow: MGIMO, 2012. 160 p. (In Russian).
 13. Rustamova L.R. Osobennosti «miagkoi sily» vo vneshnei politike FRG [Features of "soft power" in the foreign policy of Germany]. *Vestnik MGIMO – Universiteta*. 2016, no. 1 (46), pp. 118-128. (In Russian).
 14. Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument «miagkoi sily» vo vneshnei politike Rossii [Education as an instrument of "soft power" in Russia's foreign policy]. *Vestnik MGIMO–Universiteta*. 2012, no. 4 (25), pp. 85-92. (In Russian).
 15. Knight J. The limits of soft power in higher education. *University World News*. 2014. 31 January. Issue 305. URL: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20140129134636725> (accessed: 08.05.2017).
 16. Natsios A.S. An NGO Perspective. In: *Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques*. Ed. by I.W. Zartman and J.L. Rasmussen. Washington D.C.: United States Institute of Peace. 1997. Pp. 337-361.
 17. *Non-State Actors in World Politics* Ed. by Josselin D., Wallace W. N.Y.: Palgrave, 2001. 294 p.
 18. Nye J. S. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. Oxford University Press, 2002. 240 p.
 19. Nye J. *Soft Power and Higher Education*. 2004. EDUCAUSE. URL: <http://net.educause.edu/ir/library/pdf/FFP0502S.pdf> (accessed: 08.05.2017).
 20. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group, 2004. 191 p.
 21. Nye J. *The Future of Power*. N.Y.: Public Affairs, 2011. 320 p.
 22. Renalda B. None-State Actors in International System of States. In: *The Ashgate Research Companion to Non-State Actors*. Ed. by B. Renalda. Burlington: Ashgate International, 2011. Pp. 3-18.
 23. Risse Th. Transnational Actors and World Politics. In: *Handbook of International Relations*. Ed. by W. Carlsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons. Sage, 2002. Pp. 255-274.
 24. Tailor Ph. M. *Munitions of the Mind, A History of Propaganda From the Ancient World to the Present Era*. Third Edition, Manchester University Press. 2003. 272 p.

About the author:

Marina M. Lebedeva – Ph. D. (Psychology), Dr. of Science (Political Sci.), Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO-University. Russia, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, E-mail: World_Politics@MGIMO.ru.

РЕСУРСЫ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

К.П. Боришполец

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Публичная дипломатия стала привычным атрибутом международной жизни начала XXI в. Интерес к публичной дипломатии растёт и на пространстве ЕАЭС. Тем не менее, до сих пор остаётся открытым вопрос о ресурсах публичной дипломатии, которыми располагают интеграционные объединения постсоветских государств, и об опыте их применения в контексте интеграционного сотрудничества. Практика Союзного государства России и Белоруссии (СГРБ) отличается большим спектром публичных инициатив по повышению привлекательности двустороннего интеграционного проекта в глазах общественности, является формой сотрудничества, открытой для контактов с широкой международной средой и тем самым создаёт позитивный имидж российско-белорусскому партнёрству. Публичная дипломатия СГРБ – это комплексное явление, сочетающее различные функциональные компоненты, механизмы и задачи. Можно выделить два взаимодополняющих вектора, первый из которых в большей степени соотносится с действиями официальных лиц и лидеров стран-партнёров, а второй – с практикой негосударственных акторов в лице общественных организаций, бизнес-сообществ, академических кругов, СМИ. То обстоятельство, что государственные институты совместно с профильными общественными структурами играют важную роль в создании позитивного имиджа российско-белорусского взаимодействия, выступают активными участниками различных проектов, способствующих повышению авторитета СГРБ в глазах населения двух стран и за рубежом, является актуальным примером конструктивного взаимодействия традиционных и новых акторов мирополитических процессов.

Ключевые слова: публичная дипломатия, гуманитарное сотрудничество ЕАЭС, Союзное государство России и Белоруссии (СГРБ), постсоветская интеграция.

УДК 327.8

Поступила в редакцию 23.06.2016 г.

Принята к публикации 21.05.2017 г.

Публичная дипломатия стала неотъемлемым атрибутом международной жизни начала XXI в. Её ресурсы направлены на повышение привлекательности страны в глазах зарубежной общественности и широко применяются в мирополитической практике [1,2,3,4]. Интерес к публичной дипломатии растёт и на пространстве ЕАЭС [5], а также в регионе СНГ в целом. Сохраняется фокус на публичной дипломатии отдельных государств, в частности на ограничениях и оценке эффективности публичной дипломатии России [6, 8, 9]. Тем не менее, до сих пор остаётся открытым вопрос о ресурсах публичной дипломатии, которыми располагают не отдельные страны, а интеграционные объединения постсоветских государств и об опыте их применения в контексте развития интеграционного сотрудничества. Характерным примером такого рода служит практика Союзного государства России и Белоруссии (СГРБ), которая отличается большим спектром публичных инициатив по укреплению гуманитарных связей между профессиональными коллективами, гражданами и организациями России и Белоруссии, является формой сотрудничества, открытой для контактов с широкой международной средой и тем самым создаёт позитивный имидж российско-белорусскому партнёрству. Эта тема пока является малоисследованной, хотя её значимость отмечается в ряде публикаций [6, 7, 10].

Союзное государство России и Белоруссии – политический проект с поэтапно организуемым единым политическим, экономическим, военным и гуманитарным пространством, является сегодня не только механизмом регулирования долгосрочного двустороннего сотрудничества. В контексте углубления интеграционных процессов евразийского масштаба наличие такого регулятивного механизма играет комплексную роль в определении ключевых направлений многостороннего сотрудничества, для реализации которых всё большую значимость приобретает активное участие общественных кругов.

В 2015-2016 гг. Россия и Белоруссия продолжили работу по интеграционному сближению по разным направлениям, в том числе, подписав и ратифицировав целый ряд документов в гуманитарной сфере. Как отмечают эксперты, «постепенно добрососедские отношения народов наших стран закрепляются и на законодательном уровне»¹. Тесное переплетение деятельности государственных и негосударственных структур, которое отражено в этой формулировке, со всей очевидностью указывает на то, что публичная дипломатия СГРБ – это комплексное явление, сочетающее различные функциональные компоненты, механизмы и задачи. Тем не менее, в интересах прикладного анализа этого феномена целесообразно выделить два взаимодополняющих вектора, первый из которых в большей степени соотносится с действиями официальных лиц, лидеров и других руководителей стран-партнёров, а второй – с практикой негосударственных акторов в лице общественных организаций, бизнес-сообществ, академических кругов, СМИ.

¹ Союзное государство: итоги года. URL: <http://www.soyuz.by/news/humanitarian-dimension/23575.html> (дата обращения: 1.03.2017)

Одновременно необходимо отметить, что, хотя термин «публичная дипломатия» применяется главным образом для характеристики негосударственных инициатив, однако это не исключает присутствия и этатистских элементов в процессе их подготовки и реализации. Строго говоря, именно этатистский компонент стоял у истоков развития публичной дипломатии как явления социально-политической жизни, когда государства постмодерна осознали необходимость разворота к более открытому управленческому процессу. То обстоятельство, что государственные институты совместно с профильными общественными структурами играют важную роль в создании позитивного имиджа российско-белорусского взаимодействия, выступают активными участниками различных проектов, способствующих повышению авторитета СГРБ в глазах населения двух стран и за рубежом, является актуальным примером конструктивного взаимодействия традиционных и новых акторов мирополитических процессов.

Союзное государство России и Белоруссии как межгосударственное объединение прошло длительную проверку временем², причём гуманитарная составляющая этого интеграционного проекта во многом является более представительной, чем в других форматах взаимодействия на пространстве СНГ. Благодаря подписанию в 2015 г. ряда новых документов, обеспечивающих на взаимной основе равные права граждан двух стран, белорусы и россияне «чувствуют себя на всей территории Союзного государства, как дома»³. Яркой позитивной новостью стало принятие Государственной думой 22 декабря 2015 г. решения, разрешающего белорусам не сдавать русский язык и историю для получения вида на жительство или временное проживание в России, которое искренне приветствовала белорусская сторона. Атмосферу культурной близости россиян и белорусов подчёркивает и практика регулярных поздравлений лидеров двух стран в адрес выдающихся общественных деятелей и интеллигенции. Например, президенты России и Беларуси в 2015 г. поздравили с семидесятилетним юбилеем композитора Вячеслава Добрынина. Персональные поздравления президента А. Лукашенко получили российские артисты, ряд политиков, учёных и журналистов – Елена Яковлева, Ирина Алфёрова, Станислав Говорухин, Михаил Горбачёв, Жорес Алфёров, Александр Проханов и другие.

Большой интерес в общественной среде Белоруссии вызвала состоявшаяся в мае 2015 г. открытая лекция Сергея Лаврова в Белорусском государственном университете (БГУ). Выступая перед студентами и преподавателями главного белорусского вуза, министр иностранных дел России подробно осветил отечественные подходы к вопросам развития ЕАЭС, сотрудничества с Китаем, борьбы с терроризмом, урегулирования конфликта на Украине, а также роли СМИ, праздновании Дня Победы, новых формах работы с молодёжью. Остановив-

² Союзное государство – интеграционное объединение, которое прошло проверку временем, - Григорий Рапота. URL: <http://www.soyuz.by/news/soyuz/26294.html> (дата обращения: 1.03.2017)

³ Союзное государство: итоги года. Общество. URL: <http://www.soyuz.by/news/humanitarian-dimension/23575.html> (дата обращения: 1.03.2017)

шись на белорусско-российском сотрудничестве в гуманитарной сфере, С. Лавров отметил, что «Нам нужно больше работать в гуманитарном пространстве. Тем более что к этому есть прямой интерес у белорусов и россиян. Буквально сегодня нас проинформировали о том, что...принято положительное решение об открытии филиала Российского центра науки и культуры в Гомеле»⁴.

Важным инструментом публичной дипломатии СГРБ стал Информационно-аналитический портал Союзного государства, на котором регулярно размещаются конструктивные информационные материалы, сюжеты различных видео-конференций и брифинги. Тематика этих публикаций достаточно разнообразна, причём содержит отнюдь не традиционные пропагандистские сюжеты, а ориентируется на формирование у населения двух стран осознанного отношения к реалиям интеграционного взаимодействия, откровенно указывая не только на достижения странового партнёрства, но и на трудности, препятствующие дальнейшему сближению.

Показательным с точки зрения прикладных задач работы портала с массовой аудиторией является всё более активное обращение к проблематике, затрагивающей ситуацию общей бизнес-среды и перспектив её гармонизации. Так, в рамках видео-брифинга с председателем Президиума Республиканской конфедерации предпринимательства Белоруссии В.Н. Карягиным, отмечалось, что, во-первых, «Российский бизнес и российская экономика были и остаются основным партнёром белорусского бизнеса. Более того, сегодня не имеет значения, где зарегистрирована фирма: в России или в Беларуси. Теперь российские фирмы получили больше возможностей для работы в Беларуси без ограничений, как и белорусские». Во-вторых, важность сотрудничества для белорусской стороны, поскольку «Россия для нас – это очень большой рынок сбыта... Россия сегодня стимулирует деятельность российских предприятий на нашем рынке... Это в основном позитивно, потому что российский рынок пользуется ресурсами с очень чёткими интересами. Конечно, он создаёт конкурентное поле для некоторых компаний, но в основном это партнёрские отношения. То есть там, куда приходит российский бизнес, наращивается экономический потенциал...». В-третьих, обращалось внимание на ожидания представителей бизнеса Белоруссии на современном этапе. По словам В.Н. Карягина, «Представители белорусского бизнеса, в первую очередь, ожидают выравнивания экономических и организационных условий между частным и государственным бизнесом, а также между бизнесами в целом. Мы считаем, что необходимо унифицировать налоговое законодательство. Например, на сегодня в Казахстане налог на добавленную стоимость составляет 12%, в России – 18%, а в Беларуси – 20%. Мы также различаемся по налогам на прибыль и по возможностям применения финансовых инструментов, что мешает не только белорусскому бизнесу, но, на наш взгляд, сдерживает и российский бизнес. Необходимо «заточить» наши фи-

⁴ Сергей Лавров ответил на вопросы белорусских студентов. URL: <http://www.soyuz.by/news/actual/26354.html> (дата обращения: 1.03.2017)

нансовые институты и налоговую политику под возможность сотрудничества. Это станет дополнительной гарантией для бизнеса. Также необходимо создавать специальные институты финансовой помощи по продвижению интересов бизнеса, так как малый и средний бизнес Беларуси не сможет полноценно сотрудничать с бизнесом России, который, в основном, уже представлен крупными финансово-промышленными группами... Кроме того, нужна аналитика и информация о возможностях рынка. Мы делаем определённые шаги. Совместно с посольством России мы издаём специализированную литературу и пытаемся проанализировать связи Беларуси со всеми российскими регионами. Когда мы знаем потребности, реально оцениваем возможности и находим партнёров, которые готовы чётко и ясно сформулировать проблему или предложение, начинается нормальное сотрудничество»⁵. Приведённый фрагмент является показательным для характеристики важного качества публичной дипломатии СГРБ – искреннего уважения её акторов к широкой аудитории, стремления к откровенности и отказу от бравурных сообщений о достижениях. Подобный подход ни в коей мере не умаляет привлекательности образа двустороннего сотрудничества, не провоцирует сомнения в возможности альтернативных перспектив, поскольку самым мощным аргументом становится прагматизм, уверенность в необходимости дальнейшей работы и объективной потребности позитивного движения навстречу друг другу.

Самой широкой областью реализации публичной дипломатии СГРБ является сотрудничество в сфере науки, культуры и образования, которое успешно развивается на основе прямых рабочих связей между исследовательскими, творческими и академическими коллективами, а также в рамках проведения различных профессиональных и творческих конкурсов. В частности, академии наук Белоруссии и России регулярно проводят совместный конкурс на соискание межакадемических премий за выдающиеся научные результаты, полученные в ходе совместных исследований двумя авторскими коллективами (обычно в области естественных наук). В настоящее время белорусские и российские учёные сообща работают над повышением эффективности использования углеводов по линии программы СГРБ «СКИФ-Недра», стартовавшей в 2015 г. и основанной на применении передовых информационных технологий моделировании условий залегания глубинных геологических пластов⁶. Среди других достижений, позволяющих повысить позитивное восприятие результатов работы СГРБ в научной сфере, следует упомянуть планы развертывания белорусско-российского технопарка в 2016 г., а также общую высокую эффективность реализации технологических программ Союзного государства⁷.

⁵ Интернет-videобрифинг «Российский бизнес: взгляд из Беларуси». URL: <http://www.soyuz.by/tv/online-briefing/13779.html> (дата обращения: 1.03.2017)

⁶ Белорусские и российские учёные работают над повышением эффективности использования углеводов. URL: <http://www.soyuz.by/news/humanitarian-dimension/23978.html> (дата обращения: 1.03.2017)

⁷ Академия наук Беларуси отмечает высокую эффективность реализации программ Союзного государства. URL: <http://www.soyuz.by/news/humanitarian-dimension/24143.html> (дата обращения: 1.03.2017)

К практике публичной дипломатии, несомненно, относятся и прямые контакты между российскими и белорусскими предприятиями, которые нередко оформляются посредством заключения договоров о сотрудничестве. В начале 2016 г. такие договора были подписаны между объединениями «Брянсксельмаш» и Донским ГАУ. Национальный исторический музей Беларуси подписал Меморандум о сотрудничестве с Калининградским историко-художественным музеем. Минский городской технопарк будет сотрудничать с Ульяновским центром трансфера технологий. Перечисление примеров включения в орбиту гуманитарных контактов и публичной дипломатии представителей культуры и работников наукоёмких отраслей реального производства в России и Белоруссии можно было бы продолжить, однако и из приведённых примеров становится очевидной ориентация российско-белорусского сотрудничества на, так сказать, «деловую повседневность», когда привлекательность образа страны-партнёра обеспечивается не разовыми мероприятиями, а включённостью партнёрства в рабочий процесс, активное участие в нём рядовых граждан.

Так, в постоянную практику вошли концерты на главных российских и белорусских площадках известных исполнителей двух стран, мероприятия, посвящённые творческому наследию выдающихся деятелей музыкального и изобразительного искусства, проведение художественных выставок и вручение престижных премий представителям творческой интеллигенции. В 2016 г. в Минске и Могилёве с успехом прошёл IV Международный фестиваль «Владимир Спиваков приглашает». Популярностью пользуются обменные гастроли и другие мероприятия с участием общественности. Например, весной нынешнего года состоялись выступления артистов Белорусского музыкального театра и Русского драматического театра Башкортостана, а Союзы женщин Белоруссии и России заявили о планах участия в традиционном фестивале песни им. Анны Герман «Эвридика». В марте 2016 г. в Москве с успехом прошли Белорусские сезоны, на которых были представлены спектакли двух белорусских драматических театров.

Номенклатура культурных мероприятий, осуществляемых в русле российско-белорусского сотрудничества и отражающих творческие возможности двух народов в условиях укрепления союзных связей, постоянно расширяется, в частности за счёт инициатив по проведению гала-концертов бардовской песни «Большая рыбалка» с участием исполнителей из девяти стран, организации творческих вечеров всё большего числа популярных поэтов, дней белорусского кино в российских регионах. В марте 2016 г. с успехом прошли «Белорусские сезоны» в Москве, во время которых спектакли представляли несколько белорусских драматических театров.

Эффект публичной дипломатии СГРБ несомненно присущ и ряду традиционных проводимых в Белоруссии массовых культурных фестивалей с участием России и ряда зарубежных стран. Популярностью пользуется Минский международный культурный фестиваль «Цветы России», во время которого проходят

гала-концерт классической музыки в исполнении юных талантов России, круглые столы для педагогов и работников культуры, ведущих занятия с детскими коллективами⁸. В течение четверти века крупным событием культурной и общественной жизни, имеющим большой международный резонанс, является Витебский фестиваль искусств «Славянский базар». Предполагается, что некоторые разделы его программы, в частности десятичасовой марафон чтецов стихотворных произведений, будут включены в Книгу рекордов Гиннесса⁹. Знаковым для граждан двух стран ежегодно становится празднование в начале апреля в России и Белоруссии Дня единения.

Значительным ресурсом публичной дипломатии СГРБ стала сфера высшего образования. В условиях интеграционного развития рынок образовательных услуг является достаточно привлекательным для абитуриентов двух стран, в том числе, благодаря обеспечению равных прав граждан и отсутствию языкового барьера. Сегодня в российских вузах обучается около 18 тыс. белорусских граждан, а в Белоруссии – около полутора тыс. граждан России¹⁰. Регулярный характер носят партнёрские связи между белорусскими и российскими вузами, лекционные циклы, мастер-классы, обменные визиты делегаций студентов и преподавателей. Практика межвузовского сотрудничества распространяется на значительный контингент учащихся и преподавателей, поскольку при поддержке Россотрудничества к контактам подключаются не только столичные, но и региональные вузы двух стран.

Многие конструктивные качества публичной дипломатии СГРБ проявляются и в контексте прямого межвузовского партнёрства. Кроме того, можно отметить такие события первой половины 2016 г., как ставшие регулярными преддипломные стажировки студентов-атомщиков из Белорусского национального технического университета на Смоленской АЭС, выступление российских и белорусских студентов с инновационными разработками на Петербургской творческой ярмарке, в которой наряду с представителями СГРБ участвуют студенты из Азербайджана, Армении, Германии, Украины и Словакии. Как чрезвычайно полезный и интересный был оценен опыт проведения российским фондом «Сколково» стартап-тура для молодых исследователей в Минске, Международного турнира естественнонаучных дисциплин (СТЕНД) среди студентов и магистрантов стран СНГ (Минск); конкурсов студентов по международному гуманитарному праву (Москва) и по трудовому праву (Минск), дней Исторического факультета МГУ в Белорусском государственном университете, конкурса студенческих работ по истории «Общий путь к Великой Победе: подвиг народа бессмертен». Результативность этих мероприятий особенно высока, если

⁸ Фестиваль «Цветы России» открывается сегодня в Минске. URL:<http://www.soyuz.by/news/humanitarian-dimension/25977.html> (дата обращения: 1.03.2017)

⁹ Организаторы «Славянского базара» замахнутся на рекорд для Книги Гиннесса. URL:<http://www.soyuz.by/news/humanitarian-dimension/26106.html> (дата обращения: 1.03.2017)

¹⁰ В российских вузах обучается около 18 тыс. граждан Беларуси. URL:<http://www.soyuz.by/news/humanitarian-dimension/25243.html> (дата обращения: 1.03.2017)

принять во внимание, что они сочетают развитие исторически сложившихся форматов российско-белорусского образовательного сотрудничества с новыми содержательными моментами, учётом актуальных запросов молодёжной среды, адресной работы с различными группами (категориями) молодежи – «физиками», «лириками», «спортсменами» и другими. Что особенно заметно в последние три-четыре года, расширяется массовое участие в профильных мероприятиях, а их география охватывает всё большее число российских и белорусских регионов. Одновременно российско-белорусские образовательные проекты и мероприятия становятся центром притяжения заинтересованных представителей молодого поколения других стран СНГ, а отчасти и дальнего зарубежья СГРБ.

Всё более важным драйвером формирования привлекательного образа российско-белорусского межгосударственного партнёрства становится туризм. Белоруссия, её столица и белорусские курорты пользуются растущей популярностью среди россиян и регулярно презентуются в этом качестве в различных информационных источниках с самой широкой аудиторией. В настоящее время Минск входит в десятку наиболее привлекательных направлений новогодних каникул и краткосрочных праздничных туров для российских граждан. В целом же «Россия даёт Беларуси наибольшее количество иностранных туристов», а «более 80% иностранцев, отдыхающих в белорусских санаториях, составляют россияне»¹¹. На данный момент в Белоруссию на отдых приезжает примерно четверть миллиона россиян, но эта цифра может быть существенно увеличена.

Особой популярностью у российских и других зарубежных гостей пользуются места отдыха, которые располагают современной материально-технической базой, находятся в местах с уникальным природным потенциалом, обладают хорошими коммуникационными ресурсами. Интерес к посещению россиянами братской страны определяется не только бюджетными или языковыми причинами, но во всё большей степени публичными акциями по популяризации объектов историко-культурного наследия, которые становятся основной туристической деятельности белорусских структур и активно рекламируются в электронных СМИ.

Интересным опытом включения туристической сферы в пространство публичной дипломатии стала презентация белорусского календаря туристических событий на 2016 г., в котором отражены события в Минске и различных регионах потенциально интересные для туристов: концерты, выставки, театральные форумы, обрядовые праздники, спортивные мероприятия и другие события. Мероприятия, которые могут заинтересовать иностранных туристов, предполагается рекламировать за рубежом, причём с учётом целевой аудитории акции в Бресте и Гродно будут рекламироваться на польском и литовском языках, а в приграничном с Россией Мстиславле – на русском языке.

¹¹ Россия даёт Беларуси наибольшее количество иностранных туристов. URL:<http://www.soyuz.by/news/humanitarian-dimension/23742.html> (дата обращения: 1.03.2017)

Подтверждением растущей значимости туристической составляющей гуманитарного сотрудничества в рамках СГРБ и её вклада в создание привлекательного имиджа двустороннего партнёрства России и Белоруссии стали и достигнутые в апреле 2016 г. между Ростуризмом и белорусским Министерством спорта и туризма договорённостей о взаимном увеличении турпотоков между странами. «Ключевыми направлениями сотрудничества станут санаторно-курортное оздоровление, военно-патриотический туризм и развитие кемпингового движения»¹².

Виды практической деятельности, укрепляющей основы интеграционного взаимодействия и повышающей социально-политическую привлекательность проектов СГРБ, становятся всё более дифференцированными и ориентируются на различные группы населения России и Белоруссии. Особую значимость приобретает сотрудничество заинтересованных государственных институтов и общественных организаций по вовлечению молодёжи в общественную и политическую жизнь своих стран, открытие разнообразных каналов их позитивного участия в развитии международного гуманитарного взаимодействия на пространстве СНГ и за его пределами. Тем самым молодёжная политика стала важным самостоятельным направлением развития публичной дипломатии СГРБ.

В рамках Союзного государства реализуются различные инициативы по линии молодёжной политики регионального и странового масштаба. Сегодня в рамках интеграционного проекта Белоруссия сотрудничает с 65 российскими регионами в сфере образования и молодёжной политики. Среди наиболее популярных проектов отмечают «Велопробег Союзного государства», а также формирование сводных студенческих строительных отрядов для участия во Всебелорусской молодёжной стройке в Островце и на Ямале. Среди других знаковых проектов, которые реализуются в рамках Союзного государства, называют конкурс «Королева весна», организованный совместно Белорусскими и Российским союзами молодёжи.

Школьники и студенты двух стран регулярно принимают участие в международных олимпиадах, творческих конкурсах, спортивных соревнованиях, проходящих в России и Белоруссии. К сфере публичной дипломатии российско-белорусского интеграционного проекта в 2015-2016 гг. относятся, например, такие мероприятия как «Эрудиты Планеты» (Москва), «Лучший молодой учёный» (Российско-белорусский университет), «Мы – будущее литературы» (Минск), «Балтийский научно-инженерный форум» (Санкт-Петербург), Международная школа «Физическое материаловедение» (Тольятти), «Пасхальные песни народов мира» (Москва), «Менделеевская олимпиада по химии» (Москва), «Хранители знаний. Вечный огонь» и многие другие. Молодые граждане двух стран имеют возможность познакомиться со сверстниками, сравнить свои достижения во время фестивалей и форумов: «Молодёжь

¹² Ростуризм и Минспорта и туризма Беларуси договорились о взаимном увеличении турпотоков между странами. URL:<http://www.soyuz.by/news/humanitarian-dimension/25557.html> (дата обращения: 1.03.2017)

Беларуси и России в XXI в. вместе» (Барановичи), «Две сестры – Беларусь и Россия» (Витебск), «Евразийский научно-практический студенческий форум» (Минск), «Творчество юных» (Минск). Такие акции как Молодёжные велопробеги Союзного государства, стажировка российских студентов в детском лагере «Зубрёнок», специальные туристические мероприятия для групп российских и белорусских школьников являются очень важным инструментом развития совместной работы по линии государственных структур, молодёжных активистов, представителей гражданского общества России и Белоруссии, которые позитивно воспринимаются на массовом уровне и одновременно укрепляют профессиональные контакты между лицами, ведущими повседневную организационную работу с молодёжью.

Развивается и информационная составляющая публичной дипломатии СГРБ, которая ориентирована, прежде всего, на российскую и белорусскую аудиторию. Основной вклад в деятельность на этом направлении вносят информационный портал Союзного государства, материалы ТРО «Союз», журнал «Союзное государство», а также газеты «Союзное вече» и «Союз. Беларусь – Россия». Кроме того, существенную роль в укреплении атмосферы братства, дружбы, всестороннего сотрудничества в контексте информационного обеспечения строительства Союзного государства вносит АО «Издательский дом “Комсомольская правда”». Общими принципиальными установками информационной деятельности союзных СМИ выступают непредвзятость журналистики и умение конструктивно представлять в информационном поле различные точки зрения. Сегодня в Белоруссии широко транслируются российские телеканалы, а Белоруссия усиливает информационное присутствие в России. В процессе углубления двусторонней интеграции постепенно расширяется аудитория телеканала «Беларусь 24», проводятся пресс-туры российских и союзных СМИ по белорусским регионам и пресс-конференции в крупных научных центрах. Так, весной 2016 г. были проведены целевые визиты для журналистского пула в Институт цитологии и генетики НАН Беларуси и в холдинг «Планар» – единый научно-технический комплекс предприятий, которые производят сложнейшее оптико-механическое, контрольно-измерительное и сборочное оборудование¹³. Подобные визиты направлены на ознакомление специалистов и общественности с достижениями в области научно-прикладных разработок, проводимых на базе белорусских исследовательских организаций, которые очень часто осуществляются в сотрудничестве с российскими коллегами. Отчёты о подобных мероприятиях подтверждают высокий профессиональный уровень научных кадров и эффективность научных проектов проводимых с участием учёных двух братских стран.

Наряду с презентациями конкретных проектов, российские и белорусские структуры проводят и мероприятия, ориентированные на информационное

¹³ Журналисты ознакомились с реализацией союзных программ в области микросистемотехники. URL: <http://www.soyuz.by/news/humanitarian-dimension/24578.html> (дата обращения: 1.03.2017)

обеспечение комплекса вопросов союзного взаимодействия. В апреле 2016 г. при участии Министерства информации Республики Беларусь, Постоянного комитета Союзного государства и при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ, Исполнительного комитета СНГ, Министерства иностранных дел Республики Беларусь, Минского городского, Минского и Гродненского областных исполнительных комитетов прошёл XI Белорусский международный медиафорум «Партнёрство во имя будущего», в котором приняли участие представители СМИ, видные политологи, эксперты стран СНГ и дальнего зарубежья. Основными мероприятиями медиафорума, наряду с пленарным заседанием и тематическими панельными дискуссиями, стала школа журналистики с проведением мастер-классов ведущих зарубежных и белорусских журналистов, проект «Культурное наследие Беларуси». Медиафорум подтвердил свой статус привлекательной международной площадки, предоставившей возможность участникам из примерно двадцати стран ознакомиться с реалиями белорусского и регионального развития и обсудить направления будущих профессиональных контактов.

Перспективным в плане расширения возможностей позитивного позиционирования СГРБ на страновом и международном уровне является план запуска союзного радио, который рассматривается в настоящее время белорусской радиостанцией «Альфа Радио» и российским издательским домом «Комсомольская правда».

Большое место в информационных акциях по профилю публичной дипломатии СГРБ занимает военная тематика. При этом акценты СМИ на деятельности выдающихся полководцев или датах знаковых событий мировых войн органично сочетаются с массовыми общественными мероприятиями, в которых участвуют ветераны, представители среднего и молодого поколений. Так, весной 2016 г. появились многочисленные публикации о жизни выдающегося советского военачальника маршала Рокоссовского, истории 810-дневной обороны небольшого городка Сморгони во время Первой мировой войны, торжественным акциям у воинских мемориалов времен Великой Отечественной войны. С 2010 г. в Минске регулярно проводится форум «Великая Победа, добытая единством». В 2016 г. году на него были приглашены ветераны Великой Отечественной войны, представители руководства Союзного государства, государственных органов стран СНГ, экспертного и научного сообществ, средств массовой информации, лидеры молодёжных организаций из государств СНГ, Балтии и Грузии. В городе-герое Бресте День Победы совместно с представителями белорусской общественности встретили делегации из России, Польши, Венгрии и Словакии. Торжества, прошедшие в Москве и Минске в честь 71-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, подробно освещались на информационном портале СГРБ под заголовком «В Союзном государстве празднуют День Победы», а

белорусские и российские города активно участвовали в акции «Бессмертный полк»¹⁴.

Тренд публичной дипломатии СГРБ находится в процессе становления. К его основным особенностям можно отнести не только тесную сопряжённость с задачами интеграционного строительства, но и большую дифференциацию функциональных направлений, их адресное содержание, ориентацию на постоянное расширение круга государственных и негосударственных акторов. При этом выраженный этатистский компонент является не только данью политическим традициям, но и отражением актуального системообразующего характера государственных институтов в российском и белорусском обществах. В целом, и этатистский, и гражданский компоненты публичной дипломатии СГРБ органично взаимосвязаны в сфере повседневной практики, ориентированы на сбалансированную привлекательность интеграционного проекта как для массовых слоёв населения, так и самой существенной части элит России и Белоруссии. Однако главной характеристикой публичной дипломатии СГРБ является то, что она развивается в чрезвычайно близкой по своим культурным особенностям социальной среде и укрепляет в новых политических обстоятельствах традиционные дружеские связи народов России и Белоруссии.

Термин «публичная дипломатия» не получил пока достаточного распространения в контексте аналитических обсуждений деятельности СГРБ. Но развитие интеграционного процесса предполагает усиление внимания к вопросам, которые ещё не стали предметом активного осмысления. Реалии публичной дипломатии СГРБ, во-первых, вносят значительный вклад в повышение привлекательности интеграционного проекта в глазах населения двух стран, а постепенно и за его пределами, привлекая к участию в мероприятиях гуманитарного содержания представителей различных государств СНГ и даже дальнего зарубежья. Во-вторых, они демонстрируют вариативность практических моделей современной публичной дипломатии, присутствия значительной области конкретных действий, определяемых местной (страновой) и исторической спецификой. В-третьих, Россия и Белоруссия заинтересованы в совершенствовании ресурсов публичной дипломатии СГРБ и применении их инструментов в евразийском формате в целях укрепления гуманитарного сотрудничества, добрососедства и атмосферы доверия в отношениях со своим ближайшим региональным окружением.

Список литературы

1. Долинский А.В. Дискурс о публичной дипломатии //Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1(25). С. 63-732.
2. Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015.Том 13. № 4 (43).С. 45-56.

¹⁴ В Союзном государстве празднуют День Победы. URL:<http://www.soyuz.by/news/humanitarian-dimension/26188.html> (дата обращения: 1.03.2017)

3. Лебедева О.В. История возникновения института публичной дипломатии в России // Международная жизнь. 2016. № 2. С. 126-135.
4. Лебедева М.М., Харкевич М.В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №2(35). С. 10-13.
5. Боришполец К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития // Вестник МГИМО-Университета. 2015. №5(44). С. 42-55 7.
6. Balmaceda M.M. Myth and Reality in the Belarusian-Russian Relationship: What the West Must Know // Problems of Post-Communism. 1999. Vol. 46. №3. Pp. 3-14
7. Forsberg T., Smith H. Russian Cultural Statecraft in the Eurasian Space // Journal Problems of Post-Communism. 2016. Vol.63. №3. Pp. 129-134.
8. Just T. Promoting Russia abroad: Russia's post-Cold war national identity and public diplomacy // The Journal of International Communication. 2016. Vol. 22. №1. Pp. 82-95.
9. Nikitina Y. Measuring the Efficiency of Regional Institutions in Eurasia Is There a Role for Public Diplomacy? // Journal Russian Politics & Law. 2016. Vol.54. № 5-6. Pp. 477-493.
10. Saari S. Russia's Post-Orange Revolution Strategies to Increase its Influence in Former Soviet Republics: Public Diplomacy po russkii // Journal Europe-Asia Studies. 2014. Vol. 66. № 1. Pp. 50-66.

Об авторе:

Ксения Петровна Боришполец – к.п.н., профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований МГИМО.
E-mail: oksabor@mgimo.ru

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-37-11128.

THE PUBLIC DIPLOMACY RESOURCES OF THE UNION STATE OF RUSSIA AND BELARUS

K.P. Borishpolets
DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-224-237

Moscow State Institute of International Relations

Public diplomacy has become a common attribute of the global political life since the early 21 century. The interest for the public diplomacy is also evident among the EEU countries. Nevertheless, the question of the public diplomacy resource savailable for the integrating post-Soviet states and their usage remains open. The practice of the Union State of Russia and Belarus (USRB) is characterized by a wide range of public initiatives to increase the public attractiveness of the bilateral integration project. It communicates with a broad international environment and thereby creates a positive image for the Russian-Belarusian partnership. Public diplomacy of the USRB is a complex phenomenon combining various functional components, mechanisms and. Two mutually complementary vectors in its development can be distinguished, the first one related to the actions of officials and leaders of partner countries, and the second one – to the practice of non-state actors in the form of public organizations, business communities, academics, and the media. The state institutions along with the special social structures are actively involved in different projects boosting the international public image of USRB and play a critical part in creating a positive image of the Russian-Belarus cooperation. This fact represents the growing structural interaction of the traditional and new actors of the world political processes.

Key words: public diplomacy, the EEU humanitarian cooperation, the Union State of Russia and Belarus (USRB), post-soviet integration.

References

1. Dolinskii A.V. Diskurs o publichnoi diplomatii [Discourse on Public Diplomacy]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2011, vol. 9, no. 1(25), pp. 63-732. (In Russian).
2. Lebedeva M.M. Publichnaia diplomatiia v uregulirovanii konfliktov [Public diplomacy in the settlement of conflicts]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2015, vol. 13, no. 4 (43), pp. 45-56. (In Russian).
3. Lebedeva O. Istoriia vozniknoveniia instituta publichnoi diplomatii v Rossii [History of the emergence of the Institute of Public Diplomacy in Russia]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*. 2016, no. 2, pp. 126-135. (In Russian).
4. Lebedeva M.M., Kharkevich M.V. «Miagkaia sila» Rossii v razvitiu integratsionnykh protsessov na evraziiskom prostranstve ["Soft power" of Russia in the development of integration processes in the Eurasian space]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2014, №2(35), pp. 10-13. (In Russian).
5. Borishpolets K.P. Publichnaia diplomatiia na prostranstve EAES: osmyslenie fenomena i tendentsii razvitiia [Public diplomacy in the EAEC area: understanding of the phenomenon and development trends]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2015, №5(44), pp. 42-55. (In Russian).
6. Balmaceda M.M. Myth and Reality in the Belarusian-Russian Relationship: What the West Must Know. *Problems of Post-Communism*. 1999, vol. 46, no. 3, pp. 3-14.
7. Forsberg T., Smith H. Russian Cultural Statecraft in the Eurasian Space. *Problems of Post-Communism*. 2016, vol. 63, no. 3, pp. 129-134.
8. Just T. Promoting Russia abroad: Russia's post-Cold war national identity and public diplomacy. *The Journal of International Communication*. 2016, vol. 22, no. 1, pp. 82-95.
9. Nikitina Y. Measuring the Efficiency of Regional Institutions in Eurasia Is There a Role for Public Diplomacy? *Russian Politics & Law*. 2016, vol. 54, no. 5-6, pp. 477-493.
10. Saari S. Russia's Post-Orange Revolution Strategies to Increase its Influence in Former Soviet Republics: Public Diplomacy po russkii. *Europe-Asia Studies*. 2014, vol. 66, no. 1, pp. 50-66.

About the author:

Ksenia P. Borishpolets – Ph.D. in Political Science, professor of Department of World Politics, leading research fellow Centre for Post-soviet Studies Institute for International Studies, MGIMO-University. E-mail: oksabor@mgimo.ru

The article is written with the financial support of Russian scientific fund for the humanities, Grant No. 15-37-11128.

РЕСУРСЫ ВЛИЯНИЯ ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ В США НА АМЕРИКАНСКУЮ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

И.Д. Лошкарёв

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье проанализированы политические ресурсы влияния польской диаспоры в США на внешнюю политику страны проживания. Такой анализ представляется полезным по двум причинам. Во-первых, это позволит расширить исследовательский фокус при изучении групп влияния и их воздействия на американскую внешнюю политику. Во-вторых, польская диаспора в США редко является объектом внимания исследователей этнического и мигрантского лоббизма, несмотря на значительную долю в населении страны.

Анализ ресурсов влияния польской диаспоры (американской Полонии) на внешнюю политику США показал следующее. Во-первых, у внешнеполитической повестки дня польской диаспоры не существует серьёзных оппонентов, то есть достаточно развит структурный ресурс. Кроме того, польская диаспора располагает развитым организационным ресурсом: её институты находятся в плотном взаимодействии, координацию которого осуществляет Конгресс Американской Полонии. Во-вторых, польская диаспора составляет заметную группу населения, особенно в штатах Висконсин, Мичиган, Коннектикут, Нью-Йорк и Иллинойс. Однако электоральные и финансовые возможности польской диаспоры используются далеко не в полной мере.

Наконец, существуют определенные сложности с дискурсивным ресурсом влияния польской диаспоры. В общественно-политическом восприятии представлены два противоположных нарратива. Первый из них подчеркивает важность для американцев польского происхождения таких ценностей, как свобода и демократия, отстаивание своей позиции, в том числе вооруженным путем. А второй нарратив сводится к воспроизведению бытовых стереотипов о поляках, в том числе в массовой культуре. Таким образом, перед институтами американской Полонии стоит несколько задач, среди которых наиболее важными представляются поиск новых путей политической мобилизации представителей диаспоры и формирование сбалансированного образа американцев польского происхождения в общественно-политическом восприятии в США.

Ключевые слова: польская диаспора, ресурсы влияния, этнические лобби, Полония, внешняя политика.

УДК 327.83

Поступила в редакцию 11.11.2016 г.

Принята к публикации 19.06.2017 г.

Количество различных групп интересов, которые оказывают или стремятся оказать влияние на внешнюю политику США велико и, вероятно, имеет тенденцию к увеличению. Это не только отражает многообразие и сложносоставность американского общества, но и является следствием расширения внешнеполитической повестки Вашингтона – от традиционных вопросов безопасности до социальных и экономических целей, проблем окружающей среды. По мнению Дж. Маккормика, новые компоненты внешнеполитической повестки вовлекают новые институты власти в процесс принятия решений, а это делает весь механизм внешнеполитического планирования и реагирования более доступным для групп интересов [12, с. 68]. Одной из старейших разновидностей групп интересов во внешней политике США считаются этнические лобби, представляющие не только отдельные этнические, но и расовые и даже культурные общности. Определение «этническое» в данном случае отражает гибкость понятия этничности в американской академической среде, частое отождествление этнических групп с группами мигрантов и восприятие этничности в качестве индивидуального выбора, а не культурного и исторического наследия [15, с.1-4].

Обычно при изучении этнических (в том числе, мигрантских) лобби уделяют пристальное внимание результатам их влияния. Безусловно, конкретные политические решения, принятые благодаря участию соответствующих групп влияния, позволяют оценить степень влияния той или иной лоббистской структуры [2, с. 69]. Более того, результаты деятельности этнических и мигрантских лобби вызывают определённые опасения у исследователей и лиц, близких или вовлечённых в американский политический процесс. Например, С. Хантингтон уверен, что вместо обеспечения национальных интересов американское правительство нередко занимается продвижением интересов отдельных групп [9, с. 48]. Эта обеспокоенность приводит к определённому изменению подходов к исследованию этнических (в том числе, мигрантских) лобби в США. В частности, Д. Де Винд и Р. Сегура отмечают необходимость более пристального изучения взаимоотношений соответствующих групп интересов с различными ветвями власти, способов продвижения определённой повестки дня и условий, при которых лоббирующая структура способна достигнуть своих целей. Кроме того, внимания заслуживают и механизмы обратной связи, ситуации и положения, в рамках которых представители органов власти США оказываются заинтересованными в поддержке этнических и мигрантских лобби [7, с. 4-6]. Представляется, что можно сделать ещё один шаг в расширении исследовательского фокуса – путём анализа проблематики ресурсов соответствующих групп интересов. В современных исследованиях по международно-политической тематике ресурсам уделяется недостаточное внимание, хотя именно ресурсы, их сочетание и формы их использования, лежат в основе формулирования интересов различных политических субъектов, оказывают влияние на их долгосрочные и краткосрочные планы [1, с. 99].

На сегодняшний момент сложилась следующая классификация ресурсов этнических лобби в США:

- структурные (отсутствие или сравнительная слабость потенциала политических оппонентов);
- организационные (наличие определённых институтов, осуществляющих продвижение необходимой повестки дня, а также «встроенных» лоббистов);
- электоральные (возможность мобилизовать избирателей в поддержку того или иного кандидата на выборах в органы исполнительной и законодательной власти, концентрация участников соответствующего сообщества в отдельных штатах или избирательных округах);
- финансовые (способность обеспечивать взносы в избирательные кампании, пожертвования в пользу политических организаций);
- дискурсивные (позитивный имидж группы интересов в обществе или образ, вызывающий определённое сочувствие, а также некоторая степень ассимилированности) [13, с. 151-168; 19, с. 759-761].

Как показывает практика, этническое лобби может обладать лишь частью из представленного перечня ресурсов, а их соотношение обязательно различается. Нередко встречается ситуация, когда ограничены организационные и структурные ресурсы лоббистских структур, что вызвано расколами внутри соответствующих этнических и мигрантских сообществ (диаспор). Например, выходцы из Кубы в США в последнее десятилетие всё меньше поддерживают жёсткие экономические санкции в отношении страны своего происхождения, полагая, что правящий режим можно изменить не с помощью давления, а путём вовлечения в полноценный политический диалог с Вашингтоном и через создание совместных экономических проектов [19, с. 756-758].

Всё же отсутствие или слабая выраженность отдельного ресурса автоматически не снижают возможность политического успеха этнического лобби. В частности, индийское лобби в США слабо организовано и представляет интересы небольшого числа американских граждан (почти 1,7 млн чел.). Тем не менее, индийское лобби становится весьма заметным участником американского внешнеполитического процесса – за счёт высокого дохода американских граждан индийского происхождения и их активного финансового участия в избирательных кампаниях, а также из-за поддержки властей Индии [10, с. 288-292]. То есть, даже обладая весьма ограниченным набором ресурсов (например, как в случае с индийским лобби – финансовый и структурный), этническая группа интересов способна оказывать влияние на внешнюю политику государства.

Определённый дисбаланс в современном изучении этнических лобби в США заключается не только в невнимании к проблематике ресурсов, но и в выборе самого объекта анализа. Чаще всего исследования этнического лоббизма сводятся к рассмотрению израильских, кубинских, мексиканских, армянских, греческих и ирландских групп интересов. Также последнее время общий рост интереса к

экономике и культуре Азии обусловил появление работ по китайскому и индийскому лобби [14, с. 73]. Безусловно, количество исследований по этническому лоббизму растёт, однако тема продвижения интересов американцами польского происхождения практически не затрагивается. При этом, американцы польского происхождения – пятая по численности группа среди населения страны, превышающая по количеству, и греческую, и армянскую общины, влияние которых изучено достаточно подробно. По данным Бюро переписи населения США, американцев греческого происхождения насчитывается до почти 1,4 млн чел. (хотя существует и более высокая оценка – до 3 млн чел.), армянского происхождения – почти 0,5 млн (неофициально – до 1,5 млн), а польского – свыше 10 млн. Таким образом, почти все активно исследуемые этнические группы интересов заметно меньше по численности, чем польская диаспора – за исключением американцев ирландского происхождения (36 млн чел.)¹.

В целом, данная статья преследует две цели – во-первых, рассмотреть особенности ресурсов влияния польской диаспоры на внешнюю политику США, а, во-вторых, выявить особенности имеющегося у польской диаспоры (это понятие нередко обозначается словом «Полония») в США политического ресурсного потенциала, что предполагает использование сравнительного метода. Представляется, что это позволит несколько скорректировать дисбаланс в исследовании этнических лобби в американской внешней политике.

Здесь необходимо небольшое терминологическое отступление. Дело в том, что понятия «группа интересов», «этническое лобби» и «диаспора» чрезвычайно размыты. В самом общем виде, этнические лобби подразумевают защиту интересов не только мигрантских сообществ (диаспор), но и коренных народов. А «группа интересов» – это зонтичное понятие, объединяющее не только отстаивание интересов по этническому, расовым и культурным мотивам, но и по иным причинам (профессия, возраст, вовлечённость в определённую отрасль экономики). Но представляется, что чисто эссенциалистский подход, восприятие лобби и диаспор как замкнутых групп, использовать не слишком продуктивно. В условиях, когда принадлежность к некому сообществу или социальной группе в США концептуализируется с помощью понятия индивидуального выбора, диаспору или этническое лобби можно воспринимать не только как замкнутую группу, но и как политический проект. Это категории политической практики, предполагающие не столько описание процесса или явления, сколько их формирование. Естественно, что политический проект продвигают не все участники какого-либо сообщества, а отдельные активисты, «присваивающие» право представлять всю диаспору или этническую группу [4, с. 12-13]. Таким образом, рассматриваемые понятия, при всех различиях, достаточно близки по содержанию – по крайней мере, в рамках американского социального и политического контекста.

¹ Population by Selected Ancestry Group and Region: 2009 [Электронный ресурс]. // United States Census Bureau. Режим доступа: <http://www2.census.gov/library/publications/2011/compendia/stata/b/113ed/tables/12s0052.xls> (дата обращения: 2.04.2016)

Структурный ресурс влияния на внешнюю (как и внутреннюю) политику США во многом определяется целями и задачами, которые ставит перед собой соответствующая группа влияния. Попытки влиять на внешнюю политику менее эффективны, если у достижения этих целей и задач существуют политические оппоненты, особенно деятельные политические оппоненты. Продвижение крупных политических решений требует от групп интересов «игры в пятиуровневые шахматы», поиска сторонников и нейтрализации потенциальных оппонентов в пяти важнейших политических институтах – Республиканской и Демократической партии, администрации президента, Конгрессе и ведомственной бюрократии. Кроме того, в случае этнических лобби нередко существуют группы с противоположной повесткой дня (например, израильское и арабское, а также китайское и тайваньское лобби) [14, с. 74-75].

Внешнеполитические цели, которые ставятся активистами польской диаспоры в США, изложены, в частности, в сводке политических задач Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов на осень 2015 г. Эти цели включают в себя принятие законопроектов по следующим проблемам:

- предоставление Украине вооружений летального действия;
- расширение списка персональных санкций за счёт лидеров ополченцев Донбасса, а также их частичное включение в «список Магнитского»;
- оказание Украине военной и финансовой помощи;
- установление постоянных баз НАТО в Польше и прибалтийских странах;
- увеличение затрат федерального бюджета США на операции НАТО;
- законодательное закрепление права всех восточноевропейских государств (включая Украину и Грузию) на членство в НАТО;
- увеличение финансирования программ по культурным и образовательным обменам, продвижению демократии в странах Центральной и Восточной Европы².

Такой набор целей определённо противоречит интересам России, но потенциал «российского лобби» в США слабразвит, несмотря на усилия российского правительства и государственных корпораций [11, с. 282-283]. Таким образом, можно признать, что польская диаспора в США обладает значительным структурным политическим ресурсом.

Польскую диаспору как политический проект продвигает и представляет Конгресс Американской Полонии (КАП), созданный в 1944 г. Эта зонтичная организация, предполагающая как коллективное и ассоциированное, так индивидуальное членство. Структура Конгресса не слишком сбалансированная – часть организаций включена в состав одного из 30 отделений, а часть состоит напрямую в Конгрессе (например, Союз польских музыкальных исполнителей). Тем не менее, у организации есть офис в г. Вашингтон, который регулярно

² The CEEC's 2015 (114th Congress/1st Session) Policy Paper [Электронный ресурс]. // The Central and East European Coalition. Режим доступа: <http://www.ceecoalition.us/CEEC%202015%20SpringPolicyPaper%20FINAL.pdf> (дата обращения: 2.04.2016)

проводит брифинги и конференции с участием законодателей, представителей исполнительной власти и экспертного сообщества. Более того, вашингтонский офис КАП координирует деятельность еще девяти местных организаций, включая две финансовые (благотворительные) организации – Фонд друзей Иоанна Павла II и Фонд Стефана Корбонски³.

В разгар дискуссии о темпах и необходимости расширения НАТО на восток, в 1994 г. КАП инициировал создание Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов (КЦВН), которая объединила крупнейшие организации выходцев из стран Центральной Европы, Прибалтики и Закавказья. После проведения массовых акций и лоббирования нескольких законопроектов о расширении НАТО, Коалиция смогла добиться того, что этот вопрос стал одним из важнейших в период президентской кампании 1996 г. Для получения голосов восточноевропейских этнических групп на выборах президента Б. Клин-тону пришлось в октябре 1996 г. лично пообещать избирателям в Детройте, что в 1999 г. в НАТО появятся новые члены. До этого времени представители его администрации предпочитали отложить решение этого сложного вопроса и обтекаемо одобряли саму идею расширения [8, с. 98-107]. Этот успех заметно укрепил Коалицию, которая и сейчас продвигает идеи расширения НАТО и укрепления инфраструктуры Альянса в Восточной Европе. В целом, эта зонтичная структура усиливает потенциал КАП и способствует продвижению повестки дня польской диаспоры даже по узким вопросам (например, отмена визового режима для Польши).

На современном этапе среди институтов польской диаспоры не существует серьёзных разногласий, что свидетельствует о развитости организационного ресурса. Но польская политическая культура с присущей ей высокой степенью индивидуализма (вплоть до знаменитого принципа *liberum veto*) в значительной степени сохранилась и в рамках диаспоры. Поэтому жёсткая политическая борьба в принципе не чужда американцам польского происхождения. В период до Второй мировой войны польская диаспора в США была расколота между двумя зонтичными организациями – Польского римско-католического объединения и Польского национального союза, что сопровождалось шумными кампаниями в прессе и взаимными обвинениями в недостаточной «польскости» [17, 80-83]. А в послевоенной политической истории США широко известен прецедент, когда из-за вражды двух политиков польского происхождения (сенатора штата С. Розички и экс-сенатора штата А. Дж. Вилковски) пришлось дважды изменять положения конституции штата Мичиган [3, 71-88].

Ещё один важный аспект организационного ресурса – наличие «встроенных лоббистов», то есть сочувствующих лиц, находящихся на государственной службе или на выборных должностях. Ранее усилия этнических лобби своди-

³ PAC structure [Электронный ресурс]. // Polish American Congress. Режим доступа: <http://www.pac1944.org/org/structure.pdf> (дата обращения: 2.04.2016)

лись скорее к продвижению своих представителей на ключевые посты в государственных институтах США. Но на современном этапе нередки случаи формирования партнёрских отношений между этническими группами интересов и политиками или бюрократами, не принадлежащими к соответствующей этнической группе или диаспоре. Широко известен пример Роберта Доула, кандидата в президенты от Республиканской партии в 1996 г., который отстаивал повестку дня армянского лобби [2, с. 177-178].

Отношение к «встроенным лоббистам» в среде польской диаспоры в США можно охарактеризовать как умеренно консервативное. Американцы польского происхождения предпочитают поддерживать выходцев из диаспоры в ходе избирательных кампаний. Однако эффективность такого подхода снижается по мере снижения доли представителей польской диаспоры в общем количестве граждан США. Например, в 1958 г. насчитывалось 12 конгрессменов и один сенатор польского происхождения, а в 2002 – всего пять конгрессменов и три сенатора [16, с. 185, 194-195]. Но политики польского происхождения пытаются найти выход из сложившегося положения, формировать более широкие политические коалиции. Например, в Конгрессе существует возможность скорректировать эту тенденцию с помощью кокусов (объединений законодателей): в Палате представителей польский кокус возник в 2005 г., в Сенате – в 2013. Всё же, для польской диаспоры и её институтов нелегко даётся переход от этнически обусловленного выбора «встроенных лоббистов» к поиску партнёров на более широкой основе.

Дальнейшее укрепление организационного ресурса влияния польской диаспоры на внешнеполитическую повестку дня в США сталкивается с проблемой «расслаивания» электорального ресурса Полонии. По данным Института Пяста, 81 % американцев польского происхождения проживает в 15 штатах. При этом, концентрация участников Полонии в конкретных избирательных округах не столь велика: в 65 округах по выборам в Конгресс США доля американцев польского происхождения превышает 5%, только в шесть – преодолевает 10%-ый барьер (по два в штатах Нью-Йорк, Иллинойс и Мичиган). А наибольшие показатели доли представителей диаспоры в населении штата отмечены в Висконсине (9,8%), Мичигане (9,1%) и Коннектикуте (8,6%)⁴.

Помимо дисперсного проживания польской диаспоры, её электоральный ресурс сложно использовать из-за определённой политической дезориентированности американцев польского происхождения. Это проявляется, например, в резком расхождении идеологических и партийных предпочтений. В частности, по данным опроса Института Пяста, свыше 40% участников Полонии придерживаются консервативных взглядов, около 32% – либеральных. При этом, к сторонникам республиканцев себя относят только 26% (хотя именно

⁴ Polish Americans Today [Электронный ресурс]. // Piast Institute (A National Institute for Polish and Polish American Affairs). Режим доступа: <http://www.piastinstitute.org/assets/library/Polish%20Americans%20Today%20Survey%20Book%202012.pdf> (дата обращения: 2.04.2016)

консервативная идеология считается идеологией «Большой старой партии»), демократов – почти 37%⁵.

Аналогичные сложности существуют с финансовым ресурсом влияния польской диаспоры на внешнюю политику США. По данным Института Пяста, 68% участников диаспоры никак не участвуют в политических кампаниях, в том числе, не делают пожертвований⁶. Поэтому финансовые возможности институтов польской диаспоры ограничены. Например, основными спонсорами комитета политического действия «Польско-американское лидерство» (PAL PAC) в 2015 г. выступили предприятия строительного и энергетического сектора, возглавляемые лицами польского происхождения. Этот комитет смог собрать почти 93 тыс. дол., в то время как крупнейший «этнический» комитет политического действия – «Чернокожие американцы за лучшее будущее» – получил 478 тыс. дол. в виде пожертвований⁷.

Наконец, непростая ситуация сложилась с дискурсивным ресурсом влияния польской диаспоры. На уровне официального дискурса отношение к американцам вполне уважительное: поляков причисляли к «порабощённым народам» (термин утверждён директивой президента Д.Д. Эйзенхауэра в 1959 г.), отмечают заслуги бригадного генерала К. Пуласки в организации кавалерийских частей в период Войны за независимость, подчёркивается общность ценностей американцев и поляков, их приверженность демократическим идеалам (принятие второй в мире конституции в Польше в 1791 г., опыт антикоммунистического движения «Солидарность»). Кроме того, польские политические и культурные организации стараются делать акцент на христианском вероисповедании поляков и американцев польского происхождения, роли Польши в сдерживании «агрессии с Востока». В качестве мифа, легитимизирующего пребывание польской диаспоры в США, отдельно следует отметить легенду о Яне из Кольно, который открыл Америку за 18 лет до Х. Колумба [18, с. 90-96].

В то же время, на уровне массового восприятия сложился несколько иной образ американца польского происхождения. Их нередко представляют в качестве много выпивающих, ксенофобски настроенных и общающихся с помощью очень грубых выражений. Это заметно не только по бытовым проявлениям предубеждений в отношении американцев польского происхождения (так называемые «польские шутки»), но и по продуктам массовой культуры – в первую очередь, фильмам и телевизионным сериалам. Американский историк Дж.Дж. Буковчик отмечает как минимум несколько случаев воспроизведения стереотипов об американцах польского происхождения: Энди Сипович из «Полиции Нью-Йорка» (1993-2005), Джеффри Лебовски из культового фильма «Большой Лебовски» (1998) и основные персонажи комедии «Польская свадь-

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Super PACS [Электронный ресурс]. // Center for Responsive Politics. Режим доступа: <https://www.opensecrets.org/pacs/superpacs.php> (дата обращения: 2.04.2016)

ба» (1998) [6, с. 214-221]. Также можно отметить Фрэнка Сопотку и его коллег по профсоюзу портовых грузчиков из сериала «Прослушка» (2002-2008). Эти факторы, а также относительная зажиточность американцев польского происхождения не позволяют им использовать в политических целях образ жертвы («покорённые или порабощённые народы») и влиться в общественно-политический мейнстрим США [5, с. 201-202].

Таким образом, польская диаспора в США обладает развитыми организационным и структурным ресурсами влияния на внешнюю политику страны. Также у Полонии сформировался неплохой электоральный и финансовый потенциал, который нуждается в дальнейшем развитии, а именно – в укреплении механизмов политической мобилизации на массовом уровне и в развитии так называемого краудфандинга. Определённые сложности у польской диаспоры в США имеются с дискурсивным ресурсом, поскольку в американском обществе существуют некоторые предубеждения в отношении этой этнической группы. Но в целом, такая комбинация ресурсов влияния на внешнюю политику США вполне может оказаться достаточной для продвижения повестки дня Полонии – главным образом, в силу отсутствия серьёзных оппонентов.

Список литературы

1. Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 99–108.
2. Лозанский Э.Д. Этнос и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. М.: Международные отношения, 2004.
3. Binkowski D. The Untold Story of Senator Wilkowski // Polish American Studies. 1995. Vol. 52. № 1. Pp. 71-88.
4. Brubaker R. The 'Diaspora' Diaspora // Ethnic and Racial Studies. 2005. №28 (1). Pp. 1-19.
5. Bukowczyk J.J. Making Polonia – From Many Ones? Or Many? Or None? Problematizing Polish-American Identity // The Polish Review. 2011. Vol. 56. No. 3. Pp. 187-206.
6. Bukowczyk J.J. The Big Lebowski Goes To the Polish Wedding: Polish Americans – Hollywood Style // The Polish Review. 2002. Vol. 47. № 2. Pp. 211-230.
7. DeWind J., Segura R. Diaspora-Government Relations in Forging US Foreign Policies // Diaspora Lobbies and the US Government: Convergence and Divergence in Making Foreign Policy. Ed. by J. DeWind, R. Segura. New York & London: New York University Press, 2014. Pp. 3-28.
8. Goldgeier J.M. Not Whether But When: The U.S. Decision to Enlarge NATO. Washington, DC: The Brookings Institution, 1999.
9. Huntington S.P. The Erosion of American National Interests. Foreign Affairs. 1997. №76. Pp. 28–49.
10. Kirk J.A. Indian-Americans and the U.S.–India Nuclear Agreement: Consolidation of an Ethnic Lobby? // Foreign Policy Analysis. 2008. Vol. 4. № 3. Pp. 275–300.
11. Kostyaev S.S. Russian Lobbying In the United States: Stages of Evolution // Journal of Public Affairs. 2012. Vol. 12, № 4. Pp. 279–292.
12. McCormick J.M. Ethnic Interest Group in American Foreign Policy // The Domestic Sources of American Foreign Policy: Insights and Evidence. Ed. by J.M. McCormick. 6th ed. New York: Rowman & Littlefield Publishers, INC, 2012. Pp. 67-87.
13. Mearsheimer J.J., Walt S.M. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007. 484 p.
14. Newhouse J. Diplomacy, Inc.: The Influence of Lobbies on U.S. Foreign Policy // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88, № 3. Pp. 73-92
15. Perez A.D., Hirschman C. The Changing Racial and Ethnic Composition of the US Population: Emerging American Identities // Population and Development Review. 2009. Vol. 35. №1. Pp. 1–51.
16. Pienkos D.E. Polish Americans in Congressional Politics: Assets and Constraints // The Polish Review. 2003. Vol. 48, № 2. Pp. 185-194.

17. Pula J.S. Polish Americans: An Ethnic Community. New York, 1995.
18. Rokicki J. National Symbols Restructured: The Polish Ethnic Group in the United States of America // Polish American Studies. 1990. Vol. 47. № 2. Pp. 87-99.
19. Rubenzer T., Redd S.B. Ethnic Minority Groups and US Foreign Policy: Examining Congressional Decision Making and Economic Sanctions // International Studies Quarterly. 2010. Vol. 54. № 3. Pp. 755-777.

Об авторе:

Иван Дмитриевич Лошкарёв – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: kixlo@rambler.ru.

AMERICAN POLONIA'S RESOURCES OF INFLUENCE AND US FOREIGN POLICY

I.D. Loshkariov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-238-249

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article analyzes resources of political influence on the foreign policy of the country of residence that Polish diaspora in the United States possesses. This analysis is useful for two reasons. Firstly, it will expand the focus of research in the study of pressure groups and their influence on the American foreign policy. Secondly, the Polish diaspora in the United States is rarely the object of research in migrant and ethnic lobbying, despite its the significant share of the country's population.

Analysis of the given resources that the Polish diaspora (American Polonia) has leads to the following. Firstly, the foreign policy agenda of the Polish diaspora in the United States faces no strong opponents. This fact means the diaspora has sufficiently developed structural resource. In addition, the Polish diaspora possesses an organizational resource: its institutions are in close cooperation and are coordinated by the Polish American Congress. Secondly, the Polish diaspora in the US is a significant group of the population, especially in the states of Wisconsin, Michigan, Connecticut, New York and Illinois. However, its electoral and financial capacities are not used to the fullest extent.

Finally, there are certain difficulties with the discursive political resource of Polish diaspora. The social and political perception provides of Polonia in the USA two opposing narratives. The first one stresses that it is important for the Americans of Polish descent to share such values as democracy, defending his position, including by military means. The second narrative is a reproduction of widespread stereotypes about Poles, including in the popular culture. Thus, institutions of the American Polonia face several tasks. The most important tasks are the search for new ways of political mobilization of the diaspora and the formation of a balanced image of Polish Americans in the social and political perception in the United States.

Key words: Polish diaspora, resources of influence, ethnic lobby, Polonia, foreign policy.

References

1. Lebedeva M.M. Resursy vliianiia v mirovoi politike [Resources of influence in world politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*. 2014, no. 1, pp. 99–108. (In Russian).
2. Lozanskii E.D. *Etnosy i lobbizm v SShA. O perspektivakh rossiiskogo lobbi v Amerike* [Ethnicity and lobbying in the USA. Prospects for the Russian lobby]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004. 272 p. (In Russian).
3. Binkowski D. The Untold Story of Senator Wilkowski. *Polish American Studies*. 1995, vol. 52, no. 1, pp. 71–88.
4. Brubaker R. The 'Diaspora'Diaspora. *Ethnic and Racial Studies*. 2005, no. 28 (1), pp. 1–19. DOI: 10.1080/0141987042000289997
5. Bukowczyk J.J. Making Polonia – From Many Ones? Or Many? Or None? Problematizing Polish-American Identity. *The Polish Review*. 2011, vol. 56, no. 3, pp. 187–206
6. Bukowczyk J.J. The Big Lebowski Goes To the Polish Wedding: Polish Americans – Hollywood Style. *The Polish Review*. 2002, vol. 47, no 2, pp. 211–230.
7. DeWind J., Segura R. *Diaspora-Government Relations in Forging US Foreign Policies. In: Diaspora Lobbies and the US Government: Convergence and Divergence in Making Foreign Policy*. Ed. by J. DeWind, R. Segura. New York & London: New York University Press, 2014. Pp. 3–28
8. Goldgeier J.M. *Not Whether But When: The U.S. Decision to Enlarge NATO*. Washington, DC: The Brookings Institution, 1999. 223 p.
9. Huntington S.P. The Erosion of American National Interests. *Foreign Affairs*. 1997, №76, pp. 28–49.
10. Kirk J.A. Indian-Americans and the U.S.–India Nuclear Agreement: Consolidation of an Ethnic Lobby? *Foreign Policy Analysis*. 2008, vol. 4, no. 3, pp. 275–300. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2008.00070.x
11. Kostyaev S.S. Russian Lobbying In the United States: Stages of Evolution. *Journal of Public Affairs*. 2012, vol. 12, no. 4, pp. 279–292. DOI: 10.1002/pa.1423.
12. McCormick J.M. *Ethnic Interest Group in American Foreign Policy. In: The Domestic Sources of American Foreign Policy: Insights and Evidence*. Ed. by J.M. McCormick. 6th ed. New York: Rowman&Littlefield Publishers, INC, 2012. Pp. 67–87
13. Mearsheimer J.J., Walt S.M. *The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007. 484 p.
14. Newhouse J. Diplomacy, Inc.: The Influence of Lobbies on U.S. Foreign Policy. *Foreign Affairs*. 2009, vol. 88, no. 3, pp. 73–92.
15. Perez A.D., Hirschman C. The Changing Racial and Ethnic Composition of the US Population: Emerging American Identities. *Population and Development Review*. 2009, vol. 35, no.1, pp. 1–51. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2009.00260.x
16. Pienkos D.E. Polish Americans in Congressional Politics: Assets and Constraints. *The Polish Review*. 2003, vol. 48, no. 2, pp. 185–194.
17. Pula J.S. *Polish Americans: An Ethnic Community*. New York: Twayne Publishers, 1995. 181 p.
18. Rokicki J. National Symbols Restructured: The Polish Ethnic Group in the United States of America. *Polish American Studies*. 1990, vol. 47, no. 2, pp. 87–99.
19. Rubenzer T., Redd S.B. Ethnic Minority Groups and US Foreign Policy: Examining Congressional Decision Making and Economic Sanctions. *International Studies Quarterly*. 2010, vol. 54, no. 3, pp. 755–777.

About the author:

Ivan D. Loshkariov – Post-Graduate student at the World Political Processes Department. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: kixlo@rambler.ru.

РОЛЬ «БОЛЬШИХ ШКОЛ» И «БОЛЬШИХ КОРПУСОВ» КАК КАНАЛОВ РЕКРУТИРОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ МИНИСТРОВ

И.А. Заранкин

Национальный исследовательский университет – «Высшая школа экономики»

Одной из особенностей Пятой республики является рекрутирование министров среди высокопоставленных чиновников, прошедших через «большие школы» и «большие корпуса», что является следствием традиционного взаимопроникновения французских политических и административных элит. Однако в научной литературе существуют расхождения относительно того, какую роль сегодня играют эти университеты и ведомства в рекрутировании членов правительства. Цель статьи заключается в том, чтобы внести ясность в данный вопрос. Для этого анализируются карьерные траектории французских министров с 1981 по 2016 г. По каждому правительству выборка включает данные о доле министров, учившихся в «больших школах» и работавших в «больших корпусах».

В статье показывается, что в настоящее время число министров, прошедших через эти институты, сократилось. Большинство членов правительства являются профессиональными политиками, имеющими значительный электоральный опыт и занимающими высокопоставленные партийные посты. Именно партии, а не «большие школы» и «большие корпуса», сегодня являются главным каналом рекрутации министров.

Основными причинами подобных изменений являются профессионализация политической деятельности и усиление партий. В качестве третьей причины можно выделить трансформацию голлистов в либералов и отказ элит от политики дирижизма в пользу либерализма. В результате в правых кабинетах на смену представителям бюрократии пришли министры, сделавшие карьеру в частном секторе.

Несмотря на то, что партии являются главным каналом рекрутирования министров, они сталкиваются с внутренними проблемами. Дальнейшее влияние французских партий на рекрутирование будет зависеть от их способности справиться с существующими вызовами.

Ключевые слова: Франция, министры, «большие школы», «большие корпуса», высокопоставленные чиновники, профессиональные политики, политические партии.

Большие школы» и «большие корпуса» традиционно играют значимую роль в рекрутировании французской политической элиты. Под «большими школами» обычно понимают высшие учебные учреждения для подготовки «управленцев высокого уровня для системы государственного управления и бизнеса», а также инженерных кадров для промышленности [4, с. 173], а под «большими корпусами» – наиболее престижные ведомства, куда открыта дорога лучшим выпускникам этих университетов. Учёба в «больших школах» и работа в «больших корпусах» являются традиционными этапами карьеры для французских чиновников, которые затем могут уйти либо в бизнес, либо в политику [7, с. 13-14].

Одной из особенностей Пятой республики является рекрутирование министров среди высокопоставленных чиновников [12; 14; 19]. Выпускник «большой школы», проработавший в «большом корпусе», мог получить назначение в секретариаты министров или других политиков, а также в администрацию президента, после чего сам делал политическую карьеру [3, с. 147]. Приход чиновников в политику («функционаризация» политической элиты) отражает традиционное взаимопроникновение политических и административных элит во Франции [12].

Однако сегодня нет единой точки зрения относительно того, остаются ли «большие школы» и «большие корпуса» главным каналом рекрутирования министров¹. С одной стороны, ряд членов правительства прошли через эти университеты и ведомства [7; 12; 16]; с другой – наблюдается уменьшение доли высокопоставленных чиновников [8]. Наша статья направлена на то, чтобы прояснить данный вопрос. Необходимо понять, сохраняется ли во Франции «функционаризация» правительства, и если нет, то почему произошли изменения и какой институт стал главным каналом рекрутирования.

Исследованию роли «больших школ» и «больших корпусов» в карьерных траекториях французских министров уделяли внимание ряд авторов. Э. Льюис, анализирувавший биографические характеристики французских министров с 1944 по 1967 гг., выделяет Институт политических исследований Парижа, в то время как другие «большие школы», по его мнению, играют меньшую роль [17, с. 565-566].

Д. Гакси, исследовавший биографии министров при первых трёх президентах Пятой республики (т.е. до 1981 г.), пишет, что процент выпускников таких университетов, как Политехническая, Высшая нормальная школа, а также Национальная школа администрации, был максимален во времена правления Помпиду [15, с. 463]. В другой своей статье Гакси отмечает, что с приходом к власти социалистов роль «больших школ» существенно снижается. Если до 1981 г. министры, как правило, учились в «больших школах», были высокопоставленными чиновниками, выходцами из коммерческой сферы и людьми свободных профессий, то с приходом к власти социалистов речь идёт в основном о

¹ Под каналами рекрутации понимаются пути «продвижения к вершине политической иерархии» [2, с. 98-99].

представителях интеллектуальных кругов и государственных служащих более низкого ранга [14, с. 71-78].

Важную роль «больших школ» отмечает и Ж. Шеваллье; кроме того, он подчёркивает, что через «большие корпуса» прошли девять из 14 премьер-министров [12, с. 93]. По его мнению, во французской политической элите доминируют высокопоставленные чиновники, выпускники Национальной школы администрации и представители административных «больших корпусов». Шеваллье полагает, что принадлежность к высшей государственной бюрократии во Франции является важным козырем для завоевания доминирующей позиции в политическом поле.

К. Кэм и И. Индридайсон отмечают постепенно возрастающую роль Национальной школы администрации как поставщика правительственных кадров [16, с. 46]. Если в правительстве Дебре, первом кабинете Пятой республики, не было ни одного полноправного министра, окончившего этот институт, то затем процент министров-выпускников начал расти и превосходить число представителей Института политических исследований Парижа.

По данным М.Хартманна, из 13 премьер-министров с 1974 г. все, кроме П. Моруа и П. Береговуа, являются выпускниками «больших школ». «В составах правительства от Жюппе до Раффарена их доля колебалась от четверти до почти половины (численность кабинета, включая заместителей министров, составляла от 27 до 39 человек)», а с учётом выпускников Института политических исследований Парижа этот показатель равняется 40-60% [7, с. 13]. В «больших корпусах» работали пять премьер-министров, пишет Хартманн; если сюда ещё включить представителей дипломатического корпуса, то почти две трети. Он отмечает, что государственная подготовка бюрократии и значительная мобильность элиты между разными секторами выделяет Францию среди других европейских государств. «Ни одна другая страна не знает такой гомогенности своих элит» [7, с. 16], – пишет Хартманн.

С другой стороны, В. Бер и С. Мишон, проанализировав биографии министров с 1986 по 2012 гг., отмечают, что сегодня число высокопоставленных чиновников в правительстве снижается [8, с. 1]. Кроме того, произошли изменения в их карьерных траекториях. Классический тип карьеры, когда выпускник Национальной школы администрации и Института политических исследований Парижа затем проходил через министерские секретариаты и/или «большие корпуса», теперь требует и опыта избрания в Национальное собрание. Поэтому речь идёт о смешении «идеальных типов» карьер: министра-бюрократа из Пятой республики, а также министра, неоднократно избиравшегося в Национальное собрание, что типично для Четвёртой республики [8, с. 34].

Следовательно, роль, которую сегодня играют «большие школы» и «большие корпуса» в рекрутировании французских министров, остаётся не до конца понятной, поэтому цель настоящей работы – внести ясность в этот вопрос. Используя метод анализа биографических данных, мы изучили карьерные тра-

ектории французских министров с 1981 по 2016 гг. 1981 г. взят в качестве отправной точки, так как это был первый раз в истории Пятой республики, когда левые силы пришли к власти, а их министры по своему социальному профилю отличались от членов правых кабинетов [14, с. 78].

По каждому правительству собраны данные о доле министров, учившихся в «больших школах» и работавших в «больших корпусах». Выборка включает информацию о полноправных министрах, т.е. премьер-министрах и других министрах высшего ранга, находящихся на самой вершине правительственной иерархии. Сначала будут показаны тенденции, связанные с рекрутированием выпускников «больших школ» и представителей «больших корпусов», для левых кабинетов, а затем для правых, чтобы проследить партийные различия в подборе кадров.

Главная проблема при исследовании «больших школ» и «больших корпусов» заключается в том, что эти понятия являются неформальными², а потому не имеют точного списка включаемых в него объектов. Среди «больших школ» обычно выделяются университеты, готовящие государственных чиновников (например, Национальная школа администрации, Политехническая и Высшая нормальная школы), а также управленцев для бизнеса (например, Высшая коммерческая школа, Высшая школа экономических и коммерческих наук). Институт политических исследований Парижа формально не является «большой школой», однако его заканчивали многие ведущие политики страны, поэтому ряд исследователей относят его к этой категории [16; 17]. Мы также включаем данный университет в число «больших школ».

В свою очередь «большие корпуса» делятся на административные и технические. Вслед за социологами П. Бирнбаумом и Л. Рубаном под административными «большими корпусами» я буду понимать Инспекцию финансов, Государственный совет, Счётную палату, корпус префектов и Министерство иностранных дел [11, с. 63; 18, с. 236]. Среди технических «больших корпусов», если опираться на работу Л.Рубана, можно выделить три ведомства: горных; мостовых, водных и лесных, а также военных инженеров³. Представители административных корпусов чаще всего рекрутируются из Национальной школы администрации, технических – из выпускников Политехнической школы⁴.

² По определению Министерства образования Франции, «большие школы» – «высшие учебные заведения, набирающие учеников на конкурсной основе и предоставляющие образование высокого уровня». *Grandes écoles Publics* // Ministère de l'Enseignement Supérieur et de la Recherche Scientifique. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enseignement.gouv.fr/index.php?open=enseignement&ens=gedcorpub> (дата обращения: 02.04.2017).

³ В работе о министерских секретариатах времён правительства Жоспена (1997-2002) Л.Рубан на самом деле выделяет пять корпусов: инженеров по строительству мостов и шоссе; горных; корпус механизации сельского хозяйства, воды и лесов; военных инженеров, а также инженеров по телекоммуникациям. Однако в 2009 г. корпус инженеров по строительству мостов и шоссе, а также корпус механизации сельского хозяйства, воды и лесов были объединены в корпус мостовых, водных и лесных инженеров. В том же году корпус инженеров по телекоммуникациям был объединён с корпусом горных инженеров, поэтому на данный момент вместо пяти прежних корпусов существует три. [18, с. 236]

⁴ *Quels sont les acteurs de l'administration?* // Vie publique. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vie-publique.fr/decouverte-institutions/institutions/administration/acteurs/quels-sont-grands-corps-etat.html> (дата обращения: 02.04.2017).

Левые кабинеты: основные характеристики

В период первого срока правления Миттерана в среднем 37% министров закончили «большие школы» (см. таблицу 1).

Табл. 1. Доля министров, закончивших «большие школы»

Table 1. The proportion of ministers who graduated from «grand schools»

Правительство	Доля членов правительства, учившихся в «больших школах», %	Период правления	Среднее значение за указанный период, %
Первое правительство Моруа	36	Левые правительства первого срока Миттерана	37
Второе правительство Моруа	29		
Третье правительство Моруа	41		
Правительство Фабиуса	43		
Правительство Ширака	53	Правительство Ширака («первое сосуществование»)	53
Первое правительство Рокара	58	Левые правительства второго срока Миттерана	58
Второе правительство Рокара	52		
Правительство Крессон	55		
Правительство Береговуа	65		
Правительство Балладюра	54	Правительство Балладюра («второе сосуществование»)	54
Первое правительство Жюппе	37	Правые правительства первого срока Ширака	45
Второе правительство Жюппе	53		
Правительство Жоспена	50	Правительство Жоспена («третье правительство»)	50
Первое правительство Раффарена	38	Правительства второго срока Ширака	49
Второе правительство Раффарена	38		
Третье правительство Раффарена	56		
Правительство де Вильпена	63		
Первое правительство Фийона	38	Правительства Саркози	44
Второе правительство Фийона	48		
Третье правительство Фийона	45		
Первое правительство Эйро	47	Правительства Олланда	44
Второе правительство Эйро	41		
Первое правительство Вальса	47		
Второе правительство Вальса	39		

Среди представителей данных университетов доминируют выпускники Национальной школы администрации и Института политических исследований Парижа (см. таблицы 2 и 3).

Табл. 2. Доля министров, закончивших Национальную школу администрации

Table 2. Proportion of ministers who graduated from the National School of Administration

Правительство	Доля членов правительства, учившихся в Национальной школе администрации, %	Период правления	Среднее значение за указанный период, %
Первое правительство Моруа	24	Левые правительства первого срока Миттерана	21
Второе правительство Моруа	18		
Третье правительство Моруа	18		
Правительство Фабиуса	22		
Правительство Ширака	40	Правительство Ширака («первое сосуществование»)	40
Первое правительство Рокара	26	Левые правительства второго срока Миттерана	28
Второе правительство Рокара	24		
Правительство Крессон	30		
Правительство Береговуа	30		
Правительство Балладюра	27	Правительство Балладюра («второе сосуществование»)	27
Первое правительство Жюппе	11	Правые правительства первого срока Ширака	18
Второе правительство Жюппе	24		
Правительство Жоспена	35	Правительство Жоспена («третье правительство»)	35
Первое правительство Раффарена	19	Правительства второго срока Ширака	22
Второе правительство Раффарена	19		
Третье правительство Раффарена	22		
Правительство де Вильпена	26		
Первое правительство Фийона	13	Правительства Саркози	17
Второе правительство Фийона	9		
Третье правительство Фийона	30		
Первое правительство Эйро	16	Правительства Олланда	17
Второе правительство Эйро	14		
Первое правительство Вальса	18		
Второе правительство Вальса	21		

Табл. 3. Доля министров, закончивших Институт политических исследований Парижа
Table 3. Proportion of ministers who graduated from the Institute for Political Studies in Paris

Правительство	Доля членов правительства, учившихся в Институте политических исследований Парижа, %	Период правления	Среднее значение за указанный период, %
Первое правительство Моруа	24	Левые правительства первого срока Миттерана	23
Второе правительство Моруа	21		
Третье правительство Моруа	24		
Правительство Фабиуса	22		
Правительство Ширака	20	Правительство Ширака («первое сосуществование»)	20
Первое правительство Рокара	32	Левые правительства второго срока Миттерана	36
Второе правительство Рокара	28		
Правительство Крессон	35		
Правительство Береговуа	48		
Правительство Балладюра	27	Правительство Балладюра («второе сосуществование»)	27
Первое правительство Жюппе	26	Правые правительства первого срока Ширака	31
Второе правительство Жюппе	35		
Правительство Жоспена	42	Правительство Жоспена («третье правительство»)	42
Первое правительство Раффарена	19	Правительства второго срока Ширака	23
Второе правительство Раффарена	19		
Третье правительство Раффарена	22		
Правительство де Вильпена	32		
Первое правительство Фийона	19	Правительства Саркози	24
Второе правительство Фийона	22		
Третье правительство Фийона	30		
Первое правительство Эйро	32	Правительства Олланда	32
Второе правительство Эйро	27		
Первое правительство Вальса	35		
Второе правительство Вальса	32		

25% министров Миттерана прошли через «большие корпуса» (см. таблицу 4).

Табл. 4. Доля министров, работавших в «больших корпусах»
Table. 4. Proportion of ministers who worked in «large buildings»

Правительство	Доля членов правительства, работавших в «больших корпусах», %	Период правления	Среднее значение за указанный период, %
Первое правительство Моруа	28	Левые правительства первого срока Миттерана	25
Второе правительство Моруа	21		
Третье правительство Моруа	24		
Правительство Фабиуса	26		
Правительство Ширака	60	Правительство Ширака («первое сосуществование»)	60
Первое правительство Рокара	32	Левые правительства второго срока Миттерана	30
Второе правительство Рокара	28		
Правительство Крессон	35		
Правительство Береговуа	26		
Правительство Балладюра	35	Правительство Балладюра («второе сосуществование»)	35
Первое правительство Жюппе	15	Правые правительства первого срока Ширака	17
Второе правительство Жюппе	18		
Правительство Жоспена	35	Правительство Жоспена («третье правительство»)	35
Первое правительство Раффарена	31	Правительства второго срока Ширака	29
Второе правительство Раффарена	31		
Третье правительство Раффарена	22		
Правительство де Вильпена	32		
Первое правительство Фийона	25	Правительства Саркози	27
Второе правительство Фийона	17		
Третье правительство Фийона	40		
Первое правительство Эйро	16	Правительства Олланда	15
Второе правительство Эйро	18		
Первое правительство Вальса	12		
Второе правительство Вальса	14		

Несмотря на то, что, по данным Гакси, после 1981 г. в правительстве уменьшается процент представителей «больших школ» [14, с. 71], ряд министров Миттерана, занимавших важные посты, являлись их выпускниками. В первом правительстве Моруа сразу четыре человека (Николь Кестьо, Мишель Йобер, Мишель Рокар и Жан-Пьер Шевенман) закончили и Национальную школу администрации, и Институт политических исследований Парижа, причём все они были назначены государственными министрами (*les Ministres d'État*), статус которых формально выше других членов кабинета. В свою очередь Лоран Фабиус, который станет полноправным министром в третьем правительстве Моруа, а затем премьер-министром, помимо двух указанных университетов, закончил еще и Высшую нормальную школу. Здесь же можно вспомнить профессионального дипломата Клод Шейссон, выпускника Национальной школы администрации и Политехнической школы.

Следовательно, с одной стороны, число выпускников «больших школ» и «больших корпусов» падает, с другой – на ключевые посты Миттеран продолжал привлекать их представителей. Однако необходимо отметить, что назначение четырёх выпускников «больших школ» на должность государственных министров объяснялось не только их профессиональным опытом. Например, Рокар и Шевенман были значимыми фигурами в Социалистической партии: первый – евроцентрист, сторонник рыночной экономики, второй – представитель левого крыла партии, выступающий против атлантизма во внешней политике. В свою очередь Йобер, бывший глава президентской администрации Помпиду, поддерживал Миттерана на выборах 1981 г. Подобная кадровая политика президента объяснялась стремлением назначить одновременно своих конкурентов по партии и поддержавших его людей.

Опора на партийные кадры является отличительной чертой первого срока президента-социалиста. Миттеран назначал в правительство тех, кто занимал высокопоставленные посты в партии⁵. Ряд министров ранее входили в партию «Конвенция республиканских институтов», созданную Миттераном в 1964 г. После вступления этого движения в Социалистическую партию в 1971 г., Миттеран привёл с собой хорошо знакомых, верных ему людей: Пьера Жокса, Эдит Крессон, Луи Мермаза, Луи Мександо, Шарля Эрню и других политиков, которые затем станут министрами.

Во время второго президентства Миттерана ситуация существенно изменилась. Если во время первого срока в среднем 37% министров были выпускниками «больших школ», то во время второго – 58%. Если с 1981 по 1986 гг. Национальную школу администрации окончили 21%, то с 1988 по 1993 – 28%. Правительство Береговуа, последнее левое правительство второго срока Миттерана, занимает первое место во всей выборке по числу выпускников Института

⁵ Под высокопоставленными партийными постами здесь понимаются члены руководящих органов партии: национального секретариата, включая первого секретаря, национального бюро, национального совета, а также членов этих органов на уровне департамента.

политических исследований Парижа (48%) и «больших школ» в целом (65%). В этом же правительстве около четверти министров являлись сотрудниками президентской администрации Миттерана.

Следовательно, с одной стороны, приход к власти социалистов нанёс удар по представителям государственной бюрократии высшего звена, с другой – Миттеран постепенно приводил к власти лояльных ему молодых чиновников, являющихся членами партии. Именно в этот период впервые на посты министров назначаются политики, которые стали, либо станут в будущем руководящими кадрами в Социалистической партии: например, Лионель Жоспен, Сеголен Руаяль, Мартин Обри. Этот фактор и предопределил тот факт, что в правительстве Жоспена в период «третьего сосуществования» (1997-2002) рассматриваемые показатели также остались на высоком для социалистов уровне: 50% министров учились в «больших школах», 35% прошли через «большие корпуса».

После окончания полномочий кабинета Жоспена в следующий раз социалисты вернулись к власти только через 10 лет. По сравнению с правительством Жоспена в кабинетах при президентстве Олланда число выпускников «больших школ» значительно падает. Министры намного реже стали работать и в «больших корпусах».

Среди выпускников «больших школ» обращает на себя внимание бывший министр экономики, кандидат в президенты Франции на выборах 2017 г. Эммануэль Макрон. Окончив Национальную школу администрации и проработав в Инспекции финансов, он стал банкиром в банке Ротшильдов. Кроме того, Макрон ни разу не был депутатом, а на момент назначения министром экономики в 2014 г. уже не являлся членом Социалистической партии. Подобная карьера очень редка для представителей левых кабинетов, её можно считать скорее исключением.

Анализ кабинетов Олланда показывает, что на смену поколению чиновников, выращенных Миттераном, пришли профессиональные политики, для которых политическая карьера становится основной профессией и главным источником доходов⁶. В то же время необходимо отметить, что сам Олланд занимал пост первого секретаря Социалистической партии дольше всех в её истории – 11 лет, поэтому он опирался преимущественно на высокопоставленных членов партии. Правда, как отмечает Н.Ю. Лапина, при назначении на ключевые государственные посты Олланд делал ставку на своих однокурсников по Национальной школе администрации («выпуск Вольтера» 1980 г.) [5, с. 105], однако среди полноправных министров к ним относятся лишь Сеголен Руаяль и Мишель Сапен.

Следовательно, в рекрутировании министров от Социалистической партии можно условно выделить несколько периодов. Во время первого срока своего

⁶ Термин «профессиональный политик» обозначает людей, которые, по выражению М.Вебера, живут «за счет» или «для» политики, т.е. политика выступает как источник доходов, либо как смысл жизни. Другими словами, политика становится для человека профессиональным, а не дополнительным занятием. В этом смысле это понятие употребляет и Н.Ю.Лапина, говоря о партийных аппаратчиках, получивших значительный электоральный опыт на разных уровнях власти [1; 3, с. 153].

правления Миттеран опирался на партийные кадры, среди которых были как лояльные ему фигуры, так и его конкуренты (Мишель Рокар, Жан-Пьер Шевенман). Во время второго президентства привлекаются молодые чиновники, ранее работавшие с Миттераном, которые после его ухода будут бороться между собой за власть в партии. Правление Олланда знаменует новый период, когда уже постаревшие чиновники Миттерана постепенно уступают место профессиональным политикам, как правило, имеющим лишь опыт избрания на всех уровнях власти, а также занимающим высокопоставленные посты в партии.

Правые кабинеты: основные характеристики

Как отмечалось выше, до 1981 г. у власти в стране находились правые силы, т.е. голлисты и либералы. После прихода к власти социалистов, правые смогли сформировать правительство только в 1986 г., когда их коалиции удалось победить на выборах в Национальное собрание. В этой ситуации президент-социалист Миттеран был вынужден назначить лидера коалиции Ширака на пост премьер-министра, тем самым положив начало практике «сосуществования».

Среди министров правительства Ширака (1986-1988) 60% прошли через «большие корпуса», что является максимальным показателем во всей выборке. Очевидно, что члены кабинета, как правило, учились и в «больших школах»: восемь из девяти человек, работавших в самых престижных ведомствах, являлись их выпускниками. Как и в левых правительствах, среди «больших школ» доминирует Национальная школа администрации: её окончили 40% министров. Среди остальных университетов выделяется Институт политических исследований Парижа: его закончили Жак Ширак, Эдуар Балладюр и Мишель Ориллак, причём все трое одновременно являются выпускниками Национальной школы администрации. Получение образования в этих двух университетах является частым явлением для высокопоставленных чиновников.

В следующий раз правым удастся сформировать правительство только в 1993 г., когда они вновь победят на выборах в Национальное собрание, однако по своим характеристикам оно будет существенно отличаться от кабинета Ширака. Формально процент выпускников «больших школ» даже увеличивается по сравнению с предыдущим периодом (54% против 53%), однако процент министров, прошедших через «большие корпуса», резко снижается (35% против 60%).

Кабинет Балладюра можно назвать переходным, поскольку, с одной стороны, молодые выпускники «больших школ» продолжают рекрутироваться (например, Ален Жюппе, Жак Тубон, Доминик Пербен), с другой – приходит поколение министров, сделавших лишь политическую карьеру (например, Франсуа Фийон, Франсуа Байру, Мишель Аллио-Мари). В то же время представители обеих групп могли занимать высокопоставленные посты как в голлистской пар-

тии «Объединение в поддержку республики», так и в либеральном движении «Союз за французскую демократию».

Снижение доли чиновников в правительстве наблюдается и во время первого срока правления Ширака. Лишь 17% его министров работали в «больших корпусах». По сравнению с правительством Балладюра процент таких людей упал более чем в два, а относительно кабинета Ширака – более чем в три раза! В этот период главной площадкой рекрутирования министров выступала парижская мэрия, которую Ширак возглавлял с 1977 по 1995 г.

Тенденция, связанная с уменьшением числа высокопоставленных чиновников среди министров, получила продолжение во время второго срока Ширака и правления Саркози. В то же время члены правых кабинетов, как и представители левых правительств, имеют значительный электоральный опыт и занимают высокопоставленные партийные посты.

Следовательно, после правительства Ширака, которое в основном состояло из профессиональных чиновников, в правых кабинетах наблюдается уменьшение числа бюрократов, которые постепенно уступают свою дорогу крупным партийным фигурам и представителям бизнеса. Если же говорить о тенденциях, характерных для левых и правых кабинетов в целом, то можно сделать вывод, что *роль «больших школ» и «больших корпусов» в рекрутировании французских министров постепенно уменьшается, в то время как роль партийного фактора возрастает.*

Среди тех «больших школ», которые закончили министры, наиболее важную роль по-прежнему играет Национальная школа администрации. Однако доля выпускников этого университета среди всех выпускников «больших школ» постепенно сокращается (см. таблицу 5). В среде высокопоставленных чиновников происходит дифференциация образовательного бэкграунда: значение Национальной школы администрации падает, увеличивается доля других «больших школ».

Ряд известных французских политиков (например, Жак Ширак, Лоран Фабиус, Брюно Ле Мэр, которые сами являлись выпускниками Национальной школы администрации) неоднократно критиковали данный университет и даже предлагали его закрыть⁷. Критика этого учебного заведения основывается, как минимум, на двух аргументах: 1) закрытость элиты, большинство представителей которой принадлежит к высшим классам; 2) университет готовит не специалистов, а высокопоставленных бюрократов, которые после работы в министерских секретариатах, не имея опыта управления, становятся во главе крупных предприятий. Тем не менее, несмотря на критику, Национальная школа администрации ещё остается главным университетом для подготовки чиновников.

⁷ L'ENA, cette école contestée qui continue de diriger la France // Le Figaro, 01.09.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://etudiant.lefigaro.fr/les-news/actu/detail/article/l-ena-cette-ecole-contestee-qui-continue-de-diriger-la-france-21343> (дата обращения: 02.04.2017).

Табл. 5. Доля министров, закончивших Национальную школу администрации от общей доли министров, закончивших «большие школы»⁸
Table. 5. The proportion of ministers who graduated from the National School of Administration from the total proportion of ministers who graduated from «big schools»

Правительство	Доля членов правительства, учившихся в «больших школах», %	Период правления	Среднее значение за указанный период, %
Первое правительство Моруа	67	Левые правительства первого срока Миттерана	56
Второе правительство Моруа	62		
Третье правительство Моруа	44		
Правительство Фабиуса	51		
Правительство Ширака	75	Правительство Ширака («первое сосуществование»)	75
Первое правительство Рокара	45	Левые правительства второго срока Миттерана	48
Второе правительство Рокара	46		
Правительство Крессон	55		
Правительство Береговуа	46		
Правительство Балладюра	50	Правительство Балладюра («второе сосуществование»)	50
Первое правительство Жюппе	30	Правые правительства первого срока Ширака	38
Второе правительство Жюппе	45		
Правительство Жоспена	70	Правительство Жоспена («третье правительство»)	70
Первое правительство Раффарена	50	Правительства второго срока Ширака	45
Второе правительство Раффарена	50		
Третье правительство Раффарена	39		
Правительство де Вильпена	41		
Первое правительство Фийона	34	Правительства Саркози	40
Второе правительство Фийона	19		
Третье правительство Фийона	67		
Первое правительство Эйро	34	Правительства Олланда	40
Второе правительство Эйро	34		
Первое правительство Вальса	38		
Второе правительство Вальса	54		

⁸ В случае, когда на один президентский срок приходится более одного правительства, представлялось среднее арифметическое полученных данных.

Снижение доли высокопоставленных чиновников в правительстве: основные причины

Одной из причин уменьшения числа министров-чиновников в правительстве является профессионализация политической деятельности [1, 3, с. 153]. Вплоть до конца XIX в. руководители государственных институтов часто происходили из нотаблей, которые имели определенную профессию и были хорошо известны в своем регионе. Однако затем вместо них пришли профессиональные политики, для которых политическая деятельность становится основной профессией и главным источником доходов [1, 10, с. 127-129, 13]. По мнению Х. Беста и Д. Гакси, появление профессиональных политиков вместо нотаблей является следствием усиления партий: нотабли опирались в первую очередь на собственные ресурсы при проведении избирательных кампаний, в то время как профессиональные политики использовали для этой цели партийные средства [10, с. 127-129].

Следовательно, усиление партий выступает в качестве другого важного фактора уменьшения доли министров-чиновников. Во времена Третьей и Четвёртой республик национальные партийные лидеры не играли значимой роли в выдвижении кандидатов на выборах. Последним было важно заручиться поддержкой местных партийных кокусов, а также быть укорененными в своем регионе. Однако в период Пятой республики согласие национального руководства становится необходимым для успешного избрания. Партия даже может «парашютировать» кандидата в округ, где он не имеет никаких связей с избирателями [10, с. 127-129]. Таким образом, профессионализация политической деятельности и усиление партий являются двумя взаимосвязанными факторами.

Несмотря на то, что Де Голль, став президентом Пятой республики, сделал ставку на высокопоставленных чиновников, и этот тренд сохранялся при Помпиду и д'Эстене, приход к власти Социалистической партии в 1981 г. привёл к уменьшению их числа в правительстве [14, с. 78]. Во время второго срока своего правления Миттеран способствовал приходу к власти молодых чиновников-социалистов, однако затем изначально заложенная тенденция возобладала и была заимствована правыми. В свою очередь Саркози, став президентом, провёл административные реформы с целью «сломать жёсткую систему воспроизводства элит» и, таким образом, снизить влияние «больших школ» [4, с. 173]. С приходом к власти Олланда, имевшего значительный аппаратный опыт, тенденция на уменьшение числа высокопоставленных чиновников в правительстве и рекрутирование партийных кадров получила продолжение.

Впрочем, как отмечали В. Бер и С. Мишон, на момент своего назначения в правительство чиновники, как правило, уже имели электоральный опыт [8, с. 34]. Они могли избираться в региональные легислатуры и становиться мэрами городов, быть депутатами Национального собрания, а также занимать высокопоставленные посты в партии.

В качестве примера такого чиновника можно вспомнить бывшего премьер-министра Алена Жюппе. Он закончил три «больших школы»: Институт политических исследований Парижа, Высшую нормальную школу и Национальную школу администрации. Далее он стал инспектором финансов, т.е. членом одного из пяти административных «больших корпусов». Познакомившись с Жаком Шираком, Жюппе становится членом его премьер-министерского секретариата. Затем он работает в качестве технического советника министра кооперации Робера Галле. В то время как Ширак был мэром Парижа, Жюппе являлся сотрудником мэрии, а затем и заместителем главы города. Между тем он получает электоральный опыт, став депутатом Национального собрания и Европейского парламента, а также занимает высокопоставленные посты в голлистской партии «Объединение в поддержку республики». Будучи лояльным Шираку, он назначается на пост министра-делегата бюджета и спикера правительства в 1986 г., министра иностранных дел в 1993 г., а в 1995 г. – премьер-министра. Подобная карьера характерна для членов и левых, и правых кабинетов. В качестве других известных примеров можно вспомнить карьеры Лорана Фабиуса, Сеголен Руаяль, Мишеля Сапена и многих других французских министров-чиновников.

Более того, Ж.-Л. Тиебо отмечал, что чиновники, не имевшие политического опыта до своего назначения в правительство, стараются его получить после того, как покидают кабинет [19, с. 39]. В пример можно привести Раймона Барра, который стал депутатом Национального собрания и мэром Лиона после ухода с поста премьер-министра. Напротив, Доминик де Вильпен, профессиональный дипломат, никогда не избирался ни до, ни после работы в правительстве, что является исключением из правила. Следовательно, даже не имея политического опыта до назначения в правительство, после ухода со своего поста министры нередко становятся профессиональными политиками.

Помимо профессионализации политической деятельности и усиления партий, значимую роль в уменьшении числа министров-чиновников сыграли также трансформация голлистов в либералов и отказ элит от политики дирижизма в пользу либерализма [6, с. 40]. В результате в правых кабинетах уменьшилось число министров, сделавших бюрократическую карьеру, а на смену им стали приходиться работники частных предприятий и бизнесмены, что особенно заметно, начиная с правительства Балладюра.

Впрочем, несмотря на то, что сегодня партии являются главным каналом рекрутирования министров, они сталкиваются с внутрипартийными расколами. Другая проблема связана с механизмом «отбора и продвижения партийных кадров на выборные должности», поскольку успешная карьера в партии требует лояльности её руководству [3, с. 137]. Дальнейшая роль партий в рекрутировании членов правительства будет зависеть от того, удастся ли им справиться с существующими вызовами.

Таким образом, сегодня французские политические партии, а не «большие школы» и «большие корпуса», выступают в роли основного канала рекрутиро-

вании членов правительства. Большинство полноправных министров являются профессиональными политиками, имеющими электоральный опыт на региональном и центральном уровнях, а также занимающими высокопоставленные партийные посты. Число министров, прошедших через «большие школы» и «большие корпуса», напротив, сократилось.

Основными причинами данных изменений являются, прежде всего, профессионализация политической деятельности и усиление партий. Трансформация голлистов в либералов и переход от дирижизма к либеральной экономической политике также способствовали уменьшению доли высокопоставленных чиновников, вместо которых стали назначаться представители частного сектора.

Несмотря на то, что партии сегодня являются главным каналом рекрутирования министров, они сталкиваются с внутренними проблемами. Дальнейшее влияние французских партий на рекрутирование будет зависеть от их способности справиться с существующими вызовами.

Список литературы

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Библиотека Гумер. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/08.php (дата обращения: 02.04.2017).
2. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97-103.
3. Лапина Н.Ю. Политическая элита Франции: мотивация, карьерные траектории, профессия политика в начале XXI в. // Власть и элиты / под. ред. А.В.Дуки. Т.1. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 137-160.
4. Лапина Н.Ю. Элитизм в России и Франции: К вопросу изучения проблемы (XX – XXI в.) // Политические институты России и Франции: традиции и современность. Сборник научных трудов / отв. ред. Д.В. Ефременко, Н.Ю.Лапина. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 160-184.
5. Лапина Н.Ю. Элиты и политические институты Пятой республики // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / отв. ред. А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 96-108.
6. Обичкина Е.О. Франция на рубеже XX-XXI веков: кризис идентичности: монография. М.: МГИМО, 2003. 137 с.
7. Хартманн М. Модели образования элит в Европе // Властные структуры и группы доминирования: Материалы Десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под. ред. А.В.Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 10-39.
8. Behr V., Michon S. Crépuscule des technocrates et progression des collaborateurs politiques. Une analyse renouvelée des filières d'accès au gouvernement // Working paper du Cessp, EHESS-Paris 1. 2015. No. 2 (Juin). 39 p.
9. Behr V., Michon S. Les alternances politiques : rupture ou continuité dans le recrutement du personnel politique? Enquête sur les membres des gouvernements français (1986-2012) // Politiques de l'alternance. Sociologie des changements (de) politiques. Vulaines-sur-Seine: Editions du Croquant, 2016. pp. 113-137.
10. Best H., Gaxie D. Detours to Modernity: Long-Term Trends of Parliamentary Recruitment in Republican France 1848-1999 // Parliamentary representatives in Europe 1848-2000. Ed. by H.Best and M.Cotta. London: Oxford University Press, 2000. pp. 89-137.
11. Birnbaum P. Les sommets de l'Etat : essai sur l'élite du pouvoir en France. Paris: Editions du Seuil, 1977. 186 p.
12. Chevallier J. L'élite politico-administrative: une interpénétration discutée // Pouvoirs. 1997. No. 80 – L'ENA (Janvier). pp. 89-100.
13. Gaxie D. Les enjeux citoyens de la professionnalisation politique // Mouvements. 2001. No. 18. pp. 21-27. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cairn.info/revue-mouvements-2001-5-page-21.htm> (дата обращения: 02.04.2017).

14. Gaxie D. Immuables et changeants : les ministres de la Ve République // Pouvoirs. 1986. No. 36 – Le ministre (Janvier). pp. 61-78.
15. Gaxie D. Les facteurs sociaux de la carrière gouvernementale sous la Cinquième République de 1959 à 1981 // Revue française de sociologie. 1983. Vol. 24. No. 3 (July – September). pp. 441-465.
16. Kam C., Indridason I. Cabinet dynamics and ministerial careers in the French Fifth Republic // The Selection of Ministers in Europe. Ed. by K. Dowding and P. Dumont. London: Routledge, 2009. Pp. 41-57.
17. Lewis E.G. Social Backgrounds of French Ministers, 1944-1967 // The Western Political Quarterly. 1970. Vol. 23. No. 3 (September). Pp. 564-578.
18. Rouban L. Les cabinets ministériels du gouvernement Jospin 1997-2002 // La Revue administrative. 2004. 57e Année. No. 339 (Mai). Pp. 230-248.
19. Thiébault J.-L. Local and Regional Politics and Cabinets // The Profession of Government Minister in Western Europe. Ed. by in J. Blondel, J.-L. Thiébault. London: Macmillan, 1991. Pp. 31-43.

Об авторе:

Илья Александрович Заранкин – аспирант, Департамент политической науки Факультета социальных наук НИУ ВШЭ. 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: iazarankin@gmail.com.

THE ROLE OF THE «GRAND SCHOOLS» AND THE «GRAND CORPS» AS RECRUITMENT CHANNELS FOR FRENCH MINISTERS

I.A. Zarankin
DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-249-267

National Research University Higher School of Economics

The recruitment of ministers among high-ranking officials, who studied in the «grand schools» and worked in the «grand corps», is one of the typical traits of the Fifth republic. This is a consequence of the traditional interpenetration of French administrative and political elites. However, there is no common view on the actual role of these institutions in the ministers' recruitment. So, the objective of this paper is to clarify this issue. For this purpose we analyze career trajectories of French ministers from 1981 till 2016. The data on each government include shares of ministers, who passed through the «grand schools» and the «grand corps».

The article shows that nowadays the number of ministers with such an experience has decreased. Most government members are professional politicians, who have significant electoral experience and occupy high-ranking party positions. Today there are political parties, not the «grand schools» and the «grand corps», that are the main channels of the ministers' recruitment.

The professionalization of politics and reinforcement of the role of parties in the French political system are the most crucial factors of this tendency. The transformation of gaullists into liberals and conduction of the liberal economic policy, instead of the dirigist one, also contributed to replacement of officials by representatives of the private sector.

Despite the fact that political parties serve as a main channel of the ministers' recruitment, they face internal problems. The future role of political parties in the recruitment will depend on their ability to deal with these challenges.

Key words: France, ministers, recruitment channels, «grand schools», «grand corps», high-ranking civil servants, professional.

References

1. Weber M. *Politika kak prizvanie i professiia* [Politics as a vocation and profession]. Biblioteka Gumer. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/08.php (accessed: 02.04.2017). (In Russian).
2. Gaman-Golutvina O.V. *Opredelenie osnovnykh poniatii elitologii* [Defining the Basic Notions of the Elites Theory]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*. 2000, no. 3, pp. 97-103. (In Russian).
3. Lapina N.Y. *Elitizm v Rossii i Frantsii: K voprosu izuchenii problemy (XX-nachalo XXI v.)* [Elitism in Russia and France: To the Question of Studying the Issue (XX – XXI centuries)]. In: *Politicheskie instituty Rossii i Frantsii: traditsii i sovremennost'*. Ed. by D.V.Efremenko and N.Y.Lapina. Moscow, INION Publ. 2014. Pp. 160-184. (In Russian).
4. Lapina N.Y. *Elity i politicheskie instituty Piatoi respubliki* [Elites and political institutions of the Fifth Republic]. In: *Frantsiia na poroge peremen: ekonomika i politika v nachale XXI veka*. Ed. by A.V. Kuznetsov, M.V. Klinova, A.K. Kudryavtsev, P.P. Timofeev. Moscow, IMEMO Publ. 2016. pp. 96-108. (In Russian).
5. Lapina N.Y. *Politicheskaiia elita Frantsii: motivatsiia, kar'ernye traektorii, professiia politika v nachale XXI v.* [Political Elite of France in the Beginning of the XXI century: Motivations, Career Paths and Vocation]. In: *Vlast' i elity*. Ed. by A.V.Duka. St-Petersburg, Intersotsis. 2014, vol. 1, pp. 137-160. (In Russian).
6. Obichkina E.O. *Frantsiia na rubezhe XX-XI vekov: krizis identichnosti: monografiia* [France at the turn of the XX-XXI centuries: identity crisis: monography]. Moscow, MGIMO Publ., 2003. 137 p. (In Russian).
7. Hartmann M. *Modeli obrazovaniia elit v Evrope* [Models of the elite education in Europe]. *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniia: Materialy Desiatogo Vserossiiskogo seminarra «Sotsiologicheskie problemy institutov vlasti v usloviakh rossiiskoi transformatsii»*. Ed. by A.V.Duka. St-Petersburg, Intersotsis Publ., 2000. Pp. 10-39. (In Russian).
8. Behr V., Michon S. *Crépuscule des technocrates et progression des collaborateurs politiques. Une analyse renouvelée des filières d'accès au gouvernement*. Working paper du Cessp, EHESS-Paris 1. 2015. No. 2 (Juin). 39 p. (In French).
9. Behr V., Michon S. *Les alternances politiques : rupture ou continuité dans le recrutement du personnel politique? Enquête sur les membres des gouvernements français (1986-2012)*. *Politiques de l'alternance. Sociologie des changements (de) politiques*. Vulaines-sur-Seine: Editions du Croquant, 2016. pp. 113-137. (In French).
10. Best H., Gaxie D. *Detours to Modernity: Long-Term Trends of Parliamentary Recruitment in Republican France 1848-1999. Parliamentary representatives in Europe 1848-2000*. Ed. by H.Best and M.Cotta. London: Oxford University Press, 2000. pp. 89-137.
11. Birnbaum P. *Les sommets de l'Etat : essai sur l'élite du pouvoir en France*. Paris: Editions Editions du Seuil, 1977. 186 p. (In French).
12. Chevallier J. *L'élite politico-administrative: une interpénétration discutée*. *Pouvoirs*. 1997. No. 80. pp. 89-100. (In French).
13. Gaxie D. *Les enjeux citoyens de la professionnalisation politique*. *Mouvements*. 2001. No. 18. pp. 21-27. Available at: <https://www.cairn.info/revue-mouvements-2001-5-page-21.htm> (accessed: 02.04.2017). (In French).
14. Gaxie D. *Immuables et changeants : les ministres de la Ve République*. *Pouvoirs*.

1986. No. 36 – Le ministre (Janvier). pp. 61-78. (In French).
15. Gaxie D. Les facteurs sociaux de la carrière gouvernementale sous la Cinquième République de 1959 à 1981. *Revue française de sociologie*. 1983, vol. 24, no. 3, pp. 441-465. (In French).
16. Kam C., Indridason I. *Cabinet dynamics and ministerial careers in the French Fifth Republic. The Selection of Ministers in Europe*. Ed. by K.Dowding and P.Dumont. London: Routledge, 2009. pp. 41-57.
17. Lewis E.G. Social Backgrounds of French Ministers, 1944-1967. *The Western Political Quarterly*. 1970, vol. 23, no. 3 (September), pp. 564-578.
18. Rouban L. Les cabinets ministériels du gouvernement Jospin 1997-2002. *La Revue administrative*. 2004, 57e Année, No. 339 (Mai), pp. 230-248. (In French).
19. Thiébault J.-L. *Local and Regional Politics and Cabinets. The Profession of Government Minister in Western Europe*. Ed. by J. Blondel, J.-L. Thiébault. London: Macmillan, 1991. Pp. 31-43.

About the author:

Ilya A.Zarankin – Post-Graduate student of School of Political Science at National research university Higher school of economics. Russia, 20 Myasnitskaya, Moscow, 101000.
E-mail: iazarankin@gmail.com.

ЭКОНОМИКА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С.Н. Ивашковский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.

Статья посвящена разработке некоторых концептуальных положений для анализа экономики как культурного явления. Раскрывается природа культуры, её критически важная роль в формировании экономического мышления и поведения людей. На отдельных примерах автор показывает, что культура не всегда тождественна социальной полезности, поскольку устаревшие, традиционалистские, иррациональные культурные нормы становятся враждебными прогрессу, обрекают народы на отставание, нищету и провалы в развитии.

Подвергается критике математизация экономической теории, стремление всё большего числа учёных-экономистов изъясняться исключительно языком формул, уравнений, цифр и графиков. В результате экономическая наука превращается в своеобразную «социальную физику», теряет свой подлинно гуманитарный характер, какой она имела в работах всех великих экономистов прошлого. В связи с этим подчёркивается важность междисциплинарного подхода к экономическим исследованиям, включения в предметное поле экономической теории наработок других социальных дисциплин – истории, философии, социологии, культурологии.

Аргументируя главный тезис статьи, автор показывает, что между экономикой и культурой существует глубокая онтологическая связь, которая обнаруживается, прежде всего, в том, что обе эти сферы человеческих отношений направлены на решение одной и той же задачи – конкурентный отбор наилучших способов выживания людей, реализации ими соответствующих жизненных потребностей. Для преодоления трудностей, связанных с включением культуры в инструментальный арсенал экономической науки, предлагается использовать категорию «культурного капитала», которая позволит глубже осмыслить и наполнить новым содержанием более ранние ипривычные для экономистов понятия капитала.

Ключевые слова: конкурентный отбор, культура, культурный капитал, математизация экономической теории, постмодерн, природа культуры, социальный капитал, ценности, человеческий капитал, эффект колен.

УДК 330.1

Поступила в редакцию 04.03.2017 г.

Принята к публикации 05.05.2017 г.

Как бы ни были важны институты и экономическая политика, мы должны признать, что каждая экономика – это культура или смесь культур, а не только программ, законов и институтов.

Эдмунд Фелпс, американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике

Культурные корни экономики, или почему многие экономисты не хотят их видеть

Известно, что стандартная модель экономики устроена таким образом, что в ней культурные нормы, обычаи, коллективные убеждения и верования людей не берутся в расчёт. И хотя эти явления повседневной жизни в большинстве случаев экономистами не отрицаются, тем не менее трактуются, по меткому выражению индийского учёного К. Басу, «как вишенки на торте или как простой декор, не оказывающий большого влияния на сущность экономики» [2, с.81]. Между тем специалисты, занимающиеся культурологическим анализом социальных систем, давно заметили, что люди разных стран и народов не в одинаковой степени наделены теми культурными качествами, которые необходимы для поступательного развития общества. Одним из первых на это обратил внимание известный французский политический деятель XVIII в. А. де Токвиль, объясняя едва начавшийся подъём молодой американской республики как культурный по своей природе феномен. В 1903 г. к аналогичному выводу пришёл М. Вебер, провозгласивший в своей книге о «духе капитализма», что протестантская культура в гораздо большей степени способствует модернизации общества, чем католицизм. И хотя в дальнейшем роль культурных паттерновна долгие годы практически полностью исчезла из экономических исследований, тем не менее во второй половине XX в. происходит возрождение интереса к данной теме. В конце 1950-х гг. эту гипотезу протестировал американский социолог Э. Бэнфилд в книге «Моральные основы отсталого общества» [26]. На примере образа жизни крестьян в Калабрии (юг Италии) он показал, что экономическая отсталость и бедность тех мест, господствующий там авторитаризм, сужение «круга доверия» между людьми и «аморальный фамилизм» питались исключительно культурными корнями. В дальнейшем культурно-ментальный подход к объяснению социально-экономических процессов стал признаваться всё большим числом исследователей, среди которых значатся имена таких видных корифеев западной социальной мысли, как С. Хантингтон, Д. Норт, Ф. Фукуяма, Н. Фергюсон и другие. В России над этой проблемой в последние годы плодотворно трудятся Е. Ясин, В. Автономов, Д. Травин. Современный австралийский историк экономики Дж. Бирмингем также разделяет мнение о том,

что «некоторые культуры лучше, намного лучше, чем другие, способны реализовать потенциал тех, кто к ним принадлежит». Главными бенефициарами этой «самоочевидной истины» он считает англосаксов-протестантов¹, «но кроме них таковыми являются ещё и евреи, а также те, кому посчастливилось родиться в конфуцианском обществе» [26].

В недавно переведённой на русский язык книге известного американского социолога Л. Харрисона «Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма» содержится обширный фактический материал, на основе которого автор доказывает справедливость суждений Бирмингема. Предпринятый Харрисоном сравнительный анализ различных культурных ареалов с точки зрения их влияния на человеческое поведение, экономическое развитие и социальный прогресс, показывает, что созидательная роль культур, благоприятствующих прогрессу, объясняется тем, что они создают структуру стимулов, открывающих простор для разного рода инноваций, быстрого и творческого их восприятия и реализации в практической деятельности. Напротив, культуры, враждебные прогрессу, сопротивляются переменам, с подозрением относятся к новому, долго и мучительно его усваивают, и в результате обрекают народы на отставание, нищету и провалы в развитии. Такие культуры американский историк экономики Д. Ландес назвал «токсичными», поскольку «они калечат тех, кто держится за них», а потому «являются “ядом” для экономического развития» [26, с.14].

Примечательно, что данное заявление Ландес сделал ещё летом 2000 г. на конференции по теме «Принимать в расчёт культуру», проходившей во Флоренции при финансовой поддержке Всемирного банка, и оно, по воспоминаниям присутствовавшего там Харрисона, «вызвало шок у значительной части слушателей» [25, с.11]. Вместе с тем, Всемирный банк с одобрением отнесся к выводам Ландеса, а также к позже вышедшей книге «Культура имеет значение», содержащей главу, написанную им [14, с. 30] и ставшую «бестселлером в книжном магазине Всемирного банка» [25, с. 14]. Более того, эта книга, по словам Харрисона, послужила одной из существенных причин решения Всемирного банка привлечь учёных и экспертов к изучению данной проблематики и выпустить собственное исследование на эту тему [27].

Идея «культурного детерминизма» в оценке направлений и результатов социально-экономического развития близка и лауреату Нобелевской премии по экономике, видному представителю неоинституционализма Д. Норт. В своей последней работе «Понимание процесса экономических изменений» он выдвигает

¹ С. Хантингтон в своей книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» также подчёркивал решающую роль англо-протестантской культуры в успехе Америки. К составляющим этой культуры он относит: верховенство права; честную игру; индивидуальные права; ограничение государственной власти; сочетание индивидуализма с чувством общности; свободу, включая религиозную свободу; жёсткий этический кодекс, воспитывающий доверие и трудолюбие, приверженность человеческому прогрессу, особенно тому, который достигается через образование [24, с. 23]. Далее он задаётся вопросом: «Была бы Америка Америкой, если бы в XVII-XVIII вв. её заселили не английские протестанты, а французские, испанские или португальские католики? Ответ простой – нет. Это была бы не Америка, это был бы Квебек, Мексика или Бразилия» [25, с. 24].

нул тезис об «*эффекте колеи*», с помощью которого на обширном историческом материале обосновывает ограничение возможностей выбора, существующих в настоящем, историко-культурным и институциональным наследием прошлого. По мнению Норта, именно культурное состояние общества и выстроенные на нём институты создают стимулы либо к росту и процветанию, либо к стагнации и упадку. Изучение «эффекта колеи» важно и потому, подчёркивает Норт, что «культура не только определяет эффективность общества в *данный момент времени*, но также посредством того, как выстроенные на ней институциональные структуры упорядочивают человеческую деятельность, вносит свой вклад в процесс *долгосрочных* экономических изменений» [21, с.9, 83]. Известный американский социолог Р. Нисбет также обращает внимание на то, что экономический рост не автономен, он является продуктом определённого мировоззрения, культурных норм и моральных принципов, поощряющих трудолюбие, пунктуальность, организованность, а главное, ориентацию на будущее, которая, в свою очередь, порождает такое качество, как бережливость – условие формирования капитала как движущей силы развития [20, с. 23].

Анализ имеющейся научной литературы показывает, что триумфальный подъём западного мира на протяжении последних пяти веков объясняется целым рядом причин – от великих географических открытий и колониальной экспансии до благоприятных климатических условий, умелого государственного регулирования экономики, широкого использования высоких технологий и современных финансовых инноваций. Однако даже беглый взгляд в прошлое показывает, что ни один из этих факторов не возникал на пустом месте, их появление становилось следствием той глубокой культурной трансформации, которая происходила в Европе в ходе сменявших друг друга периодов Возрождения, Реформации и Просвещения. В результате этих изменений люди расширяли свои экономические и естественнонаучные знания, порывали с традиционными средневековыми правилами и привычками и вводили в обиход новые формы поведения, приобретали дополнительную энергию, приводившую в движение труд, капитал и рыночные силы и постепенно выливавшуюся в невиданный прежде социально-экономический и политический динамизм.

Нечто подобное наблюдается сегодня в странах Восточной Азии, которые, отказавшись от «этики недеяния», нашли, в конечном счёте, решение задачи «квадратуры круга» – осуществили грандиозную модернизацию экономики и общества, внедряя западные институты в традиционно жёсткую «рисово-конфуцианскую» культуру, сдерживавшую на протяжении многих веков рыночно-капиталистическую организацию экономики и социальный прогресс. Мы видим, как на наших глазах за три с небольшим десятилетия стремительно поднялся Китай, который по прогнозу Всемирного банка по общему объёму ВВП выйдет к 2020 г. на уровень США – самой развитой экономики современного мира. Ранее колоссальных успехов в модернизации экономики и общества добились Япония, Тайвань, Южная Корея, а вслед за ними Сингапур, превративший-

ся за относительно короткий срок в полноценную, пусть и весьма своеобразную модификацию общества западного типа. Далее в этот список можно включить недавно ещё отсталые, с феодальными порядками Таиланд, Малайзию, Индонезию, Филиппины, которых сегодня относят к новым индустриальным странам (НИС) «второго поколения». Скорость их движения ниже, чем у «драконов», но она стабильная и результативная во всех сферах социальной жизни.

В этом ряду находится и преуспевание национальных и религиозных меньшинств в мультикультурных обществах, где для всех существуют одинаковые экономические возможности и стимулы. Гораздо большего, чем основная масса населения, добивались в свое время армяне в Турции, персы в Индии, гугеноты во Франции, квакеры в Англии. Успехи нынешних китайцев в государствах Юго-Восточной Азии, индийцев в Восточной Африке, басков в Латинской Америке, евреев и кальвинистов во всех регионах их проживания также объясняются причинно-следственной связью между культурой и экономическим благосостоянием. В перечисленных странах и диаспорных группах издавна культивировался стиль жизни, основанный на трудолюбии, дисциплине, доверии, бережливости, сознательном планировании действий, предпочтении мирному разрешению конфликтов, неприятию потребительского разгула, пьянства, других человеческих пороков.

Показателен и опыт старообрядческого движения на Руси, сыгравшего в прошлом огромную созидательную роль в истории русской предпринимательской культуры, а, следовательно, в экономическом развитии страны. Это движение оставило заметный след в становлении принципиально новой для России тех времён трудовой этики, рационального хозяйствования, формирования ряда черт, характерных для «экономического человека». Энергия созидания, старательность, методичность, аскетическая самодисциплина, взаимопомощь и доверие (внутри общины) стали не только наглядными признаками истинной веры, выделяющими старообрядцев среди широких кругов нищего крепостного крестьянства, но, что особенно важно, послужили условием формирования на Руси нового социально-экономического явления – *предпринимательского капитализма*. Изолированные старообрядческие общины, будучи достаточно свободными и независимыми от государства и официальной церкви, усердно занимались торговлей и предпринимательством и пожинали плоды своих трудов – накапливали немалые запасы сначала коллективных, а позже и частных капиталов [11]. Со временем старообрядцы заняли лидирующие позиции в предпринимательском сообществе России, и перед революцией 1917 г. свыше 60% торгово-промышленной буржуазии страны было представлено выходцами из их среды [12, с.129].

Культурная предрасположенность народов может выступать и фактором бедности, серьёзным тормозом общественного развития. Именно культурные корни, «состояние умов» (Л. Харрисон) объясняют отсталость стран Африки, Латинской Америки, ряда исламских государств Ближнего Востока, продол-

жающийся институциональный, социально-экономический и политический застой на пространстве бывшего Советского Союза, включая Россию. Все эти примеры – неоспоримое свидетельство того, что культура является одним из ключевых условий в поддержании прогресса одних народов и воспроизводства отсталости и бедности других.

Вместе с тем, несмотря на расширяющийся круг сторонников культурологического объяснения социально-экономического прогресса и очевидность фактов реальной жизни, наиболее влиятельным в современной экономической науке по-прежнему остаётся направление, пренебрегающее культурой как инструментом научного анализа. В нём довольно прочные позиции занял математический формализм, превративший экономическую теорию в разновидность «социальной физики», который по самой своей сути несовместим с культурной антропологией, а главное – с экономикой как живым творчеством миллионных народных масс. В лучшем случае экономисты, сталкиваясь с разного рода «аномалиями» в процессе принятия людьми управленческих решений, предпочитают использовать когнитивную психологию, поскольку на её основе гораздо проще включить в количественные модели поведения жёсткую логику эвристических методов, нежели анализировать пертурбации, вызванные культурно-обусловленными схемами восприятия и оценивания окружающей действительности [6, с.475].

Проблема также в том, что экономисты-математики в большинстве своём мало интересуются экономической историей, грешат плохим знанием движущих сил, мотивирующих социальные процессы, в особенности роли своеобразия человеческого капитала в экономическом развитии в разные исторические эпохи. Дж. Мюллер, ведущий профессор истории Католического университета Америки, пишет: «Экономистам и историкам экономики трудно понять – если не сказать больше, до какой степени понятия и предрасположенности культуры времён, предшествующих современности, сформировали современный капитализм. Это просто не вписывается в категории, коими привыкли мыслить современные историки экономики, принявшие на вооружение эконометрию. В последние десятилетия экономисты прибавили к своему теоретическому багажу понятие «человеческого капитала», под которым они понимают характеристики, способствующие экономическому успеху. Однако они предпочитают и в этом вопросе исходить из критериев, поддающихся измерению (например, число лет, проведённых в школе). Как только в это понятие включают черты личности и разнообразные ноу-хау, не являющиеся результатом формального образования, понятие человеческого капитала становится методологически неуловимым. Большая часть реальности экономической истории... неизбежно ускользает от тех, кто исходит из следующей неявной предпосылки: «Если вы не можете этого подсчитать – значит, это не следует брать в расчёт» [19, с.11]².

² Надо отметить, что в последнее время некоторые авторы стали использовать количественные методы для определения воздействия культурных различий на экономические результаты [27, с. 29].

Одна из главных причин математизации человеческого поведения и периферийного положения культуры в экономических исследованиях связана с «интеллектуальным фундаментом» экономической теории – *принципом методологического индивидуализма*, в центре которого находится модель *homo economicus* («экономического человека»). Эта модель строится на гипотезе, что все люди одинаковы, где бы они не находились, и будут руководствоваться исключительно эгоистическими предпочтениями и одинаково реагировать на экономические стимулы и существующие возможности. «Для многих экономистов, – писал с некоторым огорчением С. Хантингтон, – аксиомой является утверждение о том, что правильно выстроенная и должным образом реализованная экономическая политика приносит одни и те же плоды независимо от культуры» [24, с. 24]. Однако когда дело доходит до хозяйственной практики, обнаруживается, что реальная траектория экономического развития в гораздо большей степени определяется господствующими социальными нормами, коллективными убеждениями и нравственными установками людей, нежели стандартными инструментами экономической политики. Это говорит о том, что культ *homo economicus* в современном экономическом мейнстриме – довольно сомнительное отражение действительности, поскольку изображает индивида как «счётную машину», как «высушенного, сморщенного гомункулуса» (К. Бруннер), как «монстра» (П. Вайзе), наконец, «как нечто несуществующее» (К. Лаваль). Неудивительно, что и экономическая система, выстроенная на фундаменте *homo economicus*, по меткому замечанию Р. Хайлбронера, «мыслится как общество отшельников, а не как упорядоченная структура групп и классов». А это не может не бросать тень и на саму экономическую науку, которая в результате «сокрытия социального порядка в своей современной форме неисторична, асоциальна и аполитична» [24, с. 47]. Между тем человек, участвующий в хозяйственной деятельности, живёт в реальном мире, выступает как субъект заинтересованных *социальных* отношений, и поэтому «является понятием междисциплинарным, универсальным по своим свойствам. Его следует рассматривать и изучать как *социальный* и *исторический* факт, как результат нашего *культурного* развития» [15, с.15].

Столь упрощённое представление о человеке вынуждает учёных вести поиск более подходящих моделей экономического поведения, способных включить в свои предпосылки как целевую функцию индивида, так и более широкий спектр ограничений, – не только ресурсных, но и социальных. Ещё в конце XIX в. А. Маршалл писал, что хотя в рыночной системе экономические силы сочетаются скорее по принципу механических, чем химических сил, тем не менее, экономическая наука ближе к биологии, чем к механике. Он объяснял это самой спецификой экономической науки – тем, что она «имеет дело главным образом с человеческими существами, которые вынуждены двигаться по пути прогресса и осуществлять перемены, что бы они с собой не несли [18, с. 54]. А это значит, что «силы..., которые должна учитывать экономическая наука, являются более многочисленными, менее определёнными, не столь хорошо известными,

чем механические силы, в то время как материал, на который они воздействуют, является более неопределённым и менее гомогенным» [18, с. 724]. Вместе с тем в отличие от биологии, экономическая наука не может ограничиться лишь анализом причинно-следственных связей, и вынуждена включать в свой арсенал ценностно-целевые обусловленности. Согласно Маршаллу, экономисты должны обладать «глубоким ощущением и известным знанием скрытых источников человеческого поведения», и поэтому «нравственные мотивы также входят в состав тех сил, какие экономист должен учитывать» и рекомендовать наилучшие методы для их осуществления [18, с. 30, 47].

Так что сегодня всё более актуальной становится задача междисциплинарного подхода к экономическим исследованиям, расширения предметного поля экономической теории, включения в него тех аспектов социальных отношений, которые традиционно недооценивались (а то и вовсе игнорировались) профессиональными экономистами и тем самым оказывались в ведении других общественных дисциплин – истории, философии, психологии, социологии, культурологии. Только так можно создать более полную и реалистичную теорию экономического развития, превратить экономическую науку в подлинно гуманитарную дисциплину, трактующую хозяйственную жизнь человека в неразрывной связи с миромкультурных ценностей и социальных институтов.

Понятие культуры: причины разногласий

Нежелание многих исследователей обращать внимание на культурный контекст экономики объясняется не только трудностями включения «неэкономических» феноменов в количественный анализ, чем преимущественно заняты экономисты, но и широко распространённым представлением о том, что экономика и культура никак не «пересекаются» между собой, поскольку принадлежат к разным сферам общественных отношений. И здесь не последнюю роль играет тот факт, что науке до сих пор не удалось выдвинуть определение культуры, которое устраивало бы большинство учёных, включая экономистов. Разногласия начинаются с самой дефиниции термина «культура», не говоря уже о его содержании и пространстве тех явлений, которые охватываются данным понятием. Поэтому совершенно правы те авторы, которые утверждают, что «не прояснив заранее, что мы подразумеваем под словом «культура», мы обречём обсуждение роли культуры в экономической науке на провал» [4, с. 15].

Прежде всего, надо отметить, что в разных гуманитарных дисциплинах понятие культуры применяют в тех значениях, которые в большей мере отвечают соответствующим исследовательским задачам. Этим понятием описываются слишком многие явления окружающей действительности: от любых символических действий до большинства артефактов, – всего того, что создано человеком на протяжении всей истории. Архитектурные сооружения, технические изобретения, художественные произведения, искусство – всё это объединяется

единым термином «культура». Кроме того, культура стала научной категорией, а в наше время, как отмечает немецкий философ Г. Бехманн, она всё ещё чаще применяется «как соревновательное понятие для установления искусственных разграничений в обществе...» [3, с. 110]. Широкое распространение получило также довольно ограниченное, локальное толкование культуры, вроде «культура фотоаппарата, культура пистолета, культура обслуживания, культура глухоты, футбольная культура... культура зависимости, культура боли, культура амнезии и т.д.» [30, с. 30]. Некоторые исследователи ещё в начале 1960-х гг. насчитали свыше 170 определений культуры [4, с. 14] и вряд ли есть основание сомневаться в том, что за прошедшие полвека это количество только возросло.

Столь широкий спектр взглядов на культуру не только не помогает прийти к однозначному, принятому всеми определению и пониманию этого термина, но, напротив, всё более размывает суть этой важнейшей социологической категории. Поэтому не стоит удивляться не только тому, что из всех ключевых социологических категорий понятие культуры продемонстрировало, по словам известного британского литературоведа Т. Иглтона, «самое слабое аналитическое развитие и сыграло наиболее двусмысленную роль в социологической теории» [8, с. 53], но и игнорированию большинством обществоведов важности выявления функциональной роли культуры в историческом развитии стран и народов. Это в полной мере относится и к экономистам, которые в большинстве своём, как подчёркивалось выше, не озабочены анализом экономического поведения как культурным феноменом. Неудивительно, что в стандартных учебниках по экономической теории нет не только раздела, или главы, но даже параграфа, где культура была бы представлена как основа институциональной структуры общества и одно из важнейших условий экономического роста и общественного развития. Ничего не говорится и в учебниках по международной экономике о культурном многообразии современного мира, где на конкретных примерах показывалось бы, как те или иные культурные качества народов сказываются на их отношении к труду, собственности, закону, предпринимательской деятельности, а следовательно, на уровне и динамике их благосостояния. Ничего подобного на цивилизационный подход в объяснении социально-экономических явлений и исторических событий нет и в учебной литературе по экономической истории, где прошлое было бы представлено в контексте нравов, идей, обычаев и традиций своего времени, а не в виде простого изложения фактов и обилия мало что значащих цифр. Между тем такой подход крайне актуален для улучшения гуманитарного образования. Он не только стал бы первым шагом в усвоении важности культурологического ракурса как нового источника экономического знания, но и расширил бы кругозор студенческой молодёжи, способствовал бы более глубокому пониманию причин исторических явлений, природы, форм и характера хозяйственной деятельности.

По всей видимости не последнюю роль в сложившейся ситуации – помимо вышесказанного – играет широко распространённое представление о том, что

культура равна искусству, художественной деятельности и её плодам. Массовое сознание, как правило, воспринимает феномен культуры в узком смысле и ставит его в один ряд с такими понятиями как «литература», «театр», «кино», «музыка», «образование», вообще духовное производство. Причина такого отождествления кроется, в частности, в том, что поверхностный взгляд фиксирует сущностную характеристику культуры – её *созидающий характер*, т.е. то, что она суть процесс и результат творческой деятельности человека. Искусство же, литература и другие виды духовного производства предстают как наиболее очевидные формы творчества. Отсюда, как полагают некоторые исследователи, и отождествление³. Но дело не только в этом. Важно иметь ввиду, что такое понимание культуры было унаследовано от греков, которое как раз у них ассоциировалось с искусством и которое существенно отличалось от латинского, откуда, собственно, и произошло само слово «культура». В переводе с латинского (*лат. cultura*) это слово означает «возделывание», «обработку», «уход» за землей с тем, чтобы сделать её пригодной для удовлетворения человеческих потребностей. А «возделывать поле, – как писал французский философ Ж. Маритен, – значит применять труд человека, чтобы заставить природу приносить такие плоды, какие она сама по себе принести не в состоянии, ибо то, что она производит сама по себе, есть лишь «дикая» растительность» [17, с.39].

Как видим, слово «культура» с самого начала своего происхождения связывалось с производством, с трудовой деятельностью человека. Его первоначальная связь с сельским хозяйством, точнее говоря – с земледелием (*agriculti*), отнюдь неслучайна. Она объясняется тем, что именно здесь человеку в его производственной деятельности впервые пришлось заниматься «возделыванием», «окультуриванием». Широко используемые выражения «культура земледелия», «окультуренные пастбища», «агрокультура», «культиватор» и т.п. тоже появились по той же причине: в римском словоупотреблении главным всегда была связь культуры с природой, с земледелием, поскольку именно с него началось «культивирование» природы, активное её использование и рациональное преобразование для нужд человека. Характерно, что такое понимание культуры римляне ставили значительно выше всех видов искусств, в том числе и искусства управления домашним хозяйством, которое у греков именовалось «экономией». Римляне были склонны даже на искусство смотреть как на своего рода сельское хозяйство: оно должно было возникать таким же естественным образом, как сельский пейзаж, ассоциироваться с ухоженной природой, походить на знаменитый итальянский ландшафт [1, с. 313].

³ Российский культуролог И. Колесникова обращает внимание на то, что «в истории культуры существует достаточно давняя традиция связывания, объединения искусства и ремесла: или посредством отнесения собственно художественной деятельности к ремеслу, как в Древней Греции, или посредством отнесения ремесла к искусству, как на Востоке. Эта традиция коренится в том, что при определённых условиях искусство действительно вырастает из ремесла. Плюс к этому ремесленная деятельность, даже ориентированная... на практические нужды и утилитарные цели, при условии высокого профессионализма и таланта мастера, может приводить к результатам, действительно несущим на себе печать искусства» [13, с. 82].

У греков на «культивирование природы» был принципиально иной взгляд. Они рассматривали «возделывание почвы», по словам Ханны Аренд, «как дерзкое и насильственное предприятие, из года в год насилующее и терзающее неистощимую и неутомимую землю». С этим напрямую было связано и греческое отношение к природе, которое во многом напоминает наше: не столько культивировать землю, ухаживать за ней, сколько брать у земли готовыми её плоды. «Греки не знали, что такое культура, – пишет Аренд, – потому, что они не культивировали природу, а, скорее, вырывали из лона земли плоды, которые боги спрятали от людей...»⁴.

В средневековый период в связи с развитием и распространением христианства, когда религия начала охватывать собой все стороны человеческой жизни, латинское слово *cultura* становится также религиозным термином «культ», который приобретает божественный, трансцендентный смысл, получает «величественную мантию религиозного авторитета» [8, с.9]. В результате слово «культура» используется уже не столько в смысле «ухода» за окружающей природой, сколько употребляется в значении *духовного производства* – культивировании ума и души, заботы о языках, литературе, науке, искусстве⁵. На рубеже XVI-XVII вв. это значение надолго закрепляется в трактовке содержания и самой идеи культуры и фактически становится традиционным, классическим её определением. Правда, в этом немалую роль сыграли также изменившиеся материальные и социальные условия наступившего Нового времени. По мере углубления общественного разделения труда, перехода от сельскохозяйственного производства к городской жизни, сопровождавшегося расцветом разного рода ремёсел, торговли, предпринимательской деятельности, основным субъектом и господствующей экономической и социальной силой в обществе становятся представители третьего сословия, прежде всего, *bourgeois* (буржуазия, «мещане», «горожане»). Именно «горожанам» в немалой степени обязаны своим возникновением и небывалым расцветом наука, литература, искусство зарождавшегося нового буржуазного строя. Не будем также забывать, что благодаря протестантской Реформации было легитимировано стремление буржуазии к накоплению капитала и к политической власти, созданы условия для перехода от средневековой морали, осуждавшей стяжание богатства, к новой жизненной философии – профессиональному преуспеванию. Важнейшими её чертами стали неустанный труд, бережливость, рациональное хозяйствование, добропорядочность, послужившие основой формирования национального характера многих европейских народов и обеспечившие со временем их бурный экономический подъём.

⁴ Эти слова крупного политического мыслителя XX в. в полной мере относятся и к нам, характеризуют наше отношение к земле, её богатствам и к тому, как эти богатства использовались на протяжении всей русской истории, вплоть до сегодняшнего дня. Ориентация экономики на пеньку, лес, пушнину, нефть, металлы, газ, извлечение «из лона земли» других плодов, «спрятанных богами от людей», вечная территориальная экспансия – вот ярчайшие признаки проявления «греческого понимания культуры», вошедшее в плоть и кровь русской ментальности и мешающее стране встать на путь «ухода за землей», культивирования не только природы, но всей нашей окружающей действительности [1, с. 314].

⁵ Надо отметить, что впервые слово «культура» по отношению к проблемам духа и ума употребил ещё Цицерон, прямо говоривший, что «ум подобен полю, которое не может стать плодородным, если его надлежащим образом не культивировать...» [1, с. 312].

Всё это вместе взятое привело к тому, что понятия «культуры-как-ухода» за землей, «культуры-как-культы» и «культуры-как-искусства» трансформируются в культуру городской жизни, в которой соседствуют музыка, наука, образование, торговля, предпринимательство, промышленность. Иначе говоря, культура начинает трактоваться в широком смысле слова – как образ мышления и поведения (в том числе в экономической деятельности), как комплекс установок и практик, разделяемых сначала городским населением, а впоследствии большинством членов общества, и позволяющим этому обществу развиваться. По образному выражению Иглтона, «в своём собственном семантическом развертывании это слово отображает исторический переход человечества от сельской жизни к городской, от свиноводства к Пикассо, от возделывания земли к расщеплению атома. Говоря на языке марксизма, оно объединяет в одном понятии базис и надстройку» [8, с. 8-9].

Итак, культура представляет собой сложное и многоплановое социально-историческое явление, зарождение и развитие которого связано непосредственно с производственной деятельностью человека, накоплением им практического жизненного опыта. Если у животных процесс приспособления к окружающей действительности происходит посредством *генетически* наследуемых инстинктов, то у людей – в результате *коллективной* жизнедеятельности и рационализации поведения, ориентированного на *социально* наследуемые культурные образцы, в основе которых лежат, по словам Ф. фон Хайека, «укоренившиеся традиции» [22, с. 476]. Взаимодействуя с окружающей природой и социальной реальностью, изменяя её в интересах коллективного выживания, люди изменяют своё сознание и способы поведения, обучаются тому, что следует, и ещё в большей мере – чего не следует делать в тех или иных обстоятельствах. Так в ходе конкурентного отбора и отсева формируются и закрепляются правила поведения, составляющие, в конечном счёте, культуру данного сообщества, которую польский писатель и философ С. Лем определял как «локальную стратегию выживания» [16, с.390], выступающую «базисным» условием соответствующих общественных систем, «у каждой из которых свои собственные законы развития» [8, с.23]. А это значит, что культура – не универсальный продукт общественного развития. В каждом конкретном обществе она отличается своими особенностями, связанными с уникальностью его исторического прошлого, географическими и природно-климатическими условиями обитания народов, что в итоге и накладывает свою печать на своеобразие их социально-экономического и политического развития.

«Культура возникает тогда, когда встречаются двое»

Термин «культура», как подчёркивалось выше, далеко не всегда означает только то, что хорошо, что полезно, что всегда и неизменно ведёт к прогрессу. Культура – явление социальное, производное от общества, от отношений между

людьми. Один человек не может породить культуру [21, с. 423]. В мире Робинзона нет культуры, она рождается лишь с появлением Пятницы – с этого момента им обоим предстоит договариваться о совместном существовании, формах взаимодействия, языке общения, способах производства и распределения благ, образе жизни и т.д., что в совокупности и будет представлять собой культуру в обществе этих двух островитян. Как заметил видный немецкий философ и социолог XIX в. Г. Зиммель, культура появляется тогда, когда встречаются двое: это то, что пролегает между ними при их взаимодействии. До этого, какими бы знаниями, умениями и навыками не был наделён изолированный от общества индивид, все его приобретения ещё не представляют культуру в её социальном смысле. «Культура возникает тогда, – подчеркивал Зиммель, – (и этот момент является определяющим для её понимания), когда встречаются два элемента, каждый из которых не содержит её сам по себе...» [7, с. 447-449]. О том же пишет и современный голландский социопсихолог К. Хофстеде, определяя культуру как «коллективное программирование разума», которое отличает членов одной группы от людей другой группы: «Культура – это не личность особо крупного размера; культуры формируются путём взаимодействия разных личностей, как конфликтующих, так и дополняющих друг друга, которые создают целое, намного превосходящее сумму своих частей» [4, с. 17,154].

Взаимодействуя друг с другом, люди вынуждены определённым образом ограничивать себя, свои индивидуальные желания и предпочтения, свои страсти и намерения, поскольку интересы отдельного индивида далеко не всегда совпадают с интересами той или иной человеческой общности, а нередко вступают с ними в явное противоречие. Рождающиеся в ходе этих ограничений нормы и правила будут представлять собой культуру данного социума, которая, утверждая определённый порядок, становится своеобразным «общественным благом», позволяющим людям обеспечивать их совместное существование. Но диалектика учит нас тому, что всякий порядок порождает и его противников. Действующие социальные и культурные предписания далеко не всегда могут разделяться отдельными людьми, а это значит, что отдельный человек, как отмечал ещё З. Фрейд, является «врагом культуры», поскольку она противостоит его частным интересам, его свободе. Вместе с тем, в этом противоречии заложен и источник развития: страны, как и отдельные люди, могут двигаться вперед, только преодолевая собственную несвободу, накладываемую на них культурой. При этом культура, будучи по самой своей сути явлением консервативным, вынуждена адаптироваться к меняющимся условиям и тем самым развиваться, открывая новые возможности для развития других сфер общественной жизни, в том числе и экономики. Такая адаптация в разных обществах происходит по разному: одни культуры быстрее реагируют на давление возникающих обстоятельств и новых противоречий, способствуют созданию эффективных социальных институтов, другие могут сохранять свои основные «скрепы» на протяжении долгого исторического времени, выступая фактором долгосрочной экономической и политической стагнации и упадка. Именно такие

случаи имеются ввиду, когда говорится, что культура не всегда тождественна социальной полезности, что она не абсолютное благо, поскольку устаревшие, традиционалистские, иррациональные формы сознания и поведения людей на определённом этапе превращаются в оковы общественного развития.

Что касается развитых, постиндустриальных обществ, или, как их именуют некоторые культурологи, *обществ постмодерна*, то здесь наблюдается *качественная трансформация культуры* и её социальных функций. Известный российский культуролог А. Флиер был одним из первых, кто ещё 10 лет тому назад обратил внимание на то, что постмодерн на место прежней культуры как формы ограничения и подавления коллективом личности ставит культуру, в которой доминирующая роль принадлежит индивиду [22, с. 437-448]. Такая трансформация, с одной стороны, была вызвана изменениями в самом экономическом базисе общества, а с другой, оказала качественное влияние на характер современной экономики – «ресурсная экономика» («экономика труда, капитала, земли») стала всё заметнее уступать своё место экономике индивидуального «человеческого капитала». Автор отмечает, что отличительной особенностью всех предыдущих эпох, в том числе индустриальной, было подчинение индивида той или иной коллективной общности (роду, племени, сословию, корпорации, нации). Именно на это была направлена вся совокупность традиций, обычаев, норм, правил, законов, производственно-технологических требований. В соответствии с ними формировалась и вся система политических, социальных и экономических институтов. Но во второй половине XX в. этот принцип перестал отвечать новым реалиям – существенно возросшей роли личности в общественной и экономической жизни, что и породило постмодерн (культуру постиндустриального общества). В связи с этим культура с её табуирующими установками, стала терять свою актуальность. Ситуация меняется таким образом, что реальная власть во многих сферах современного общества переходит в руки профессионалов – специалистов в области научного знания и высоких технологий (*high tech*) [21, с. 441].

Таким образом, постмодерн раскрепощает личность, освобождает её от прежних ограничений, расширяя тем самым свободы отдельного человека и поднимая его до уровня коллектива. В этом смысле общественное развитие, преодолевая унаследованные традиции, обычаи и нравы, в известном смысле преодолевает и культуру в её изначальном, классическом понимании как табу, как ограничения индивидуальной свободы. На смену ей приходит культура с качественно новыми задачами – в ней начинают преобладать креативные, творческие функции. В результате из механизма управления индивидом культура постепенно превращается в средство его *социальной самореализации*. Отсюда вытекает и основная задача постмодерна – борьба с традиционализмом, «с тотальной зависимостью общества от исторически унаследованной культуры и её норм, являющихся плодом решения проблем совершенно иного времени, порождённых другими условиями и обстоятельствами» [22, с. 447].

Возвращаясь к вопросу об актуальности правомерности включения культуры в предметное поле экономической науки, необходимо подчеркнуть ещё одну важную деталь – глубокую *онтологическую связь* между экономикой и культурой. Данная связь обнаруживается, прежде всего, в том, что обе эти сферы человеческих отношений направлены на решение одной и той же задачи – конкурентный отбор наилучших способов выживания людей, реализацию ими соответствующих жизненных потребностей. Поскольку окружающий нас мир не предоставляет нам возможностей для достижения всех наших целей, наше поведение неизбежно принимает форму выбора: из разнообразных альтернативных вариантов люди выбирают те, которые в наибольшей мере отвечают их интересам. При этом, если в собственно экономической сфере люди руководствуются *индивидуальным материальным стимулом*, желанием наиболее полного удовлетворения своих разнообразных потребностей, для чего стремятся к эффективному использованию ресурсов, то сложившиеся культурные паттерны выступают в качестве *коллективистского импульса*, формирующего у них те или иные установки, институты и порядки деятельности, которые лежат в основе того или иного выбора. Следовательно, не может быть экономики вне поддерживающей её культуры, соответствующего ей культурного «базиса». Согласно Хайеку, наша экономическая система не является результатом работы нашего интеллекта и сознательных усилий людей, – возможности человеческого разума недостаточны для этого, стала следствием выживания более эффективных правил и обычаев в процессе конкуренции, их длительной культурной селекции. Такие институты, как язык, мораль, собственность, право, рынок, деньги, контракт, а также такие ценности, как честность, ответственность, добросовестность, доверие укоренились в обществе не по заранее задуманному плану, а стихийно, в силу своей целесообразности. Хайек показал, что большинство шагов в эволюции культуры, а, следовательно, и в экономическом развитии, было сделано тогда, когда люди порывали с традиционными правилами и вводили в обиход новые формы поведения. Делали они это не потому, что заранее со всей ясностью осознавали преимущества нового: на практике новые формы закреплялись лишь в том случае, если способствовали росту численности конкретных социальных общностей, направляли их по пути материального преуспевания [23, с. 482]. Поэтому, подчёркивал учёный, «культура неотделима от прогресса, и как раз те силы, которые поддерживают культуру, толкают нас и по пути прогресса. Что верно в отношении экономики, верно и в отношении культуры в целом: она не может оставаться неизменной, и если застывает, то вскоре приходит в упадок». Вслед за этим со временем маргинализируется и приходит в упадок вся система социальных институтов, включая экономические [22, с. 609].

Концепция культурного капитала как инструмент экономического анализа

Для преодоления трудностей, связанных с включением культуры в инструментальный арсенал экономической науки, а, следовательно, для лучшего и

более глубокого понимания её предмета исследования, экономисты могли бы обратиться к разработанному социологами понятию «культурного капитала», впервые введённому в научный лексикон видным французским философом П. Бурдьё [5, с. 519-536.]. И хотя у Бурдьё это понятие сводится к индивиду, к человеческому «я», а не к обществу в целом⁶, сам факт его появления даёт экономистам возможность оперировать более привычной для них категорией, какой и является категория капитала. В некоторых исследованиях уже обращалось внимание на то, что культурный капитал позволяет глубже осмыслить и наполнить новым содержанием более ранние понятия капитала, к числу которых относятся «природный капитал» (физиократы), «капитал как средство производства» (А. Смит), «капитал как определенное производственное отношение» (К. Маркс), «человеческий капитал» – качество рабочей силы (Г. Бэккер), «социальный капитал» – свойственная обществу способность поощрять объединение своих членов на основе доверия между ними (Дж. Коулмен, Ф. Фукуяма).

Очевидно, что культурный капитал оказывает влияние на функционирование всех вышеперечисленных видов капиталов, выступает как связующее звено и ключевое условие, способствующее их экономической реализации и развитию, но наиболее тесно его связь обнаруживается с последними двумя видами капитала. В этом контексте культурный капитал можно было бы назвать определённой системой отношений между людьми по поводу разделяемых ими ценностей, мировоззренческих установок и морально-нравственных принципов, посредством которых общество в целом и каждый его член в отдельности с той или иной эффективностью реализуют в своей повседневной практике приобретённые знания, накопленный профессиональный и социальный опыт в соответствии с поставленными индивидуальными, групповыми и общественными целями. Разумеется, приведённая трактовка культурного капитала, как и термин «культура», не есть коннотация понятия «развитие», «прогресс». Культурный капитал может быть как высококачественным, так и низкокачественным, не соответствующим потребностям дальнейшего экономического развития. Высококачественный культурный капитал следует рассматривать как общественный актив, позволяющий эффективно использовать имеющиеся в экономической системе ресурсы посредством повышения роли человеческого и социального капитала в разрешении возникающих в обществе противоречий, ориентирующий отдельных индивидов и их сообщества на всемерное развитие способностей людей, повышение их образовательного уровня, доверия между ними, стимулирующий предприимчивость, честность, пунктуальность и, как следствие, получение выгод в виде устойчивого экономического роста, прочных политических и гражданских свобод, улучшения качества повседневного существования.

⁶ «Культурный капитал, – пишет Бурдьё, – состоит из форм знания, навыков, образования и преимуществ, которыми обладает личность и которые дают ему или ей более высокий статус в обществе. Передавая своим детям установки и знания, необходимые для успеха в существующей в данный момент времени образовательной системе, родители наделяют их культурным капиталом» [5].

Определение культурного капитала содержится и у Харрисона: «Культурный капитал, – пишет он, – есть совокупность ценностей, верований и установок, ведущих общество к достижению целей Всеобщей декларации прав человека ООН, а именно: а) к демократической форме правления, включающей верховенство права; б) к социальной справедливости, включающей образование, здравоохранение и благоприятные возможности для всех; в) к ликвидации бедности» [26, с. 27]. Однако его трактовка культурного капитала, при всей её целенаправленности, подразумевает лишь «высококачественный» капитал и не может быть использована для описания культур, враждебных прогрессу, в рамках которых формируются ущербные институты и формы правления, попирающие права человека, ухудшающие качество общественной системы, порождающие недоверие между людьми, социальную несправедливость, отсталость, бедность и нищету. Видимо, с методологической точки зрения, было бы правильнее сначала дать общенаучную трактовку культурного капитала, которую в дальнейшем можно было бы наполнять соответствующим качественным содержанием. Ещё раз отмечу, что социальное содержание культурного капитала следует искать в совокупности отношений между людьми по поводу качественно различных систем общественных ценностей, предопределяющих эффективность функционирования всех прочих видов капитальных активов – физического, природного, человеческого и социального капиталов, – а значит, продуктивность и динамизм экономики в целом.

Первый наиболее обстоятельный анализ влияния культурного капитала на человеческий и социальный капитал был предпринят аргентинским учёным М. Грондоной, на основе чего он разработал собственную культурологическую теорию экономического развития. Эта теория представлена в форме типологии культурных характеристик, которые позволяют выделить культуры, благоприятствующие экономическому развитию (высокий уровень культурного капитала), и культуры, противостоящие ему (низкий уровень культурного капитала). Авторская методология строится на предпосылке о наличии в любом обществе реальной системы ценностей, являющейся по своему содержанию смешанной. «Чистые», идеальные системы ценностей, существующие только в представлении исследователя, могут быть двух типов: одни включают в себя только те ценности, которые способствуют прогрессу, другие – только те, которые противятся ему. Грондона предлагает рассматривать страну *современной* в той мере, в какой она приближается к первой системе, и, напротив, *традиционной* – в той мере, в какой она ближе ко второй. Важно и то, что реальные системы являются не только *смешанными*, но и меняющимися. Если они смещаются в направлении благоприятного полюса шкалы системы ценностей, то это приводит к повышению шансов на то, что страна будет развиваться. Если же они движутся в противоположном направлении, то вероятность их успешного экономического развития существенно снижается [26, с. 30].

Типология включает в себя свыше двадцати факторов культурного капитала (мировоззренческих, этических, поведенческих), оказывающих влияние

на его качество и формирующих силы, которые двигают общество к прогрессу, или, напротив, противостоят ему. Среди них выделяются: *религия* (выступает влиятельной и конструктивной силой в высокоразвитой культуре, поскольку воспитывает рациональность и стремление к достижениям материальных целей; в обществах с низким уровнем культурного капитала формирует иррациональный образ мышления, сосредотачивается на страданиях); *этический кодекс* (жесткий и реалистичный – в обществах с высококачественным капиталом; гибкий и оторванный от реальности – в обществах с низкокачественным капиталом); *отношение к труду* (как главной формы самовыражения личности; как бремени, необходимому злу и уделу бедняков); *взгляд на конкуренцию* (как на созидательную силу, ведущую к инновациями процветанию общества; как на явление, равносильное агрессии, поскольку угрожает стабильности и сплочённости общества, воспитывает зависть); *ориентация во времени* (в прогрессивной культуре люди сосредоточены на будущем, на которое можно влиять, в том числе посредством сбережений и инвестиций; в противящейся прогрессу культуре в центре внимания находится прошлое, а будущее фаталистически предопределено судьбой) [26, с. 32-50].

Даже перечисленных культурных характеристик достаточно, чтобы увидеть огромную функциональную роль культурного капитала. Имеющаяся статистика показывает, что страны с развитым культурным капиталом имеют и высокое качество человеческого и социального капитала. Среди 179 стран-членов ООН, участвующих в исследовании по *Индексу человеческого развития*, первое место в рейтинге заняла Исландия, за ней Норвегия, потом Канада и Австралия, на пятом месте – США, на седьмом – Швеция, на двенадцатом – Финляндия. Россия оказалась в этом списке лишь на 73-й строчке – в компании с Эквадором, Казахстаном, Маврикием и Турцией. А такие страны, как Испания и Чили обладают намного большим потенциалом человеческого развития, чем Россия (Испания занимает в индексе ООН 16-е место, Чили – 40-е). Это говорит о том, что ни наличие или отсутствие природных ресурсов, ни численность населения и размеры страны, ни богатые музеи и библиотеки не являются достаточными условиями, приводящими страны к успеху. Всё дело в культурном капитале: там, где он развит, в обществе кристаллизуются ценности, приучающие людей к критическому мышлению, самоорганизации, доверию, стремлению к новаторству и успеху; напротив, низкий уровень культурного капитала чреват антропологическим и социальным регрессом, и, в конечном счёте, экономическим и технологическим отставанием от передовых стран современного мира.

Именно об этом говорили многие участники (в том числе и премьер-министр российского правительства) на Гайдаровском форуме в январе 2017 г. Там же обращалось внимание и на ухудшающееся положение России в мировой экономике. В настоящее время Россия с численностью населения в 145 млн чел. производит такой же объём ВВП, как и Австралия, в которой проживает чуть больше 20 млн чел. Россия находится в седьмом десятке стран по ВВП на душу

населения, в пятом десятке по средней зарплате, доля страны в международной торговле составляет около 1%, а доля российской валюты в мировом обороте и того меньше – всего 0,2%. Сегодня в России нет ни одного вуза, который входил бы в топ-100 вузов мира, а индекс цитируемости научных публикаций российских учёных находится на уровне Египта.

За четверть века постсоветской истории России так и не удалось вырваться из «ловушки нефтяного проклятия». Более того, эта ловушка всё сильнее захлопывается растущей зависимостью страны от добычи и экспорта топливно-энергетических ресурсов. Между тем, многие страны современного мира давно пришли к ясному пониманию того, что в постиндустриальную эпоху минеральные ресурсы уже не являются конкурентным преимуществом. Конкурентоспособность нации определяется факторами, которые порождают люди: это их отношение к собственности, это качество государственного управления, это действующие институты, независимая судебная система, политическая конкуренция и сменяемость власти, социальная защищённость и справедливость, свободные медиа. На Западе эти факторы уже давно играют ключевую роль в развитии. По данным экономистов Всемирного банка, в начале XXI в. в развитых странах доля природного капитала в национальном богатстве составляет всего лишь 2%, доля физического капитала – менее 20%, а удельный вес ресурсов, воплощённых в людях, достигает 4/5. В России же на долю природного капитала приходится 44% национального богатства, на производительный капитал – 41%, на человеческий – всего 15% [10, с. 49-50]. Эти данные показывают, что источники современного преуспевания развитых стран по своей природе нематериальны – они главным образом проистекают от образования, научных знаний и доверия, создаваемых в обществе и формирующих новую форму богатства: человеческий и социальный капитал. Сырьевая же модель экономики, базирующаяся на экспорте энергоносителей, фактически является «проклятием» для страны и её населения, поскольку сопровождается проблемами, сдерживающими модернизацию экономики, её социальную и инновационную направленность. К числу этих проблем относятся: «голландский синдром» (состояние экономики, при котором экспорт сырья гасит развитие отраслей с высокой добавленной стоимостью); «эффект вытеснения» природными активами культурного и человеческого капиталов; «рентная ловушка» (боязнь перехода к инновационной модели развития) [9, с. 120].

Итак, подводя итоги сказанному: всё, происходящее с нашей экономикой, – это результат, прежде всего, низкого качества культурного капитала, которое сказывается как на структуре, так и на эффективности функционирования других элементов национального богатства. Хотим мы того или нет, придётся признать, что решение многих наших социально-экономических, производственных и чисто бытовых проблем лежит в значительной степени в сфере нравственности и морали. Низкая трудовая дисциплина, некачественный труд, лояльное отношение к коррупции и обману, страх нового, равнодушие к по-

иску истины, правовой нигилизм, нездоровый образ жизни выросли на почве определённых этических представлений и массового культурного сознания, формировавшихся в социуме на протяжении долгого исторического периода. Изменить их – задача всех общественных институтов, занимающихся образованием и воспитанием граждан. Именно они в первую очередь призваны направлять свою деятельность в русло раскрепощения сознания людей, развития их творческих способностей, отказа от имперского и милитаристского мировоззрения и враждебного отношения к окружающему миру, усвоения передовых культурных ценностей других народов, позволивших им создать устойчивые демократические системы, служащие интересам неуклонного роста народного благосостояния. Только так мы сможем наращивать культурный капитал общества и построить современную высокоразвитую экономику.

Список литературы

1. Аренд Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 416 с.
2. Басу К. По ту сторону невидимой руки: Основания новой экономической науки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 432 с.
3. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. 2-е изд. М.: Логос, 2012. 248 с.
4. Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 464 с.
5. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 519-536 с.
6. Димаджо П. Культура и хозяйство // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 471-518 с.
7. Зиммель Г. Избранное. Том 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с.
8. Иглтон Т. Идея культуры. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. 190 с.
9. Ивашковский С. Модернизация России: историко-культурный аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2011. №3. С. 112-121.
10. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. Под ред. Б. З. Мильнера. М.: ИНФРА - М, 2010. 624 с.
11. Касаткин П.И. Роль Русской православной церкви в современных мировых политических процессах. Диссер. на соиск. степ. к.полит.н. / МГИМО. Москва, 2010. 190 с.
12. Кириллов И. А. Правда старой веры. Барнаул: Алтай Старовер, 2008. 502 с.
13. Колесникова И.В. Искусство как феномен культуры // Введение в культурологию. М.: МИИТ, 1996. 94 с.
14. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.
15. Лаваль К. Человек экономического. Эссе о происхождении неолиберализма. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 432 с.
16. Лем Ст. Философия случая. М.: АСТ Москва, 2007. 768 с.
17. Маритен Ж. Знание и мудрость. М.: Научный мир, 1999. 244 с.
18. Маршалл А. Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2008. 838 с.
19. Мюллер Дж. Капитализм, коммунизм и евреи. М.: Карьера Пресс, 2011. 288 с.
20. Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН, 2007. 557 с.
21. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. Дом Гос. Ун-та Высшая школа экономики, 2010. 256 с.
22. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие. М.: Согласие, 2010. 672 с.
23. Хайек Фридрих Август. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
24. Хайлбронер Р. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. 1993. Т. 1. № 1. С. 41-55.
25. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Из-

- дательство АСТ», 2004. 635 с.
26. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. Москва: Мысль, 2014. 286 с.
 27. Barro R., McCleary R. Religion and Economic Growth across Countries // American Sociological Review. 2003. Vol. 68, №. 5. Pp. 760-781.
 28. Banfield E. The Moral Basis of a Backward Society. Free Press, 1958. 204 p.
 29. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does Culture Affect Economic Outcomes? // Journal of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20 No. 2. Pp. 23-48. DOI: 10.1257/jep.20.2.23
 30. Rao V., Walton M. Culture and Public Action. Stanford, California 2004. 442 p.
 30. Hartman G. The Fateful Question of Culture. N.Y, 1997. 272 p.

Об авторе:

Станислав Николаевич Ивашковский – к.э.н., заведующий кафедрой экономической теории МГИМО МИД России; профессор ИБДА Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: stanislav.ivashkovskiy@mail.ru.

ECONOMY AS A PHENOMENON OF CULTURE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

S.N. Ivaskovsky
DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-268-290

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article redefines economy as a phenomenon of culture, a product of a historically and socially grounded set of values shared by members of a given society. The research shows that culture is not always identical to social utility, because there are multiple examples when archaic, traditionalist, irrational cultural norms hinder social and economic progress and trap nations into poverty and underdevelopment.

One of the reasons for the lack of scholarly attention to cultural dimension of economy is the triumph of positivism in economics. Mathematics has become the dominant language of economic analysis. It leads to the transformation of the economics into a sort of «social physics», accompanied by the loss of its original humanitarian nature shared in the works of all the great economists of the past. The author emphasizes the importance of the interdisciplinary approach to the economic research and the incorporation of the achievements of the other social disciplines – history, philosophy, sociology and cultural studies - into the subject matter of economic theory.

Substantiating the main thesis of the article, the author shows that there is a profound ontological bond between economy and culture, which primarily consists in the fact that these spheres of human relations are aimed at the solution of the same problem – the competitive selection of the best ways for survival of people, of satisfying the relevant living needs. In order to overcome the difficulties related to the inclusion of culture in the set of analytical tools used in the economic theory, the author suggests using a category of «cultural capital», which reestablishes the earlier and more familiar for the economists meaning of capital.

Key words: competitive selection, culture, cultural capital, mathematization of economic theory, post-modern, nature of culture, social capital, values, human capital, effect of gauge.

References

1. Arendt Kh. *Mezhdru proshlym i budushchim. Vosem' uprazhnenii v politicheskoi mysli* [Between the past and the future. Eight exercises in political thought]. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute, 2014. 416 p. (In Russian).
2. Basu K. Po tu storonu nevidimoi ruki: Osnovaniia novoi ekonomicheskoi nauki [On the other side of the invisible hand: Foundations of a new economic science]. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute, 2014. 432 p. (In Russian).
3. Bekhmann G. Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoe obshchestvo, obshchestvo znanii [Modern society: a society of risk, an information society, a knowledge society]. 2-nd edition. Moscow: Logos, 2012. 248 p. (In Russian).
4. Begel'sdeik Sh., Maseland R. Kul'tura v ekonomicheskoi nauke: istoriia, metodologicheskie rassuzhdeniia i oblasti prakticheskogo primeneniia v sovremennosti [Culture in economic science: history, methodological reasoning and areas of practical application in modern times]. Moscow: Publishing House of Gaidar Institut. 2016. 464 p. (In Russian).
5. Burd'e P. Formy kapitala [Forms of Capital]. *Zapadnaia ekonomicheskaiia sotsiologiya: Khrestomatiia sovremennoi klassiki*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 2004. Pp. 519-536. (In Russian).
6. Dimadzhio P. Kul'tura i khoziaistvo [Culture and economy]. *Zapadnaia ekonomicheskaiia sotsiologiya: Khrestomatiia sovremennoi klassiki*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 2004. Pp. 471-518. (In Russian).
7. Zimmel' G. Izbrannoe. Tom 1. Filosofii kul'tury [Selected works. Vol. 1. Philosophy of Culture]. Moscow: Iurist Publ., 1996. 671 p. (In Russian).
8. Iglton T. *Ideia kul'tury* [The idea of culture]. Moscow: Publ. House of the Higher School of Economics, 2012. 190 p. (In Russian).
9. Ivashkovskii S. Modernizatsiia Rossii: istoriko-kul'turnyi aspekt [Modernization of Russia: Historical and Cultural Aspect]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2011, no. 3, pp.112-121. (In Russian).
10. *Innovatsionnoe razvitie: ekonomika, intellektualnye resursy, upravlenie znaniiami* [Innovative development: economy, intellectual resources, knowledge management]. Ed. by B. Z. Mil'ner. Moscow: INFRA Publ. Moscow, 2010. 624 p. (In Russian).
11. Kasatkin P.I. *Rol' Russkoy pravoslavnoy cerkvi v sovremennikh mirovikh politicheskikh processov* [The Role Russian Orthodox Church in World Politics]. Moscow, 2010. 160 p.
12. Kirillov I.A. *Pravda staroi very* [The truth of the old faith]. Barnaul: Altai Starover, 2008. 502 p.
13. Kolesnikova I.V. *Iskusstvo kak fenomen kul'tury* [Art as a phenomenon of culture]. *Vvedenie v kul'turologiiu*. Moscow: MIIT, 1996. 94 p. (In Russian).
14. *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut progressu* [Culture matters. How values contribute to progress]. Ed by L. Kharrisona i S. Khantingtona. Moscow: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2002. 320 p. (In Russian)
15. Laval' K. *Chelovek ekonomicheskii. Esse o proiskhozhdenii neoliberalizma* [The economic man. The essay on the origin of neoliberalism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 432 p. (In Russian).
16. Lem St. *Filosofia sluchaia* [The philosophy of chance]. Moscow: AST Moscow. 2007. 768 p. (In Russian).
17. Mariten Zh. *Znanie i mudrost'* [Knowledge and wisdom]. Moscow: Nauchnyi mir Publ., 1999. 244 p. (In Russian).
18. Marshall A. *Osnovy ekonomicheskoi nauki* [Fundamentals of Economic Science]. Moscow: Eksmo, 2008. 838 p. (In Russian).
19. Muller Dzh. *Kapitalizm, kommunizm i evrei* [Capitalism, Communism and the Jews]. Moscow: Kar'era Press, 2011. 288 p. (In Russian).
20. Nisbet R. *Progress: istoriia idei* [Progress: the history of the idea]. Moscow: IRISEN Publ., 2007. 557 p. (In Russian).
21. North D. *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenii* [Understanding the

- process of economic change]. Moscow: HSE Publ., 2010. 256 p. (In Russian).
22. Flier A.Ia. *Kul'turologiia dlia kul'turologov: Uchebnoe posobie* [Culturology for Culturologists: Textbook]. Moscow: Soglasie, 2010. 672 p. (In Russian).
 23. Hayek F. Avgust. *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda* [Law, legislation and freedom]. Moscow: IRISEN, 2006. 644 p. (In Russian).
 24. Heilbroner R. *Ekonomicheskaia teoriia kak universal'naia nauka* [Economic theory as a universal science]. *THESIS*. 1993, vol. 1, no. 1, pp. 41-55. (In Russian).
 25. Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti* [Who are we? The challenges of American national identity]. Moscow: «AST» Publ., 2004. 635 p. (In Russian).
 26. Harrison L. *Evrei, konfutsianty i protestanty: kul'turnyi kapital i konets mul'tikul'turalizma* [Jews, Confucians and Protestants: Cultural Capital and the End of Multiculturalism]. Moscow: Mysl' Publ., 2014. 286 p. (In Russian).
 27. Barro R., McCleary R. Religion and Economic Growth across Countries. *American Sociological Review*. 2003, vol. 68, no. 5, pp. 760-781.
 28. Banfield E. *The Moral Basis of a Backward Society*. Free Press, 1958. 204 p.
 29. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does Culture Affect Economic Outcomes? *Journal of Economic Perspectives*. 2006, vol. 20, no. 2, pp. 23-48. DOI: 10.1257/jep.20.2.23
 30. Rao V., Walton M. *Culture and Public Action*. Stanford, California 2004. 442 p.
 31. Hartman G. *The Fateful Question of Culture*. N.Y, 1997. 272 p.

About the author:

Stanislav N. Ivaskovsky – PhD in Economics, associate professor, head of the department of economics in MGIMO-University. Russia, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454.
E-mail: stanislav.ivashkovskiy@mail.ru.

МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РЕГИОНОВ ИСПАНИИ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

К.С. Серединская

АО «Корона»

Испания – это страна с традиционно высоким уровнем региональных диспропорций. Для их сглаживания с конца 70-х гг. XX в. власти предпринимали различные административные меры, такие как учреждение государства автономий; утверждение статута каждой автономии, где прописаны основные правовые положения устройства региона; делегирование властных полномочий регионам. В итоге, во многом под давлением наиболее развитых автономий страны – Каталонии и Страны Басков – унитарная Испания фактически встала на путь федерализации.

В настоящей статье проведён анализ основных институтов, повышающих уровень социально-экономического развития регионов, а также конституционных основ территориального устройства страны, которому свойственно сочетание элементов централизованного и децентрализованного государства.

При всех отличиях между двумя странами как для России, так и для Испании характерны высокая степень региональных контрастов и самостоятельности регионов, в силу чего региональная политика представляет собой одно из приоритетных направлений деятельности государства. На сегодняшний день перед Россией стоят несколько вызовов, связанных с территориальными трудностями. В Испании органы межрегионального сотрудничества, такие как конференция президентов, отраслевые совещания, соглашения о сотрудничестве и двусторонние комиссии, повышают эффективность взаимодействия различных уровней власти. По мнению автора, подобные механизмы взаимодействия центра и регионов в адаптированном виде могут быть применены в России.

Ключевые слова: генеральные кортесы, автономия, статут, сенат, законодательное собрание, правительственный совет, конференция президентов, отраслевые совещания, соглашения о сотрудничестве, двусторонние комиссии сотрудничества.

УДК 338.246

Поступила в редакцию 18.12.2015 г.

Принята к публикации 12.04.2017 г.

Регionalная политика представляет собой одно из важнейших направлений деятельности государства. Выбор Испании в качестве образца для анализа региональной политики предопределяется тем, что в этой стране сильны региональные диспропорции, которые носят структурный характер, велика поляризация передовых и отсталых в социально-экономическом отношении регионов. Неравенство регионов усиливает тенденции к налоговому национализму богатых регионов (Каталонии, Страны Басков) и к росту сепаратистских настроений. Хотя в отличие от Российской Федерации Испания остаётся унитарным государством, опыт государственного регулирования развития регионов этой страны может оказаться полезным для России. В нашей стране региональная политика всё ещё пребывает на стадии становления. Требуется осмысления и решения ключевая проблема растущей поляризации регионов по уровню социально-экономического развития. Думается, что ускоренному росту отсталых территорий могло бы способствовать становление институциональной основы региональной политики. В связи с этим изучение опыта Испании по государственному регулированию экономического развития регионов представляется весьма актуальным и практически значимым для нашей страны.

Благодаря развитой и диверсифицированной системе механизмов взаимодействия центра и регионов современная региональная политика Испании эффективнее российской. По мнению автора, имеет смысл проанализировать институциональную основу региональной политики Испании и впоследствии, возможно, перенять некоторые ее аспекты.

Территориальное устройство Испании

В XX в. Испания осуществила один из наиболее успешных переходов от тоталитарного режима к представительной демократии, в результате чего в стране сложился легитимный, достаточно стабильный и эффективный строй. Подчёркивая международное значение испанского опыта, С.М. Хенкин пишет, что к нему «долгие годы обращаются политики и эксперты при решении самых разных проблем перехода к демократии, будь то обретение страной правопреимства и национальной идентичности, механизмы формирования консенсуса, роль политических лидеров или преобразование межнациональных отношений и региональной сферы. Некоторые элементы испанской модели были использованы в странах Восточной Европы и Латинской Америки»¹.

К числу основных инструментов испанской региональной политики относятся система региональных инициатив и межрегиональный компенсационный фонд [3]. Фонды финансирования региональных нужд существуют и в России (к примеру, фонд регионального развития), поэтому мы рассмотрим именно

¹ Хенкин С.М. Регионы как соперники государства: опыт Испании. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mgimo.ru/files/34545/Khenkin-Regions-Spain.doc>. 11 с. (Дата обращения: 01.06.2017)

институциональный механизм управления развитием автономий, а также возможность применения такого опыта в российских условиях.

Территориальная разобщённость – это одна из наиболее острых проблем Испании. Несмотря на смену политической парадигмы, региональные проблемы, имеющие глубокие исторические корни, остаются одной из важнейших забот испанских властей [3]. Цели и задачи национальной региональной политики Испании коррелируют с политикой Европейского союза.

По своей территориальной организации Испания представляет собой «составное» государство с определённой степенью политической децентрализации. Иными словами, страна имеет унитарный децентрализованный тип с тенденцией к федерализму. Конституция «признаёт и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, её составляющих, и равенство между ними»².

После падения франкизма Испания была превращена в квазифедерацию; предполагалось, что новая система территориального управления, наделив регионы обширными полномочиями, одновременно обеспечит целостность государства. С самого начала демократических преобразований многие регионы, в первую очередь наиболее развитые Каталония и Страна Басков, продемонстрировали региональный сепаратизм. Центральное правительство было вынуждено пойти на уступки.

В тексте Конституции Испании нет чёткого указания на административный статус страны. Это означает, что территориальная организация может меняться, исходя из государственных нужд, без нарушения принципов основного закона. Один из генеральных адвокатов Европейского суда Педро Круз Вияльон отмечал, что принятие Конституции — это лишь начало процесса трансформации государства, но никто не знает, чем он закончится³.

Автономные сообщества имеют собственные *уставы (статуты)*. Устав – это основной правовой акт каждого автономного сообщества; государство признаёт и охраняет уставы в качестве составной части своего законодательства. В уставах автономий конкретизированы нормы, о которых либо не говорится в Конституции, либо говорится лишь в общих чертах.

Основными функциями *уставов* автономий являются формирование каждого конкретного региона как территориальной единицы, наделённой политической автономией, а также конкретизации модели государства, являющейся, в соответствии с Конституцией, открытой и незавершённой.

Конституция Испании предполагает отсутствие единого стандарта в проведении региональной политики. Неоднородно уже административно-территориальное устройство автономий: некоторые состоят из нескольких провинций, другие – только из одной провинции; Сеута и Мелилья – это автоном-

² Constitución Española. [электронный ресурс]. URL: http://www.lamondcloa.gob.es/documents/constitucion_es1.pdf. (Дата обращения: 01.06.2017)

³ Вияльон П. Основные нормы в Конституции Испании 1978 г. // Бюллетень сравнительного права, 2000 [электронный ресурс]. URL: <http://www.ejournal.unam.mx/bmd/bolmex097/BMD09702.pdf>. С. 65–154. (Дата обращения: 01.06.2017).

ные города. В отношении некоторых автономий действует система специальных (формальных) соглашений.

В ст. 143 Конституции Испании закреплены «быстрый» и «медленный» пути получения статуса автономии. К примеру, Каталония утвердила автономный статус в 1979 г. быстро и без острых противоречий с центром, так как её гражданское общество сравнительно высоко развито и имеет прочные традиции автономии. В Стране Басков проект статута вызвал ожесточённые протесты сепаратистских партий. В окончательном тексте *устава* баскский язык получил тот же статус, что и испанский. В Стране Басков имеется собственный парламент, полиция, радио, два телеканала, двуязычная система образования и формальная система финансирования (также действует в отношении Наварры)⁴. Эти автономии, Наварра и Страна Басков, получили право направлять в региональные бюджеты почти все налоговые поступления, а не 15%, как остальные области страны [8].

«Народная партия» (НП), которая находится у власти с 2011 г., сменила крайне правый курс полностью централизованного государства раннего пост-франкистского периода на мягкую региональную политику, осуществляя передачу полномочий регионам. Тем самым НП стремится достичь максимального равноправия регионов в целях усиления единства испанской нации [12].

Основные механизмы взаимодействия центра и регионов отражены в Конституции страны. Верховным органом представительства регионов является верхняя палата генеральных кортесов — сенат (ст. 69). Полномочия сената меньше, чем конгресса депутатов (нижняя палата парламента). Законодательная деятельность сената ограничена. Если верхняя палата накладывает вето на законопроект, одобренный нижней, конгресс депутатов может принять его абсолютным большинством голосов. Ограничены и возможности сената контролировать деятельность правительства. Только конгресс депутатов по конституции обладает правом выражать вотум доверия кандидату на пост председателя правительства. Лишь эта палата уполномочена ставить вопрос о политической ответственности правительства, приняв абсолютным большинством голосов резолюцию осуждения [7].

Сотрудничество между различными уровнями власти выступает неотъемлемой частью функционирования системы *государства автономий*. Основные принципы, которых должно придерживаться центральное правительство в процессе сотрудничества с регионами, устанавливает статья 103.1 испанской конституции: эффективность, иерархия, децентрализация, принцип добросовестности и принцип законных ожиданий. Статья 149.1 указывает, что особой компетенцией государства является гарантия единства страны и учреждение механизмов для сотрудничества с *автономными сообществами*. Институцио-

⁴ Начиная со Средних веков в Стране Басков и Наварре действует особая система, формальная. Фуэро – старинная вольность, включающие местное самоуправление и законодательство, налогообложение, таможенные границы.

нальные механизмы, которые стимулируют экономическое развитие автономий, вертикальную и горизонтальную кооперацию внутри страны, являются основным объектом интереса автора.

Согласно Конституции Испании, институциональный механизм организации автономии включает:

- *законодательное собрание (ассамблея или парламент)*, члены которого избираются на всеобщих выборах, проводимых по системе пропорционального представительства;
- *правительственный совет*, выполняющий исполнительные и административные функции, и его *председателя (президента)*, избираемого собранием из числа его членов и назначаемого королём. Председатель руководит *правительственным советом*, является высшим должностным лицом в автономном сообществе и представителем государства в нём;
- *высший суд*, который без ущерба для юрисдикции Верховного суда является высшим судебным органом на территории автономии. В территориальных рамках каждого автономного сообщества вершиной юридической организации является верховный Конституционный суд.

Недостаток демократического механизма в Испании во многом обусловлен тем фактом, что кандидаты в сенат избираются не напрямую гражданами, а советом. Претенденты на кресло депутата не участвуют ни в одной предвыборной кампании в своих регионах, основанной на партийной идеологии, а без таких дебатов способность политиков отвечать основным потребностям граждан, а также способность граждан оценивать и избирать кандидатов сильно сокращается [14].

Наиболее эффективный контроль над деятельностью органов управления в автономиях осуществляет назначаемый центральным правительством *представитель* (ст. 154 Конституции). Представитель руководит органами государственного управления в автономии, а также занимается координацией деятельности автономных и центральных властей.

В настоящее время в Испании нет специального министерства, ответственного за социально-экономическое развитие регионов. Министерство территориальной политики Испании, в компетенцию которого входили вопросы взаимоотношений с регионами, было упразднено в 2011 г. в рамках провозглашенного «Народной партией» курса на режим жёсткой экономии. НП выступает за сохранение в территориальной организации страны элементов унитарного государства. Участие автономных областей в проведении государственной политики управления регионами организовано плохо.

В вопросах регионального развития главную роль играет Министерство финансов и государственного управления, поскольку самым действенным инструментом политики регионального развития выступают межбюджетные отношения. Система таких взаимоотношений, точно отражающая политические аспекты взаимодействия центра с регионами, начала формироваться с вступле-

нием в силу Конституции Испании. Для решения сложных вопросов и разногласий между государством и автономиями в бюджетной сфере требуется разделение компетенций между органами исполнительной власти различных уровней. Подобная децентрализованная многоуровневая система может быть эффективной только при условии устранения дублирующих функций её участников. Среди недостатков действующей в Испании системы отметим, что финансовые отношения между центром и регионами лишены необходимой прозрачности.

И стратегически, и тактически основная задача регионов в бюджетно-финансовой сфере состоит в укреплении собственной доходной (налоговой) базы и обеспечении дополнительных внешних источников финансирования возросших расходов, в том числе за счёт центрального бюджета [2].

Подобно Франции и Италии, автономии имеют право вводить надбавки к общегосударственным и даже к собственным налогам, если те не пересекаются с общими по облагаемой базе. Среди основных объектов местного налогообложения в Испании можно выделить владение собственностью (недвижимой и автотранспортом), домашние животные, реклама, туризм [2].

Вторым, а в некоторых регионах ведущим, источником доходов местных бюджетов являются неналоговые поступления, в т.ч. платные государственные услуги местному бизнесу и населению (водо-, тепло- и энергоснабжение, уборка и переработка мусора, освещение, аренда помещений и земли, плата за проезд и автостоянки, услуги муниципального транспорта и т.д.), а также прибыль предприятий, находящихся в собственности регионов.

Третьим источником формирования бюджета регионов Испании, как и в других странах ЕС, выступают перечисления из государственного бюджета в форме займов, субсидий и целевых грантов [2].

В связи с особенностями территориально-административного устройства Испании, в частности с децентрализацией государства, а также из-за специфики экономического управления в Евросоюзе центральные власти Испании не разрабатывают нормативно-правовые акты, направленные на решение социально-экономических проблем отдельных регионов. Национальное правительство (в первую очередь, Министерство экономики и конкурентоспособности Испании) ежегодно согласно действующей стратегии социально-экономического развития ЕС (в настоящее время это стратегия «Европа-2020») и на основании рекомендаций Европейской комиссии разрабатывает Национальную программу реформ. В этой общей программе присутствуют задачи регионального развития, обозначены конкретные программы, а также мероприятия центра и регионов по их выполнению.

Таким образом, в Испании сложилась «трёхуровневая модель» региональной политики, в основе которой лежит механизм увязки и координации интересов властей различных уровней – наднационального, национального и регионального [8]. Можно сказать, что Испания совершает переход от конкурентного регионализма к кооперативному федерализму. Этот переход во многом обу-

словлен углубляющейся интеграцией внутри Европейского союза. Центральное правительство Испании и региональные власти согласовали новые модели кооперации, позволяющие автономиям участвовать в формировании и осуществлении политики ЕС, насколько позволяют их компетенции [9].

В период 2014–2020 гг. к числу приоритетных направлений европейского финансирования в Испании относятся:

- расширение рынка труда и повышение производительности труда;
- развитие передовых технологий, увеличивающих добавленную стоимость продукции, с целью поддержки малых и средних предприятий;
- развитие бизнес-среды, нацеленное на использование инновационных систем и укрепление сектора высоких технологий;
- повышение эффективности использования собственных природных ресурсов, в частности развитие *синей экономики* (использование водных ресурсов для устойчивого роста, не приносящего вреда окружающей среде)⁵.

«Каталонский» конфликт

Гибкая система территориального устройства Испании обусловлена во многом сильными центробежными силами внутри страны, в первую очередь среди наиболее развитых регионов. Рассмотрим подробнее «каталонский» конфликт.

Региональное сообщество Каталонии до сих пор сохраняет память о средневековой государственности. Графство Барселонское, существовавшее с IX в., вошло в состав королевства Арагон как автономное сообщество в 1137 г. в результате брачного союза между наследниками династий графов Барселоны и королей Арагона. В XIV в. был создан орган исполнительной власти – Жене-ралитат. Когда в XV в. образовалось централизованное королевство Испания, в Каталонии произошла череда восстаний и войн за обретение национальных прав и свобод. Сепаратистские настроения широко распространились среди каталонцев в XIX в. Провозглашённая в XX в. Каталонская республика не была признана центральными властями, но регион получил широкую автономию. Женералитат, упразднённый при диктатуре Франко, был создан вновь в 1978 г. В 1979 г. путём всенародного голосования в регионе был принят устав, по которому «нации Каталония» предоставлена расширенная автономия. Устав утвердил национальную символику: флаг, гимн, национальный праздник.

Согласно опросам, в начале 2000-х гг. половина каталонцев предпочитала независимости существующий статус-кво, но несколько лет назад сепаратистские настроения стали нарастать. Недовольство каталонцев усилилось в связи с экономическими трудностями в период мирового финансового кризиса и осо-

⁵ Informe sobre los Convenios de Colaboración Estado-Comunidades Autónomas suscritos durante 2014. . [электронный ресурс]. URL: http://www.seap.minhap.gob.es/dms/es/web/areas/politica_autonomica/coop_autonomica/Convenios_Colaboracion/parrafo/0/text_es_files/Informe-Convenios-2014-Estado-CCAA-VERSION-FINAL/INFORME%20CONVENIOS%202014.pdf (Дата обращения: 01.06.2017)

бенно после принятого Конституционным судом в 2010 г. решения сократить часть полномочий местного правительства. Это решение было принято после четырёхлетнего рассмотрения основных статей Устава Каталонии, который, по мнению НП, не отвечает конституционным нормам. В итоге устав был изменён в следующих сферах: налоговое распределение, статус каталонского языка, юридическая система автономии, новое административное деление региона и право на созыв референдумов.

К тому же каталонцы недовольны тяжестью налогового бремени, полагая, что отсталые южные регионы живут за их счёт, а они сами не получают достаточно поддержки со стороны государства. Каталонцы направляют в центральный бюджет в 10 раз больше, чем довольно богатые Наварра и Страна Басков, где действует формальный режим (см. Рис. 1) [6].

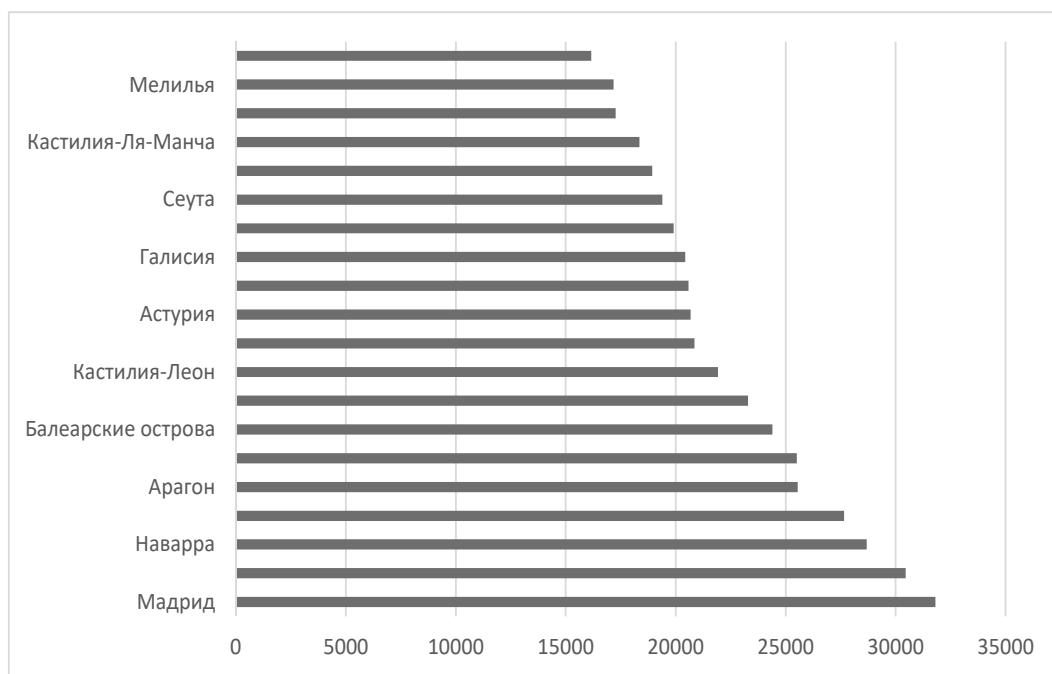

Рис. 1. ВВП на душу населения в 2015 г. (евро)

Pic. 1. GRP per capita in 2015 (euro)

Источник: отчёт регионального счетоводства Испании по ВВП 2015 г., [электронный ресурс. URL: <http://www.ine.es/prensa/np964.pdf>

9 ноября 2014 г., несмотря на запрет со стороны центральных властей, в Каталонии прошёл референдум за независимость. По данным организаторов – местных властей – более 80% его участников проголосовали за независимость. В итоге президент Каталонии Артур Мас, его заместитель Хоана Ортега и министр образования Ирен Риго были обвинены в неповиновении и препятствовании осуществлению правосудия. В сентябре 2015 г. на выборах в региональ-

ный парламент с большим отрывом выиграла коалиция политических партий и организаций Junts Pel Si (Вместе – за «Да»). Её представители выступают активными сторонниками независимости Каталонии. Согласно последним опросам, за отделение от Испании выступают 47,7% каталонцев, против – 42,4%, а 8,3% затруднились ответить⁶.

Чтобы остановить процесс отделения Каталонии, «Народная партия» во главе с премьер-министром страны М. Рахоем неоднократно обращалась в Конституционный суд, ссылаясь на конституцию, которая не позволяет регионам в одностороннем порядке принять решение о суверенитете. Последнее подобное обращение предпринято летом 2016 г. в связи с принятием дорожной карты Каталонии по её выходу из состава Испании. Конституционный суд постановил, что сепаратисты проигнорировали и нарушили правила Конституции 1978 г., заявив, что «принцип демократии не может существовать без безоговорочного первенства основного закона»⁷.

Тем не менее, сепаратистское движение в парламенте Каталонии прогрессирует. Твёрдое намерение предпринимать шаги по выходу из состава страны изъявляет президент Каталонии. Министр иностранных дел региона Рауль Ромева заявил, что у центрального правительства есть два варианта: либо признать легитимными каталонские стремления к независимости, либо по-прежнему верить, что Конституционный суд и судебные процессы могут остановить их⁸.

По мнению автора, вопрос о независимости Каталонии имеет три важных аспекта.

Во-первых, при выходе из состава Испании Каталония автоматически выходит из состава Евросоюза. Это значит, что производимая на территории региона продукция, которая поставляется в основном в соседние государства-члены ЕС, будет проходить таможенную очистку, теряя ценовую привлекательность. Каталонии придётся не только установить таможенную границу, но и ввести в обращение собственную денежную единицу, что ляжет тяжким бременем на бюджет. Лишь после обретения атрибутов независимого государства возможно начать непростую процедуру вхождения в ЕС.

Во-вторых, выход Каталонии из состава страны был бы крайне болезненным для Испании. На ВРП региона приходится около 20% ВВП Испании, при этом там проживает 16% населения страны. По данным регионального правительства, Каталония выпускает приблизительно 25% всего экспорта, около 23% промышленной продукции Испании⁹.

⁶ Агентство новостей Каталонии [электронный ресурс]. URL: <http://www.catalannewsagency.com/politics/item/47-7-of-catalans-would-vote-for-independence-highest-figure-since-2014> (Дата обращения: 01.06.2017)

⁷ Separatist movement in Catalonia steps up battle with Madrid – The Guardian // 2016. [электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jul/27/catalonia-independence-spain-democratic-mandate>. (Дата обращения: 01.06.2017).

⁸ Там же.

⁹ Каталония, Испания, доклад ОЭСР. [электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/edu/imhe/46827358.pdf>. (Дата обращения: 01.06.2017)

В-третьих, есть вероятность, что для наднациональных органов ЕС выгодно дробление стран, так как чем больше мелких стран-членов, тем выше степень влияния самого Евросоюза на процесс принятия решений. Значит, есть вероятность, что в вопросе отделения Каталонии интересы центрального правительства Испании и ЕС не совпадают.

Механизмы повышения экономической активности в регионах Испании

Важность межрегионального сотрудничества, причём не только между регионами Испании, но и с регионами Португалии и Франции, возрастала начиная с 1990-х гг. Первое десятилетие 2000-х гг. было очень эффективным в этом направлении. В уставы всех автономий были внесены положения, разрешающие региональным властям осуществлять кооперацию с другими регионами. Интерес к сотрудничеству как между центром и регионами, так и между автономиями прослеживается во внутренних стратегиях развития. В настоящее время межрегиональное сотрудничество в большинстве автономий рассматривается как основной источник укрепления экономики. В тех регионах, где у власти стоят националистические партии, взаимодействие с другими автономиями смешивается с политическими программами, направленными на строительство собственной нации [11].

С 2004 г. высшим органом взаимодействия властей национального и регионального уровней в Испании считается конференция президентов (*Conferencia de Presidentes*). В эту структуру входят председатель правительства Испании, председатели правительственных советов 17-ти автономных сообществ и автономных городов Сеуты и Мелильи. Конференция президентов занимается обменом опытом и информацией о деятельности различных автономных парламентов; анализом проблем, вызовов и возможностей, с которыми сталкиваются и генеральные кортесы, и парламенты автономий, в особенности в части взаимоотношений с институтами ЕС; изучением и, возможно, имплементацией инициатив по повышению эффективности работы палат парламента и их взаимодействия.

Решения и соглашения конференции президентов обязательны для исполнения. Решения принимаются большинством голосов, если только не было применено право вето. Учреждение конференции президентов в качестве основного инструмента по развитию отношений между центром и регионами стало самой важной политической инициативой в области регионального управления за последние годы.

Важнейшим органом регионального сотрудничества в Испании являются *отраслевые совещания* (*conferencias sectoriales*), в которых участвуют представители различных министерств центрального и региональных правительств. Отраслевые совещания созываются конкретным министром, заинтересованным в их проведении, участие в них является добровольным. По итогам совещания

министр центрального правительства и представители регионов подписывают соглашения. Функционирование отраслевых совещаний регулируется *соглашениями о создании* и внутренними правилами, которые ратифицированы не всеми региональными министерствами и участие в них добровольно. Основную нормативную базу по отраслевым совещаниям содержит Закон 30/1992 Административного Кодекса Испании.

В настоящее время существуют 35 отраслевых совещаний, хотя за последние годы только 25 из них вели активную деятельность. Сфера деятельности и значимость обсуждаемых вопросов не равнозначны. С 2001 г. ежегодно проводится от 60 до 75 заседаний.

В период 2004–2007 гг. было принято решение о создании дополнительных совещаний, учитывая их стратегическое значение и влияние на межрегиональную кооперацию. Было создано семь новых совещаний, в том числе: местное администрирование, наука и технологии, телекоммуникации и информационные технологии, совещание по поддержке иждивенцев и социально незащищенных граждан, генеральное совещание по вопросам управления университетами, совещание по вопросам иммиграции, совещание по вопросам водоснабжения. В 2009 г. было создано совещание по развитию международного сотрудничества.

Наряду с *отраслевыми совещаниями*, наиболее востребованный инструмент сотрудничества в государстве автономий – это *соглашения о сотрудничестве*, которые заключаются в форме договора центрального правительства с одним или более автономными сообществами. Благодаря свободной форме и гибкости, соглашения способствуют упрощению и ускорению сотрудничества, то есть сближению различных уровней власти и повышению эффективности взаимодействия между ними. Для Испании именно в этом заключается одна из задач управления развития регионами.

Хотя формально *соглашения о сотрудничестве* рассматриваются как двусторонние, на практике правительство и различные министерства постепенно переводят их на многостороннюю основу, предлагая участие в соглашениях нескольким и даже всем автономиям. Подавляющее большинство соглашений содержит финансовые обязательства. Данные о соглашениях, заключённых 1999–2014 гг., предоставлены ниже (см. табл. 1).

С 1978 г., когда конституцией было провозглашено *государство автономий*, активно применяется механизм управления региональными вопросами. В докладе 2016 г. по *соглашениям о сотрудничестве* между центральным правительством и автономиями Министерство финансов и административного управления сообщило о заключении 15 886 соглашений и 7294 договоров. Для сравнения: в 2005 г. были зарегистрированы более 900 новых соглашений. В 2007–2010 гг. ежегодно подписывалось около 1000 договоров и соглашений. Начиная с 2011 г., объём подписанных соглашений снизился из-за бюджетных ограничений, связанных с мировым финансовым кризисом. В 2012 г. количе-

Табл. 1. Соглашения о сотрудничестве 1999– 2014 гг.

Table. 1. Cooperation agreements of 1999- 2014

Год	Количество соглашений	Общая сумма соглашений, финансируемых государством (млн евро)	Общая сумма соглашений, финансируемых автономиями (млн евро)
1999	752	1 505,7	1 182,4
2000	730	1 621,8	726,3
2001	863	1 844,3	626,3
2002	1060	3 539,4	1 542,1
2003	952	1 810,9	1 602,4
2004	747	1 650,5	819,3
2005	911	2 190,9	1 241,6
2006	1083	7 523,8	3 040,3
2007	1093	2 657,6	1 942,9
2008	1001	3 907,2	2 432,9
2009	1059	4 275,2	3 265,7
2010	1009	3 156,2	3 322,2
2011	678	1 838,7	2 344,6
2012	349	4 116	1 591,1
2013	549	1 149,2	1 546,7
2014	610	1 440,8	3 965,6
Всего	13446	40 524	24 799,5

Источник: Informes obre los Convenios de Colaboración Estado-Comunidades Autónomas suscritos durante 2014¹⁰.

ство договоров и соглашений падало, а уже с 2013 г. наблюдается подъём, хотя докризисный уровень ещё не достигнут.

В 2014 г. наибольшее количество *соглашений о сотрудничестве* подписали Андалусия (67 соглашений), Сообщество Мадрида (67) и Галисия (52). Из общего числа соглашений 63 относятся к сфере научных исследований, 61 – к сельскому хозяйству, 53 – к сфере обороны.

В заключение рассмотрим такой механизм улучшения межрегиональной кооперации, как *двусторонние комиссии сотрудничества*. Государство и автономии начали создавать подобные комиссии с конца 1980-х гг., ещё в отсутствие нормативной базы по регулированию их деятельности. Комиссии создавались как органы двустороннего сотрудничества и функционировали по внутренним правилам, прописанным в договоре об учреждении. Первый закон о двусторонних комиссиях появился в 1992 г. В нём *двусторонняя комиссия сотрудничества* определена как орган, предназначенный для двустороннего сотрудничества в различных сферах. Государство и автономия создают комиссию с помощью специального соглашения, которое определяет основную нормативную базу

¹⁰ Хенкин С.М. Регионы как соперники государства: опыт Испании. [электронный ресурс]. URL: www.mgimo.ru/files/34545/Khenkin-Regions-Spain.doc. 11 с. (Дата обращения: 01.06.2017).

комиссии. Польза от комиссий заключается в том, что они дают возможность разрешения тяжб по поводу полномочий между различными ведомствами без участия Конституционного суда.

Государство и автономии имеют одинаковую степень представительства в *двусторонних комиссиях сотрудничества*. Председательствуют в них либо министр финансов, либо председатель автономии, либо член совета, в чью компетенцию входят вопросы, которыми занимается комиссия. Соглашения заключаются после двустороннего одобрения.

Особенности регионального развития России на современном этапе

Российские регионы характеризуются сильной дифференциацией по уровню развития, экономической специализации и социальной структуре населения. Для создания эффективной системы поддержки и развития регионов, то есть для создания модернизированной системы региональной политики, необходимо ясно видеть существующие в российской действительности барьеры. На первом месте, бесспорно, стоят пространственные барьеры, к ним относятся огромные расстояния, низкая плотность населения в большей части страны, неблагоприятные географические условия некоторых территорий вдобавок к плохо развитой инфраструктуре, а также редкая сеть городов.

Однако кроме «традиционных» трудностей существуют и особенности, характерные именно для современного этапа. Это и есть стартовые условия для модернизации.

1. В регионах, обладающих значительными экономическими ресурсами для модернизации, проживает 1/4 населения, в среднеразвитых регионах – почти 2/3 населения, в слаборазвитых регионах – 10–15% населения страны.

2. Ввиду низкого уровня урбанизации слаба городская культура: 38% населения проживает в городах с населением свыше 250 тыс. чел., 36% – в сельской местности, поселках и малых городах с минимальными ресурсами для модернизации.

3. В России сформировалась иерархическая система центральных городов, способных передавать импульс модернизации менее крупным городам и периферии. Однако зоны их влияния не способны охватить всю страну; в России недостаточно городов-центров.

4. Велика пространственная и поселенческая поляризация человеческого капитала: есть зоны модернизации и деградации.

5. Региональная политика страны на данный момент недостаточно сильна и систематизирована, лишена обоснованных приоритетов [4].

«Коридор возможностей» для пространственной модернизации, о котором говорила Н.В. Зубаревич [4], определяется не только вышеперечисленными условиями, но и существующими тенденциями развития. Эффективная региональная политика должна их учитывать и использовать с пользой для страны.

Во-первых, территориальные диспропорции велики и в перспективе будут нарастать. Они обусловлены сложившейся территориальной структурой экономики, а также сильнейшим неравенством в распределении ресурсов и рабочей силы. Концентрация экономики в регионах с максимальными конкурентными преимуществами характерна для всех стран мира, но по мере развития страны диспропорции постепенно нивелируются или хотя бы остаются неизменными, если страна проходит через период экономических или политических кризисов. Подобная ситуация наблюдается в Испании. В России смена тренда экономического роста вряд ли возможна, однако можно говорить о замедлении темпов роста дифференциации регионов.

Во-вторых, для России характерна высокая степень поляризации регионов, то есть сверхконцентрация экономики страны в столичной агломерации. Чрезмерная роль административного фактора в Москве искажает условия региональной конкуренции. При этом нельзя отрицать, что столица даёт довольно серьёзный импульс развитию соседних областей Центрального макрорегиона. Для расширения этого положительного влияния необходимо развивать транспортную инфраструктуру между растущей столичной агломерацией и сопредельными территориями.

Другие регионы развиваются гораздо медленнее из-за недостатка инвестиций, ограниченных бюджетных ресурсов и отсутствия привлекательности для трудовых мигрантов. Большинство крупных промышленных агломераций Поволжья, Урала и Сибири пока не становятся «точками роста», промышленный потенциал этих регионов может быть реализован лишь при большей финансовой и управленческой самостоятельности и активизации конкуренции за инвестиционные ресурсы, которая во многом обеспечивает модернизацию институтов.

Очень медленно идёт прогресс среднеразвитых регионов, в которых проживает 2/3 населения страны. Их собственных экономических ресурсов не хватает для поддержания высоких темпов роста, а федеральных ресурсов никогда не хватит на такое количество регионов. В таких регионах в первую очередь необходимо улучшить институциональную среду, активизировать местные сообщества. Для таких регионов особенно важно, чтобы в стране существовала хорошо структурированная региональная политика с рядом стимулирующих и выравнивающих механизмов. Слабость институтов, пассивность населения и неэффективность управления особенно тяжело сказывается на среднеразвитых областях страны. В них есть потенциал роста, но необходимы меры по активизации имеющихся ресурсов.

В России сохраняются зоны депрессивности разного характера. К ним относятся, к примеру, монопрофильные города с неконкурентными активами. В распоряжении правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р к числу муниципальных образований с наиболее сложным социально-экономическим положением отнесены 75 моногородов. По шесть таких городов находятся в Карелии,

Кемеровской и Свердловской областях, такие города есть в Кировской, Тверской и Челябинской областях, Пермском и Приморском краях, а также в других регионах. Согласно вышеназванному перечню 149 моногородов (в основном Кемеровской области) находятся в зоне риска ухудшения социально-экономического положения, и только 89 моногородов (преимущественно большинство Нижегородской и Свердловской областей) имеют стабильное социально-экономическое положение.

Большая часть регионов Нечерноземья и ряд южносибирских городов имеют 10–15% занятых в сельском хозяйстве, а в степной полосе от Краснодара до Алтая этот показатель доходит до 30% [5]. Многие из этих регионов также относятся к зонам социальной и экономической деградации

Тормозить модернизацию территорий страны может отсутствие положительных сдвигов в развитии республик Алтай, Тыва, Адыгея и Калмыкия, где обеспеченность бюджетов собственными доходами находится на минимальном уровне. Федеральные трансферты, усиливая иждивенческие настроения, лишают местные власти стимулов к развитию. В таких регионах необходимо повысить качество работы институтов в целях использования конкурентных преимуществ регионов, а также провести социальную модернизацию, в частности, улучшив образовательную систему.

Территориальные контрасты усиливаются депопуляцией и миграциями, пространственной поляризацией трудовых ресурсов. Человеческий капитал больше всего сокращается в наиболее постаревших регионах Европейского Центра и Северо-запада, за исключением двух столичных агломераций. В перспективе менее чем в 20% регионов России сохранится прирост населения. Меры по стимулированию рождаемости не способны решить проблему депопуляции; обжитое пространство будет сокращаться и впредь, особенно в регионах Европейской России. Резерв демографических ресурсов остался в республиках Юга.

Возможные пути использования опыта Испании для России

У России существует колоссальный потенциал, однако региональные диспропорции сильно тормозят развитие всей страны. Региональная политика государства, которая призвана решать подобные трудности, недостаточно эффективна.

Возможно, России будет полезно перенять некоторые черты региональной политики Испании. Бесспорно, перенимать опыт Испании в проведении региональной политики полностью невозможно, так как Россия сильно отличается и размерами, и количеством населения, и уровнем социально-экономического развития, и степенью обеспеченности природными ресурсами, однако, несмотря на все кардинальные отличия, Россию и Испанию сближает высокая степень региональных контрастов внутри страны. Необходимо также учитывать тот факт, что в Испании до сих пор не найден баланс между центробежными

и центростремительными силами. Однако в региональной политике Испании система механизмов взаимодействия центра и регионов более развита и диверсифицирована, чем в России, поэтому возможно, что учреждение институтов, укрепляющих как вертикальные (между различными уровнями власти), так и горизонтальные (между регионами) связи, было бы полезным и для нашей страны. Бесспорно, наличие новых органов может лишь увеличить бюрократическое бремя внутри страны, но, по мнению автора, налаживание эффективной работы таких механизмов без привлечения новых кадров и при этом без дублирования полномочий у чиновников поможет избежать этого.

Создание институтов, подобных *отраслевым советам* в Испании, могло бы частично решить вопрос депрессивных областей. С помощью этого механизма представители министерств различных уровней вплотную могли бы заниматься наиболее важными задачами, соответствующими их ведомству. Советования способны точно и оперативно устранять конкретные проблемы регионов, что экономит время, финансовые и человеческие ресурсы. Кроме того, стимулируется и межрегиональная кооперация, а, как известно, в России горизонтальные связи между областями развиты недостаточно.

Структура, подобная *соглашению о сотрудничестве*, представляет собой весьма гибкий инструмент региональной политики. Она позволяет активизировать деловую активность, помогает решить вопросы занятости и стимулирования развития инновационного потенциала в регионах, имеющих для этого наибольший потенциал, а также повышает эффективность сельского хозяйства, укрепляет торговые отношения, создавая стимулы к углублению межрегиональной кооперации.

Орган, схожий по функциям с испанской *конференцией президентов*, при налаженной и прозрачной работе демократических всеобщих выборов, способствовал бы решению проблем регионального развития. В частности, он мог бы заняться модернизацией инфраструктуры, развитием инвестиционной привлекательности регионов, поддержкой малого и среднего предпринимательства, а также повышением эффективности расходования бюджетных трансфертов. В структуре региональной политики России отсутствуют подобные органы, связывающие центр и периферию.

В Испании *представитель региона* оказывает большую поддержку сближению автономий и центра. Представители российских регионов – это сенаторы в Совете Федерации. Однако испанский *представитель региона* выполняет иные функции, нежели отечественные сенаторы. Координируя деятельность центрального и региональных правительств, он может сосредоточить усилия на институциональной основе региональной политики, корректировать объём полномочий тех или иных органов. Подобное возможно развивать и в России. При этом, учитывая размеры нашей страны и количество регионов, представляется логичным создать совет представителей. На заседаниях совета представители регионов готовили бы рекомендации по оптимизации и повышению

эффективности взаимодействия различных уровней власти для конференции президентов. Так как у *конференции президентов* довольно широкий круг решаемых вопросов, прицельный взгляд на проблему кооперации различных уровней власти необходим.

Экономическое развитие регионов Испании во многом тормозит несовершенство демократического механизма. Слабое представительство регионов в системе государственной власти, чрезмерный объём полномочий премьер-министра, неэффективность работы Конституционного суда — подобные недостатки обнаруживаются и на российской политической сцене. Для их устранения необходимо в первую очередь наладить механизм работы демократических и прозрачных выборов всех уровней власти.

В настоящее время потенциал нашей страны недоиспользуется из-за высокой степени региональных контрастов. По мнению автора, целесообразно использовать передовой опыт управления экономическим развитием регионов в Испании, в частности, учредить институты, схожие по функциям с *конференцией президентов; отраслевыми совещаниями; соглашениями о сотрудничестве; советом представителей*. В основе политики управления региональным развитием в стране лежит взаимодействие различных уровней власти, а также налаживание межрегиональных связей. Опираясь на положительные стороны опыта Испании, можно модернизировать российскую региональную политику, повысить её эффективность, тем самым повысив конкурентоспособность регионов и страны в целом. Возможно, удастся укрепить горизонтальные связи между регионами и снизить степень централизации страны.

Список литературы

1. Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. И.С. Семенов (отв. ред.), Н.В. Загладин, В.В. Лапкин, В.И. Пантин. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 325 с.
2. Захаров А.Н. и др. Зарубежный опыт регулирования территориального развития // Внешнеэкономический бюллетень. 2001. №10. С. 32–40.
3. Захаров А.Н., Серединская К.С. Инструменты региональной политики Испании // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. №12. С. 33–42.
4. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
5. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.
6. Понеделько Г.Н. Региональная политика Испании // Мировая экономика и международные отношения, 2009, № 1. С. 84–93.
7. Прохоренко И.Л. Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 100 с.
8. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии. Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 137 с.
9. Borzel A.T. From Competitive Regionalism to Cooperative Federalism: The Europeanization of the Spanish State of the Autonomies // Publius. 2000. Vol. 30. №. 2. Pp. 17–42.
10. Wilson A. Keating M. Renegotiating the State of Autonomies: Statute Reform and Multi-level Politics in Spain // Western European Politics. 2009. № 3. Pp. 536–558. DOI: 10.1080/01402380902779089.
11. García-Álvarez J., Trillo-Santamaría J.-M. Between regional spaces and spaces of regionalism: cross-border region building in the Spanish 'State of the Autonomies' // Regional Studies. 2013. Vol. 47. Pp. 104–115. DOI: 10.1080/00343404.2011.552495

12. Convery A., Lundberg C. Decentralization and the center right in the UK and Spain: central power and regional responsibility // Territory, Politics, Governance. 2016. DOI: 10.1080/21622671.2016.1234406.
13. Regional Policy, Economic Growth and Convergence. Lessons from spanish case. Juan R. Cuadrado-Roura (Ed). Springer-Verlag, Berlin, 2010. p. 331.
14. Harguindéguy J.-B., Cole A. The Survival of Spanish Provincial Governments in a Quasi-Federal Polity: Reframing the Debate // International Journal of Public Administration, 2017. Vol. 40. №. 3. Pp. 226-239. DOI: 10.1080/01900692.2015.1094090.

Об авторе:

Кристина Семёновна Серединская – менеджер, АО «Корона». 127055, Россия, г. Москва, ул. Новослободская д.7, стр. 7. E-mail: ch.nadashvili@gmail.com.

THE STIMULATING MECHANISMS OF REGIONAL ECONOMIC ACTIVITY IN SPAIN: LESSONS FOR RUSSIA

K.S. Seredinskaya
DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-291-309

"Korona"

Spain is a country that traditionally suffers a lot from high level of regional disparities. From the end of XX century Spanish government has taken different measures to smooth them. For example, the state of autonomies was established, statutes were approved for every region, more powers were transferred to regional authorities.

There are several institutions in Spain that increase the efficiency of cooperation between different levels of authorities and between autonomies, such as conference of the presidents, sectoral conferences, agreements on cooperation and bilateral commissions. Activity of these mechanisms is of a great interest for the author.

The author tries to find the ways to modernize Russian regional policy using Spanish experience, considering its pros and cons. Undoubtedly it is impossible to copy other countries practice as Russia and Spain differ a lot, for example, in size, population, the level of social-economic development and the supply of mineral resources. Still there is something in common, like high level of regional disparities and amount of authorities the territories obtain. Even though Spain is a unitary state, its autonomies are quite independent. Territorial status of the country is a hybrid between unitary and federative state. Its institutional structure of regional policy is pretty diversified. So both these aspects are worth considering.

Regional policy is one the most important directions of the state activity in Russia, because of its extensive territories. Today Russia has to face a number of regional challenges and regional policy cannot cope with them. The growing territorial polarization slow down the development of the whole country.

It is useful to analyze foreign institutions, which solve regional problems in the other states, to adapt their practice to the Russian realities.

Key words: Constitution, King, General Cortes, autonomy, statute, senate, legislative meeting, government council, conference of presidents, sectoral conferences, cooperation agreements, bilateral commissions of cooperation.

References

1. *Global'nyi mir: k novym modeliam natsional'nogo i regional'nogo razvitiia* [Global world: to new models of national and regional development. Scientific monograph]. Ed. by I.S. Semenenko, N.V. Zagladin, V.V. Lapkin, V.I. Pantin. Moscow: IMEMO RAN, 2014. 325 p. (In Russian).
2. Zakharov A.N. Zarubezhnyi opyt regulirovaniia territorial'nogo razvitiia [Foreign experience of the management territorial development]. *Vneshneekonomicheskii biulleten'*. 2001, no.10, pp. 32–40. (In Russian).
3. Zakharov A.N., Seredinskaia K.S. Instrumenty regional'noi politiki Ispanii [Instruments of the regional policy of Spain]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. 2015, no.12, pp. 33–42. (In Russian).
4. Zubarevich N.V. *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiia* [The Regions of Russia: Crisis, Modernization and Inequality]. Moscow: Nezavisimyi institut sotsial'noi politiki, 2010. 160 p. (In Russian).
5. Nefedova T.G. *Sel'skaia Rossiia na pereput'e: geograficheskie ocherki* [Agricultural Russia on the crossroad: geographical essays]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2003. 408 p. (In Russian).
6. Ponedelko G.N. Regional'naia politika Ispanii [Regional policy of Spain]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. 2009, no. 1, pp. 84–93. (In Russian).
7. Prokhorenko I.L. *Territorial'nye soobshchestva v politicheskom prostranstve sovremennoi Ispanii* [Territorial communities in political space of modern Spain]. Moscow: IMEMO RAN, 2010. 100 p. (In Russian).
8. *Regional'naia politika: zarubezhnyi opyt i rossiiskie realii* [Regional policy: foreign experience and Russian realities]. Ed. by A.V. Kuznetsova, O.V. Kuznetsova. Moscow: IMEMO RAN, 2015. 137 p. (In Russian).
9. Borzel A.T. From Competitive Regionalism to Cooperative Federalism: The Europeanization of the Spanish State of the Autonomies. *Publius*. 2000, vol. 30, no. 2, pp. 17–42.
10. Wilson A. Keating M. Renegotiating the State of Autonomies: Statute Reform and Multi-level Politics in Spain. *Western European Politics*. 2009, no. 3, pp. 536–558. DOI: 10.1080/01402380902779089.
11. García-Álvarez J., Trillo-Santamaria J.-M. Between regional spaces and spaces of regionalism: cross-border region building in the Spanish 'State of the Autonomies. *Regional Studies*. 2013, vol. 47, pp. 104–115. DOI: 10.1080/00343404.2011.552495
12. Convery A., Lundberg C. Decentralization and the center right in the UK and Spain: central power and regional responsibility. *Territory, Politics, Governance*. 2016. DOI: 10.1080/21622671.2016.1234406.
13. *Regional Policy, Economic Growth and Convergence. Lessons from Spanish case*. Juan R. Cuadrado-Roura (Ed). Springer-Verlag, Berlin, 2010. p. 331.
14. Harguindéguy J.-B., Cole A. The Survival of Spanish Provincial Governments in a Quasi-Federal Polity: Reframing the Debate. *International Journal of Public Administration*. 2017, vol. 40, no. 3, pp. 226–239. DOI: 10.1080/01900692.2015.1094090.

About the author:

Kristina S. Seredinskaya – Manager of «Korona», 127055, Russia, Moscow, ul. Novoslobodskaya 7, p. 7. E-mail: ch.nadashvili@gmail.com.

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И ДИПЛОМАТИЯ

Р.О. Райнхардт

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на монографию О.Б. Пичкова Прямые иностранные инвестиции и национальные интересы государства : монография / О.Б. Пичков, Е.Д. Раков ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. экон. политики и государственно-частного партнерства. М. : МГИМО-Университет, 2016. 214, [1] с.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, национальные интересы, экономическая дипломатия, инвестиционное сотрудничество, движение капитала.

В настоящее время говорить о недостаточной разработанности тематики, связанной с движением прямых иностранных инвестиций (ПИИ), не приходится. На текущем этапе развития науки это в полной мере относится и к зарубежной, и к российской специализированной литературе. Тем не менее на протяжении длительного времени данная проблематика традиционно воспринималась в первую очередь как «вотчина» экономистов. До сих пор в сознании большей части научного и экспертного сообществ она ассоциируется прежде всего с экономическим анализом трансграничных инвестиционных потоков, их товарной и географической структурой, влиянием на платёжный баланс и т.д. Иными словами, как бы сказали эксперты ВАК, тема однозначно соответствует пункту 15 (международные потоки ссудного капитала, прямых и портфельных инвестиций, проблемы их регулирования на национальном и наднациональном уровнях) паспорта специальности 08.00.14 (мировая экономика). В том же паспорте находим два пункта, в которых речь идёт о национальных экономических интересах в целом (25) и внешнеэкономических интересах России в частности (26). Такой подход представляется абсолютно логичным, однако не менее очевидно и то, что в современном мире движение ПИИ оказывает значимое влияние не только на хозяйственные, но также и на геополитические процессы.

Конечно, само по себе постулирование взаимосвязи категорий ПИИ и национальных интересов государства в широком смысле не содержит в себе ровным счётом никакой научной новизны. В то же время рассмотрение данного вопроса едва ли можно назвать «избитым» или, по крайней мере, получившим исчерпывающее освещение в отечественной научной литературе. В явном виде начало таких исследований было положено одним из самых выдающихся советских дипломатов – А.А. Громыко. В 1957 г. экономист по образованию, только что ставший министром иностранных дел, под псевдонимом Г. Андреев опубликовал монографию «Экспорт американского капитала: из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии» [1], за которую ему впоследствии была присуждена учёная степень доктора экономических наук. Основные идеи, изложенные в указанном сочинении, получили развитие в ряде научных трудов автора, изданных уже в 1980-х гг. под его настоящим именем [5] и отмеченных Государственной премией СССР.

Допустимо утверждать, что в дальнейшем исследовательское направление, заданное ровно 60 лет назад А.А. Громыко, стало фундаментом советской школы экономической дипломатии. Вполне закономерно, что научная школа, у истоков которой стояли такие видные учёные-международники, как И.А. Орнатский, Э.Е. Обминский, Э.П. Плетнёв, Л.Д. Градобитова и др. [13], начала формироваться именно в МГИМО. Безусловно, в советское время исследования названных авторов не могли не излагаться в рамках марксистско-ленинской парадигмы и не быть в известной степени идеологизированными. Однако, как раз этим они, вероятно, и ценны с точки зрения взаимосвязи экономики с национальными интересами. Ведь в условиях холодной войны последние определялись главным образом противостоянием Восточного и Западного блоков (геополитическое измерение), равно как и капиталистической и социалистической систем организации народного хозяйства (экономическое измерение). Исходя из этого, анализом отстаивания диктуемых прежде всего идеологией национальных интересов посредством внешнеэкономических и, в частности, инвестиционных стратегий и занимались пионеры отечественной экономической дипломатии.

В 1990-х гг. в условиях смены экономической системы и курса внешней политики России появилась острая необходимость в пересмотре принципов и форм экономической дипломатии. Основной вопрос сводился именно к тому, чьи хозяйственные интересы следует защищать сотрудникам системы МИД и экономических ведомств после устранения государственной монополии на внешнеэкономическую деятельность, с одной стороны, и соотношению этих интересов с национальными, включая вопросы национальной безопасности, с другой стороны. Несмотря на наличие в научном дискурсе определённой полемики по данному вопросу, а также отдельных заслуживающих внимания сочинений, например, В.Д. Щетинина и А.В. Ветрова [13], однозначный ответ на него, по всей видимости, так и не был найден.

В 2000-х гг. и первой половине 2010-х гг. вопрос о национальных интересах в контексте экономической дипломатии и экспансии капитала как одного из её измерений, казалось бы, и вовсе был снят с повестки. В условиях моды на идеи глобализации речь преимущественно шла об интеграции стран, в том числе России, в мировое экономическое пространство, интенсификации мирохозяйственных связей, растущей роли негосударственных акторов мировой геополитической и геоэкономической арены и т.п. При безусловной важности и значимости данных аспектов защита национальных интересов будто бы смещалась на второй план, уступая место сотрудничеству и тезису о постепенном стирании практически любых границ – между странами, государственными и частными акторами, внутренней и внешней политикой. Написанные в основном в либеральной и конструктивистской парадигмах международных отношений, отечественные научные труды этого периода отличались различной направленностью, многообразием применяемых подходов и концентрацией на широком спектре проблем.

Так, например, в трудах Т.В. Зоной читатель познакомился с основными вехами истории экономической дипломатии в России и за рубежом [6]. Что касается конкретно инвестиций, то в цитируемом сочинении был упомянут финансовый департамент, существовавший в структуре МИД Франции еще в XIX в., который среди прочего занимался отслеживанием денежных потоков иностранцев – иначе говоря, подразделение, выполнявшее функции финансовой разведки и стоявшее на страже национальных геополитических интересов. Для сравнения работы Е.М. Астахова [2, 3], в виде исключения тяготеющие на общем фоне к реалистской парадигме (пусть и в неявном виде), наоборот, были в большей степени ориентированными на решение практических вопросов: как организовать выставку-ярмарку, взаимодействуя с посольством, чем руководствоваться при переговорах по двусторонним инвестиционным соглашениям и т.п.

Параллельно с этим, в свете нарастающей проблемы офшоризации национальной экономики активно развивалась школа экономистов-международников, исследующих вывоз и экспансию российского капитала за рубеж. Среди наиболее видных представителей данной школы стоит особо выделить А.В. Кузнецова [4], А.М. Либмана и Б.А. Хейфеца [8], А.С. Булатова [14], Н.Н. Ливенцева и Г.М. Костюнину [9]. При этом до недавнего времени создавалось впечатление, что экономисты и исследователи внешней политики работают в двух совершенно разных плоскостях. Представления о национальных интересах в рамках подходов тех и других едва ли подлежали сравнению, поскольку первые сосредоточивали внимание на проблемах развития народнохозяйственного комплекса, а вторые – на реализации внешнеполитического курса. Как бы то ни было, и те, и другие по отдельности внесли существенный вклад в развитие описываемого научного направления и изучение обозначенной проблематики.

Переломным моментом для отечественной экономической дипломатии, как в её практическом, так и в теоретическом измерении, стал 2014 г. Известные со-

бытия, связанные с украинским и ближневосточным кризисами, обусловившие продолжающееся до настоящего времени противостояние России со странами консолидированного Запада, привели, по меткому выражению А.В. Кортунова [7], к своего рода «ренессансу геополитики» и повышению внимания к реалистскому ракурсу. Соответственно, с новой и особой остротой встал вопрос о комплексной защите национальных интересов, в том числе на экономическом, и особенно, инвестиционном фронте.

В связи с этим внимания заслуживает монография О.Б. Пичкова и Е.Д. Ракова «Прямые иностранные инвестиции и национальные интересы государства», опубликованная в конце 2016 г. в издательстве «МГИМО-Университет» [10]. В данном сочинении авторы исследуют взаимосвязь потоков прямых иностранных инвестиций, международного инвестиционного сотрудничества и реализации политических интересов государств-экспортёров капитала. Монография состоит из трёх глав. В первой главе определяется роль и место ПИИ¹ в современной системе международных отношений, выделяются основные субъекты, осуществляющие ПИИ, включая ТНК и суверенные инвестиционные фонды, дается обзор нормативно-правового регулирования трансграничной инвестиционной деятельности и межгосударственного сотрудничества в данной сфере. Вторая глава посвящена теоретическому и практическому обоснованию экспорта ПИИ и реализации национальных геополитических и геоэкономических интересов. Речь фактически идёт о международных потоках капитала в неомеркантилистской (в плане экономической теории) и неореалистской (в плане политической теории) парадигмах. Авторы изучают инвестиционные стратегии различных стран, как развитых, так и развивающихся, наряду с методами извлечения практической выгоды от участия в международном инвестиционном сотрудничестве. Выделены частные черты рассмотренных национальных моделей и подходов наряду с общими и до определённой степени глобальными трендами, наблюдаемыми в изучаемой области на современном этапе развития мировой политики и экономики. Наконец, в третьей главе описана российская практика экспорта ПИИ в увязке с текущим внешнеполитическим курсом и стратегиями развития отечественного народнохозяйственного комплекса.

Рецензируемая книга отличается доступностью изложения материала и написана грамотным научным языком. Авторы успешно используют системный и междисциплинарный подход к изучению проблематики, рассматривая её с точки зрения не только экономической и политической теории, но и международного права. При этом они апеллируют к широкому кругу источников, включая нормативно-правовые акты, ресурсы и материалы уполномоченных государственных органов, международных организаций и коммерческих ком-

¹ Наряду с ПИИ, авторы почему-то используют и аббревиатуру ПЗИ (прямые зарубежные инвестиции). Судя по тексту, данные термины взаимозаменяемы и синонимичны. В современной специализированной литературе наблюдается тенденция к преимущественному употреблению первого термина. Как бы то ни было, во избежание путаницы авторам следовало бы остановиться на одном из вариантов или же провести уточнение в случае, если они вкладывают в данные понятия разный смысл.

паний, выступления политических деятелей, комментарии видных экспертов и т.д. В частности, приведён анализ эволюции официальных позиций по экспорту ПИИ, отраженных в посланиях президента Российской Федерации Федеральному Собранию с 2008 по 2015 гг. Помимо этого, работа опирается на солидную теоретико-методологическую базу, включающую специализированную научную литературу на русском и английском языках. Выводы, лаконично формулируемые как в соответствующих главах, так и на этапе научного синтеза в заключительной части монографии, представляются актуальными и имеющими не только теоретическое, но и практическое значение в плане оптимизации отечественных стратегий экспорта капитала.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на некоторые спорные моменты, присущие рецензируемому сочинению, однако несколько не умаляющие его научной ценности.

Во-первых, при том, что работа фактически посвящена одному из направлений экономической дипломатии, данное словосочетание ни разу не фигурирует в тексте. Взаимосвязь экспорта и импорта капитала, с одной стороны, и отстаивания национальных геополитических интересов как миссии экономической дипломатии, с другой стороны, находит отражение в работах как зарубежных [15], так и российских [3, 11] исследователей. Справедливости ради стоит отметить, что в указанных сочинениях речь идет в основном о первом, т.е. привлечении ПИИ как «входящей экономической дипломатии» в терминах П. ван Бергейка. Тем не менее анализ феномена в некотором отрыве от накопленного опыта и богатых исследовательских традиций, о которых речь шла выше, не видится вполне оправданным с точки зрения развития данного направления в рамках научной школы МГИМО, к достойным представителям которой можно по праву отнести авторов. Из вышеназванных основополагающих работ они ссылаются только на одно из поздних сочинений А.А. Громыко [5], а также ряд работ современных экономистов из числа вышеупомянутых (А.В. Кузнецов, А.С. Булатов и др.). Думается, что преемственность или, по крайней мере, полемика с другими более ранними трудами могла бы усилить теоретическую базу работы. В то же время, возможно, не лишним было бы в использование термина «экономическая дипломатия» *ad litteram* [12], поскольку, как уже отмечалось, она имеет прямое и непосредственное отношение к предмету исследования.

Во-вторых, за кадром осталось рассмотрение экспорта ПИИ во взаимосвязи с интеграционной повесткой. В параграфе 2.2.1. авторы изучают проблематику применительно к странам БРИКС, иллюстрируя тем самым подходы развивающихся стран к экспорту капитала и связь этого явления с национальными интересами. Думается, что не меньшего внимания заслуживает сотрудничество в области экспорта капитала таких интеграционных объединений, как Европейский союз и Евразийский экономический союз. Первый, как известно, изначально строился на экономической платформе, которая, однако, была тесно связана с проблемами безопасности. Одна из идей, лежащая в основе проекта, –

укрепление двусторонних инвестиционных связей в первую очередь Германии и Франции – была во многом нацелена на обеспечение политической стабильности на европейском континенте и предотвращение военных конфликтов, исходя из их экономической нецелесообразности при значительных объемах накопленных взаимных инвестиций между потенциальными противниками. В итоге, подобно тому, как совместная ипотека скрепляет брачные узы молодой семьи, инвестиционное сотрудничество двух названных стран, равно как и других членов ЕС, стало одним из основополагающих элементов европейской интеграции, ведь одно из важнейших правил бизнеса – защита инвестиций. В настоящее время потенциал инвестиционного сотрудничества в рамках евразийского проекта также может быть оценен как высокий. Полагаем, что развитие данных идей могло бы в некоторой степени обогатить исследование.

В-третьих, при детальном рассмотрении экспорта ПИИ ведущими российскими ТНК (Газпром, Лукойл и РЖД), авторы обошли стороной малый и средний бизнес. Уместно предположить, что инвестиционная деятельность относящихся к последним хозяйствующих субъектов наряду с «голубыми фишками» также может быть сопряжена с национальными интересами России. Безусловно, охват столь широкого пласта и его подробный анализ потребовал бы определённого изменения формата исследования и обусловил бы необходимость увеличения его объёма. Однако вполне допустимо было бы дать общее представление об этом аспекте – например, в рамках одного из параграфов третьей главы.

Ещё раз подчеркнём, что изложенные замечания носят исключительно рекомендательный характер и могут послужить отправной точкой при проведении дальнейших исследований рассматриваемой проблематики. В заключение остаётся порекомендовать рецензируемую монографию к прочтению всем, кто интересуется актуальными проблемами мировой политики, международных экономических отношений и взаимосвязи национальных интересов с прямыми иностранными инвестициями. Желаем авторам, один из которых – молодой учёный, уже накопивший значительный опыт работы над тематикой, отражённой во множественных публикациях в ведущих рецензируемых изданиях и монографиях, а второй – государственный служащий и практик, непосредственно работающий в сфере, о которой идёт речь, дальнейших творческих, академических и профессиональных успехов.

Список литературы

1. Андреев Г. Экспорт американского капитала: из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии. М.: Госполитиздат, 1957. 451 с.
2. Астахов Е.М. Дипломатическое сопровождение национального бизнеса. М.: МГИМО-Университет, 2010. 261 с.
3. Астахов Е.М., Райнхардт Р.О. Государственная поддержка национального бизнеса на внешних рынках. М.: МГИМО-Университет, 2015. 268 с.
4. Влияние российской инвестиционной экспансии на образ России в Европе / под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 96 с.

5. Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала. История и современность. М.: Мысль, 1982. 496 с.
6. Зонова Т.В. Дипломатия: модели, формы, методы. М.: Аспект-Пресс, 2014. 348 с.
7. Кортунов А.В. Блеск и нищета геополитики // Россия в глобальной политике. 16.01.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Blesk-i-nischeta-geopolitiki-17256> (дата обращения: 24.02.2017)
8. Либман А.М., Хейфец Б.А. Экспансия российского капитала в страны СНГ. М.: Экономика, 2006. 368 с.
9. Ливенцев Н.Н., Костюнина Г.М. Международное движение капитала. М.: Экономистъ, 2004. 368 с.
10. Пичков О.Б., Раков Е.Д. Прямые иностранные инвестиции и национальные интересы государства. М.: МГИМО-Университет, 2016. 214 с.
11. Райнхардт Р.О., Астахов Е.М. Перспективы применения количественных методов в исследованиях микроэкономической дипломатии // Эконометрические методы в исследовании глобальных экономических процессов. Научно-практическая конференция. М.: Анкил, 2013. С. 173-180.
12. Райнхардт Р.О. К вопросу о терминологии в исследованиях экономической дипломатии // Право и управление. XXI век. 2015. № 4. С. 112-117.
13. Райнхардт Р.О. Эволюция понятия «экономическая дипломатия» в российских научных трудах // Право и управление. XXI век. 2015. № 1. С. 104-109.
14. Российская модель экспорта капитала / А.С. Булатов, С.Ю. Перцева, А.В. Кузнецов, А.В. Пономарев и др.; под ред. А.С. Булатова. М.: МГИМО-Университет, 2014. 120 с.
15. Bergeijk P. van, Groot H. de, Yakop M. The Economic Effectiveness of Diplomatic Representation: An Economic Analysis of its Contribution to Bilateral Trade // The Hague Journal of Diplomacy. 2011. №1-2. P. 101-120.

Об авторе:

Роман Отмарович Райнхардт – кандидат экономических наук, преподаватель кафедры дипломатии МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: don.reinhardt@mail.ru.

FOREIGN INVESTMENT AND DIPLOMACY

R.O. Raynkhart
DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-310-317

Moscow State Institute of International Relations (University)

Book review: Oleg Pichkov, Evgeniy Rakov. Foreign Direct Investment and National Interest of the State. Moscow: MGIMO-University, 2016. 214 p.

Key words: foreign direct investment, national interests, economic diplomacy, investment cooperation, capital flows.

References

1. Andreev G. *Eksport amerikanskogo kapitala: iz istorii eksporta kapitala SShA kak orudiia ekonomicheskoi i politicheskoi ekspansii* [Export of American Capital: from the history of US capital export as a means of economic and political expansion]. Moscow: Gospolitizdat, 1957. 451 p. (In Russian)
2. Astakhov E.M. *Diplomaticheskoe soprovozhdenie natsional'nogo biznesa* [Diplomatic Support for National Business]. Moscow: MGIMO-University, 2010. 261 p.

3. Astakhov E.M., Raynkhardt R.O. *Gosudarstvennaia podderzhka natsional'nogo biznesa na vneshnikh rynkakh* [State support of national business on foreign markets]. Moscow: MGIMO-University, 2015. 268 p. (In Russian).
4. *Vlianie rossiiskoi investitsionnoi ekspansii na obraz Rossii v Evrope* [Impact of Russian investment activity on the image of Russia in Europe]. Ed. by A.V. Kuznetsov. Moscow: IMEMO RAN, 2010. 96 p. (In Russian).
5. Gromyko A.A. *Vneshniaia ekspansiia kapitala. Istoriia i sovremennost'*. [Foreign expansion of capital. History and modern times.] Moscow: Mysl', 1982. 496 p. (In Russian)
6. Zonova T.V. *Diplomatiia: modeli, formy, metody* [Diplomacy: models, forms, methods]. Moscow: Aspekt-Press, 2014. 348 p. (In Russian)
7. Kortunov A.V. *Blesk i nishcheta geopolitiki* [Splendors and Miseries of Geopolitics]. Russia in Global Affairs. 16.01.2015. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Blesk-i-nischeta-geopolitiki-17256> (accessed: 24.02.2017) (In Russian)
8. Libman A.M., Kheifets B.A. *Ekspansiia rossiiskogo kapitala v strany SNG* [Expansion of Russian capital in CIS countries]. Moscow: Ekonomika, 2006. 368 p. (In Russian)
9. Liventsev N.N., Kostiunina G.M. *Mezhdunarodnoe dvizhenie kapitala* [International capital flows]. Moscow: Ekonomist, 2004. 368 p. (In Russian)
10. Pichkov O.B., Rakov E.D. *Priamye inostrannye investitsii i natsional'nye interesy gosudarstva* [Foreign direct investment and national interests of the State]. Moscow: MGIMO-University, 2016. 214 p. (In Russian).
11. Raynkhardt R.O., Astakhov E.M. Perspektivy primeneniia kolichestvennykh metodov v issledovaniakh mikroekonomicheskoi diplomatii [Prospects of applying quantitative methods in microeconomic diplomacy studies]. *Econometric methods in global economic processes studies*. Scientific Conference. Moscow: Ankil, 2013. P. 173-180. (In Russian).
12. Raynkhardt R.O. K voprosu o terminologii v issledovaniakh ekonomicheskoi diplomatii [On the terminology in economic diplomacy studies]. *Law and Governance. 21 century*. 2015, no. 4, pp. 112-117. (In Russian).
13. Raynkhardt R.O. Evoliutsiia poniatiiia «ekonomicheskaiia diplomatiiia» v rossiiskikh nauchnykh trudakh [Evolution of the “economic diplomacy” concept in Russian research works]. *Law and Governance. 21 century*. 2015, no. 1, pp. 104-109. (In Russian).
14. Rossiiskaia model' eksporta kapitala [Russian model of capital export] Ed. by A.S. Bulatov. Moscow: MGIMO-University, 2014. 120 p. (In Russian).
15. Bergeijk P. van, Groot H. de, Yakop M. The Economic Effectiveness of Diplomatic Representation: An Economic Analysis of its Contribution to Bilateral Trade. *The Hague Journal of Diplomacy*. 2011, no.1-2, pp. 101-120.

About the author:

Roman O. Raynkhardt – PhD in Economic Sciences, Lecturer at the Department for Diplomatic Studies, MGIMO-University. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: don.reinhardt@mail.ru.